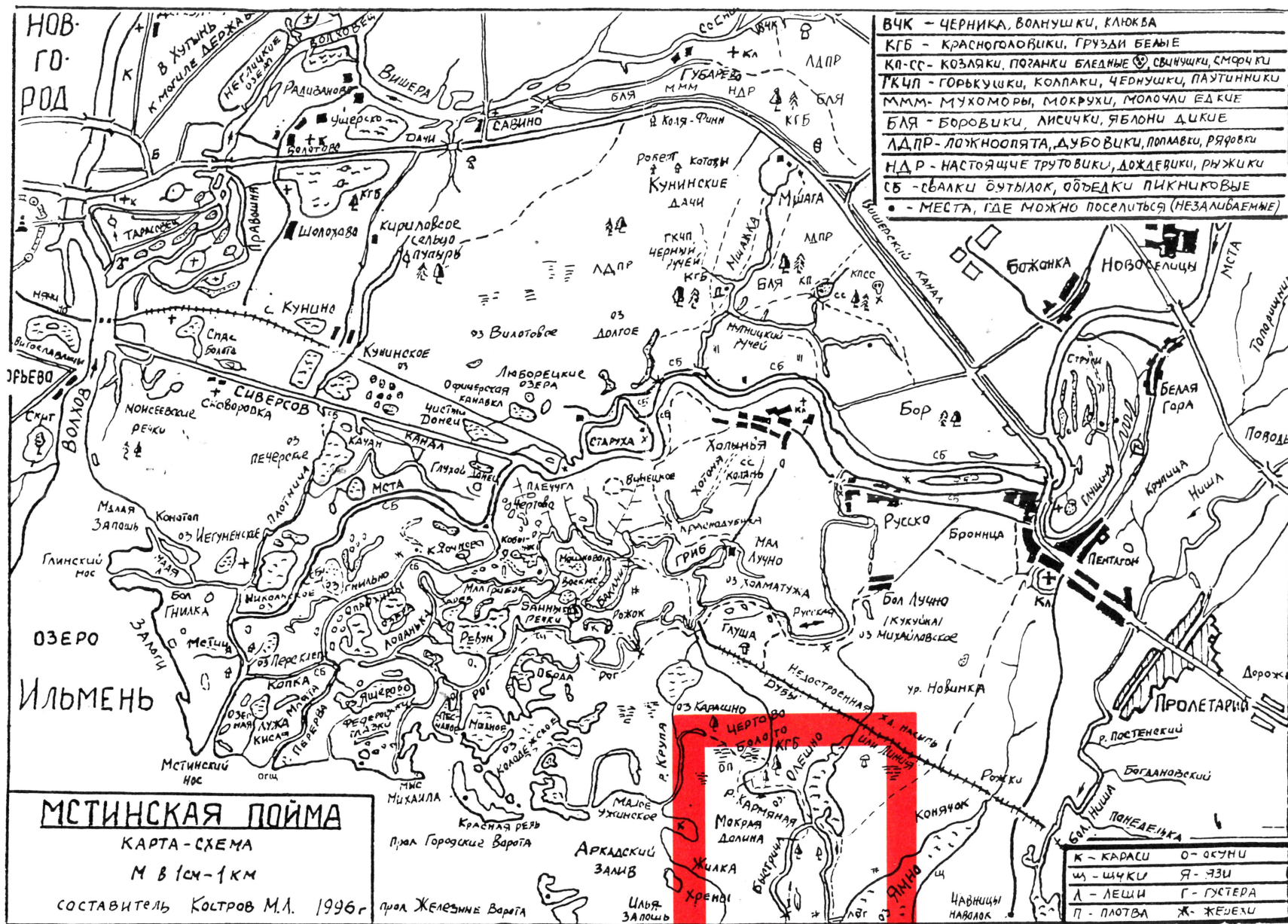

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134 - 241X

снегоньим

8•9•97

Редакция:
Герман ИВАНОВ
 (главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
 (художественный редактор),
Юрий ШИНКАРЕНКО
 (заместитель главного редактора),
Леонид ШУНЯЕВ

УРАЛЬСКИЙ следопыт

УЧРЕДИТЕЛИ –
 СОЮЗ
 ПИСАТЕЛЕЙ
 РОССИИ,
 ТРУДОВОЙ
 КОЛЛЕКТИВ
 ЖУРНАЛА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЁБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:

Эдуард КИСЕЛЁВ

Адрес редакции:

620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
Телефон редакции:
(3432) 224-501

Рукописи принимаются
 перепечатанными
 на машинке через 2 интервала,
 60 знаков в строке,
 28-30 строк на странице.
 Рукописи не рецензируются
 и не возвращаются.

По вопросам подписки
 и доставки обращаться
 в районные отделения
 "Россвязьинформа".

Бракованные экземпляры отправлять
 в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 13.12.90.
 Подписано к печати 02.12.97.
 Формат бумаги 84x108/16.
 Бумага газетная.
 Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 16,8.
 Уч.-изд. л. 18,6.
 Усл.кр.-отт. 11,76.
 Тираж 3 500.
 Заказ № 386.

Все претензии по ошибкам в тексте предъявлять
 редакции журнала «Уральский следопыт».
 Отпечатано с готовых оригинал-макетов
 на ИПП «Уральский рабочий»
 520219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
 Слайд на 1 стр. обложки
 Маржа КОСТРОВА

© "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ", 1997г.

В номере: 8-9 '97

«Лишь рябины поцелуй мороза ждут...» Людмила ЕФРЕМОВА -----	2
ВАГОНЧИК №8 Марк КОСТРОВ -----	3
Краеведческая копилка -----	7
Великий рельсовый путь Валерий ПРИВАЛИХИН -----	9
Синие камни Поважья Александр МАТВЕЕВ -----	11
Почетный гражданин Перми Людмила РАФИЕНКО -----	14
Следы ведут в Шогриш Александр БРЫЛИН -----	17
Месса по Витольду Наталья ПОЗДНЯКОВА -----	19
Медвежий праздник Геннадий ТИМОФЕЕВ -----	21
Олимпийский проказник Сергей ГЕОРГИЕВ -----	23
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
Дело об исчезновении Николай БАРАШКОВ -----	27
Где дом твой, странник? Николай МЕДВЕДЕВ -----	51
Петля Анубиса Владимир КЛИМЕНКО -----	59
Заочный КЛФ -----	125
Сокровища Майя (Окончание) Мацей КУЧИНСКИЙ -----	129
Неизвестный мир «М-ского треугольника» Валерий ЯКИМОВ -----	150
Аркаим — город ариев Александр МОИСЕЕВ -----	152
Человек, «остановивший» Вселенную Сергей ГРЖЕБИНСКИЙ -----	154
В огороде бузина Александр СЕМЕНИН -----	158
Один из галереи героев Артур ШАЙХАНОВ -----	159

ЖУРНАЛ
 ОСНОВАН
 В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
 В 1958 ГОДУ.

Людмила ЕФРЕМОВА

«ЛИШЬ РЯБИНЫ ПОЦЕЛУИ МОРОЗА ЖДУТ...»

ОСЕНЬ

Ах, ты боже мой!
 Ну и погодка!
 Сыплет снег на улице
 с дождем.
 Скрылась с глаз
 сентябрьская пролетка.
 Север —
 январям родимый дом.
 Ведь вчера еще о бабьем лете
 Складывались легкие слова.
 Нынче паучки — лесные дети
 Распускают с плачем
 кружева.
 Вздروгнули грибницы
 по урманам.
 Лепится к земле
 зверье и люд.
 Лишь рябины
 в горькие румяна
 Сладкий поцелуй мороза
 ждут.

* * *

Выстужу насмерть квартиру
 И отойду сама.
 Мне ль в равнодушном мире
 Да не сойти с ума?
 Мне ли грешить на холод
 Ровных речей твоих?
 Слишком ничтожен повод,
 Чтобы пенять на них.

Чтобы в разбитой чаше
 Капли искать воды?
 В белом колодце нашем
 Спят вековые льды.
 Птица дрожит на ветке...
 Здравствуй, моя родня!
 Жизнь — золотая клетка, —
 Крепче держи меня!

* * *

Лицо приближу
 к зябкому стеклу,
 И взгляд остынет
 в стуже законной.
 Босая, на обветренном полу
 Промерзну на прогалине
 балконной.
 И тихая вернусь
 в вечерний дом,
 В квартирный шелест
 мирных разговоров,
 Разбавив слог крутого
 приговора
 Заботами, терпеньем и добром.

* * *

Неистребимо ремесло —
 быть чьей-то тенью...
 Согласно спине изгибать
 по повелению.
 В глазах хозяина искать
 иль гнев, иль милость,

Чтоб сердце бедное в груди
 опять забилось.
 Повадки льстивого зверька
 к себе примерить,
 Но в лвиный час,
 томясь душой,
 тихонько верить.
 Не тешь себя, лукавый дух,
 грядущей схваткой.
 Походку тени не изжить —
 ослабла пятка...

* * *

Уж эти злые языки!
 Любой предлог —
 им все с руки.
 Как говорится —
 были б кости...
 И смело сплетня ходит
 в гости.
 Вполголоса красноречива,
 То ножку выставит игриво,
 А то, притворщица, вздохнет.
 Без голоса, но как поет!
 И все у ней выходит стройно.
 Что тут попишешь —
 врет достойно.
 Оженит запросто врагов
 И разведет любовный кров.
 Язык — столь мелкую деталь
 С пристрастьем
 не постиг и Даль.

Марк КОСТРОВ

ВАГОНЧИК N 8,

ИЛИ О ПРОЖИВАНИИ ЧЕЛОВЕКА В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Отплывая на байдарке в Мстинскую пойму, я собирался заняться описанием земель обетованных с целью завлечь в эти места бездомных и всяких других желающих. Здесь можно хотя бы с весны по осень и огород разбить, и пробавляться рыбою, построить не только сеной домик или шалаш, но и менять все лето по бартеру накошенные копейки на молоко и хлеб в соседних деревнях, козу взять в аренду. А то — сторожем работать у браконьеров или на колхозных сенных станах, что я неоднократно делал и в прошлые годы, и нынче.

Мстинская пойма — это Мста, расходящаяся на десятки рукавов перед впадением ее в озеро Ильмень, площадью почти в двести квадратных километров. В верхних своих землях она вся в дубах, в нижних — в сплошном, в основном не кошенном, не чесанном с незапамятных времен травостое.

Но прежде чем отправиться, показал, по случаю, мудрой и практичной Тамаре Егоровне (жене) стишок, заканчивающийся словами: «Прыгну в лодку с обрыва и не станет меня!». Она и говорит: «Как это «не станет меня», как же я без тебя? Не гневи ты Бога, опасно вступать в споры с судьбой — еще ногу сломаешь!».

Я все же ее не послушался. Сел в ковырчучую байдарочку «Таймень» и поплыл себе прочь из пригородного фарфорового поселка Бронницы. Правда, на всякий случай залил иконку Николая-Угодника, покровителя рыбаков и бродяг, в мою любимую эпоксидную смолу, чтоб он, если что случится со мною, не промок.

Странности начались с самого начала на острове Дед (ниже по течению Мсты есть еще «Старуха» — по преданию супруги рассорились из-за все той же «золотой рыбки» и разъехались на разное жите). Но я не придавал тогда им значения.

Развел себе огромный костер под древнейшей ивой, чтоб прогреть землю — начало мая белоснежным цветом черемухи опоясывало остров. И невдомек мне было, что жгу я огнем корни многовеково-

го дерева, которое, судя по периметру его ствола в восемь метров, выдвало еще опричников Ивана Грозного. Это они, если верить Карамзину, сотнями бросали новгородцев в воды Мсты и Волхова в 1571 году.

Повторяю — не придавал значения странностям. Ну исчезли висевшие на шее на крепкой бечевке очки, с помощью которых я боролся с астигматизмом и аберрацией (то есть с раздвоением одушевленных и неодушевленных предметов, попадавших в поле зрения). Вскоре Вадим, мой спутник, что плавал со мною около месяца, нашел оправу совсем в стороне от нашего становища, куда мы даже не заходили за топливом.

Не обратил внимания и на другой случай. Прежде чем ставить палатку на горячую землю, уже под другой старинной ивой на речке Малый Грибок, вырубил одно корневище, чтобы оно не торкалось мне под бока. А ночью проснулся от крика: «Марк Леонидович, пал идет на нас!» — кричал Вадим. «Да ладно, Вадик!» — я только что спать разоспался. — «Марк Леонидович, уже сто метров до палатки! Пятьдесят!» Но сон не отпускал меня. И вдруг пошел ливень, — все окончилось благополучно. Точнее, не совсем благополучно — сторел висевший на деревьях парус.

И опять я не внял предостережениям Природы. Не внял и еще много раз: можно сказать «надцатому» серьезному предупреждению ее: ободрал на растопку кору березы, то есть обрек ее на гибель, обрушил мешавшую мне ходить красоту — кружевные сучья дубов. На очередном привале оставлял грязь и уголья после себя на выжженном, вытоптанном кострище... И тут же наступало возмездие. Я просто не связывал их воедино. Уже позже, когда случилась беда, появилось время подумать, обобщить явления, качнуться даже в язычество. А ведь любопытные были пропажи — умею я обращаться на них внимание: пошел в лес за шиповниковым цветом и смородиновым листом на чай, вернулся без

топора, и только на другой день нашел его забытым под кустом. В другой раз исчез бинокль — вот только что рассматривал дали и вдруг не стало его. После многочасовых поисков он оказался запрятанным под сухую траву...

Потом, оставшись в одиночестве (мой спутник выдержал всего двадцать пять дней), я через Банные речки, где на дорожку и на малька отлично ловился крупный окунь, через Воскресенское озеро, очень рыбное осенью, через Красную Рель, куда я прежде каждое лето вывозил своих детей, Большой Аркадский залив и, наконец, Быстрицу, прибыл в начале августа на речку Кармяную. По ее берегам под могучими дубами свили себе гнезда белые грузди, и в одиночку, важно в своих коричневых шляпах стояли боровики — Генрихи и их сыновья Артемы. Ловились в изобилии плотва, язи, окуни, за рекой блестели свободными лужами озера Арелец, Ужины, Хрены, (название последнего не помешало ему быть заселенным серебристыми карасями. Они стояли в очередь, чтобы пролезть в горло моих мереж, так как я не забыл в их нутро набросать несколько гуманитарных хлебных корок, на которые они и клевали). И главное: было очень много под деревьями нетронутого валежника — основы основ горячих костров в это дождливое лето. И я решил здесь остаться до осени.

Первое, что сделал, — это пересадила червей из двухлитрового бидона в найденное просторное ведро, чтобы они разводились. И они незамедлительно стали разводиться, так как я их подкармливал спитым чаем и перегнившей землей с добавкой бумажных обрывков из моих неудавшихся литпассажей. Только имейте в виду, если пойдете по моему пути, пишите, соблюдая экологичность, не с помощью химических чернил и паст, а карандашом. И тогда новые поколения червевой молодежи уже через полмесяца повторятся.

Дело в том, что в этом году я в основном кормил себя удочкой: что бы ни делал — варил ли обед, чинил прохудившееся платье, писал или читал Аксакова или Карамзина, собирал топливо для костра — все время посматривал на поплавок. И если он скрывался под водою, извлекал из Кармянной одну или две рыбки. Плотвиц на две тарелки ухи надо было поймать что-то в районе дюжины штук. А что делать с боровиками — вам известно. Про грузди же хочу сказать, что в этот раз я их не только солил в ямке с пленочной основой для непротекания рассола, но и стал их добавлять в перловый навар. Суп получался хрустящий, крепкий, а редких червячков я снимал ложкой вместе с пеной. Потом привык к ним и не снимал.

Поскольку лили бесконечные, но незлые в те дни дожди, я стал ладить обогрев в палатке. Может недалеко от Быстрицкого леса увидеть мой при-

вал с расчищенной от сусняка поляной и там взять для воспроизведения моего жилища оставленные трубы из связанных между собою проволокой консервных банок. Одна труба прокладывалась, как кань у корейцев, — под днищем палатки с топкой на улице, вторая, растянутая тремя веревками, чтоб не упала, торчала с другого бока брезентового жилища, а потому угореть в нем было невозможно. И вы не представляете, какое наслаждение было после дневных трудов праведных забраться на ночь в палатку и спать, нежась, на мягкой от жары земле. Мягче, чем на голых кирпичках русской печки, — это я вам уж точно говорю. Так сладко спать, обняв руками свой кусочек земного шара, чтоб утром с восходом солнца, покормив червей, вновь закинуть двухкрючковую удочку!

И день, и два, и три никто не тревожил меня на Кармянной — такое укромное местечко подарила судьба... Только сквозная тишина стояла вокруг жилища. Но едва делалось тоскливо без людей, как некто дергал за пусковой шнур мотора «Вихрь», и вот уже трое парней мчатся к моей стоянке, а у меня как раз поспекает крепкий чаек. Любопытно в глубинах Мстинской поймы узнать, что делается на материке (я плаваю по ней без радио и часов), кто нынче у нас президент и есть ли еще в России красnodарский чай. Мужики жалеют меня, оставляют на прощанье две банки французского паштета и разной другой домашней снеди. Я ответно дарю им инструкцию по изготовлению вечных лампочек и пару диодов к ним, с помощью которых можно увеличить яйценоскость кур вдвое. Они не хотят оставаться в долгу и рассказывают мне про тайный от других вагончик, спрятанный в дебрях Быстрицы-реки. Но предупреждают, что вагончик с секретом, со странностями: если ты ему не понравился, жди беды.

Я не придал этому значения. За время жития в советской системе я оформился законченным атеистом, поэтому не верю ни в черта, ни в Бога, ну, может быть, немного стал последние годы к нему прислушиваться. На другой день иду пешком в те края и действительно нахожу вагон. А потом перебегаю до нового жилища свой челнок.

Когда я зашел в вагончик, то сердце у меня радостно забилося: стол был завален обедками хлебных корок, кусками сала, две банки с сахарным песком стояли на полках, а в углу «квартиры» громоздилась вперемешку с непроросшими луковичками целая гора проросшей картошки. Ну и что? Я тут же растопил оборудованную из половины бочки печку, основательно задымив помещение. Потом ликвидировал гнездо огромных ос, бросив их с помощью шляпы в огонь, сварил на свиных шкварках картофельный суп, наносил воды, наколот дров. И только после этого... провалился в сенцах вместе с

прогнившим полом на мою недавно обласканную землю. А потом три дня ползал на коленях, приспособив под покалеченную левую ногу алюминиевый ящик из-под рукописей и книг. Позже на двух палках стал выползать на улицу.

А главное, около месяца никто не посещал меня, и было время подумать о бренности земного существования на этой бездорожной части региона.

Я лежал на откидном топчане, слушал, как стучали в окно носиками пичужки-зеленушки. Окна вагончика до моего прихода кто-то оставил открытыми, птицы на полке под осиным логовом свили себе гнездо и мирно уживались до меня с гудящим роєм. Я читал Аксакова, Ветхий завет, иногда допрыгивал на одной ноге до стола, чтобы поместить в записную книжку полюбившиеся мне цитаты. А ночью слушал ночь.

Тогда вагончик оживал: тяжело вздыхал, железная двойная обшивка, капустными листьями свисающая с его стен, остывая, стонала. Кто-то (может, сороки, а может, какие-нибудь полтергейстовые барабашки) просился в дверь, и я ее на ночь подпирал жердиной. Интересующимся всякими странными явлениями, изучающим их, предлагаю пожить со мною на Быстрице, а можно и отдельно от меня. В вагончике мне казалось, например, что кто-то из прошлого, из покойников, ненавязчиво следит за мною, как бы охраняет меня от врагов, что мне не надо думать, ибо кто-то другой мыслит за меня. Позже кое-что прояснится, но не до конца, а пока я выставил на кочере ведро (так сказать, надейся на Бога, а сам не плошай) и, дергая изнутри жила за веревку, старался колоколом громкого боя привлечь к моим проблемам хоть какое-нибудь живое существо. Уже позже, в Новгороде, узнаю, что за Наволоком, на озере Ямно поселился некий монах, построил часовню и целыми днями звонил в колокол, а потом умолк, и это, наверное, к беде.

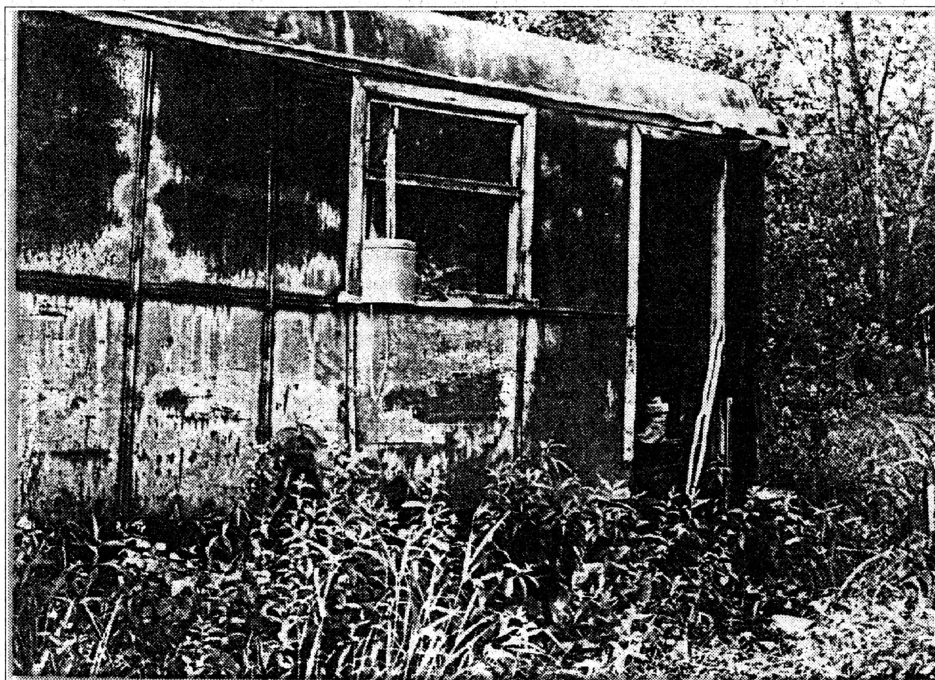
...Никто не приходил, и я начал впадать в некий полулетаргический сон: проснешься на миг, чтобы пожевать поджаренную на плите лепешку, составленную из намоченных корок и остатков геркулеса, глотнешь водицы и снова впадаешь в протрацию, снова полудремлешь, полудумаешь о нужности царя

природы на этой земле или, пока не погасла земля, читаешь «Жизнь в лесу» Генри Торо: «В глубины духа взор свой обрати. Нехоженные там найдешь пути». Порою даже казалось, что я проживаю не в фанерной будке современности, а внутри какого-то живого существа в качестве безмозглого микроба.

А еще ночью в вагончике, после ураганных ветров и ливней, после громовых раскатов грома, мне, полусонному, слышались голоса сына и внука: «Папа-папа», «Дедушка-дедушка», словно они уже нашли меня и стоят у окна. Я вскакивал в такие моменты, но, что интересно, всегда очень осторожно, чтобы не повредить ногу — пол шатался по ночам особенно сильно, ответно кричал им: «Вадик, Марик, я здесь!» Дергал за веревку, проведенную через раму к колоколу громкого боя, но никто не откликнулся, и я, разочарованный, ложился на шаткий топчан и очень жалел, что так за свою жизнь и не научился курить.

И вот однажды под вечер, когда страшная черная туча затянула все небо и сделалось темно, как в полночь, загрохотало так, словно произошел какой-то атомный взрыв, в слившемся сверкании нескольких молний я увидел сидящую на пне женщину в белом.

Я ничуть не испугался, как случилось бы в подобном случае в прошлые годы (вероятно, и возраст, и привычки действовали), не удивился, а сказал себе, что это, может быть, сова. После весенних палов погибли все дикие бабочки (кроме деревенских капустниц), не вылетала метельная поденка, не стрекотали кузнечики, не скрипел дергач, утки, согнанные со своих гнезд, не давали потомства, но

вот совы, гнездящиеся на деревьях попарно, и, вероятно, вместе с ними привидения, выжили и теперь повсюду, изнемогая от голода, на бредущих полетах высматривали в лугах мышей. А те, спасаясь от пожаров, их покинули: перекочевали в сохранившие девственность, необгоревшие кулисы лесов вдоль рек и озер Поймы.

Еще, когда я впервые поднялся в вагончик, меня неприятно поразило множество рыжеватых полевых мышек, шмыгающих бесшумно по полу. Потом к ним привык — они не приватизировали объедки на столешнице, а только пользовались, согласно своему менталитету, нижним этажом. Но что интересно, когда я перестал на них замахиваться веником, они уже начали шариками кататься и по топчану, прямо около меня, сидящего, подбирали крошки. Правда, ночью по мне не бегали, не вили в спальном мешке гнезд — до этого так и не дошло...

И вот все это объяснив себе, под скрежет передвигаемых Ильей-пророком надо мною небесных комодов и стенок, я преспокойно уснул.

Проснулся я от какой-то странной тишины. Кругом не грохотало, не гремело, дом не вздыхал, как он обычно это делал по ночам, по его крыше не бегали маленькие детки-вагонетки и, главное, никто больше не стучался мне в душу, в двери, в сердце. Я глянул в окно: дождь перестал, но теперь уже на другом раздвоенном пне (на нем я приспособился готовить обеды) стояла на задних лапах, в человеческий рост, главная голографическая мышь нашего вагончика (белая мышь, мышь-альбинос, когда она появилась на полу, все другие мышата исчезли). Глаза ее в крошечной тьме строго смотрели на меня двумя стоп-фарами. Потом она тонким дребезжащим, но удивительно приятным ностальгическим голоском запела. И я, как и в давние дни, руки по швам, правда, на одной ноге, стал ей подтягивать. Но только мы с ней допели «до основанья, а затем», она, как недолгая радуга на небе, стала бледнеть, бледнеть, и вскоре растворилась, утонула в струящейся темноте.

И, хочу вам сказать, я ее, как и прошлого виденья, почему-то опять ничуть не испугался, лег на нары и вскоре снова спал крепким спокойным сном. А утром как ни в чем не бывало готовил обеды, правда, не на пнях, а прямо ставил посуду на печку внутри вагончика, для чего, спасаясь от дыма, должен был некоторое время сидеть на полу.

В окно стучались недосоженные осы, вскоре остатки их выберут себе предводителя и снова слепят гнездо, но уже в сенцах, чтоб жить дальше. На утренних лучах солнца натянули свои тонкие струны дыминки и пылинки, а главное, можно было, наконец, не только вспоминать стихи Рубцова «Буду поливать цветы, думать о своей судьбе», но и, правда, с палками, выходить за водой, закидывать удоч-

ку в Быстрицу. Да и белые грузди на стометровом пути к реке пошли пластами.

И думал я, что моя авария произошла не только от того, что я грубо обращался с природой, был равнодушен к ней, но еще по другой причине: когда-то я ведь этот дом обидел, и он, вероятно, узнав меня, мстил.

Давно это было. Около сорока лет назад. Я работал тогда на механическом заводе в Новгороде, и однажды нам поручили выпускать для министерства обороны ремонтно-механические мастерские на колесах. Мне же приказали, благо чертежи были присланы из Москвы, быть куратором их, то есть я мог, не вызывая поминутно из столицы авторов проекта, вводить в вагончики временные изменения. Что я и делал, разрешая цеху, их производящему, в конце месяца, чтоб выполнить план, ставить половые доски с большей, чем положено, влажностью, красить стены объекта без грунтовок... Наконец совесть моя взбунтовалась, я отказался покрывать брак, за что был отодвинут в очереди на квартиру, а вскоре и уволен. Правда, мы с женою поднатужились и купили кооперативную квартиру. Но моя натуга была не в счет, исправился-то я только после того, как породил эту покалеченную конструкцию.

Уже после выхода из заточения я встречу и расспрошу тех парней, наведу справки на том заводе, где я работал, о движении вагончика № 8 по жизненным ухабам. Он с помощью военпреда Разина все же будет принят на вооружение армии, потом возвращен из-за гнилого пола обратно на завод, где его дооборудуют паровым отоплением для директора, чтоб он мог спокойно отдыхать в нем в своем саду. Позже ему придется передать вагон главному инженеру. От того жилья перейдет в общество охотников, затем — рыболовов, с каждым разом что-то теряя из своей фурнитуры и оборудования, и в конце концов охрипшее от холода, часто промокаемое существо очутится здесь. Кто-то снимет батарею и использует ее как фундамент для самодельной сварной печки, нарастит вторые этажи нар, сорвет-сожжет кое-какие лишние части дома, наружные двери и полки. Зато появятся кочерга и эти вот два ведра, и вагончик, наконец, обретет покой. Колеса наполовину уйдут в землю, рессоры проржавеют, и он будет, когда в него забираешься, стонать и раскачиваться, как новгородская сойма на Ильмене.

...Почти через месяц наткнулись на меня в странном вагончике № 8 две собаки, потом они привели за собою двух охотников, которые отдали мне все, что у них было — два ломтика хлеба, а позже по их наводке нашел меня сын, и я, постепенно поправляясь, поплыл по озеру Ильмень в сторону многолюдства...

Иллюстрация автора на 2-ой странице обложки.

Владимир СЕМИБРАТОВ

ПОД ЗНАКОМ СВЯТОГО ТРИФОНА

Преподобный Трифон не случайно считается звездой первой величины в сонме праведников, живших на вятской земле. Именно он принес сюда свет Христовой веры, благодаря чему жизнь вятчан коренным образом переменилась. Основанный им в конце XVI столетия Успенский монастырь стал поистине светочем не только для верующих Вятской епархии, но и для соседней из архангельских, пермских, вологодских и коми пределов.

Родившись 450 лет назад в крестьянской семье на реке Мезени, будущий святой, а тогда молодой человек Трофим Подвизаев, с ранних лет пожелал посвятить себя служению Богу. Отказавшись от женитьбы и уйдя из дома, он вел суровую жизнь аскета, пока не пришел в Пыскорскую обитель на реке Каме. Здесь Трофим и был пострижен в монахи с именем Трифона.

Многими добрыми делами и чудесами прославил себя инок в пермских землях. Не случайно его изображали на иконах в одном ряду с таким подвижником веры и благочестия, как святитель Стефан Пермский.

Горя желанием спасти заблудших, преподобный Трифон приходит на Вятку. Нелегко далось ему здесь построение обители, а затем и жизнь в ней. За требование к монахам придерживаться строгого устава и из-за интриг местных купцов первого архимандрита Успенского монастыря изгоняют прочь. Куда только не приводила затем его скитальческая тропа: на Вычегду и Двину, на Соловки и в Корязму. Но умереть вернулся на милую сердцу Вятку, где, помимо Успенской обители, основал еще один монастырь — в городе Слободском.

8 (21) октября 1612 года просветитель вятчан мирно

отошел. А когда через семьдесят лет были обретены нетленными его мощи, по молитвам праведника начались многочисленные исцеления. Преподобный Трифон был причислен к лику святых.

Чуть ли не в каждой церкви, в каждом доме имелись его иконы. Немало их и сейчас. Осталась неоскверненной рака с мощами преподобного в Успенском соборе Трифонов монастыря. Здесь в октябрьские дни 1996 года прошел ряд торжественных служб и молебнов. С них начинались первые Трифоновские обязательные чтения, собравшие огромное число участников — от детей до убеленных сединами старцев, от школьников и студентов — до преподавателей Московской духовной академии. Впервые в истории края с божественной литургии и крестного хода в день памяти преподобного Трифона началась посвященная ему Международная научная конференция «Религия и Церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера», на которую съехались ученые как из российских республик, краев и областей, так и из ближнего и дальнего зарубежья.

Еще одна научная конференция — «Местночтимые святые и их роль в истории края» — состоялась в областном художественном музее им. В.М. и А.М.Васнецовых. В первую очередь речь шла, конечно же, о вятском чудотворце. В юбилейные дни в музее открылись связанные с именем святого Трифона выставки редких икон и детского рисунка.

Таких торжеств на вятской земле не было с 1912 года, когда отмечалось 300-летие со дня кончины преподобного.

г. Киров

Анатолий ГАНУЛИЧ

БАКУЛЕВСКИЕ КОЛОКОЛА

Колокола на Русь пришли с христианством. До XIII века их привозили из-за границы, а затем киевские и другие мастера сами научились их отливать. В XIV веке колоколотейное искусство на Руси стояло уже весьма высоко, а с XVI-го стали отливать исполнинские колокола, вызывавшие удивление иностранных путешественников. Как правило, мастера со своими подручными разъезжали по городам и монастырям, работая колокола прямо на месте. А с XVIII века повсеместно стали возникать стационарные колоколотейные заводы. В следующем столетии их число достигло нескольких десятков. Но и на этом фоне выделялся Бакулевский завод, что находился в уездном городе Слободском Вятской губернии.

Слободской был основан в 1546 году на берегу реки Вятки, в 35 верстах от города Хлынова (так тогда назы-

валась Вятка, нынешний Киров), и первоначально носил название Слободы.

Первый колоколотейный в Слободском, притом один из первых в России, основал в конце XVII века Трифон Каркин, родоначальник семейной династии мастеров, прославившихся впоследствии литьем поддужных колокольчиков. Однако в следующем веке Каркины уступили первенство в литье церковных колоколов династии Бакулевых. Бакулевские колокола на протяжении многих десятков лет слышала вся Россия.

В истории Бакулевского завода по сей день остается много неясного. На основании архивных документов и семейных преданий можно высказать наиболее вероятную версию.

Приблизительно в 20-х годах XVIII века крестьянин

деревни Бакулинской, что в нескольких верстах от города Слободского, Никита Кириллович Бакулев, наживши от продажи хлеба сотню рублей, оставил земледельческое занятие и перебрался жить в Слободской. Там он купил близ реки Вятки домик с участком земли и занялся мыловарением, а затем (предположительно в 1732 году) устроил в своем огороде заводик для литья колоколов небольшого веса. Предприятие оказалось удачным, крестьянин перешел из податного крестьянского сословия в привилегированное купеческое.

После смерти дело свое Никита Бакулев оставил сыновьям: Ивану, Аксену (Авксентию), Семену и Сысою. Братья, за исключением Семена, продолжили дело отца. В 1758-м основали новый завод и стали лить колокола многопудовые, положив основание колокололитейному производству в Слободском. В 1763 году полновластным хозяином завода стал один из братьев — Иван Никитич Бакулев. Через 30 лет завод перенесли за город на то место, где в современном Слободском находится ремонтно-механический завод сельскохозяйственной техники. Дело шло успешно, в заказах не было недостатка. Колокола отливались весом от 100 до 300 пудов. Известно, что колокола эти звонили в храмах сел Иванцево, Ошеть, Прокопьево, Волково, в Орловском монастыре.

В 1804 году Иван Бакулев умер, оставив завод в наследство своему сыну Алексею, ставшему затем купцом 3-й гильдии. От него завод перешел к шести его сыновьям. Братья расширили производство. Это был период его расцвета. Колокола Бакулевых расходились по всей России. Братья рассудили, что если 300-пудовые колокола не единожды, с Божьей помощью, отливались удачно, то почему бы не замануться и на больший вес. И вот по заказу кунгурского купца 1-й гильдии В.Г.Юхнева в 1848 году был отлит с молебном и водоосвящением 1000-пудовый колокол, который затем был подвешен на колокольню кунгурского Благовещенского собора.

Интересна история одного из бакулевских колоколов этого времени. В пору Крымской войны англичане захватили 8-пудовый колокол с изображением иконы Казанской Божьей Матери и надписью: «1852 г. лили сей колокол Вятской губернии города Слободского братья Бакулевы». Пленный колокол увезли в Портсмут, и он возвратился в Россию только в 1912 году — сначала в Архангельск, а затем в Соловецкий монастырь.

С 1875 года завод перешел в собственность купца 2-й гильдии Николая Алексеевича Бакулева. Здесь отливались колокола весом от 10 фунтов (4,1 кг) до 1000 пудов (16380 кг), причем общий вес литья при четырех плавильных печах и 15 рабочих достигал 6000 пудов в год. Сырьем материалами для получения колокольной бронзы слу-

жили красная (так называемая штыковая) медь и олово. Медь покупали в городе Екатеринбурге и на Нижегородской ярмарке по цене 11-12 рублей за пуд, а олово, привезенное из Англии, — на той же Нижегородской ярмарке, а также в Москве. Продавали колокола тоже на Нижегородской ярмарке, а также в разные места по заказам. Цены колебались и доходили до 16 рублей за пуд (для колоколов свыше 300 пудов) и до 17-18 рублей за пуд (для колоколов весом менее 300 пудов).

В 1891 году владелицей завода стала дочь Николая Бакулева — купчиха 2-й гильдии Любовь Николаевна Куршакова (урожденная Бакулева). Число рабочих при ней возросло и в разные годы колебалось в пределах 25-30. В год на трех плавильных печах выплавляли до 8000 пудов металла. Однако колокольное производство не было механизировано. Точильные станки для производства колоколов приводились в движение лошадьми и людьми.

В 1909 году очередным и последним владельцем завода стал сын Любови Куршаковой — купец 2-й гильдии Валентин Петрович Куршаков. Он представлял уже шестое поколение семейной династии. Куршаков был для своего времени человеком образованным. Его богатейшая библиотека была передана в Слободской краеведческий музей. Он, между прочим, приобрел в городе Поти Кутаисской губернии 32-пудовый старинный колокол отливки XI-XII веков. Он стоял в кабинете Куршакова.

В 1917 году славный колокололитейный завод Бакулевых-Куршаковых прекратил свое существование. Основной его продукцией до последних дней были большие церковные колокола, отправлявшиеся во все концы Российской империи.

К колоколам-рекордсменам, кроме упомянутого кунгурского, можно отнести и другой, весом 1015 пудов. Он был изготовлен на месте в городе Екатеринбурге и подвешен на колокольне Златоустовской церкви. Кроме того, было отлито свыше двух десятков колоколов весом более трехсот пудов каждый.

Обширна была география распространения бакулевских колоколов. Они звонили в Пермской, Вятской, Казанской, Костромской, Вологодской, Одесской, Томской, Пензенской, Владимирской, Харьковской, Иркутской губерниях, в областях Карской и Акмолинской... Попадали и за границу. Так, в 1873 году на средства, высочайше пожалованные императором Александром II, в Слободском отлили 333-пудовый колокол для русского Андреевского скита на Афоне. Ныне изделия Бакулевского колокололитейного завода разбросаны по колокольням и звонницам, музейным и частным коллекциям нашей страны.

Колокол бакулевского завода

Москва

Валерий Привалихин

ВЕЛИКИЙ РЕЛЬСОВЫЙ ПУТЬ

Дорога

Константина Михайловского

Первой решено было строить Западно-Сибирскую железную дорогу. Но прежде посмотрим, что тогда представляли из себя железные дороги Урала. Пермь и Екатеринбург стали железнодорожными городами в 1878 году, когда между ними проложили Горнозаводскую линию протяженностью 715 верст. В Сибирь, до Тюмени, провели путь от Екатеринбурга, и с 1885 года на этом участке уже ходили поезда. С 1774 по 1885 год на Урале и в Сибири было построено свыше тысячи железных дорог, связывавших Тюмень, Пермь, Екатеринбург. Однако эта внушительная система рельсовых линий существовала автономно от железных дорог России.

Сначала считалось, что паровой путь на восток пройдет от Екатеринбурга-Тюмени, будет продолжением этой линии. Но тут заявил о себе третий крупный город Урала — Челябинск. На 14 лет позднее Екатеринбурга и Перми пришли в этот южноуральский город первые поезда. Зато пришли по сплошному — от Москвы и Петербурга — пути. Через Самару, Оренбург, Златоуст.

Инженеры, строившие Самаро-Златоустовскую линию, рассматривали эту дорогу как наиболее перспективную для вхождения в бескрайние сибирские просторы. Земли Южной Сибири более плодородны, более заселены, климат там мягче, а реки глубоководны и судоходны. К тому же рельеф местности, по сравнению с севером Сибири, более удобен для прокладки рельсового полотна. Меньше предстоит осушать болот, рубить лесов, строить мостов.

Продолжение. начало в № 7 «Уральского следопыта»

Строитель Западно-Сибирской железной дороги инж. пут. сообщ. Тайн. Советн. К. Я. Михайловский

На Урале к этому моменту собрался, что называется, цвет строителей-железнодорожников: князь Михаил Хилков, Иван Петров (будущие министр и зам. министра путей сообщения), Константин Михайловский, Николай Меженинов. С их точкой зрения считались в столице: Сибирская железная дорога должна стать продолжением Самаро-Златоустовской.

Скажем, забегая вперед что Пермь с европейскими российскими железными дорогами была соединена в 1899 году, а Екатеринбург — на четыре года раньше, когда началось движение по ветке Челябинск-Екатеринбург.

Итак, Западно-Сибирская железная дорога. Ее протяженность от Челябинска до реки и ст. Обь составляла 1329 верст. 200 верст — по землям Урала и Зауралья; далее — по западно-сибирским. Дорога пролегла через Курган, Петропавловск, Ишим, Омск, Каинск, Чулым. Всего на участке было 34 станции.

Торжественное начало строительства Западно-Сибирской магистрали состоя-

лось 7 июля 1892 года:

Земли Западной Сибири, как, впрочем, и Восточной, были к началу строительства заселены довольно густо — конечно, по сравнению с забайкальскими, дальневосточными, — однако трудно было найти опытных квалифицированных рабочих, способных выполнять специальные железнодорожные работы. Их вербовали в центральных районах страны. Приезжих за годы строительства здесь трудилось от 3,5 до 15 тысяч человек.

Чтобы удешевить и ускорить работы, по рекомендации Комитета по строительству Сибирской дороги упростили технические условия: уменьшили ширину земляного полотна, толщину балластного слоя; рельсы укладывали облегченные, а шпалы из-за узости пол-

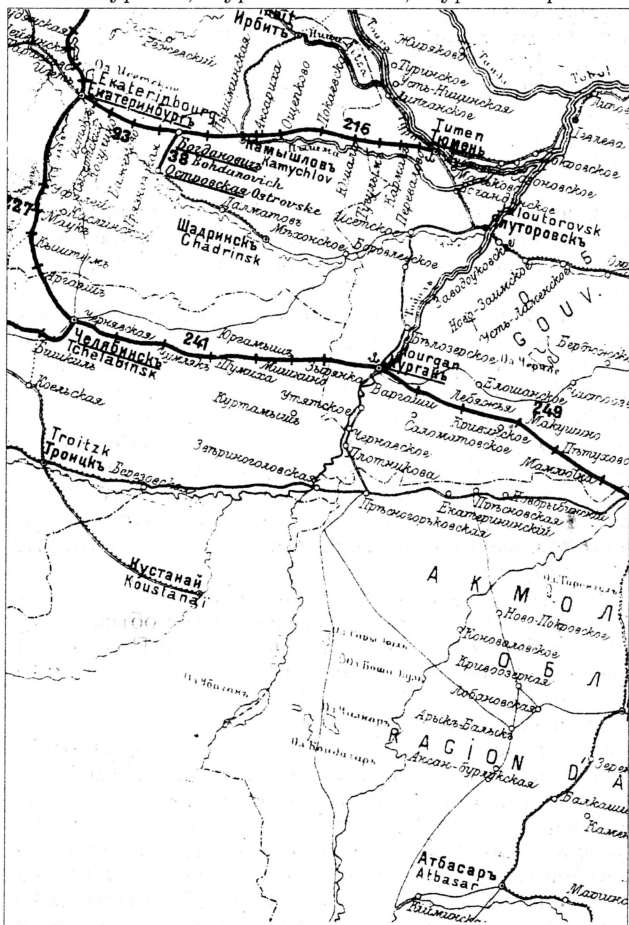
отна — укороченные. Решили, что когда грузы пойдут по железной дороге, приведение дороги к оптимальным требованиям обойдется дешевле. При этом учитывали, что придется тянуть рядом и вторую колею дороги. Капитальные мосты сначала строили только через наиболее крупные реки (Иртыш, Тобол, Омь и др.), через небольшие речки — временные деревянные.

Изыскательские работы, а затем и постройка всей Западно-Сибирской железной дороги возложена была на Константина Яковлевича Михайловского. Сибирикам, всем жителям России более известно имя другого строителя железных дорог — инженера и писателя Гарина-Михайловского. Его именем в Новосибирске названа площадь около вокзала «Новосибирск-Главный». Но воздадим должное и К.Я.Михайловскому. Под его руководством в конце прошлого века было проложено около 5000 верст железных дорог.

Константин Яковлевич родился в 1834 году в Черниговской губернии, воспитывался в кадетском корпусе. В 1861 году закончил институт путей сообщения, и с тех пор начались непрерывные изыскания и стройки. Он участвовал в сооружении железных дорог: Московско-Курской, Курско-Киевской, Курско-Харьков-

кой, Балтийской, Рязано-Козловской, Ландварово-Роменской, Оренбургской, Вильно-Ровенской. Михайловскому поручают самые ответственные и самостоятельные посты — начальника Самаро-Уфимской, Уфа-Златоустовской, Златоуст-Челябинской, Западно-Сибирской и Екатеринбург-Челябинской дорог. Он, кроме того, строил мост через Волгу у Сызрани и каналы — Сяский, Свирский, новый соединительный Мариинский. После завершения дороги Челябинск — река Обь, Михайловский руководил Управлением по сооружению дорог МПС и был членом Совета МПС. Только в 1907 году, за два года до кончины, по личному прошению его уволили на пенсию...

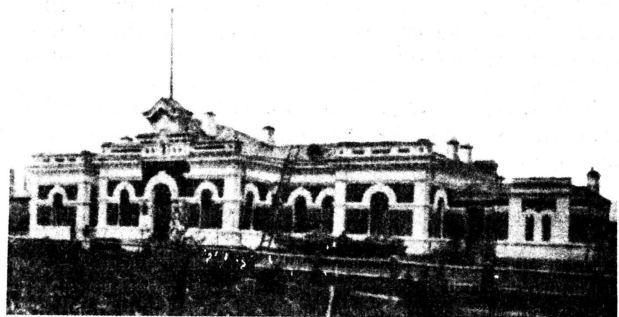
Западно-Сибирская дорога была разделена на два участка: Челябинск-Омск и Омск-село Кривошеково на левом берегу Оби, где сейчас стоит полуторамиллионный Новосибирск. По сравнению с дорогами Среднего Урала, на равнинах Западной Сибири строить было значительно легче. Правда, на пути лежали болота, пришлось вести много мелиоративных работ. Тем не менее, с 7 июля по 1 сентября 1895 года дорога вчерне была готова. Открылось временное движение по 1329-верстному пути. А еще через год, 1 октября 1896-го, вся линия была сдана в эксплуатацию. Началось правильное, то есть постоянное, движение от Челябинска до Оби. Строители уложились в назначенные сроки, а работы обошлись казне на полтора миллиона рублей дешевле расценочной стоимости.

Западно-Сибирская железная дорога

Обь. Станция Тайга. №4

Станция Курган

Александр МАТВЕЕВ

СИНИЕ КАМНИ ПОВАЖЬЯ

Дорога поднималась на угор, петляя по посевам льна: бескрайние синие волны, колыхаясь, уходили вдаль. Я вышел рано, устал и остановился на вершине, чтобы перевести дух. С высоты была хорошо видна дорога, прямо уходящая вниз к довольно широкой реке, и силуэт путника, сидевшего на берегу. «Вот и Вага, — обрадовался я, — спущусь и передохну за компанию». Вниз — не вверх, и через несколько минут я уже сидел у большого камня рядом с незнакомым мне стариком.

Он оказался как раз из той деревни, в которую я спешил и где работала группа нашей топонимической экспедиции. Прощаясь, я спросил, сколько еще мне шагать. «Отсель, от Синего камня, версты три, не боле», — ответил он.

Название неказистого серо-грязноватого камня меня заинтересовало: почему у него такое красивое имя? В деревне никто не сумел ответить на мой вопрос. «Камень эдак зовут сытари, а почему он синий — не знаем». Но загадка Синего камня не отпустила меня. И начался долгий путь к тайне Синих камней Поважья.

Вага — большой левый приток Двины — начинается в Вологодской области, но набирает силу уже в Архангельской. Земли по Ваге издавна и называют Поважьем.

Здесь-то наша экспедиция и встретила целую россыпь Синих камней. Насчитали мы их пятнадцать. Кучно легли они на карту верховий Ваги и ее большого правого притока — Устья. Казалось бы — эка невидаль: «цветных» названий множество. Белых, Черных, Красных, Желтых, Синих и даже Пестрых камней сколько угодно на наших картах. Дают им названия обычно по цвету породы или каких-нибудь мхов и лишайников, изукрашивших камень поверху. Синие камни, а точнее, целые скалы, возвышаются, например, на берегах реки Чусовой, и об одном из них близ деревни Еква в путеводителе Е. В. Ястребова так и написано «серовато-синий камень». Даже в черте Екатеринбурга есть жилой район Синие Камни. Я, честно говоря, не знаю, откуда это название, но, думаю, оно тоже «цветное».

Что же, выходит, — обычное дело, никакой тайны нет? С этим можно было бы согласиться, если бы не одна географическая тонкость: велик Русский Север, а Поважье — какая-нибудь двадцатая его часть. Так вот — на всей остальной территории Русского Севера удалось найти только пять Синих камней. Такая вот диспропорция. Она подсказывает: здесь что-то не так. Откуда в Поважье целое гнездо Синих камней?

Пригляделись мы к ним, и вот что оказалось. Называют так не только камни, но и луга, поля и даже ручьи.

Иногда, правда, поясняют: лежал большой камень, мешал пахать или косить, вот его и разбили или трактором сбросили в реку или еще что-нибудь с ним произошло, а название осталось. На вопрос, какого цвета был камень, почти все единодушно отвечают — синего. Ну, это неудивительно, ведь само название — подсказка. Но бывает, скажут и что-нибудь, на первый взгляд, несуразное: «на горке стоит большой камень, потому и Синий» (наверное, он кажется таким издали). Или уж совсем непонятное: «там розоватый такой камень стоял». На деле же все эти камни какого-то неопределенного — сероватого или сизоватого — оттенка. И потому главное — не цвет. Захотелось кому-то увидеть камень синим — вот и увидел. И, значит, самое время нам поразмыслить о «синих» названиях в топонимии, а также о символическом значении синего цвета.

Возьмем для начала наименования гор. Среди них множество «цветных» названий, потому что горы издали кажутся синеватыми. Есть Синие горы, Синие хребты, Синие сопки, а уж Синюх — видимо-невидимо, особенно в гористых местах Сибири. В общем, встречаются эти названия во всех горных краях, и никакой тайны в них нет.

С водоемами — то же самое. На Русском Севере найдутся озеро Синее, Синее болотце, Синее плесо, ручей Синий и луг Синие Воды. И опять же они названы так не по цвету самой воды. Она только кажется синей, вот и получили эти водоемы и водоемчики свои «цветные» имена. Они разбросаны по всему Русскому Северу, но нигде не собираются в такие гнезда, как Синие камни Поважья. Изредка попадутся еще названия лугов и полей Синее Море или Синие Моря — может быть, по обилию васильков или по синему морю льна. Но это уже редкие случаи.

Так что все «синие» названия вроде бы объясняются реалистически, хотя сами географические объекты могут и не быть синими. Вот и Синие камни Поважья на поверку оказываются не совсем того цвета, что заявлен в названии.

А может, тайна в самом синем цвете, в его символическом значении? На эту тему написано очень много.

Вот над нами — синее небо, такое притягательное и недоступное. Высшие божества многих народов были порождены этой синей бесконечностью. У древних индусов и египтян, греков, римлян и многих других народов синий цвет — атрибут верховного божества: или сами боги синие, или в синих одеждах, или изображены на синем фоне. А у наших северных соседей — ненцев и

манси — само небо и есть верховный бог — Нум или Нуми-Торум, могучий, но столь далекий, что при нужде до него и не докричишься, так что приходится идти с просьбой и дарами к всеведущим шаманам или к деревянным идолам, которых можно уговорить, подкупить каплей или рюмкой водки, а если заупрямятся — и побить.

За синим цветом прочно закрепились значения бесконечности и вечности, целомудрия, доброты и честности, верности и постоянства. А еще синий цвет может лечить бессонницу и психические расстройства — это цвет покоя и кротости.

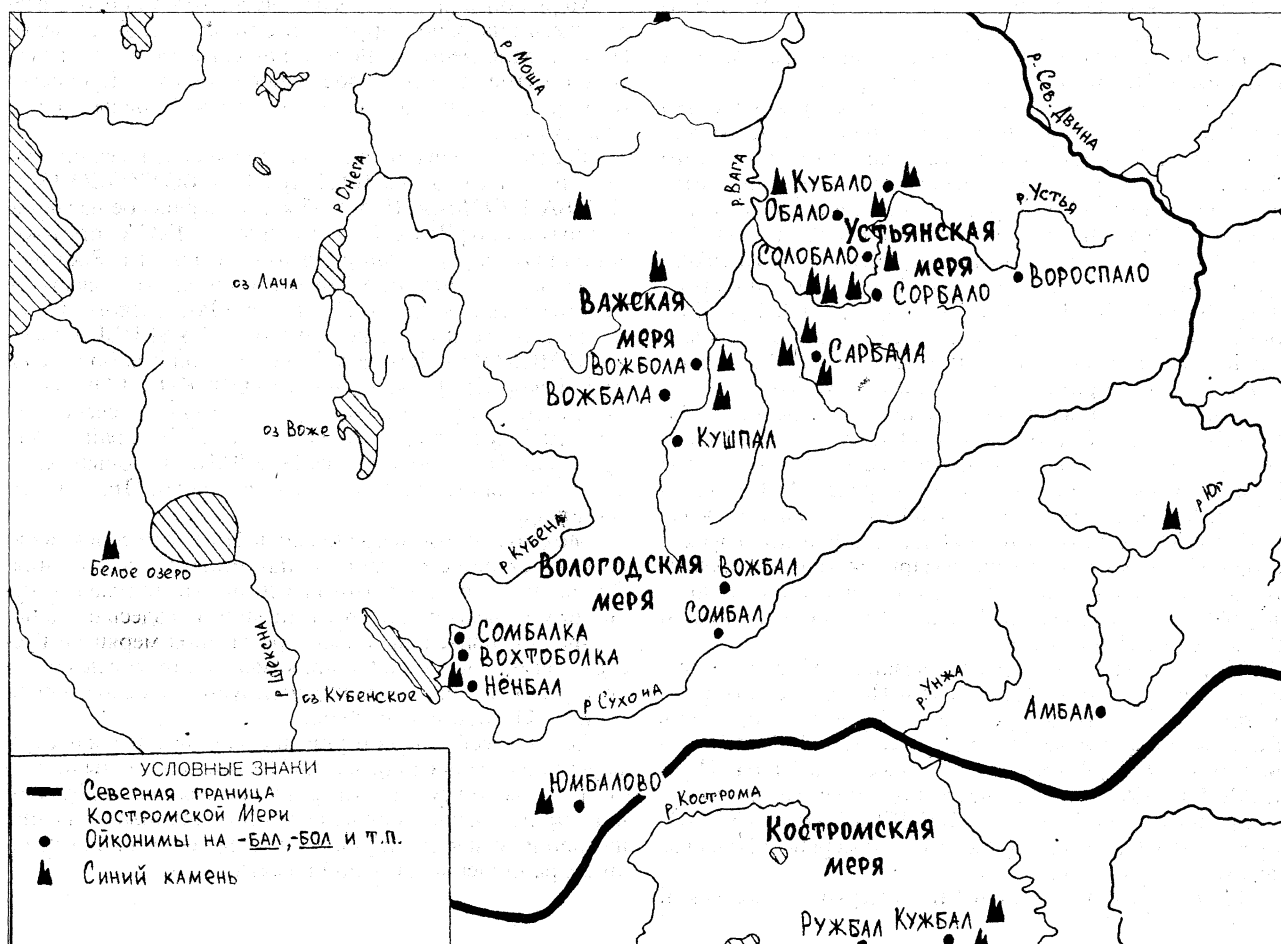
В общем, ясно, что синий цвет символически очень не прост, а, значит, и наши Синие камни могли быть в старину совсем не заурядными глыбами. И тут в самый раз вспомнить о том, что синеют не только небеса, но и воды, потому-то и водяные боги небезразличны к синему цвету: «стоит синий камень, на синем камне сидит водяной с водяницей», — говорится в фольклорной формуле. А ведь все Синие камни Поважья находились на берегах рек или даже прямо в воде.

Итак, скорее всего — Синие камни были культовыми, посвящались каким-то местным божествам Поважья, может быть, водяным. Но ведь русские, которые осваивали эти места, были уже христианами. Значит, Синие

камни связаны с каким-то местным языческим культом, скорее всего дорусским. Вот мы и «вышли на след», потому что теперь ясна стратегия дальнейших поисков — надо проверить, нет ли таких же скоплений Синих камней в других местах.

И действительно, такое место нашлось, но намного южнее — в Поволжье, в Ярославской и Костромской областях. Особенно много Синих камней на Ярославщине. О них уже писали краеведы и археологи, а совсем недавно финская исследовательница Арья Алквист опубликовала целую статью о загадочных камнях Ярославского края. Немало сказано в ней и о Синих камнях. Алквист насчитала их четырнадцать. Камни относительно большие, но не обязательно синие или серо-синие, большей частью расположены у воды или болот. Это так напоминает Синие камни Поважья, что сразу же наводит на мысль: важные и ярославские Синие камни как-то связаны.

Русский Север заселялся двумя колонизационными потоками. Первый, более ранний — новгородский. Жители Новгорода Великого освоили прежде всего Белозерье, большие северные озера — Воже и Лача, Онегу, Поморье, в общем северную половину Двинской земли. А позднее началось проникновение русичей из Ростово-Суздальской земли, куда входит и Ярославщина, — так

называемая «низовская колонизация». Она захватила прежде всего верховья Северной Двины и Поважье.

Но ведь Синие камни очень напоминают о языческом культе, а русские в те времена, как уже говорилось, были христианами. Значит, Синие камни Ярославщины «принадлежали» язычникам. Кому же? Исследователи единодушны — конечно, летописной Мере, волжско-финскому племени, родичам марийцев и мордвы. Упоминания о Мере очень быстро исчезли со страниц русских исторических памятников, но сами меряне, по-видимому, еще долго сохраняли свои языковые и этнические особенности. Вот и археологи пишут о том, что Синий камень на берегу Плещеева озера в IX-XI веках был божеством мерян. Вполне может быть, что у Синих камней совершались и жертвоприношения.

Так что с Синими камнями Ярославщины более или менее ясно. Это мерянские культовые памятники, посвященные, может быть, каким-то водяным божествам.

Но как быть с Синими камнями Поважья? Ведь летописная Меря населяла междуречье Волги и Клязьмы, и в исторических документах нет никаких упоминаний о мерянах в бассейне Ваги. Так, может быть, сами русские перенесли названия Синих камней Ярославщины далеко на север, в Поважье, когда в эти места хлынул поток русского населения из Ростово-Суздальской Руси? Нет, русским Синие камни были без надобности. Это сделали сами меряне...

Недавние исследования лингвистов подтвердили: в топонимии Поважья есть мерянские следы.

Непросто ответить на вопрос, как жили меряне. Но археологи установили, что занимались они не только охотой и рыболовством, но и сельским хозяйством. Это был оседлый народ, у них были свои поселения, которые назывались БАЛ. У русских это слово звучало по-разному — БАЛ, БАЛА, БОЛ, БОЛА, БАЛО, а то и ПАЛ, ПАЛА. И сейчас еще в бывших мерянских землях сохранились русские населенные пункты со странными названиями КУТКОБАЛ, ШАЧЕБОЛ, ШУДОБАЛ, ЯХРОБОЛ и многие им подобные. Исследователи вымершего мерянского языка считают эти самые БАЛ, БОЛ ненадежным индикатором, указывающим на Мерю.

Так вот и в Поважье обнаружились такие названия: ВОЖБОЛА и СОЛОБАЛО, КУШПАЛ и КУБАЛО. Последний топоним особенно интересен: под Суздалем была мерянская деревня КИБОЛ на реке КАМЕНКЕ, и в бассейне Ваги деревня КУБАЛО тоже стояла на речке КАМЕНКЕ. А дело в том, что древнее финско-угорское слово со значением «камень» в марийском языке превратилось в Кӱ, а в мерянских топонимах закрепилось в двух формах — более древней КИ под Суздалем и поздней КУ (из Кӱ) в Поважье.

Можно привести и другие названия, объединяющие Ярославский край с Поважьем: в Поволжье есть реки Устье и Которость, в Поважье — Устья и Которость; в Поволжье некоторые речки называются ИНГИРЬ (по-марийски ЭНГЕР «речка»), а также есть СЮНГИРЬ, ШАЧИНГИРЬ, и целое гнездо подобных названий находим на важской Устье — КУНЕНЬГАРЬ, ЛАПОНГЕРЬ, ОШЕНГЕРЬ и другие. Так что меряне в Поважье действительно были.

Но как они туда попали? Ведь меряне — волжский

народ. Тут, как говорится, есть разные варианты. Могло быть, что исконные мерянские земли простирались значительно дальше на север, чем об этом повествуется в русских летописях, т.е. Поважье как и Поволжье было освоено мерянами в ходе «первичной» колонизации. Но археологи утверждают, что Костромской край Меря заселила позднее — из ярославских и ростово-суздальских земель. Значит, и переселение Мери в Поважье могло быть вторичным процессом: меряне уходили в глухие северные леса, возможно, после появления славян-вятичей в Волго-Окском междуречье. Наконец, меряне могли прийти в Поважье вместе с русскими, спасаясь от татаро-монголов уже после трагических для Руси событий XIII столетия. А могли они переселяться и неоднократно: первая миграция — расширение территории, вторая — вынужденное подселение, третья — бегство от жестокого врага.

Волго-окская, или «центральная», Меря быстро исчезла со страниц русских летописей, а вот в Поважье, особенно на Устье, меряне жили еще долго: в XVI-XVII веках в царских грамотах выделялись особые Устьянские волости, тогда как в других местах Русского Севера были уезды. Наверное, эта административная специфика неслучайна: местное население в то время еще отличалось от русских.

Меря обитала и далее к западу вплоть до Белого озера. Здесь она рано обрусела и оставила слабые следы. Но есть одно место на Вологодчине, где мерянский след хорошо заметен. Это — восточное побережье Кубенского озера, особенно район между устьем Кубены и истоком Сухоны.

Тут мы находим и типичные мерянские названия населенных пунктов на БАЛ, БОЛ — ВОХТОБОЛКА, НЕНБАЛ, СОМБАЛКА и обычное мерянское название озерных стоков ВЁКСА (ср. марийское ИКСА «проток», «пролив»), которых много в Костромском и Ростово-Суздальском краях. ВЁКСЫ текут и из самых известных озер мерянских краев — Плещеева и Ростовского. Сюда же надо отнести наименования реки КУБЕНЫ и озера КУБЕНСКОГО, берега которого сильно заболочены (марийское КУП «болото»), ТУРОВСКИХ ГОР, тянущихся вдоль Кубенского озера, окаймляя с северо-востока его болотистые берега (марийское ТӱР «край»), КУП ТӱР «край болота»), протока ПЕЛЬМЫ, который делит на две половины дельту Кубены (марийское ПЕЛ, ПЕЛӬ «половина»).

Можно было бы и продолжить. Но в этом списке явно не хватает нашего старого знакомого Синего камня. Однако несколько лет тому назад топонимическая экспедиция Уральского университета записала здесь и это название — удивительный знак пребывания мерян на Русском Севере: большой Синий камень и поныне лежит на берегу Кубенского озера и используется как своего рода мета — там оставляют лодки.

Есть во всей этой истории еще одна загадка: как сами меряне называли Синие камни? К сожалению, мы не знаем. Но можно предполагать, что двуязычные, забывающие родную речь, меряне, перевели исконные названия на свой новый язык, и уже в таком виде эти имена-кальки сохранились в народной памяти.

Людмила РАФИЕНКО

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ПЕРМИ

Имя Бернгарда Васильевича Струве не отнесешь к широко известным, хотя человеком он был незаурядным и забыт незаслуженно.

Он был сыном известного астронома, академика, первого директора Пулковской обсерватории под Петербургом Василия Яковлевича Струве. Мать — Эмилия Струве, урожденная Валь, умерла, оставив сиротами восьмерых детей. От второго брака у Василия Яковлевича родилось еще четверо. И все они получили прекрасное образование. Старший — Отто — пошел по стопам отца, стал астрономом, тоже академиком и сменил В.Я.Струве на посту директора обсерватории. Средний — Генрих — выбрал стезю ученого-химика, достиг звания члена-корреспондента Петербургской Академии наук, изучал минеральные воды Кавказа. Младший — Кирилл — в 1863 году совершил вместе с Г.Н.Потаниным научное путешествие к истокам Черного Иртыша и озера Зайсан. Позднее стал известным дипломатом, послом при Бухарском дворе, а затем был русским посланником в Китае, Японии, США и Нидерландах.

Бернгард Васильевич пять лет учился в Царско-сельском лицее, где незримо витала тень А.С.Пушкина. Его другом и однокашником здесь был Николай Сергеевич Кашкин — правнук пермского и тобольского генерал-губернатора Е.П.Кашкина, сын декабриста, петрашевец, земский деятель.

Выйдя из стен лицея, друзья пошли по разным дорогам. Кашкин стал одним из активных членов калужского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян. А Бернгарда романтика повела в дальние края. Он решил ехать на службу в Восточную Сибирь. Тогда это смотрелось необыкновенным подвигом, и директор лицея Д.Б.Броневский показывал его товарищам и младшим курсам «как какое-то чудовище».

Бернгарду повезло. Его приезд на службу совпал с назначением генерал-губернатором Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева — человека молодого, умного, энергичного. Он окружил себя единомышленниками, в число коих вошел и Б.В.Струве. Они затеяли борьбу со злоупотреблениями чиновников, которые пышным цветом расцвели при освоении земель Приамурья. Верши-

ной же деятельности генерал-губернатора стало заключение в 1858 году Айгунского договора с Китаем, по которому земли к северу от Амура отошли к России. Тогда Н.Н.Муравьеву и был пожалован титул графа Амурского.

Струве горячо участвовал в освоении Приамурья. Много ездил по Сибири, побывал в Якутске, на Сахалине и через несколько лет уже исправлял должность управляющего Иркутской губернией и председателя губернского правления. Здесь, в Иркутске, он женился на прелестной юной баронессе Анне Федоровне Розен, мать которой была начальницей «сиротского заведения Елизаветы Медведниковой».

В Восточной Сибири Струве познакомился со многими декабристами и воспоминания о них пронес через всю жизнь. Он бывал в домах опальных князей С.Г.Волконского и С.П.Трубецкого, состоял воспитателем сына Волконских Михаила, будущего «товарища» министра просвещения, члена Государственного Совета.

В этом иркутском доме постоянно бывали декабристы П.А. Муханов и А.В.Поджио. С другими он общался в своих поездках по Сибири. В Красноярске посетил Василия Львовича Давыдова, в Чите познакомился с Дмитрием Иринарховичем Завалишиным, с которым у него завязалась долгая переписка.

Но самое большое впечатление произвела на него встреча в Селенгинске с Николаем Александровичем Бестужевым. Его покорили в Бестужеве «светлость» его взглядов на современные события, «труженическая деятельность... среди местного населения», «отзывчивость на все хорошее и изящное в области науки и художества».

В Шилкинском и Александровском заводах Нерчинского округа ему довелось встретиться с Михаилом Васильевичем Буташевичем-Петрашевским, «которого знал раньше по Петербургу». Однако симпатий к Буташевичу Струве не питал, так как считал его слишком тщеславным, «не имеющим в существе никакой серьезной цели».

Бернгард Васильевич вел дневник, и позднее его записи легли в основу книги «Воспоминания о

Сибири. 1848-1854 гг.».

В 1855-м Струве получил полугодовой отпуск и вместе с женой и первенцем Василием уехал в Петербург. В Сибирь он больше не вернулся, так как получил назначение вице-губернатором в Астрахань. Теперь свои впечатления о пребывании в губернаторском доме оставил французский писатель Александр Дюма-отец. По приглашению русского мецената Т.А.Кушелева-Безбородко романист приехал в Россию и пожелал посетить не только две столицы,

чтобы в мастерской художника, но уж во всяком случае, в каком-нибудь салоне в предместье Руль или Шоссе д'Антен... И подумать только, что открыв окно гостиной, ты можешь протянуть руку и коснуться Каспийского моря...». Дюма ошибся только в одном: Струве говорил как парижанин не из французского происхождения, а потому что воспитывался в Царскосельском лицее.

В августе 1861 года он подал прошение об отставке и уехал лечиться за границу.

Дом губернатора Перми. Фото 1960-х годов.

но и крупные города Европейской России и Кавказ. Он написал книгу «Из Парижа в Астрахань», пронизанную искренней симпатией к России. В ней А.Дюма красочно описал посещение дома Б.В.Струве: «Господин Струве оказался мужчиной лет тридцати двух — тридцати пяти французского происхождения и поэтому говорил по-французски как парижанин: молодая жена двадцати пяти лет и двое детей составляли всю его семью... Господин Струве... не только соорудил для нас великолепный обед, но еще и сумел собрать у себя дюжину гостей, в обществе которых, окажись при закрытых дверях, мы бы не могли даже предположить, что находимся в тысяче лье от Франции. Беседовали о поэзии, о романах, об опере, о Мейерберге, Гюго, Бальзаке, Альфреде де Мюссе, как если бы мы сидели не то

Пермским губернатором его назначили 28 апреля 1865 года. Струве приехал на Урал вполне сложившимся человеком и администратором, отличавшимся широтой взглядов.

Познакомившись с положением в Пермской губернии, он начал собирать и изучать материалы для расширения ее экономических возможностей. До него в Мотовилихе были построены два крупных казенных завода — сталепушечный и чугунопушечный, а единственной транспортной артерией была Кама. Струве озаботился изысканием дешевых водных путей и строительством железной дороги. По его инициативе в Перми был создан комитет для обсуждения вопроса о проведении железной дороги между бассейнами Волги и Оби. А затем еще два: о соединении реки Камы с системой реки Оби

железной дорогой и о постройке дешевого железного пути от Камы до Луньевских каменноугольных копей промышленников Всеволожских. Началась работа.

В Санкт-Петербурге в фонде Всеволожских сохранилась переписка Б.В.Струве с П.А.Всеволожским, членом комитета, протоколы заседаний, публикации в центральной и местной прессе об Уральской железной дороге. Дебатировались три проекта железной дороги: 1. В.К.Рашета: Пермь — Ирбит — Тюмень. 2. Е.В.Богдановича: Сарапул — Екатеринбург — Тюмень. 3. Д.Д.Смышляева: Оса — Пермь — Екатеринбург — Тюмень, а обратно через Вятку.

Проекты широко обсуждались. Особенно активно выступали в печати общественный деятель Перми, краевед Д.Д.Смышляев, горнозаводчик и солепромышленник И.И.Любимов, владелец каменноугольных копей и золотых приисков, пароходовладелец на Волге и Каме А.Н. Всеволожский. Смышляев и Любимов на свои средства издали брошюры. В 1870 году в Пермь приезжали академик Г.П.Гельмерсен, видный общественный деятель Костромы Н.П.Колюпанов и др. Обсуждение затянулось и только после отъезда Б.В.Струве из Перми в 1873 году был утвержден устав «Общества Уральской горнозаводской железной дороги», а через год приступили к ее строительству.

Деятельность Струве-губернатора была связана с введением земства в Пермской губернии. В июле 1869 года в Перми временная комиссия обсуждала «Положение о земских учреждениях» в Пермской губернии. А в мае 1870-го прошли выборы в Пермскую уездную земскую управу, и первым ее председателем был избран И.И.Любимов. В июне того же года в зале благородного собрания (ныне ул.

К.Маркса, 20) под председательством А.Н.Всеволожского открылось заседание первого Пермского губернского земского собрания. Б.В.Струве выступил с проникновенной речью. Председателем губернской земской управы собрание избрало Д.Д.Смышляева.

А в октябре того же 1870-го Струве подал прошение об отставке. Поводом послужила ревизия сенатора П.Н.Клушина, хотя по ее результатам губернатору не предъявили каких-либо обвинений.

Он вышел в отставку с «назначением пенсии вне правил из государственного казначейства по 2 тысячи руб. в год». По словам историка А.А.Дмитриева, «в губернии Б.В.Струве... оставил хорошую память». Пермская дума избрала его почетным гражданином города Перми.

На бывшей Сибирской улице (ныне ул. К.Маркса, 27) сохранился дом, в котором в 1865-1870 годах жил Бернгард Васильевич. Из шести его сыновей трое родились здесь: Александр, Михаил и Петр. Петр Бернгардович Струве — известный политический деятель, ученый, литератор. В честь 125-летия со дня его рождения (в январе 1995 г.) на доме была установлена мемориальная доска.

После отъезда из Перми Б.В.Струве поселился с семьей в Санкт-Петербурге и занялся литературной работой. Представляют интерес его труды: «К истории торговых путей в Восточной Сибири», «К истории раскола и упразднения крепостного права в Пермской губернии» и др. Намеревался он также написать подробную биографию графа Н.Н.Муравьева-Амурского, но работа была прервана скоротечной кончиной. Струве умер 12 февраля 1889 года и был похоронен на Смоленском евангелическом кладбище.

Александр БРЫЛИН

СЛЕДЫ ВЕДУТ В ШОГРИШ

(К РОДОСЛОВНОЙ А.С.ПОПОВА)

Родословная ученого, выходца из двух потомственных семей священнослужителей, известна мало. Исследователи обычно ограничиваются лишь ближайшим его окружением.

Письмо ко мне внучатой племянницы изобретателя радио М.В.Гуляевой-Словцовой было неожиданным. Она сообщала, что прадед А.С.Попова по материнской линии отец Иоанн (Иван) Пономарев был настоятелем церкви в селе Шогриш Ирбитского уезда. Письмо подтолкнуло к поиску.

Дело в том, что о материнской линии родословной вообще ничего неизвестно.

Итак, село Шогриш. Оно расположено в Артемовском районе Свердловской области. Триста тридцать лет назад сюда переселились несколько крестьянских семей с Невьянской слободы. К концу XVIII века Шогриш — крупное село с деревнями, центр волости. Сохранилось здание его трехпрестольной Свято-Никольской церкви, хотя и в очень плачевном состоянии. Остатки декоративных деталей, карнизов, оконных наличников с кокошниками и следы росписей помогают представить, какое это было великолепие.

В 1976 году автору этих строк довелось сопровождать представителей областного общества охраны памятников истории и культуры. Осмотрев церковь, они признали ее памятником архитектуры. Но лишь теперь, в трудные времена, сделаны первые шаги к возрождению храма. Их предприняли сами шогринцы, создав в 1991 году церковную общину. Тогда же священник артемовской Свято-Ильинской церкви отец Сергей отслужил в разрушенном здании первый молебен. Однако работы по восстановлению движутся очень медленно — нет средств.

В свердловском областном и артемовском городском архивах сохранились метрические книги Шогринской церкви. Большие фолианты, переплетенные домотканым суровым холстом и исписанные трудноразбираемым почерком, страница за страницей открывают нам родословную материнской линии А.С.Попова.

Начало прошлого века. В центре села еще высятся обветшавшая деревянная Никольская церковь, известная уникальной оловянной дарохранительницей и старинным Евангелием. В 1803 году настоятелю церкви священнику отцу Иоанну — Ивану Гавриловичу По-

номареву — епархия поручила заложить новое каменное здание церкви с двумя престолами.

Не такое уж крупное село с деревнями Хайдук, Сарафанова, Налимова, Паршина и Егоршина — всего около двух с половиной тысяч прихожан — отважилось на свои средства строить храм. Видимо крестьянский достаток позволял такие расходы.

Неизвестно, кто был архитектором и подрядчиком на строительстве. Но несомненно: в выборе проекта, организации работ, заготовке материалов и главное в сборе средств роль настоятеля была велика.

Строительство длилось по мере сбора средств. Через семнадцать лет, в 1820 году, освятили первый престол — Флора и Лавра, и в новом храме начались богослужения. Еще через двенадцать лет завершен второй — главный — престол, освященный именем святителя и чудотворца Николая.

С гордостью смотрел на свое детище уже постаревший и овдовевший к тому времени настоятель отец Иоанн. Это был труд его жизни. Еще в 1808 году, как отмечают клировые записи, епископ Пермский и Екатеринбургский посвятил в стихари 13-летнего сына настоятеля — Стефана и утвердил его в должности дьячка. Сын стал помощником отца, в том числе и в делах строительных.

В 1830 году в семье Стефана Пономарева (это дед изобретателя) и его жены Ольги Ивановны уже шестеро детей. И родился седьмой ребенок — дочь Анна — будущая мать А.С.Попова. Через два года Стефан овдовел и, обремененный большой семьей, пошел на прямое нарушение церковных правил — женился второй раз. С тех пор его преследовало греховное определение — «двоеженец», закрывая возможность продвижения по службе или получения каких-либо поощрений.

Как видно из клировых записей, новый настоятель не очень-то жаловал дьячка Стефана, отмечая, что «чтение, пение и катехезис он знает посредственно». Стефан по-прежнему в основном занимался хозяйственными делами: строил придел для третьего престола, прицерковные здания — в том числе и для школы. А в конфликте с крестьянином Семеном Чехомовым его признали виновным в «причинении обиды» и сослали в Верхотурский Никольский монастырь, где

и провел он «два месяца в послушании и трудах». Полвека трудился дьячок Стефан Пономарев в сельском храме, пока не был выведен «в запятат».

Крестьянские церковные приходы на Урале не были богатыми. Сельские священнослужители вели свое хозяйство, сеяли хлеб, держали скот. Не легко приходилось дьячку Пономареву, когда за стол садилось больше десятка «ртов». Каждого хотелось пристроить к делу, научить грамоте. Школа открылась уже только для внуков. Своих детей дьячку приходилось учить дома. Тем не менее два его сына — Иван и Петр, — освоив грамоту, стали такими же дьячками в родной церкви. Два других сына, взятых в духовные училища, поднялись до должности священников: Яков — в Алапаевской церкви, Михаил — в селе Скородум. Внук — Иван Гаврилович — окончив Екатеринбургское духовное училище, стал настоятелем в селе Изъедино, а другой внук — Александр Петрович — после Пермской духовной семинарии возглавил приход в селе Савинском.

В той же семинарии учился и алапаевский внук — Александр Яковлевич. Закончив четыре общеобразовательных класса, он не пошел по духовной стезе, а выбрал путь врача. Известный пермский земский деятель и краевед Д.Д.Смышляев пригласил А.Я.Пономарева заведовать отделением для душевнобольных Александровской больницы в Перми. Здесь он одним из первых в России применил метод лечения трудом, создав для душевнобольных земледельческую колонию. Потом А.Я.Пономарев более десяти лет работал земским врачом в Пермском уезде.

Не пошел по церковной стезе и другой отпрыск третьего поколения Пономаревых — сын шогринского дьячка Степан Иванович. После Пермской духовной

семинарии он служит в губернском присутствии по крестьянским делам, становится его секретарем. Затем переезжает в Ирбитский уезд, где опять же занимает должность председателя присутствия по крестьянским делам, становится земским начальником 3 участка Ирбитского уезда. За многолетнюю безупречную службу С.И.Пономарев награжден орденом Станислава 2 и 3 степеней. Они давали ему право на дворянство.

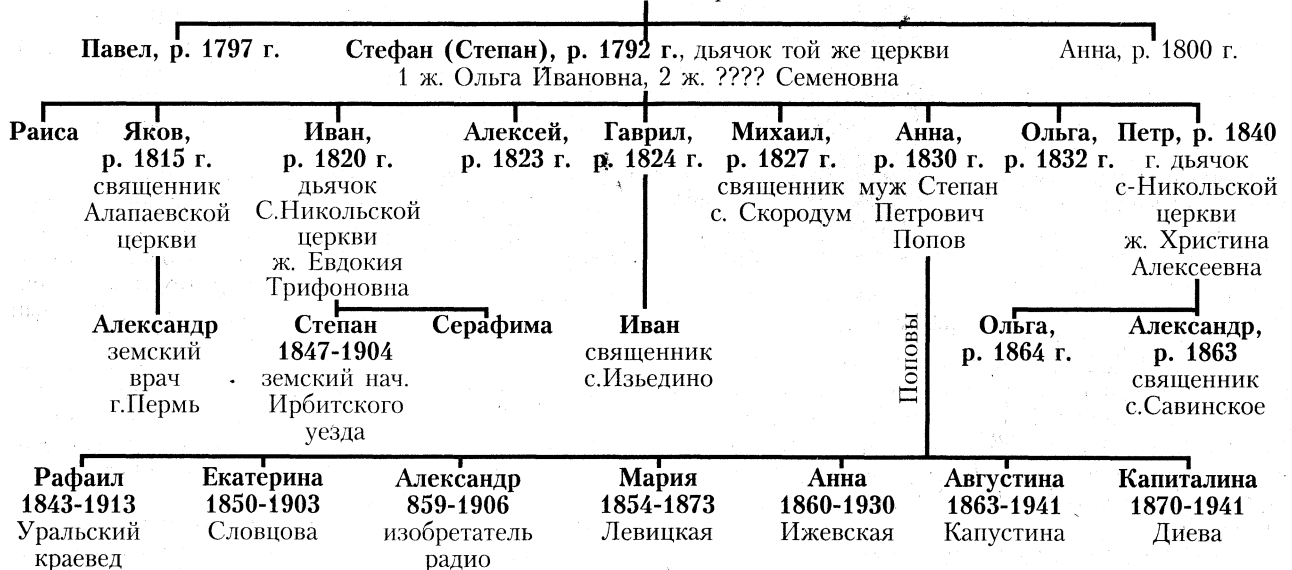
Все вышеупомянутые Пономаревы — близкие родственники изобретателя радио, его дяди и сродные братья по матери.

Не так много мы знаем о связях А.С.Попова с родным краем. 18-летним он уехал учиться и работать в Петербург. Потом трижды приезжал на Урал — в 1882, 1894 и 1897 годах. Посещал многих родственников. Из одной поездки, увлекшись фотографией, привез около ста снимков. На них запечатлены родственники, земляки, места, где побывал. Часть фотографий печаталась в журнале «Огонек». Тогда было высказано мнение, что расшифровать снимки не удастся.

На мой взгляд, ключом к расшифровке может стать родословная изобретателя. Не мог Александр Иванович не побывать в селе Шогриш, родине матери. На его снимки могла попасть и сельская церковь, построенная дедом и прадедом, и поповский дом. Мог он погостить и у дядей в Алапаевске, Скородуме, у сродных братьев в Ирбите, селе Савинском. Это, разумеется, помимо родных для него Турьинских рудников, Богословского завода, Надеждинска, где еще жила его мать Анна Степановна с одной из дочерей.

Предлагаю читателям небольшую родословную А.С.Попова по линии матери. Может, кто-то сумеет ее дополнить, кто-то отыщет свидетельства о жизни его родных в том или ином уголке нашего края.

Пономарев Иван Гаврилович, р. 1767 г.
протоирей Свято-Никольской церкви с.Шогриш
м.Татьяна Ивановна, р. 1767 г.

Наталия ПОЗДНЯКОВА

МЕССА ПО ВИТОЛЬДУ

Года три назад я просматривала «Путеводитель по Государственному архиву Свердловской области» 1979 года выпуска и в разделе «Личные фонды и коллекции» увидела знакомую фамилию — Сырокомский Витольд Сигизмундович, ученый, профессор-химик, фонд 2049. Не отец ли это моего друга Юлия Витольдовича? Я поспешила к нему с путеводителем.

— Да, после смерти отца маме порекомендовали все его бумаги поместить в архив. Я помогала готовить документы к передаче.

С благословения Юлия Витольдовича отправилась в ГАСО и, запросив опись дела 2049, выбрала из полсотни папок две, содержащие биографические данные.

Родился 10 октября 1892 года в туркестанском городе Мерве, известном выдающимся памятником XII века — мавзолеем Султана Санджера. Вскоре его отца, врача военного ведомства, перевели на Кавказ, а затем на КВЖД в Манчжурию. В 1911 году Витольд с блеском окончил владивостокскую классическую гимназию и поступил в С-Петербургский политехнический институт на электрохимический подотдел металлургического отделения. Сохранился его лекционный билет с фотографией, снятой по случаю окончания гимназии.

Студентом Витольд Сигизмундович занимался в лаборатории геологии и минералогии под руководст-

Сырокомский Витольд Сигизмундович (1892-1951).
Зав. кафедрой аналитической химии СГУ (с 1944 г.), профессор

вом профессоров Ф.Ю.Левинсона-Лессинга и Д.С.Белянкина. Летом 1914-го участвовал в геологической экспедиции по центральному Кавказу, где на берегах Терека нашел редкий цинковый минерал и написал свою первую научную работу.

С 1917 года начинающий ученый работал по приглашению Александра Евгеньевича Ферсмана в КЕПСе — комиссии по изучению естественных производительных сил при Академии наук. В круг его интересов входили редкие элементы, технология вольфрамовых руд, получение калийных солей из полевых шпатов. Интересно, что средства на эти исследования Витольду Сигизмундовичу помог получить А.М.Горький, которого он при личной встрече сумел заинтересовать важностью этих работ для молодой Республики Советов. В Петрограде тех лет свирепствовал голод и красный террор. Температура в ла-

бораториях и библиотеках зимой месяцами не превышала нулевой отметки. Тем не менее российские ученые опубликовали в то время массу исследований, о которых высоко отзывался английский научный журнал «Природа», обзоревавшая издания Российской Академии наук за 1918-1921 годы.

«Ввиду тяжелых материальных условий, бывших в то время в Ленинграде, принял приглашение Уральского Горного института преподавателем на кафедру

минералогии», — пишет он в автобиографии. Молодого исследователя привлек на Урал и научный интерес. Он хотел своими глазами видеть известные каждому минералогу богатейшие месторождения.

В 1922 году Горный институт стал одним из факультетов Уральского университета, а в 1925-м ряд факультетов УрГУ перепрофилировали в Политехнический институт. Таким образом, Витольд Сигизмундович стоял у истоков трех крупнейших и самых известных ВУЗов Урала.

В статье «Наука России после Октября», опубликованной в декабре 1924 года в екатеринбургском журнале «Товарищ Терентий», Витольд Сигизмундович писал о том, что отрезанность и разобщенность от внешнего мира тяжело отразилась на отечественной науке в первые годы революции. Движение научной мысли вперед невозможно без обмена книгами, журналами, без международных съездов... Эти строки написаны конечно же с надеждой на лучшие времена. В ГАСО хранится диплом на немецком языке, который в переводе его сына звучит так: «Господин Витольд Сырокомский из Екатеринбурга на сегодняшнем заседании принят в чрезвычайные члены германского химического общества. Берлин, 14 мая 1923 года». Очевидно, были и публикации, и связи с крупными европейскими специалистами, но опустил «железный занавес». И для него — навсегда.

Все, кто знал ученого, отмечали его редкую работоспособность, выдающийся аналитический ум и организаторский талант. Он стал автором более ста научных публикаций, восьми изобретений и нескольких проектов, по идеям которых у нас построены заводы и технологические линии.

В 1927 году Сырокомский впервые доказал наличие ванадия в уральских титаномагнетитах и наметил пути его извлечения, принятые впоследствии после долгих дискуссий за основу метода передела титаномагнетитов в чугуны и феррованадий. Ванадий — металл стратегический. Его производство за рубежом было строго засекречено. Лучшие отечественные умы много лет бились над его промышленным получением. Сырокомский был отмечен Серго Орджоникидзе приказом по Наркомату.

В 1931 году в системе Востокстали Витольд Сигизмундович организовал научно-исследовательскую лабораторию методики анализа и контроля производства. В ней был налажен выпуск стандартных образцов (аналитических нормалей) для улучшения постановки лабораторного дела.

Еще через пять лет усилиями Сырокомского возникла лаборатория аналитической химии и технологии редких элементов в Уральском филиале АН СССР. Там был разработан и опробован на Кировградском заводе метод извлечения редких элементов из отходов медеплавильных заводов. Эту работу отметили премией АН СССР.

Работы по технологии ниобия и выпуску аналитических нормалей были представлены к Сталинской премии в 1942 и 1943 годах, но, увы, не удостоились.

В начале 40-х годов шла речь о присвоении Ви-

тольду Сигизмундовичу ученой степени доктора наук по совокупности работ, подкрепленных отзывами видных ученых. Академик Ферман писал тогда о нем: «... Совершенно законченный крупный научный исследователь нашей страны...». Перед самой войной документы были отправлены в Москву на утверждение и там затерялись. Возможно, это стало одной из причин инфаркта, случившегося с ним в июле 1942 года. Сказались и огромное напряжение последних лет, и удручающая обстановка подозрительности и разгула репрессий, чудом не коснувшихся его, и тяжелый полуголодный быт военного времени. Семья вместе с эвакуированными родственниками ютилась в одной неблагоустроенной комнате. От последствий инфаркта он так и не оправился до конца жизни.

В конце 40-х, несмотря на тяжелую болезнь, Витольд Сигизмундович был в творческом расцвете: одна за другой выходят его книги «Ванадатометрия» и «Методы анализа железных руд», целый ряд статей. Фундаментальный труд «Ванадатометрия» — классическое исследование в области аналитической химии. Он сделал имя ученого известным в широких научных кругах. В 1947 году профессор Сырокомский утвержден в должности заведующего кафедрой аналитической химии УрГУ, а в 1949-м стал лауреатом премии ученого совета университета за лучшую научную работу.

Витольд Сигизмундович Сырокомский являл собой классический тип российского интеллигента, ныне почти вымерший. Всесторонний кругозор, неотразимое обаяние, светское воспитание и изысканные манеры. Вместе с тем был он строг и требователен. Погруженный в свои мысли, часто не замечал обыденных проблем. И мало кого впускал он в свой внутренний мир. Витольд Сигизмундович свободно говорил и писал на нескольких европейских и знал основы некоторых восточных языков, разбирался в искусстве, владел навыками скоротечения. Не лишен он был и чувства юмора, и часто, как ребенок, радовался своим шуткам, всегда мягким и никому не обидным.

Чрезвычайно добрый, он всегда был готов помочь попавшему в беду человеку. В то время это было небезопасно. Рассказывают, как он на свой страх и риск принял на работу человека, уволенного отовсюду за принадлежность к семье репрессированного. В другой раз купил за немалые деньги какую-то вещь у харбинского репатрианта, чтобы поддержать его материально. Одну пожилую даму, мать американского специалиста, сгинувшего вместе с женой в ГУЛАГе, Сырокомский буквально спас от голодной смерти, предложив заниматься с его сыном Юлием английским языком. У старой женщины не было никаких педагогических навыков, но он платил ей приличные деньги.

Умер Витольд Сигизмундович 23 января 1951 года в больнице, что на улице Большакова. Ему было 58 лет от роду. Неожиданную смерть вызвали трагические обстоятельства личной жизни. В 45-ю годовщину его кончины я нашла в Екатеринбурге католическую общину святой Анны, и отец Ежи отслужил зауспокойную мессу по усопшему Витольду.

Геннадий ТИМОФЕЕВ

МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК

Случилось так, что придя учителем в первый класс в 1935 году, я на всю жизнь остался в школе. Меня направили в Усть-Манью — самый отдаленный пункт Березовского района, в предгорья Урала заменить трагически погибшую учительницу.

Эта крохотная деревушка в несколько десятков домов, прижатая сплошной стеной тайги к Сосьве, расположена в ее излучине. Изумительная красота окрестностей скрашивала все невзгоды глухомани.

Русских здесь было мало. Школа располагалась в приспособленной для занятий избе, в отдельной комнате была и квартира учителя. Занятия начинались в 11 часов утра, когда дневной свет позволял читать и писать. К такому режиму принуждала нехватка керосина.

Обитатели деревни занимались охотой, рыболовством, а несколько семей — оленеводством. Главным промыслом была охота на пушного зверя: белку, лисицу, горностая и соболя, идущих на экспорт. Каждый охотник имел свое промысловое угодье, отделенное от других природными границами. Их знали охотники-соседи и никогда не нарушали. Здесь не было помещичьего землевладения. На всей территории Ханты-Мансийского округа обитало менее ста тысяч человек. Плотность населения составляла менее чем 0,3 человека на один квадратный километр.

Многие угодья по речкам Тапсуй, Сосьве, Манье тянулись на сотни километров в такой глуши урманов, что, казалось, там еще не бывал человек. По левому берегу Сосьвы, вплоть до Няксимволя, по болотам и перелескам до предгорий Урала длились олени пастбища, а на юге они заканчивались водоразделами Пельма и Лозьвы. Устьманьницы пасли здесь около тысячи голов оленей.

Это был край, еще не испорченный цивилизацией. Нравы, обычаи и обряды бытовали здесь в своем изначальном виде.

В ноябре охотники Илья Ильич Номин и Василий Петрович Ерныхов убили уже залегшего в берлоге медведя. Весть эта быстро облетела всех жителей-манси ближайших поселений. Все враз оживилось и стали готовиться к празднику. Юрты Номина и Ерныхова оказались маленькими, и «медвежий праздник» решили провести в просторной избе Николая Васильевича Морозова, который охотничал в Усть-Манье с незапамятных лет. Он был зырянин, знал мансийский язык и хорошо говорил по-русски. Имел жену-манси и красавицу-дочь. Как и многие охотники-мужчины, Морозов получил отсрочку от мобилизации в армию. Устьмань-

ские колхозники были приписаны к Омскому военному заводу, которому по договору поставляли мясо, грибы, ягоды, рыбу и т.д.

Как только наступили сумерки, начался в доме Морозовых «медвежий праздник». Люди заполнили избе до отказа. Праздник, как обычно, начался с окуривания головы медведя и пения песен под аккомпанемент сангвалтапа, на котором играл бывший шаман Александр Иванович Енисоров.

Праздник шел по обычному сценарию, но имел некоторую особенность: больше было драматических представлений и жанров сценического искусства.

После очередной песни вышли мужчины в вывернутых наизнанку малицах и в масках, видимо, оставшихся от предыдущего праздника.

Мужчины с посохами в руках изображали начало удачной охоты на белок и дичь. Они сопровождали свои действия подражанием лаю собак-помощников. Каждая «лаяла» по-своему: от фальшета до густого баритона, каждый раз меняя тембр при облаивании разной дичи или зверя. И охотники прекрасно улавливали эту разницу.

Те из них, что потеряли надежду на добычу, часто обращались к своей таежной покровительнице Мис-пэ. Она вмешивалась в дела охотников и после обращения к ней посылала удачу.

Тот, кто не видел певца дикой тайги в его экстазе в обычных условиях жизни, едва ли сможет понять особую прелесть вогульского вокала. В «Ежегоднике Тобольского музея» есть описание этих песен. Вогул поет то, что видит перед собой, когда плывет на лодке или едет на оленях. Надо слышать вогульские песни и мелодии, видеть певца-музыканта, играющего на своем тернам-ив со струнами из оленьих сухожилий. Вкрадчиво начинает он свою песню, потом тон ее возрастает, наконец, переходит в смелый, уверенный, и вдруг обрывается песня на одно мгновение, словно кто всхлипнет, заплачет, и снова возникает тихая, чарующая мелодия лесов.

Песенное творчество народов манси — это перевод с языка природы на язык искусства. В далеком прошлом это были былины, предания, героические поэмы и песни. Осколки эпических сказаний, они не уступали по своей поэтичности карельским и финским сказаниям «Калевалы» да и нашему «Слову о полку Игореве». Это очень хорошо видно на примерах вольной обработки вогульского эпоса русскими поэтами М.Плотниковым и С.Клычковым в их поэмах «Янгаал-Маа» и «Мадур Ваза Победитель». Авторы непосредственно

слушали песни и сказания, до сих пор бытующие в чумах и паулах древней Югры.

Только в старых сагах вогулов, восхищенных красотой окружающей их благодатной природы, могли зародиться такие удивительные песни:

Лес шумел, внизу, в пауле,
Громко лаяли собаки,
Над урманом высоко
Белоснежными комками
Облака к востоку плыли.
Там прозрачно-голубое
Небо светом трепетало,
Словно невод с мелкой рыбой,
Чешуей и плавниками...

Первая и вторая ночь «медвежьего праздника» проходили, как обычно, в плясках, песнях. Было показано несколько сенок из жизни медведя, которые исполняли только мужчины.

К исходу третьей ночи начались драматические представления, которые забыть невозможно. Вот одна из сенок. «Актеры» были в маскарадных одеждах, изображали олененка с маленькими рожками, рыжую лилицу, ворону с ее характерной плоской головой, журавля с деревянным изображением клюва на высокой палке-шее. Заглавные роли исполняли охотник и его маленький сын с луками и стрелами, мать-олениха и маленький олененок.

Когда охотник с сыном подходили к пасущимся оленям, птицы предупреждали их об опасности тревожными криками, а рыжая лиса, наоборот, прячась за елочкой, нетерпеливо ждала трагической развязки. Когда охотники обнаружили оленей и стали натягивать тетивы луков, птицы громко закричали, а мать-олениха, увидев охотников, стала закрывать собой олененка. Птицы по-прежнему громко и тревожно кричали. Наконец, выбрав удачный момент, охотник ранил олененка, и он упал на колени. Обезумевшая от горя мать бегала вокруг своего дитя, лизала его рану, в отчаянии мотая головой и ушами.

Добивать олененка отец поручил сыну. Выпущенная стрела поразила его насмерть, а мать-олениха, встав на колени, все еще не верила в гибель своего дитя.

Спустя много лет я написал на этот сюжет картину «Древний театр вогулов», которая хранится теперь в фондах Хантымансийского окружного музея.

В момент этой сцены в дом вошли двое приезжих: русский и манси. Появление новых лиц не вызвало никаких замешательств. Праздник шел своим чередом — по «сценарию», неизвестно когда и кем написанному. Женщины, заметив вошедших, подали им кусочки мяса, хлеб, сахар и по стакану водки, усадили на освободившееся место около головы медведя.

Тем временем началась новая сценка. Трое поехали на оленях на заповор за рыбой. Возвращаясь, они потеряли своего товарища. Его поиски сопровождалась мольба к духам, помочь им найти отставшего рыбака. Когда они нашли его замерзшим, то встав на колени и

качаясь всем телом, стали оплакивать умершего. Уныло звучал сангквалтап, ему вторило монотонное пение скорбящих.

Завершила эту праздничную ночь опереточная сценка, в которой участвовали двое мужчин. Они сели на пол. Один из них стал укорять в песнях присутствующих в безделье и лени. Про себя же пел, что он очень трудолюбивый и всегда убивает много белок. Ему вообще везет в жизни потому, что он человек не ленивый. Второй, отбивая ритм музыки посохом, что-то подпевал выдумщику-хвастуну, а в конце песни оба разом упали на пол и, катаясь по нему, высоко задрав ноги, громко смеялись. Все присутствующие в избе сопровождали смехом эту выдуманную историю...

Звон мелодичного колокольчика обозначил окончание третьей ночи праздника.

Русским гостем оказался Николай Андреевич Сирин, будущий начальник Полярно-Уральской экспедиции, доктор геолого-минералогических наук, много сделавший для открытия редчайших металлов, минералов и каменного угля на Урале и в его предгорьях.

Он рассказал, что ехал однажды по полузаброшенной дороге на Ивдель, по которой в начале века бежал из березовской ссылки Лев Давыдович Троцкий. Бытует легенда о том, как старый шаман Ворсик-Ойка (Самбиндалов), живший тогда в Евты-сос-пауле на дороге из Усть-Маньи в Ивдель, предсказал Троцкому судьбу.

Николай Андреевич, скитаясь по уральской тайге и таежным паулам, много раз бывал на медвежьих праздниках. Его поражало умение объединить в одно пение, музыку, танцы и этим отразить событие или явление. Это уникальный и до сих пор неизученный феномен.

Касаясь вогульских преданий, былин, мифов, он находил их похожими на устные традиции других и близких к ним, и очень далеких народов. Например, в османских поверьях много сходного с вогульскими воззрениями на священное происхождение медведя.

Исследователь драматического искусства народов манси прошлого века Артур Кенисто писал: «...невольно навязывается сравнение вогульского драматического искусства с греческим, римским, каковыми они являются в своей первоначальной стадии развития, и нельзя не констатировать некоторых совпадений».

Но случайное это совпадение, или искусство тех и других имеет общие источники происхождения?

Несомненным остается одно: вогульское драматическое искусство в конце прошлого века — и особенно это видно в «медвежьих праздниках» — положило начало не только драме, но и национальной опере, оперетте и кукольному театру.

...После душевной избы, в которой проходил праздник, морозный воздух был удивительно легким и чистым. Над хвойным урманом, путаясь в рваных клочьях облаков, неярко светила луна. Высоко в небе сверкал млечный путь своими мириадами звезд, скромно светившихся под волшебным фонарем луны.

Слайды Александра Валова на 3-й странице обложки.

Сергей ГЕОРГИЕВ

ОЛИМПИЙСКИЙ ПРОКАЗНИК

Три пастуха

Набегавшись за день, Гермес вернулся на Олимп и вдруг с вершины увидел трех пастухов. Лица людей были хмурыми и мрачными, ибо, не считая скота, каждый имел в своем кошельке лишь по одной монете.

Юный Гермес хлопнул себя ладошкой по лбу и рассмеялся:

— Какие глупцы! Неужели один только я знаю, как в один миг сделать этих бедняков богатыми?!

Завернувшись в простую хламиду, Гермес подошел к пастухам и, поприветствовав их учтиво, заметил:

— Три монеты в кошельке каждого лучше, чем по одной, не правда ли?

— Да, да, ты прав, добрый юноша, — согласно закивали головами пастухи.

— Тогда сделаем вот что, — оглядевшись по сторонам, предложил Гермес. — Видите тот плоский камень? Кладите на него все ваши деньги, а затем внимательно слушайте, что вам скажут боги с Олимпа!

Пастухи поступили именно так, как советовал им разумный юноша. Гермес же тем временем достал из-под мышки морскую раковину и зашептал в нее так, чтобы слышал только один из бедняков:

— Все эти деньги твои! Возьми их и спрячь под одинокой оливой!

Пастух обрадовался, забрал три монеты, лежавшие на плоском камне, отнес их под оливу и закопал там. Тогда Гермес прошептал в раковину для второго бедняка:

— Под одинокой зеленой оливой лежат твои деньги! Возьми их и спрячь понадежнее под могучим дубом.

Второй пастух обрадовался, быстро отыскал деньги под оливой и перепрятал их под дубом.

— Твои же деньги, достойный человек, — сказал Гермес третьему, — ты найдешь под старым дубом. Спрячь их понадежнее в кувшине из-под козьего молока.

Когда совет его был исполнен, Гермес незаметно вытащил из треснувшего кувшина три монеты и обратился к пастухам: — Отчего выглядите вы такими счастливыми, люди?

В ответ пастухи, перебивая друг друга, заговорили:

— О, достойнейший юноша! Пока не узнали тебя, были мы последними бедняками! Теперь же прямо в руки свалилось богатство! Каждый стал обладателем трех полновесных монет!

Весело рассмеялся Гермес, и раздал пастухам еще по одной монете.

Молнии Зевса

Как известно, Гермес брал под свое покровительство не только торговцев, но также разных плутов и мелких воришек.

— Помоги мне, сын Зевса и Майи! — так обратился к Гермесу богатый купец Пифокл, отправляясь в дорогу с большим возом бычьих шкур.

Пифокл принес Гермесу щедрую жертву, и проказник остался очень доволен.

— Я услышал тебя, — прошептал он в морскую раковину. — Дело твоё принесет большие барыши!

Не успел Пифокл тронуть своих волос, как Гермес услышал молитву, с которой обратился к нему бедолага Клептон. Ремеслом своим Клептон сделал то, что незаметно, из-за кустов, подбирался к проезжавшим мимо возам и тащил с них все, что под руку попадало.

Клептон так жарко просил Гермеса о заступничестве, что пройдоха-бог махнул рукой:

— Что ж, помогу и этому! Когда Пифокл оказался наконец на торговой площади, он обнаружил, что половина бычьих шкур с его воза бесследно исчезла.

— О, горе мне! — вскричал несчастный. — А ты, Гермес, сын Зевса, как ты мог допустить такое?!

— Не могу же я следить за каждой вонючей шкурой, — оставаясь незамеченным, развел руками заступник. — И потом, я обещал лишь, что дело принесет барыш!

Сказав так, Гермес отправился разгуливать по окрестностям и всюду рассказывал про страшных волков, которые нападают на торговцев и путешественников, не зная пощады. Купцы были очень напуганы этими слухами, они повернули свои повозки назад, и в тот день бычьими шкурами торговал один только Пифокл. Цены на шкуры невероятно поднялись, и Пифокл заработал так много денег, что и поверить не мог.

Клептон же тем временем очень сокрушался:

— Ах, растяпа я, растяпа! Зачем поскромничал и утащил только половину бычьих шкур?! Торговец выглядел таким простофилей, он не заметил бы, возьми я у него все до последней соломинки с воза! Бычьи шкуры, они оказались нынче в такой цене! Услыхал Гермес слова Клептона, подивился его жадности. Поднес Гермес к губам морскую раковину и прошептал:

— Должно быть, имеет тот купец при себе нечто гораздо более ценное, чем бычьи шкуры! Потому и был он к шкурам так невнимателен...

Окаменел Клептон, странный шепот проник ему в самое сердце, породив там страшную догадку.

Тем временем довольный Пифокл разгуливал по

торговой площади. Гермес же, завернувшись в простую хламиду, неузнанным возник перед удачливым торговцем и предложил тому небольшую мраморную шкатулку.

— В этой шкатулке мое самое большое богатство, но обстоятельства таковы... — обратился юноша к Пифоклу. — Прошу тебя, купи ее у меня всего за одну бронзовую монету. Ты очень выручишь меня!

Пифокл долго отказывался, но юноша оказался столь красноречив, что купец уступил. Он положил ненужную ему шкатулку на воз и отправился в обратный путь.

— Простофиля везет с собой много денег, — рассуждал тем временем Клептон, скрытно наблюдая за приближающимся возом. — Неужели он обладает при этом и еще чем-то несравненно более дорогим? Где же он эту необыкновенную драгоценность прячет?

— В маленькой мраморной шкатулке, — прошептал в свою морскую раковину вездесущий Гермес.

Ловкач Клептон тенью скользнул к возу Пифокла, и в одно мгновение заветная шкатулка оказалась в его пронзительных руках. Пифокл даже не заметил пропажи, так как про юношу и шкатулку он успел уже забыть, размышляя о свалившемся на него богатстве. Клептон же, отбежав на безопасное расстояние, склонился над заветной шкатулкой.

— В твоих руках теперь то, чего не держал еще никогда ни один из смертных, — услышал Клептон знакомый голос. В голосе ему даже почудилась зависть.

Клептон нетерпеливо распахнул шкатулку. В следующий миг грянул оглушительный гром, все ослепительно засверкало вокруг...

В маленькую мраморную шкатулку шалун Гермес спрятал молнии, которые тайком утащил у своего отца Зевса еще утром просто так, побаловаться.

Козочка

Небогатая вдова по имени Скирия обратила свою горячую молитву богу плодородия Пану. Скирия просила Пана, чтобы тот послал ей молодую козочку, молоко которой прибавляло бы вдовушке сил.

Молитву Скирии невзначай услышал проходящий мимо Гермес.

— Во дает! — захохотал юный пройдоха и ударил по струнам своей лютни, сделанной из панциря черепахи. — Беспокоить бога Пана из-за какой-то там козочки! Того и гляди, она пристанет с такими пустяками к самому Зевсу!

Мысль о Зевсе, который прутиком разгоняет коз, так рассмешила Гермеса, что он немедленно направился к Олимпу.

— Я обязательно передам эту молитву именно самому Зевсу, — напевал Гермес, подыгрывая на лютне. Зевс пребывал в скверном настроении.

— Любимый сын мой, ведь ты пришел передать мне просьбу достойнейшей вдовы Скирии? — строго спросил всеведущий бог.

— Да, благородный отец, — потупился Гермес. Смешливость его как ветром дуло, и, конечно, не осмелился Гермес говорить богу Зевсу о таком пустяке, как одна-единственная коза. Но тут же придумал плут,

как ему выпутаться.

— Отец мой, вдова Скирия не прочь получить от тебя в подарок небольшое стадо всего из полсотни тучных коров, — честно глядя в глаза Зевсу, сообщил Гермес.

— Ну дает! — крикнул и Зевс, но потом махнул рукой:

— Что ж! Так тому и быть! Отбери-ка, дорогой сын, полсотни лучших моих коров, добавь к ним кругорого быка и отведи стадо вдове Скирии.

— Хорошо, отец, — смиренно согласился Гермес. — Но для ровного счета я бы добавил к подарку одну молоденькую козочку!

Шутка сына необыкновенно понравилась Зевсу. Он раскатисто захохотал, упиваясь собственной необыкновенной щедростью. Гермес же вскочил верхом на быка, ударил по струнам лютни, и стадо двинулось в путь.

— Сдается мне, неплохо все вышло, — рассуждал по дороге Гермес. — Но просила ли вдова Скирия впридачу к единственной козочке полсотни коров, да еще и с быком?! Хорошо ли это, если мой дорогой отец, бог Зевс, в глазах смертных будет выглядеть транжирой и мотом, раздающим свои богатства направо и налево?! К тому же, не станут ли для Скирии коровы только лишней обузой?..

Подумав так, Гермес завел божественное стадо в ущелье, оставил там, а козочку пригнал вдове Скирии.

То-то счастлива была старуха! Гермес же вернулся в ущелье, вскочил верхом на быка. И только тогда увидел поджидавшего его на камне бога Аполлона.

— Любезный брат мой, — обратился Аполлон к Гермесу, лукаво улыбаясь. — Мне известно, сколь последователен и терпелив был ты, исполняя молитву достойнейшей вдовы Скирии. Но не прилипло ли что-либо и к твоим рукам?

— Нет, — простодушно отвечал Аполлону Гермес, ударив по звонким струнам. — Ничего и не могло прилипнуть к моим рукам, ибо все это время я не переставая играл на лютне!

Бараны

Два брата, Филон и Эпимах, получили после смерти своего отца, Телемая, богатое наследство. Но старший, Филон, был так жаден и хитер, что в скором времени оказалось: из отцовского наследства не принадлежит ему только два барана, да и тех он собрался поделить с братом по «справедливости».

— О, Гермес, мой олимпийский заступник! — взмолился тогда Эпимах. — Помоги же мне, образумь несчастного брата моего!

— Это может оказаться забавным, — весело хлопнул в ладоши Гермес, услышав молитву Эпимаха.

Божественный проказник завернулся в простую хламиду, мимоходом захватил пригоршню сырой подавленной глины, отогнал спорных баранов за кусты и затем предстал перед братьями Филоном и Эпимахом:

— Слышал я, что дележу между достойнейшими подлежат три упитанных барана... — разминая глину пальцами, начал он.

— Два барана, — прошептал Эпимах. Но Гермес будто не услышал младшего из братьев.

— Три барана, — продолжал он. — Кроме того, пастуший нож с обломившимся клинком и треснувшая старая амфора! Солидное наследство!

— Баранов именно три! — Немедленно согласился Филон. — По полтора на брата. Первым свою долю получит первенец, младшему же остатки...

Эпимах будто онемел от таких несправедливых слов.

— А вот последние два предмета я даже и не брал в расчет, — развел руками Филон.

— Напрасно, — покачал курчавой головой Гермес. — Ибо известно, что хороший нож иногда стоит целого барана. Итак, приступаем к делу!

Эпимах горестно вздохнул при этих словах неузнанного им Гермеса, у Филона же масляно заблестели глаза.

— Пусть выберет старший из вас, что ему больше по душе, — провозгласил Гермес. — Отцовский нож или же баран? Баран или нож?

— Не ты ли говорил, незнакомец, что хороший нож бывает подороже целого барана? — хитро прищурился Филон. — К тому же, Эпимаху останется память о нашем любимом отце. Только поэтому я выбираю барана!

— Быть по твоему, — согласился Гермес. И протянул Филону на ладони барашка, только что слепленного из горсти сырой глины.

— Вот так наследство! — охнул жадный Филон.

— Забирай своего барана, — ты выбрал его по справедливости, — поторопил старшего из братьев Гермес. — Мы же продолжим дележ. Против оставшихся баранов я ставлю старую-престарую амфору, с глубокими трещинами по бокам...

— Пусть уж лучше будет старая амфора, чем такие вот дурацкие бараны, — в гневе закричал Филон. — Пусть баранов забирает себе Эпимах!

— Ты выбрал амфору по справедливости, — заметил Гермес. Он вывел из-за кустов двух упитанных баранов, которых немедленно передал онемевшему от счастья Эпимаху. Затем из-под хламиды появилась божественная лютня, сделанная из панциря черепахи. Бог Гермес ударил по звонким струнам и, весело напевая, отправился к Олимпу.

Единоборство

В зеленой оливковой роще неподалеку от Милета силач Эфрон показывал искусство борьбы, в котором был немало искушен. За день до четырех десятков охотников прижимал могучий Эфрон лопатками к земле.

Гермес проходил мимо, когда громкие крики и возгласы восторга привлекли его внимание. Не удержавшись, плут заглянул через головы зевак, что это происходит в роще. Соблазн схватиться немедленно с прославленным борцом оказался так велик, что Гермес сбросил золотые сандалии с крылышками, завернул их вместе с кадуцеєм в простую хламиду и обнаженным предстал перед силачем Эфроном.

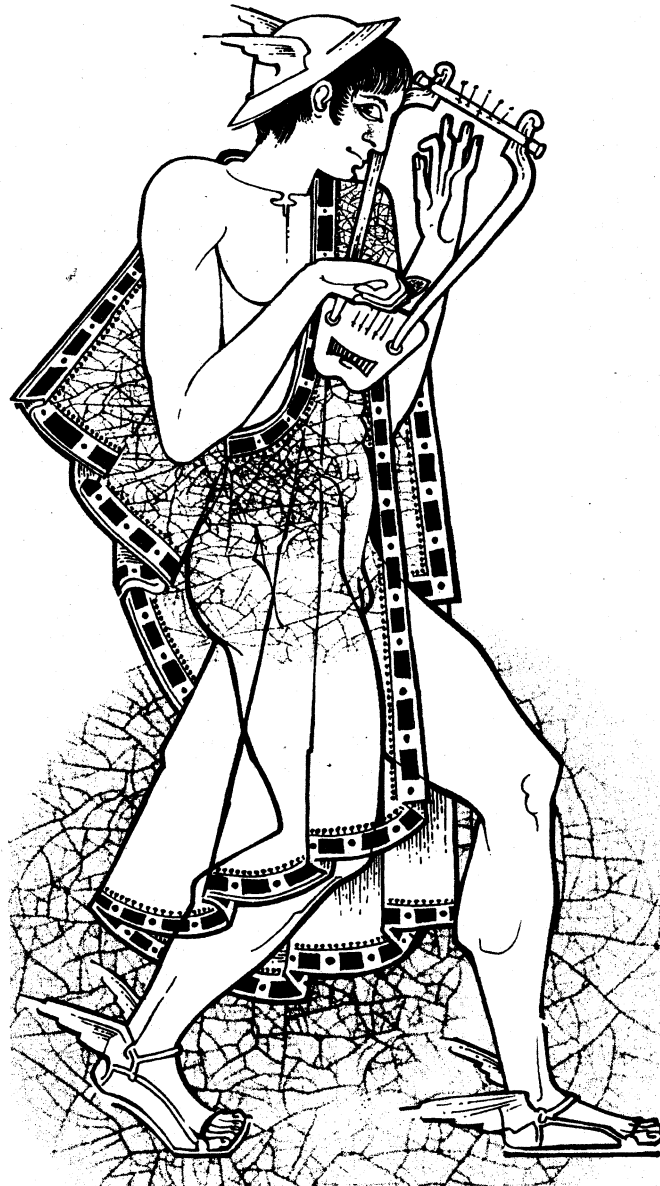
— Иди сюда, цыпленок! — не распознав в жилистом юноше бога, покровителя борцов и гимнастов, насмешливо выкрикнул Эфрон. — Ох, намну я тебе бока!

Крякнув, медвежьей хваткой прижал к себе Эфрон Гермеса, да не тут-то было! Вывернулся мальчишка!

— Вновь изловчил опытный борец, приподнял Гермеса над землей... да во второй раз выскользнул юнец из рук атлета!

Уперлись единоборцы друг в друга, сжали зубы — стоят! Вдулись мускулы, натянулись жилы! Кто кого переборет?

Собрал Эфрон все силы, поднатужился... и полетел вдруг на землю, и вот уже Гермес прижимает его лопатками к траве!

Охнули зеваки, глазам своим не веря. Да уж вскочил Эфрон на ноги, закричал вне себя от гнева страшным голосом:

— Призываю великого Зевса в свидетели! Кабы не был этот мальчишка у меня с утра тридцатым соперником, разве увидел бы кто такое?!

— Это правда, это правда, — загалдели со всех сторон зеваки. — Наш Эфрон столь силен, что в пору ему схватиться один на один с самим Гермесом!

— Разве что могучий Зевс разденется догола и придет на помощь достойному Эфрону, — легкомысленно заметил на это Гермес. — Чтобы Гермесу пришлось схватиться с двумя борцами одновременно!

На Олимпе услышал такие кощунственные слова сына своего всеведущий бог Зевс. Грянул гром, и услышали все слова Зевса:

— Пусть произойдет еще одна схватка! Я на твоей стороне, могучий силач Эфрон! Проучи этого бездельника!

Эфрон весьма приободрился. Гермес же, струхнув поначалу, тут же нашел выход. Этот пройдоха опустился на землю, лег на спину и, вытянув ноги, заметил:

— Как разделят этот подвиг между собой двое борцов, Зевс и Эфрон, разбираться им. Про себя скажу одно: мне ничего не стоит положить на лопатки и самого Гермеса. Вот так вот!

Подумав, хитрюга добавил:

— Если я сказал неправду, пусть всеведущий Зевс немедленно поразит меня самой яркой из своих молний.

Бог Зевс, потянувшись было за молнией, не смог от смеху и раскатисто расхохотался.

— Да, это правда, чистая правда, было дело, — сквозь хохот подтвердил он. — Бездельник как-то уложил на лопатки и Гермеса!

Гермес же, захватив хламиду, в которую были завернуты его чудесные сандалии и кадуцей, отправился дальше по своим нескончаемым делам.

Крылатые сандалии

Лучезарный Аполлон, наигрывая на своей божественной кифаре пленительную мелодию, сидел над быстрым прохладным ручьем.

— О, милый брат мой, — приветствовал Аполлона юный Гермес. — Уж не скука ли завладела твоим сердцем?

— Это ты, шалунишка, — со вздохом отвечал Аполлон. — Ты прав, я немного заскучал, вечно молодой и счастливый бог музыки и гармонии. Не устроить ли нам с тобой потеху?

— Только не стоит сейчас выяснять, кто из нас лучший музыкант, — с готовностью отозвался проказник Гермес.

— Отчего же? — удивился Аполлон. — Ты слышишь, как звенит моя кифара, да и твоя лютия при тебе, брат!

— Мне ли тягаться с тобой, победителем Марсия и Пана, — с улыбкой отвечал Гермес. — Предлагаю сначала померяться силами в беге и метании диска!

Прекрасный Аполлон рассмеялся, услышав такое предложение брата. Он покосился на крылатые сандалии, подарок громовержца Зевса, которые Гермес почти никогда не снимал с ног.

— Согласен, — вдруг сказал Аполлон. — Только уговор: бежим босиком!

— Я сам хотел просить тебя об этом, — воодушевился проказник Гермес.

Он сбросил чудесные сандалии, бережно положил рядом с ними на траву лютию из панциря черепахи и кадуцей, гортанно вскрикнул и помчался, обгоняя ветер! Ох, брат! — только и смог сказать справедливейший из богов, лучезарный Аполлон, когда обежав оливковую рощу, через несколько мгновений Гермес вернулся. — Вижу, опрометчиво согласился я бегать с тобой наперегонки! Боюсь, и в метании диска нет тебе равных...

— Каждое утро без усталости упражняюсь я в этих искусствах, — смиренно отвечал Гермес.

— Но сандалии!! — в недоумении вскричал тогда Аполлон. — Милый брат, ведь отец наш, олимпийский громовержец Зевс, подарил тебе крылатые сандалии, чтобы ты мог бежать, как ветер! Сбросив же сандалии с ног, ты ветер обгоняешь! Зачем же тебе в таком случае сандалии с крылышками?

— Эти золотые сандалии ничуть не мешают мне бежать, — потушившись, отвечал Гермес. — Что ж из того, будто другие думают: бегаю я быстро только потому, что на ногах моих крылья. Вот и в твоих руках кифара, и кому-то неискушенному может показаться, будто благодаря этому ты лучший музыкант, чем я, брат.

Рисунок Александра Грефенштейна

АЭЛИТА

Николай БАРАШКОВ

ДЕЛО ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ

Рисунки Юлии МЕНЬШИКОВОЙ

ГЛАВА 1

Профессор Парамонов устало проговорил в телефонную трубку:

— Ну, хорошо, Алексей Николаевич, соберем коллоквиум послезавтра, в пятницу. Ваш аспирант успеет подготовить доклад? Уже готов? Только, пожалуйста, подготовьте его говорить покороче. А вообще-то, нельзя ли отложить? Жара ужасная!

— Сроки поджимают. Ведь вы же знаете, Игорь Евстигнеевич, нашу зав. аспирантурой. Грозит лишить стипендии, если не переедем в срок.

— Понятно... Ладно, договорились. До пятницы.

Алексей Николаевич Сорокин, старший научный сотрудник лаборатории полимерных материалов, положил трубку и повернулся к своему аспиранту Жене Евдокимову.

— Все, с шефом мы уладили. Кажется, он не собирался приезжать в пятницу. Еще бы, такая погода на улице: с дачи уезжать не хочется.

Женя понимающе кивнул. За окном палило солнце, от которого не спасали даже выдавшие виды шторы.

— Давайте сюда ваш индивидуальный план.

Женя достал из письменного стола несколько листов бумаги и протянул Сорокину.

— Так... За два года сданы экзамены по философии и английскому. Отправлены две статьи в «Высокомолекулярные соединения», оформлена заявка на изобретение. Что ж, совсем неплохо! Надо заполнить страничку на следующий год. Третью статью мы с вами подготовим, а может быть, и еще одна заявка получится. Как вы думаете?

Женя кивнул.

— Что-то давно не видно вашего дипломника. Как у него дела?

Евдокимов слегка замялся.

— Саша предупредил, что неважно себя чувствует. Он, кажется, перекупался в прошлый выходной. Простудился, должно быть. А вообще-то, с дипломом у него все в порядке. Эксперимент закончен, через неделю покажем вам текст.

— Хорошо... А как ваши успехи с последней серией полимеров? Удалось выделить ион-радикальные соли? Что-то давненько вы мне ничего не показывали...

Женя отвернул глаза от внимательного взгляда Сорокина.

— Я уже не раз хотел с вами поговорить, Алексей Николаевич. Но вы последнее время были очень заняты. Дело в том, что...

В это время зазвенел телефон.

— Да, Зина, это я, — проговорил Сорокин в трубку. — Как, уже половина шестого?! Ладно, сейчас выезжаю. Жена звонила, — извиняющимся тоном пояснил он, — просила приехать домой пораньше. Знаете что, Женя, завтра я собирался поработать дома над своей диссертацией. Приезжайте ко мне после обеда, часа в три-четыре. Обсудим ваш доклад на коллоквиуме, поговорим и о текущих делах. Договорились?

— Хорошо, — с видимым облегчением согласился аспирант.

В пятницу Сорокин приехал на полчаса раньше обычного, чтобы до начала коллоквиума поговорить с заведующим лабораторией. Однако в пять минут одиннадцатого, когда уже большинство сотрудников сидели в кабинете Парамонова, того все еще не было на месте.

Алексей Николаевич вышел в коридор и увидел профессора, поднимавшегося по лестнице. Походка его была легкой, прямо-таки юношеской. Светло-серый костюм прекрасно сидел на худощавой фигуре. Парамонов был выше среднего роста, но не настолько, чтобы выделяться в толпе. При первом знакомстве с ним мало кто верил, что профессор в прошлом году отметил свое шестидесятипятилетие.

— Игорь Евстигнеевич! Здравствуйте. Я звонил вам вчера вечером, но не застал дома. Вы, вероятно, вернулись поздно?

— Доброе утро, Алеша. Да, я сейчас прямо с дачи. А что, собственно, случилось? На вас прямо лица нет!

— Даже не знаю, как и сказать, Игорь Евстигнеевич! Видите ли, мой аспирант...

— Что, он не готов к докладу? Не пришел на аттестацию?

— Нет-нет. Он здесь, и доклад готов, недавно мы статью в печать отправили. Только он собирается сейчас говорить не об этом, а... о сверхпроводимости...

— Что за чушь?! О какой такой сверхпроводимости? Он ведь у вас занимается, если не ошибаюсь, полимерными ион-радикалами. С каких это пор вы переключились на сверхпроводимость?

— Да, все правильно. Но в последнее время я перестал контролировать его эксперимент. И он самостоятельно занялся другими вещами. Евдокимов, оказывается, пытался синтезировать сверхпроводящую полимерную модель Литта. Больше того, если он вчера меня не обманул, синтез прошел успешно!

— Что за бред?! Молекула Литта, как вы прекрасно и без меня знаете, это гипотетическая и абстрактная модель. Красивая игрушка, которую нельзя потрогать. Не ожидал я от вас, Алеша, таких шуток!

Они подошли к дверям парамоновского кабинета. Смущенный Сорокин пропустил профессора вперед, виновато промямлил:

— Это не шутка, Игорь Евстигнеевич! Во всяком случае, не моя шутка. Послушайте его сами.

— И послушаем! Здравствуйте, товарищи! Где этот ваш непризнанный гений?

Женя Евдокимов, и так выглядевший необычно бледным, услышав слова Парамонова, побледнел еще больше, но встал и вежливо поздоровался.

— Итак, товарищи! Все в сборе? Начнем наш коллоквиум, — произнес Парамонов голосом, не предвещавшим ничего хорошего. — Ну-с, молодой человек, Евгений э-э-э Васильевич, кажется. Расскажите-ка нам, чем вы занимались этот год и каковы ваши достижения. О них тут легенды ходят! — взглянул он на Сорокина.

— Темой моей диссертационной работы является «Синтез и электрофизические свойства полимерных ион-радикальных солей ряда ионенов», — начал Женя каким-то надтреснутым голосом. — Руководители — профессор И.Е.Парамонов и кандидат химических наук А.Н.Сорокин.

Он перевел дыхание, вытер платком вспотевший лоб и продолжил:

— В течение второго года аспирантуры мною проведены исследования по получению поливиологенов, выделению их ион-радикальных солей с сильными акцепторами электронов и измерению их электрофизических характеристик. Результаты оформлены в статье, отправленной в печать зимой этого года. Кроме того, подана

заявка на изобретение, на которую только что получена приоритетная справка.

Женя достал из папки несколько листочков с машинописным текстом и положил их на стол.

— Здесь копии этих работ. Желающие могут посмотреть. Но сейчас я хочу сообщить вам о другом исследовании. Оно не входило в планы диссертации, и я занимался им без ведома руководителей.

Все сидящие при этих словах зашушукались и недоуменно посмотрели на Сорокина.

Было видно, что Женя заранее репетировал текст выступления. Но он с трудом сдерживал волнение, голос его предательски дрожал.

Парамонову вдруг стало жаль своего аспиранта, и он произнес довольно мягко:

— Успокойтесь, пожалуйста. Что ж, расскажите сначала о своей самостоятельной работе. Надеюсь, она не слишком далека от вашей темы?

Женя, слегка приободрившись, заговорил:

— Речь идет о получении полимерного сверхпроводящего материала, сохраняющего сверхпроводимость при комнатной температуре.

В кабинете воцарилась абсолютная тишина. Сорокин на брошенный в его сторону взгляд Парамонова развел руками: «Мол, я же вам говорил».

Видя произведенный эффект, Евдокимов нагнулся к своему дипломату и достал что-то, завернутое в газету:

— Чтобы не быть голословным... Вот, смотрите.

Женя поставил на стол маленький штативчик и положил у его основания самый обычный подковообразный магнит. Затем очень бережно открыл небольшую пластиковую коробку и извлек кольцо, сделанное из темно-серого материала. Все заметили, что руки у Евдокимова слегка дрожали, когда он наделал кольцо на вертикальную палку штатива. Взгляды всех были устремлены на кольцо, ждали чего-то необычного. И в самом деле, когда Женя разжал пальцы, кольцо устремилось вниз, но вдруг замедлило свое падение, лишь слегка коснувшись магнита, резко подпрыгнуло вверх и осталось парящим в воздухе.

Все привстали и заворожено вглядывались в покачивающееся над магнитом колечко.

— Это проявление эффекта Мейснера, — тихо пояснил Евдокимов, — кольцо сделано из сверхпроводящего полимера, поэтому оно выталкивается из постоянно магнитного поля.

Профессор Парамонов вскочил и подбежал к столу.
— Невероятно! Неужели в самом деле сверхпроводник?! Откуда вы взяли этот материал?

— Я синтезировал его, Игорь Евстигнеевич. И сейчас расскажу об этом.

Настольные часы в это время показывали 10 часов 20 минут. Начиная с этого момента, все события, происходившие в кабинете и рядом с ним, восстанавливались следствием по минутам.

10 час. 21 мин. В кабинет постучала лаборантка из группы Сорокина — Людмила Севчук — и сообщила, что Евдокимова срочно вызывают по междугороднему телефону из Воронежа.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СТАРШЕГО ЛАБОРАНТА ЛАБОРАТОРИИ ПОЛИМЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ СЕВЧУК Л.А.

"На просьбу позвать к телефону Евдокимова я ответила, что он сейчас выступает на коллоквиуме и не мо-

жет подойти. Мужской голос требовал передать Жене, что речь идет о здоровье и даже жизни близких ему людей. Я решила, что страюсь какая-то беда с родителями Жени. Поэтому побежала в кабинет заведующего и сказала о звонке."

10 час. 22 мин. Аспирант Евдокимов выбежал из кабинета профессора Парамонова и спустился на первый этаж в лабораторное помещение. Входящим в свою комнату его видела младший научный сотрудник лаборатории каталитических процессов Богатко Р.В.

10 час. 35 мин. Обеспокоенный длительным отсутствием аспиранта старший научный сотрудник Сорокин вышел из кабинета и пошел за Евдокимовым.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СТАРШЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ЛАБОРАТОРИИ ПОЛИМЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ СОРОКИНА А.Н.

"Посоветовавшись с профессором Парамоновым и решив, что телефонный разговор не может продолжаться более 10 минут, я спустился за Евдокимовым. Дверь комнаты оказалась закрытой изнутри. Мне показалось это странным. Я постучал и громко позвал Евдокимова. Не получив ответа, я почувствовал неладное. Дверь открывалась вовнутрь. Я несколько раз сильно ударил ее плечом и сломал замок. Я вошел в комнату и увидел, что Евдокимов лежит на полу. Он был без признаков жизни."

10 час. 39 мин. Сорокин вернулся в кабинет профессора Парамонова и сообщил о случившемся.

10 час. 41 мин. Сорокин, Парамонов и еще трое сотрудников лаборатории вошли в комнату, где лежало тело Евдокимова.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ЗАВЕДУЮЩЕГО ЛАБОРАТОРИЕЙ ПОЛИМЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПАРАМОНОВА И.Е.

"После сообщения Сорокина я с коллегами поспешил на первый этаж. Открыв дверь и войдя в комнату, мы подошли к телу Евдокимова. Мои попытки обнаружить пульс и услышать сердцебиение были безуспешными."

10 час. 45 мин. По звонку старшего научного сотрудника Сорокина А.Н. в Институт органического синтеза выехали две машины: оперативный «газик» N-ского райотдела милиции г. Москвы и «Скорая помощь».

Плотный коренастый человек с большими зальсынами на седой голове с раздражением захлопнул за собой дверцу черной «Волги». Директор Института органического синтеза академик Иван Никодимович Дементьев был явно не в духе. Неожиданный звонок следователя домой напрочь сорвал весь график его рабочего дня, распланированного по минутам.

Войдя в кабинет Парамонова, Иван Никодимович застал там лишь лаборантку, которая проводила его в комнату Сорокина. Около стола стоял невысокий сутулый человек в форме майора милиции.

Академику Дементьеву не нужно было знакомиться с этим человеком: именно майор Седых занимался полгода назад делом об отравлении спиртом техника Стрельца. Перед столом на полу мелом был очерчен силуэт лежащего человека, от вида которого Ивану Никодимовичу вдруг стало душно.

— Объясните, ради бога, что опять страюсь? — обратился Дементьев к Парамонову.

— У вас в институте второй смертный случай в этом

году, — опередил Парамонова следователь. — При загадочных обстоятельствах скончался аспирант Евдокимов.

— Что значит при загадочных? Отчего он умер? Вы можете сказать толком?! — взорвался Дементьев.

— По словам ваших коллег, смерть наступила сразу после телефонного разговора. Следов насилия нет. Нарушения техники безопасности тоже как будто нет, — невозмутимо продолжал следователь. («Слава богу!» — пронеслось в голове у Дементьева.) — Теперь позвольте, я задам вам несколько вопросов, Иван Никодимович. Какие именно работы проводятся в этой лаборатории?

— Насколько мне известно, — неуверенным тоном начал академик, — в группе Сорокина занимаются получением полимеров с комплексом особых электрофизических свойств... Впрочем, детальнее вы можете это выяснить у присутствующих здесь руководителей работы.

— Да, Иван Никодимович совершенно прав, — поспешил на выручку директору профессор Парамонов. — В этой комнате наши сотрудники занимаются синтезом электропроводящих и фоточувствительных композиций на основе полимерных материалов, главным образом, ион-радикальных солей с сильными акцепторами электронов, типа тетрацианохинодимерана или...

— Понятно, — перебил его сильно озадаченный Седых, — скажите, а в работе аспиранта Евдокимова использовались особо ядовитые химические препараты?

Профессор Парамонов в некотором замешательстве оглянулся на Сорокина, и тому пришлось выручать начальство:

— Сильных ядов, типа синильной кислоты и ее солей, мы не используем, хотя многие из исходных наших соединений в той или иной степени ядовиты. А вы полагаете, что Евдокимов отравился?

— Я еще ничего не полагаю, я лишь выясняю обстоятельства гибели человека, — сухо вато откликнулся следователь. — А все-таки назовите несколько наиболее ядовитых химикалиев, с которыми Евдокимов работал последнее время.

Сорокин на секунду задумался, затем ответил:

— Пожалуй, это органические производные синильной кислоты, тетрацианэтилен, например. Хотя, как мне признался Евдокимов только вчера, он последние два месяца занимался незапланированными экспериментами. Я, честно говоря, совершенно не представляю, какие соединения ему потребовались для этого.

Академик Дементьев, с напряженным вниманием следивший за разговором, вдруг обратился с вопросом к Парамонову:

— Минуточку, минуточку, товарищи! Что это у вас творится в лаборатории, Игорь Евстигнеевич? Аспиранты занимаются у всех на виду какими-то незапланированными, может быть, опасными опытами! Плачевные результаты налицо! — он кивнул на силуэт, обведенный на полу. — Куда смотрят руководители?!

— Я согласен, Иван Никодимович, — профессор Парамонов чувствовал себя провинившимся школьником, — здесь и мое упущение. Алексей Николаевич последние месяцы был очень занят своей докторской диссертацией и, видимо, слишком понадеялся на самостоятельность Евдокимова. Но мы периодически заслушиваем отчеты аспирантов. Вот как раз сегодня Евдокимов должен был пройти переаттестацию. Постойте, постойте,

Алексей Николаевич! А не может ли все это, — Парамонов повел в сторону следователя рукой, — быть связано с сегодняшним сообщением Евдокимова?

Сорокин горячо поддержал его:

— А ведь и в самом деле! Как это мне сразу не пришло в голову?! Мне кажется, — обратился он к Седых, — что сюда следует пригласить нашего дипломника Сашу Зубкова. Именно с ним в последнее время работал Евдокимов. Он, наверное, ждет в коридоре. Я схожу за ним?

— Да, конечно. Так вы говорите, что Евдокимов вам сообщил сегодня что-то необычное? — живо обратился Седых к Парамонову.

— Мало сказать, необычное: аспирант заявил, что ему удалось синтезировать полимер, обладающий сверхпроводимостью при комнатной температуре, то есть в обычных условиях! Мы и сами не поверили, Иван Никодимович, — поспешил заверить Парамонов, перехватив изумленный взгляд Дементьева. — Евдокимов пытался убедить нас в этом. Он показал, как кольцо из полученного им материала выталкивается постоянным магнитным полем. Вы можете увидеть это своими глазами!

Профессор Парамонов потянулся к телефону, но потом счел нужным попросить разрешения следователя:

— Я могу позвонить в свой кабинет?

Седых кивком согласился, и Парамонов, набрав номер, произнес:

— Лидия Александровна, будьте любезны, занесите нам тот самый штативчик с кольцом, что демонстрировал сегодня Евдокимов. Как нет?! А где же он? Что вы говорите?

Лицо профессора выразило столь явное беспокойство, что все с нетерпением ждали продолжения.

— Ладно, передайте ему трубку. Алло, Алексей Николаевич! Выясните, кто взял кольцо с моего стола. А Зубков? Позвольте, я ведь просил никого не отлучаться! Спросите сотрудников, может быть, перед уходом он предупредил кого-нибудь?

Парамонов положил трубку и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Кто-то взял евдокимовское кольцо со стола. Сорокин обещал мне его поискать. А Зубков куда-то подевался!

Следователь сумел, наконец, вставить реплику:

— Не спешите! Давайте разберемся по порядку. Во-первых, кто такой Зубков и какое отношение он имеет к покойному? Во-вторых, о каком «кольце» идет речь?

— Видите ли, о Зубкове, наверное, лучше расскажет Алексей Николаевич, он сейчас вернется, — начал Парамонов. — А что касается кольца, то мы имеем дело или с большим открытием, или с ошибкой, с мистификацией.

Увидев почтительное внимание на лице Седых, профессор с достоинством продолжал:

— Представляет, электрическое сопротивление проводника равно нулю. Сейчас такое возможно лишь для некоторых металлов и сплавов, охлаждаемых жидким гелием, в лучшем случае окислов, охлаждаемых жидким азотом. Это дорого, громоздко и малодоступно. Если бы удалось создать сверхпроводник, работающий при обычных температурах, это было бы величайшим открытием века. Результат его — подлинная революция в современной технике. Это и линии электропере-

176

Рядом без потерь, и сверхмощные магниты для удержания плазмы в условиях термоядерного синтеза, и электрические двигатели без трения — на магнитной подвеске, поезда на сверхпроводящей подушке, наконец... Всего и не перечесть! Внешне сверхпроводящее состояние проще всего обнаруживается по так называемому эффекту Мейснера — выталкиванию сверхпроводника из постоянного магнитного поля. Вот и это кольцо, о котором идет речь, зависало в воздухе над магнитом...

Его рассказ прервало появление Сорокина. В ответ на вопросительные взгляды он проговорил:

— Увы, кольцо действительно исчезло... Остался вот один штатив с магнитом. Лидия Александровна помнит, что, когда я вернулся в кабинет, чтобы сообщить о несчастье с Женей, кольцо было на штативе. Последний из кабинета, по ее же словам, вышел Зубков. Более того, через несколько минут она видела его выходящим из корпуса. Позвать ее, следователь?

— Да, пригласите, пожалуйста, — согласился Седых.

В комнату вошла высокая и довольно полная немолодая женщина в белом халате.

— Гуревич Лидия Александровна, — представил ее Парамонов. — Мой заместитель.

— Все были потрясены словами Алексея Николаевича, — начала Гуревич, — и поспешили на первый этаж в его комнату. В ту минуту, когда вы, Алексей Николаевич, вошли в кабинет, я как раз разговаривала с Зубковым. Меня поразило выражение его лица, когда он услышал, что сказал Сорокин. Это было выражение досады, не удивления или испуга, а именно досады. И еще, я заметила, что он последним оставался в комнате. Я вышла перед ним и, когда проходила мимо стола, видела штатив с кольцом в целости и сохранности. Вместе со всеми я зашла в эту комнату. При виде лежащего на полу Жени мне стало нехорошо, и я медленно пошла обратно. На лестнице я заметила Зубкова, он направлялся к выходу из корпуса. Я подумала, что он идет по поручению Алексея Николаевича в медпункт или на проходную встретить «Скорую помощь». Меня только удивило, что в руках у него был портфель, по-моему, коричневый «дипломат».

— Пойдите, ведь у Евдокимова был такой портфель! Именно с ним он пришел сегодня в кабинет Игоря Евстигнеевича! — воскликнул Сорокин.

— В таком случае, — резюмировал следователь, — у меня предложение — переместиться всем в кабинет заведующего и разобраться с этим портфелем. Там и продолжим нашу беседу. А это помещение я должен на некоторое время опечатать.

Четверть часа безрезультатных поисков никаких сомнений не оставили, злополучный портфель исчез вместе с Зубковым. Седых узнал у Сорокина адрес аспирантского общежития, где в одной комнате обитали Евгений Евдокимов и Александр Зубков. Седых было хорошо знакомо это здание недалеко от метро «Академическая». Лет десять назад он снимал комнату в доме напротив.

Следователь набрал номер райотдела милиции:

— Сергей? Слушай, Сережа! Я задержусь в институте. А ты бери машину и жми в общежитие аспирантов на Академическую. Выясни у коменданта, где живут аспирант Евгений Васильевич Евдокимов и студент Александр, э-э-э (он вопросительно посмотрел на Сорокина в ожидании подсказки), Михайлович Зубков. Возьми у вахтера ключ и посиди в их комнате. Если явится Зуб-

ков, задержи и доставь в отделение. Ясно? Подробности потом. Действуй!

Повесив трубку, он внимательно посмотрел на Сорокина.

— Ну, а теперь, Алексей Николаевич, расскажите мне о Зубкове. Все, что вспомните. И желательно поподробнее.

Увы, Сорокин мало что мог сообщить о помощнике своего аспиранта.

— Саша Зубков был направлен к нам в лабораторию для выполнения дипломной работы зимой этого года. У меня на столе где-то лежит официальное письмо — направление, подписанное деканом химфака Воронежского университета. Вроде бы Саша был сокурсником Жени Евдокимова по университету. Потом приболел и отстал от него года на два. У нас принято, чтобы дипломников опекали именно аспиранты. Взаимовыгодное сотрудничество, так сказать. Где-то в марте мы договорились о теме дипломной работы Зубкова. Она хорошо вписывалась в круг диссертационных задач Евдокимова. По словам Жени, Зубков неплохой экспериментатор и хорошо разбирался в том, что они делали. Недели через три он должен был защищать диплом у себя на кафедре.

Сорокин замолчал, потом подумал вслух: — Неужели и диплом они решили посвятить синтезу сверхпроводника?

— Из вашего рассказа я понял, что именно Евдокимов был инициатором того, чтобы Зубков работал в вашей лаборатории. Так ли это? — быстро спросил Седых.

— Да, пожалуй, так, — подтвердил Сорокин.

— И еще один вопрос к вам обоим, — обратился следователь к Парамонову и Сорокину. — Успешно ли, на ваш взгляд, развивалась диссертационная работа аспиранта Евдокимова?

Первым откликнулся профессор Парамонов:

— Мне кажется, что работа Евдокимова была вполне благополучной и, как говорят, диссертательной. Об этом свидетельствует хотя бы число статей, отправленных в печать. Как вы полагаете, Алексей Николаевич?

— Я безусловно согласен с Игорем Евстигнеевичем! У Евдокимова были все шансы сделать и написать диссертацию, если не в три, то хотя бы в четыре года, — заверил Сорокин.

— Игорь Евстигнеевич, так вы не очень верите, что Евдокимову удалось добиться этой самой... — Седых запнулся, — сверхпроводимости?

— Дело в том, что над проблемой получения высокотемпературных сверхпроводников серьезно и довольно давно работают целые лаборатории и у нас, и за рубежом. И неудач в этих исследованиях гораздо больше, чем успехов. Правда, в последние годы возникло бум из-за керамических сверхпроводников, типа смешанных окислов меди, кальция, висмута и других металлов. Но, во-первых, они не могут быть сверхпроводниками при комнатных температурах. Их нужно охлаждать жидким азотом... Во-вторых, эти материалы капризны. Чтобы сделать из них проволоку или кольцо, которое демонстрировал Евдокимов, нужно заполнить керамикой металлическую трубку. Затем подвергнуть все это вольчению при высоких температурах. Можно также наполнить частицами керамики органическое волокно, а потом обжечь его в муфельной печи. Однако все это требует гро-

моздкого оборудования, которого нет в нашем институте. Наконец, все это не имеет никакого отношения к сверхпроводимости в полимерах. Многие авторитетные ученые считают, что сверхпроводимость в полимерах при комнатных температурах — в принципе несбыточная мечта. У нас в институте вообще не занимаются этой проблемой. Поэтому я не верю, что один, пусть даже способный аспирант за считанные месяцы мог справиться с этой задачей.

— А что же тогда Евдокимов демонстрировал вам час назад? — поинтересовался следователь.

— Я постоянно думаю об этом. Мы не узнали, как Евдокимов получил свой материал, и теперь уже, увы, похоже, не узнаем. По крайней мере, от него самого. Можно предположить, что в процессе изготовления своего кольца он использовал сильные электрические поля. Полимеры часто склонны к образованию электретов — постоянные электрических диполей. Они-то и способны активно взаимодействовать с магнитным полем. Конечно, все это — лишь гипотеза. Чрезвычайно любопытно было бы исследовать это колечко! Зачем понадобилось Зубкову похищать его?

— Вот и мне очень хотелось бы знать это! — проворчал Седых.

Следователь полистал свою записную книжку, хотел еще о чем-то спросить, но раздался резкий телефонный звонок.

Профессор Парамонов снял трубку.

— Да, это лаборатория. Майор Седых? Да, еще у нас. Сейчас передам ему трубку.

— Да, я, товарищ полковник. Как где?! — Седых взглянул на свои часы. — Тело отправлено на газике с Мостовым сорок минут назад. Что?! Быть того не может! Сейчас же выезжаю.

ГЛАВА 2

Николай Максимович Седых с тоской выглянул в распахнутое окно своего рабочего кабинета. Тени от деревьев на асфальте были совсем короткими. Расстегнул еще одну пуговицу на вороте рубашки и подумал: «Ну и жара! Когда только начальство раскошелится на кондиционер? Хоть бы маленький ветерок подул». Он вместе со стулом отодвинулся от стола, выдвинул ящик, чтобы достать пачку сигарет. Потом передумал и раздраженно толкнул его обратно: «И так дышать нечем...»

Николай Максимович был растерян. За шестнадцать лет службы он насмотрелся всякого. Но чтобы труп бесследно исчезал из машины по пути в судебно-медицинскую экспертизу... Неслыханно!

И куда мог подеваться труп? Украли? Прямо из-под носа сидящего рядом и задремавшего сержанта Мостового? Невероятно! Тем более, что, по словам водителя Игнатьева, милицейский газик ни разу не останавливался по дороге от института до дверей морга.

«А что, если трупа-то и не было? — Седых похолодел от этой мысли. — Евдокимов был в глубоком обмороке, а перед воротами морга очнулся и потихоньку улизнул из машины. Благо, молодой папаша Мостовой, не высыпавшийся по ночам, сладко посапывал на своем сидении».

Тут же он поспешил опровергнуть себя: «Но врач «Скорой помощи» констатировал смерть Евдокимова». С другой стороны, врач — не эксперт, причину смерти он не установил. К тому же и врачи ошибаются... И надо

же такому случиться: минут за пятнадцать до звонка из института судебно-медицинский эксперт, дежуривший с Седых, выехал на другое происшествие. Какой-то чудак чистил заряженное ружье...

Размышления Николая Максимовича прервал начальник райотдела:

— Ну, рассказывай, Максимыч, что у тебя за чудеса: труп исчезает прямо на глазах!

— Ума не приложу, Виктор Павлович, как такое могло случиться! Мостового, который сопровождал тело в экспертизу и задремал, понять-то как раз можно: дочке уже три месяца, и по ночам почти не спит...

— Слушай-ка, а был ли вообще мальчик?! Быть может, он очухался по дороге и... потихоньку «сделал ноги»?

— Я тоже думал об этом. Но ведь смерть констатировал врач со «Скорой»? Придется тебе, Виктор Павлович, добиваться зачисления в штат еще одного эксперта.

— Ну, это мои проблемы. А ты что намерен делать?

— Во-первых, будем дежурить в общежитии в комнате Евдокимова и Зубкова. Усольцев сейчас уже там. Во-вторых, сейчас размножаются фотографии Зубкова. Вместе со словесным портретом хочу передать их на вокзалы и аэропорты на тот случай, если Зубков решит выехать из Москвы.

— Что ж, вроде бы все правильно. Советую еще повнимательней пройтись по воронежским связям этих молодцов. О новостях информируй меня. Если потребует-ся помощь, дам еще людей. Желаю удачи!

Пятиэтажный корпус общежития Седых увидел сразу. Среди прочих пятиэтажек общежития отличаются отсутствием балконов. Интересно, почему считается, что учащемуся люду они не нужны?

Седых поздоровался с пожилой вахтершей и показал свое удостоверение.

— Здесь уже есть ваш товарищ, он в 329 комнате, — засуетилась старушка и стала объяснять, как туда пройти. Следователь прервал поток ее слов, сообщив, что ему сначала нужна комендант.

Вахтерша показала в сторону коридора:

— Да вон они, Надежда Сергеевна, с кастеляншей спорит!

Плотная коренастая женщина лет пятидесяти громко распекала одетую в белый халат кастеляншу. Заметив подошедшего Седых, она громко спросила:

— А вы кого дожидаетесь?

— Наверное, вас, Надежда Сергеевна, — улыбнулся Николай Максимович, показывая удостоверение.

Комендант провела Седых в маленький кабинетик, заставленный настольными лампами и дешевыми радиоприемниками.

— Вы тоже по поводу Евдокимова? — начала она, не дожидаясь вопросов следователя. — Скажите, ради бога, что он натворил?! Ваш сотрудник, как его... Уральцев, кажется, ничего не стал объяснять.

— Во-первых, Усольцев, — начал Николай Максимович, — а во-вторых, Евдокимов ничего криминального не совершил, успокойтесь, пожалуйста. Расскажите мне лучше, что за парень этот Женя Евдокимов?

— У нас в общежитии триста человек проживает, — сообщила комендант, — и в лицо всех не упомнишь. Но Женя человек известный. Член аспирантского совета общежития. За холодильники отвечает: чтобы дежурные

были, чтобы продукты не пропадали, — пояснила она. — Так, что еще?.. Вежливый всегда, серьезный. А что случилось-то, можно узнать?

— Несчастный случай... в институте. Большого пока сказать не могу. А близкие друзья у него есть?

— Близкие друзья? Не знаю... Пожалуй, в последнее время он постоянно ходит с этим студентом... фамилию забыла... Они земляки, кажется. Я еще удивилась, когда Женя попросил поселить их вместе. Ведь ему, как аспиранту третьего года, положена отдельная комната.

— А что за человек этот его приятель? Его фамилия Зубков?

— Да-да, Зубков, — сразу вспомнила комендант. — Не могу сказать о нем ни хорошего, ни плохого. Он ведь недавно у нас. Чтобы пьяным приходил или скандалил, этого не случалось.

— Зубков ведь должен быть у вас прописан, Надежда Сергеевна?

— Конечно, что за вопрос? Уж мне ли не знать паспортный режим! Прописан временно на период учебы.

— Нельзя ли посмотреть запись о прописке?

— Можно, почему же нельзя? — она неторопливо открыла большой несгораемый шкаф и достала толстый журнал. — Зубков... Появился он весной. Вот, март. Смотрите: 16 марта, Зубков Александр Михайлович, адрес последней прописки, серия и номер паспорта.

— Спасибо, я перепишу. — Седых достал записную книжку. Спросил: — Скажите, пожалуйста, Надежда Сергеевна, а девушка есть у Евдокимова?

— Да как вам сказать? Приходила к нему несколько раз одна знакомая. Тоже аспирантка, вроде, в том же институте учится. Посидит и уйдет до одиннадцати, как и положено. У нас с этим строго. А какие у них отношения, не могу сказать... Да и не мое это дело.

— А фамилию ее узнать можно?

— Фамилию? Фамилию узнать, конечно, можно. У нас все гости в специальный журнал заносятся, когда на вахте документ оставляют. Пойдемте, посмотрим.

Через пять минут Надежда Сергеевна листала толстенную амбарную книгу с надписью «Прием гостей».

— Вот, 329 комната, Евдокимов. Записывайте: Кольцова Нина Викторовна. Последний раз была две недели назад, 26 мая.

— Спасибо. А к Зубкову приходил кто-нибудь?

— Нет, не припомню... Если уж вы так интересуетесь, полистайте этот журнал. Здесь все посещения наперечет.

Седых посмотрел записи, но ничего интересного не нашел. Распровавшись с комендантом, поднялся на третий этаж, с трудом отыскал в полутемном коридоре комнату 329 и осторожно постучал.

В комнате было тихо. Наверняка Усольцев чутко прислушивался изнутри, поэтому Седых позвал громким шепотом:

— Сергей, ты меня слышишь? Открой...

Дверь распахнулась, и следователь увидел маленькую прихожую, отделенную от комнаты стеклянной дверью, завешенной клеенчатой картой мира. Рослому Сергею пришлось потесниться, пропуская Седых в комнату.

— Ну как, все тихо?

— Да, товарищ майор. Никто не являлся, вы — первый.

— Как ты думаешь, возвращался сюда Зубков до

твоего прихода?

— Я спросил у вахтерши. Она говорит, что ни Евдокимов, ни Зубков не приходили, ключ висит на месте.

— Ключ-то мог быть с собой, запасной. А вахтерша тоже человек, могла отлучиться на минуту, в туалет, например, — возразил Седых.

— Ну, не знаю. А обратно как? Опять дождался подходящего момента? И зачем ему прятаться?

В комнате было тесновато. Вдоль стен стояли две деревянные кровати, покрытые пестрыми покрывалами. У широкого, во всю стену окна — два узеньких письменных стола, две тумбочки. Напротив окна — сервант, и рядом — вделанный в стену большой платяной шкаф.

Седых стал внимательно рассматривать корешки книг на полках, укрепленных над кроватями. На одной полке основное место занимали учебники и научная литература: два тома «Основ органической химии», «Химия высокомолекулярных соединений», «Флуоресцирующие полимеры» и еще десяток подобных. А в странном соседстве с этими премудростями умещался томик стихов О.Бергольц, «Сонеты» Шекспира, три тома «Антологии современной фантастики», несколько альбомов с репродукциями — «Сокровища Эрмитажа», «Русский государственный музей», Васнецов, Веласкес, Гойя, Евдокимов.

Следователь взял в руки последний альбом и подумал: «Евдокимов? Уж не родственник ли нашему аспиранту?». Альбом оказался каталогом выставки Евдокимова Василия Петровича, 1920 года рождения, заслуженного художника РСФСР, члена-корреспондента Академии художеств. «Возможно, отец. Надо уточнить», — Седых сделал пометку в записной книжке и решил, что это наверняка евдокимовская книжная полка.

Он повернулся и подошел к противоположной кровати. «Так, а чем же интересуется студент-дипломник Зубков?». Научных изданий оказалось негусто: сиротливо забились в угол «Электропроводящие полимеры». Рядом с ними Седых с удивлением обнаружил «Практикум по криминалистике» под редакцией Васильева, тут же стояло несколько детективов: Конан-Дойль, Сименон, Адамов, Чейз. Но больше всего было книг по искусству: «Художники-передвижники», отдельно альбомы Репина, Перова, Нестерова, Коровина, Серова, еще несколько неизвестных Николаю Максимовичу имен. И опять Евдокимов, все тот же альбом с репродукциями.

«Да, очевидно, студент Зубков не столько интересуется наукой, сколько живописью, — решил Седых. — И странное сочетание: практикум по криминалистике и художники-передвижники. Любопытная это должна быть личность».

Следователь заглянул в ванную: через веревку перекинута два полотенца, в стаканчике торчали две зубные щетки. «Что-то не похоже, чтобы Зубков готовился к отъезду», — подумал он и вернулся в комнату. В каждой из тумбочек лежало по электрической бритве, шампунь, одеколон, другие мелочи. Седых выдвинул верхний ящик письменного стола Евдокимова. Там в беспорядке были разбросаны карандаши, шариковые ручки, письма в конвертах и без них, старые проездные билеты. В углу лежала стопка евдокимовских документов: паспорт, военный билет, читательский билет в Научную библиотеку и сберегательная книжка.

Седых заглянул в нижние выдвижные ящики. Там были оттиски научных статей на русском и английском

языках, папка для бумаг с надписью «Материалы статей», где лежало несколько десятков страниц машинописного текста. Никаких записей, хотя бы отдаленно напоминающих лабораторный журнал, в столе не было.

В столе Зубкова порядка было чуть больше: никаких писем, никаких конвертов. Стопочкой лежала колода карт, украшенных полубогаженными девицами. Богато иллюстрированный журнал с непонятным названием «Дым, музыка, красота». Седых принялся листать журнал: на каждой странице какие-то мерцающие туманные переливы цветов, кое-где на их фоне — обнаженные женские фигуры. Причем все это не плоское, а трехмерное. В каждом рисунке чувствовалась глубина, объемность.

«Голограммы», — пронеслось в голове у Седых.

Наверное, этот журнальчик сделан не у нас. Седых открыл последнюю страницу. «Нет, смотри-ка: Москва, издательство «Радость».

— Сергей, — обратился он к Усольцеву. — Ты не слышал о таком издательстве — «Радость»?

— Нет, а что?

— Вот и я не слышал. Занятный журнальчик...

Документов Зубкова в ящиках стола не было. «Неужели все-таки он рассчитывал сюда больше не возвращаться?» — размышлял следователь. Его внимание привлек черный портфель, стоявший под столом. Седых попытался его открыть, но тот оказался запертым.

— Ладно, потерпим. Я пойду составлю запрос в Воронеж по поводу личности Зубкова. Ты пока оставайся здесь. Часа через два пришлю замену.

В телеграфном запросе в Воронежский горотдел милиции Седых интересовался не только прошлым Зубкова и Евдокимова, но и тем, здоровы ли родственники аспиранта и не звонили ли они сегодня по междугороднему телефону в Москву. Дождавшись ответа из Воронежа, следователь выписывал повестки на завтра. Он решил пригласить Сорокина, Людмилу Севчук и Нину Кольцову.

Духота на улице не унималась. Затем с запада поползли тучи. Как-то внезапно потемнело и нахмурилось. Невесело размышлял Седых о том, с чего лучше начать завтрашний разговор с Сорокиным. По привычке составил список примерных вопросов и продумал за собеседника варианты ответов на них.

Довольны ли были друг другом аспирант и руководитель? Сорокин, судя по всему — да. А вот доволен ли был аспирант Евдокимов своим руководителем? На первых порах, возможно, и был доволен. А вот в последнее время — вряд ли. Иначе не стал бы скрывать от руководителя, что уже несколько месяцев занимается незапланированными экспериментами. Почему же все-таки скрывал? Из-за того, что считал Сорокина некомпетентным в этих вопросах? Почему не советовался с профессором Парамоновым? Быть может, не хотел показаться нескромным, не решался вслух говорить о своих грандиозных планах? Или боялся, что не разрешат заниматься исследованиями, которые выходят за рамки диссертации? Вопросов немало... Что на них ответит Сорокин?

Сегодня утром Евдокимов начал рассказывать о своем сверхпроводящем полимере, но не договорил... Это подтверждено многими свидетелями. Рассказывал он об этом и своему руководителю — вчера. Вопрос Сорокину: о чем они говорили накануне? Сорокин утверждает, что Евдокимов и тогда не посвятил его в детали рабо-

ты. Почему? Опять недоверие?

Стоп! Евдокимов наверняка вел записи своей работы. Где он мог их хранить? В общежитии — ничего похожего. Значит хранил на своем рабочем месте. Или носил в портфеле? Вопрос к Сорокину: насколько подробно Евдокимов вел свой лабораторный журнал и где обычно держал свои записи?

Косвенно к гибели аспиранта Евдокимова причастна лаборант Людмила Севчук. Именно она позвала его к телефону. Вопросы к ней. Часто ли звонили Евдокимову из Воронежа? Звонил ли туда он? С междугородней дали справку, что обычного заказа на институтский номер сегодня не поступало. Значит звонили по автомату. Каким голосом просили позвать Евдокимова: ровным или взволнованным? Молодым или не очень? Характерные признаки... Знает ли Севчук, чем занимался Евдокимов в последние месяцы? Доводилось ли ей помогать аспиранту? Вел ли он при ней записи? В какой степени помогал ему Зубков? Говорили ли они при ней о своих делах?

Куда труднее виделся ему предстоящий разговор с Ниной Кольцовой: ведь он ничегошеньки не знал об отношениях между двумя молодыми людьми. «Придется надеяться на экспромт», — решил Седых и направился к начальству за разрешением на обыск в комнате Зубкова.

ГЛАВА 3

— Подойдите, пожалуйста, поближе, — обратился Николай Максимович к двум понятным — аспирантам из комнаты напротив, доставая из портфеля Зубкова коричневый кожаный бумажник. В нем оказался паспорт на имя Зубкова Александра Михайловича, 1975 года рождения, русского, проживающего в Воронеже и временно прописанного в Москве на период учебы.

— Ну и студент, — произнес Седых, открывая молнию на бумажнике и показывая Усольцеву плотную пачку столларовых купюр. — Пересчитай, Сергей, а вы, товарищи, проверьте! Так, квитанция из прачечной. Сдал Зубков в стирку шесть сорочек три недели назад и все никак не заберет. Забывчивый!

— Девять тысяч триста, — сказал Усольцев, протягивая деньги.

— Многовато для бедного студента, — заметил Седых, убирая деньги в бумажник.

Кроме бумажника в портфеле оказались плавки в целлофановом пакете, кассетный магнитофон и пять штук уже знакомых следователю журналов «Дым, музыка, красота».

Подробно занеся в протокол все обнаруженное, Седых поспешил отправить на экспертизу паспорт. Фотография на нем, как подтвердила комендант общежития, соответствовала нынешнему виду Зубкова.

Рано утром на следующий день Седых вновь связался с Воронежем. Молоденький старший лейтенант сообщил, что паспорт, изъятый в общежитии, по номеру совпадает с паспортом гражданина А.М.Зубкова, который заявил об его утрате год назад. Зубков страдает хроническим алкоголизмом, дважды находился на излечении в лечебно-трудовом профилактории и в настоящее время работает сторожем на швейной фабрике. Студент с фамилией Зубков в Воронежском университете не числится.

После обеда Седых отправился на доклад к полковнику Коноваленко. Коротко рассказав о новостях, он по-

казал начальству протоколы допроса сослуживцев Евдокимова.

— Максимыч, прокурор уже интересуется, где труп. Родственники, заметь, спросят то же самое. Родителям Евдокимова уже сообщили о несчастье?

— Сегодня хочу послать в Воронеж Усольцева, чтобы поближе познакомился с родителями Евдокимова, предъявил им на опознание фото «студента». Вот только не знаю, в какой форме сообщить им о происшествии.

— Вот и я пока не знаю. Пусть он зайдет перед отъездом ко мне, посоветуемся. А что ты думаешь о причинах смерти Евдокимова?

— Не знаю, что и предположить, Виктор Павлович, — тяжело вздохнув, отозвался Седых. — На сердце в Москве он ни разу не жаловался. Кстати, из Воронежа сообщили, что все его ближайшие родственники здоровы. Никто из них вчера в Москву не звонил. В районной поликлинике, где общежитие, нет даже карточки на Евдокимова. В медпункте института он два раза проходил профилактический осмотр. Записано: «Жалоб нет». Сердце в норме, в детстве болел мало. Занимался волейболом, имеет второй разряд.

— А что говорят сослуживцы? Враги или недоброжелатели, по крайней мере, у него были? А может быть, несчастная любовь?

— Врагов вроде нет. По крайней мере, здесь, в Москве. И в общежитии, и на работе все подтверждают, что была у Евдокимова одна подруга — аспирантка того же института Кольцова. Я встречаюсь с ней сегодня в шесть.

Коноваленко взял в руки протокол допроса Сорокина, пробежал его глазами.

— Как ты считаешь, Сорокин хотел бы сам заниматься той проблемой, над которой работал Евдокимов?

— Не знаю. Он считает эту задачу очень сложной. Поэтому Сорокин и не верит, что аспиранту удалось в одиночку за считанные месяцы добиться успеха.

— А может быть, просто завидует? Ты допускаешь мысль, что Сорокин был на допросе неискренен? Ведь свидетелей их последнего разговора с Евдокимовым за день до гибели нет, — Коноваленко на минуту задумался, затем продолжил свою мысль. — Допустим, что Евдокимов, приехав к Сорокину домой, не только продемонстрировал результат своей работы — фокус с кольцом и магнитом, но и самым подробным образом рассказал о деталях исследования. Сорокин понимает, что имеет дело с настоящим, даже великим открытием. Что будет делать на его месте честный человек? Бросится поздравлять первооткрывателя! Поспешит поведать об этом событии своим коллегам, утвердить приоритет своего аспиранта. А не очень честный и вдобавок тщеславный? Черной завистью начнет завидовать своему ученику, которому, как оказалось, учитель и в подметки не годится. А может быть, и попытается присвоить открытие.

— Виктор Павлович! Неужели ты думаешь, что без пяти минут доктор наук будет убивать своего ученика, чтобы взять себе лавры первооткрывателя?!

— Почему же сразу убивать? Непосредственно к несчастью с Евдокимовым он мог не иметь прямого отношения. Однако увидев его мертвым, Сорокин решает скрыть тот факт, что посвящен во все детали работы своего аспиранта. Логика такова: если Евдокимов действительно никому ничего не рассказал, то он, Сорокин,

становится единственным обладателем уникальной информации. Со временем, когда шум вокруг смерти Евдокимова стихнет, появляется возможность повторить его исследования и всю славу присвоить. Это, дорогой мой, уже не просто докторская диссертация, это мировая известность и все связанные с ней житейские блага.

— Но ты, Виктор Павлович, забыл о существовании Зубкова, — возразил Седых. — Он был непосредственным участником работы. Более того, вместе с Евдокимским портфелем он унес его записи. Мы с Сорокиным сегодня перерыли все лабораторное помещение — никаких следов рабочих журналов!

— Сорокин мог не знать, что Зубков полностью в курсе исследований Евдокимова, — продолжал защищать свою версию Коноваленко. — Но о Зубкове — разговор особый. Значит Сорокин считал, что ему повезло с аспирантом?

— Да, по его словам, это так. Евдокимов был самостоятелен, хорошо разбирался в работе, укладывался в отведенные для диссертации сроки.

— Понятно... А что дали розыски Зубкова?

— В Москве пока ничего. Ни на вокзалах, ни в аэропортах... Сейчас начинаем активный поиск в Воронеже, — ответил со вздохом Седых.

— А что говорят наши эксперты про эти непонятные журналы, найденные в общежитии у Зубкова?

— Никогда не видели ничего подобного. Издательства «Радость» в Москве нет и никогда не было. Качество рисунков-голограмм очень высокое. Наши спецы и ведать не ведают о комбинациях цветного дыма и музыки. Это какой-то ультра-модерн.

— А беседа с лаборанткой добавила что-нибудь? — поинтересовался Коноваленко, просматривая протокол.

— Ничего особенного. Голос звонившего Евдокимову перед его гибелью она не запомнила: было плохо слышно... Впрочем... — следователь замаялся, — есть одна любопытная деталь, подмеченная Севчук в отношениях Евдокимова с Зубковым. Она случайно слышала их разговор в столовой за соседним с ней столиком. Сути она не уловила, но ее удивили интонации в их голосах: Евдокимова — просящие, а Зубкова, наоборот, требовательные. Отдельных слов Севчук не слушала, к тому же они прекратили разговор, увидев ее. Вообще-то, по ее словам, Зубков не слишком часто появлялся на рабочем месте. Севчук считает, что дипломную работу за него делал Евдокимов, который последние месяцы работал очень напряженно.

— Это действительно интересный момент! — оживился полковник. — Надо тебе поподробнее поговорить с Евдокимовской подругой. Мне думается, она лучше знает, что помимо работы связывало ее приятеля с этим «студентом». А есть ли в Москве родственники у Евдокимова?

— Да, есть, — откликнулся Седых. — Сестра отца — Евдокимова Мария Петровна, пенсионерка, живет в Лефортово. Я ей уже звонил, договорились побеседовать завтра с утра.

— Ну, хорошо. Действуй дальше... Странная это история. Сдается мне, что разгадка ее — в Воронеже. Пусть Усольцев летит туда первым самолетом. Обстановку мне доложи завтра в это же время, если, конечно, не появятся экстренные новости.

Когда Седых выходил из кабинета начальства, часы показывали четверть третьего. После исчезновения аспиранта Евдокимова прошло 27 часов.

пиранта Евдокимова прошло 27 часов.

Николай Максимович сложил все материалы по делу об исчезновении Е.В.Евдокимова в папку, запер сейф и вышел в коридор. Пройдя мимо стеклянной перегородки и ответив на кивок сидящего за пультом связи дежурного, Седых оказался у выхода из здания. От отделения до Института оргсинтеза, где он договаривался встретиться с Ниной Кольцовой, было недалеко, не больше двадцати минут ходьбы. Свернув с раскаленной солнечной стороны проспекта в тенистый переулок, Николай Максимович неспеша двинулся в сторону института. Он успел выпить кружку кисловатого кваса и уже за пять минут до оговоренного срока подошел к автобусной остановке. Именно здесь, напротив проходной института, Седых должен был встретиться с Кольцовой. Он укрылся в тени и искоса присматривался к сотрудникам, выходящим из института.

Около Седых остановилась высокая миловидная девушка, одетая в легкий синий костюм, хорошо сшитый, но неброский. Во всем ее облике, в простоте одежды чувствовались вкус и достоинство.

— Простите, вас зовут Нина? — обратился к ней следователь.

— Да, а вы из милиции?

— Совершенно верно. Вот мое удостоверение, — Седых протянул красную книжицу.

— Скажите, бога ради, что случилось с Женей? В институте ходят самые невероятные слухи! — Кольцова даже не взглянула на документ.

Седых, не отвечая на вопрос, как можно мягче спросил:

— Вы были очень дружны с Женей Евдокимовым?

— Были?.. Значит это правда?! — Нина тщетно пыталась сдержать себя. — Скажите, отчего погиб Женя?

К их разговору уже начали прислушиваться, поэтому Николай Максимович жестом пригласил Нину пройти по улице в сторону бульвара, где можно было поговорить, не привлекая внимания. Кольцова напряженно ждала ответа.

— Видите ли, Нина, вчера в лаборатории, где работает Женя, произошел несчастный случай, — осторожно начал Седых. — На теле Жени не обнаружено ничего, что проливало бы свет на причины смерти.

— А что говорят врачи?!

— В заключении сказано, что произошла остановка сердца по неизвестной причине, — ответил следователь, решив не говорить девушке всей правды. — Скажите, пожалуйста, Нина, в последнее время Женя жаловался на свое здоровье?

— Нет. Мы вместе занимаемся в волейбольной секции. Он играл за сборную университета. Сколько я его знаю, он ни разу не болел.

— А как у него было с нервами? Могло его, например, что-нибудь заставить покончить с собой?

— Ну что вы! — она протестующе махнула рукой. — С его уравновешенностью и самообладанием — никогда!

— А вы давно с ним знакомы? — продолжал расспрашивать Седых, приглашая Нину присесть на скамейку.

— Скоро три года, — ответила Нина и поднесла платок к покрасневшим глазам. Чуть помедлив, добавила: — Он делал дипломную работу, а я только пришла в институт стажером после окончания химфака. Познакомились на уборке картофеля. Потом вместе сдавали эк-

замен в аспирантуру, занимались в одной группе английским языком и философией...

— У Жени было много друзей?

— Нет, — чуть подумав, ответила она. — Это на первый взгляд он общителен. Но до конца, пожалуй, не был откровенен ни с кем. Правда, знакомых, товарищей было много.

— А недоброжелатели среди знакомых имелись? — поинтересовался Седых.

— Откуда?! Женя очень хорошо воспитан. Я ни разу не слышала, чтобы он нагрубил кому-нибудь, — с грустью проговорила девушка.

«Сорокин тоже говорил о хорошем воспитании Евдокимова и его такте», — подумал следователь и спросил:

— А что вы можете сказать о его соседе по общежитию Саше Зубкове?

— Зубков? Странный тип! Вроде бы всерьез увлекается искусством, особенно музыкой. А к современным художникам интерес какой-то особый — денежный. Предлагаете, предлагал Жене продать его портрет, написанный отцом. Вы знаете, папа у Жени — известный художник... — Она вопросительно посмотрела на Седых. Тот утвердительно кивнул и спросил:

— И что Женя, продал?

— И не подумал! Он боготворит отца и его картины. Эту особенно. А Зубков, наверняка бы, перепродал втридорога.

«Нелюбит она этого студента», — мысленно отметил Седых.

— А где хранил Женя картину? Вы ее видели?

— Да, он мне показывал. Сначала она висела в общежитии, а потом, когда появился Зубков, Женя отвез ее к тетке. Она где-то здесь живет, в Москве.

Следователь не скрывал своей заинтересованности:

— Зачем? Не очень доверял Зубкову?

— Не знаю. У них были какие-то странные отношения. Зубков должен был делать дипломную работу под руководством Жени. Но впечатление создавалось такое, что это надо именно Жене, а не Зубкову. Зимой Женя хлопотал перед их заведующим — Парамоновым, чтобы Зубкова взяли в дипломники. А тот в это время читал детектив или шлялся по концертам с какими-то сомнительными девицами. Порой мне даже казалось, что Женя в чем-то зависит от этого Зубкова, — задумчиво произнесла Нина.

«И эта говорит о какой-то зависимости Евдокимова», — подчеркнул Седых про себя.

— А вы говорили с Женей о Зубкове?

— Женя не любит... не любил особенно откровенничать, даже со мной. Как-то я спросила, чего он нянчится с этим Зубковым, даже поселился вместе с ним. Женя отшутился и перевел разговор на что-то другое. Но я поняла, что он Зубкову чем-то обязан. А чем — не пойму. Может быть, у них были общие интересы раньше, в Воронеже?

Следователь решил пойти ва-банк:

— Нина, я хочу быть с вами откровенным: Зубков никогда не учился в Воронежском университете. Он вообще не Зубков — документы поддельные. И дипломная работа была ему не нужна. У нас есть основания считать, что это он сыграл недобрую роль в несчастье с Женей. Поэтому я прошу вас подробнее рассказать о его отношениях с Евдокимовым.

— Я всегда чувствовала, что с его дипломом что-то не так! — восторженно воскликнула Нина. — Он ведь по неделе не появлялся в институте. Непонятно только, зачем Жене понадобилась вся эта мистификация? Но ведь я несколько раз слышала, что он говорил о работе, о неудачных синтезах катализаторов...

— Нельзя ли поточней вспомнить, о чем шла речь? — заинтересовался Седых.

— Сейчас я попытаюсь, — Нина наморщила лоб. — В одну из своих поездок в Воронеж Зубков привез какой-то катализатор, необходимый для получения полимеров, которыми занимался Женя. Он мне объяснил тогда, что у них налажены совместные работы с химфаком Воронежского университета, а Зубков работает и здесь, и там. Синтез с этим катализатором прошел удачно, но его было мало, и Женя сам взялся за его получение. Он провозился целый месяц, но работа почему-то не клеилась. Как я поняла, Женя обратился к Зубкову, чтобы тот съездил за подробной методикой получения катализатора.

«Нужно поговорить с Сорокиным и узнать, ведутся ли у них в лаборатории совместные работы с Воронежем», — решил Седых.

Как бы отвечая на его мысли, Кольцова продолжала:

— Зубков, по-моему, поехал, но сказал как-то зло Жене в моем присутствии: «Самому головой думать надо! Эх ты, средневековый алхимик!». К моему удивлению, Женя никак не отреагировал на эти слова. Я еще ему заметила, что его дипломник слишком многое себе позволяет. Женя не стал оправдываться и сказал, что кроме Зубкова ему в этих работах никто не поможет. Я посоветовала ему поговорить с начальством и съездить в Воронеж самому, а не унижаться перед каким-то мальчишкой. Женя сказал: «Начальство здесь не при чем. Ни Парамонов, ни Сорокин не в курсе моей работы».

— Простите, Нина, я вас перебыю, — заговорил Николай Максимович. — Я уже много раз слышал, что Женя Евдокимов в последние месяцы занимается незапланированными экспериментами. Он что, перестал доверять Сорокину или вообще был таким непостоянным?

— В том-то и дело, что нет! Женя всегда был очень собранным и целеустремленным. Он и не представлял себе, как можно не сделать диссертацию за три года. Уж если он занялся чем-то не по теме, то неспроста. Женя ведь очень честолюбив, кроме всего прочего. В ущерб диссертации он мог работать лишь над тем, что поставило бы его выше обычного кандидата наук и принесло известность.

— А он говорил с вами о характере этой работы?

— Подробно — нет. Лишь намекнул, что, если получится задуманное, то он будет достоин не кандидатской, а докторской степени. В ответ ему я, кажется, сказала, что не стоит переоценивать свои силы. Не гнаться за журавлем в небе, а сделать, как положено, аспирантскую работу по намеченному плану.

— И что же он вам ответил? — поинтересовался следователь.

— Что такую работу, которую он выполняет под руководством Сорокина, он всегда успеет сделать. А с исследованием, которым он занят теперь, можно опоздать, его опередят. Я упрекнула его в самонадеянности, и мы в тот день поссорились... — голос Кольцовой задрожал, она потянулась за платком.

— Извините, Нина. Сегодня вопросов больше не будет.

Когда девушка успокоилась, он уточнил:

— Вам в какую сторону?

— К метро, — ответила она и осторожно спросила.

— А родители Жени знают обо всем?

— Им должны сообщить сегодня, — сказал Седых. Он чувствовал, что девушка хочет спросить еще что-то, но не решается. И заговорил первым: — Нина, вы можете еще понадобиться. Вы в ближайшие дни не уезжаете из Москвы?

— Что вы такое говорите?! У меня все из рук валится... Куда я могу уехать, не узнав, отчего погиб Женя! Я... Я любила его! Обещайте, что расскажете правду, когда все прояснится! И еще: я хотела бы проститься с ним... увидеть в последний раз...

Седых поспешил с ответом:

— Ну, конечно же, мы будем держать вас в курсе, как и ближайших родственников. Относительно вашей просьбы: я позвоню вам завтра вечером. Звоните и вы, — он вырвал из записной книжки страничку и написал свой номер телефона.

Нина взяла листок бумаги, кивком попрощалась и повернула в сторону метро. На душе у Седых было муторно.

Крупная фигура Сергея Усольцева не вмещалась в экран видеотелефона.

— Николай Максимович, отца Евдокимова сейчас нет в городе. Он на творческой встрече, организованной Академией художеств в Киеве. Через три дня вернется. Собирается заехать в Москву к сестре и сыну. Мать Евдокимова, естественно, очень переволновалась и все собирается лететь в Москву. Я едва уговорил ее остаться, пока нет ясности, что с сыном.

— Показывал ей фото Зубкова? — поставил вопрос Седых.

— Да, она знакома с этим типом. Его привозил Евдокимов в апреле на выходные дни. Сын представил его своим родителям как близкого друга, тоже аспиранта.

— Чем они занимались в Воронеже?

— В это время здесь как раз проходила последняя выставка картин Евдокимова-старшего. Приятели, по словам матери, приехали специально, чтобы ее посмотреть. Более того, аспирант упросил отца разрешить ему взять в Москву на некоторое время четыре полотна.

Николай Максимович насторожился:

— А с какой целью, он не объяснил?

— Как же... Объяснил. Мол, у них в общежитии создана самостоятельная изостудия. Зубков — ее руководитель, а сам он — один из организаторов. Его, якобы, попросили рассказать о творчестве отца, по возможности, с демонстрацией его картин.

«Не слышал я что-то от коменданта общежития ни о какой изостудии», — удивился Седых. И сделал пометку в своей записной книжке.

— Отец согласился отдать картины, но не очень охотно, — продолжал Усольцев.

— Мать Евдокимова не сообщила, какие именно полотна они увезли? — уточнил следователь.

— Она вспомнила названия трех из них: «Портрет учителя», «Странное утро» и «Вечер у реки», — посмотрел в своих записях Усольцев. — Репродукции всех трех имеются в каталоге выставки, изданном в Москве три года назад. Он есть у вас, Николай Максимович?

АЭЛИТА

Седых утвердительно кивнул, записал названия картин и спросил:

— Ты поинтересовался у матери, был ли Евдокимов в ссоре с кем-нибудь в Воронеже?

— Она не припомнила ничего такого, — отозвался Усольцев.

— Больше ничего интересного?

— Нет. Какие будут указания на завтра?

— С утра зайди на химический факультет Воронежского университета. Поинтересуйся, ведутся ли у них совместные работы с лабораторией профессора Паранова. Если таковые ведутся, покажи тем, кто их выполняет, фото Зубкова. Ясно? После этого можешь возвращаться. До скорой встречи!

Седых взглянул на часы. Была четверть девятого. Давно пора идти домой, жена и так обижается на него. В голове крутился вопрос: «Картины Евдокимова-старшего или открытие Евдокимова-младшего — что послужило причиной трагедии? Ответ на него, возможно, удастся получить, выяснив, кто же такой Зубков».

Он извлек протокол осмотра места происшествия. «Так. Описание лабораторного помещения, описание одежды аспиранта Евдокимова, личных вещей... Что было при нем? Легкий серый костюм, белая рубашка, галстук. В карманах — бумажник, записная книжка, авторучка, носовой платок, расческа. На левой руке — часы «Чайка», на правой — браслет. Стоп... «браслет из желтой пластмассы, под янтарь». Зачем молодому парню янтарные украшения?»

Седых живо восстановил в памяти бледную руку аспиранта с толстым янтарным браслетом на запястье. «Что это? Талисман? Чей-то подарок?» Он достал из кармана записную книжку, полистал ее, нашел номер домашнего телефона Сорокина.

— Алло, это Алексей Николаевич? Добрый вечер. Следователь Седых вас беспокоит. Не могли бы вы сказать: часто ли ваш аспирант носил янтарный браслет на правой руке? Ни разу не видели? А вчера? Ведь он был на нем! Как не было? Я ведь сам составлял протокол осмотра и видел его своими глазами! Значит во время доклада не было? Вы отчетливо помните? Писал мелом на доске... Так-так... Спасибо. До свидания.

Позвонил Нине Кольцовой. Но та также никогда не видела у Евдокимова ни янтарных, ни пластмассовых браслетов. По ее словам, Женя никаких украшений на руках терпеть не мог, никаких амулетов и талисманов не признавал и не носил. Зато Зубков такой браслет действительно не снимал с правой руки. Нина еще потешалась над ним: вот, мол, девица красная! Еще бы сережки на уши нацепил!

Любопытная вырисовывалась ситуация! Если учесть, что Зубков не выходил из комнаты после того, как Евдокимова позвали к телефону, то выходит... Выходит, что за несколько мгновений до несчастья Евдокимов или сам надел на руку этот загадочный браслет, или... Или в комнате, куда вбежал запыхавшийся аспирант, его кто-то ждал!

С момента исчезновения аспиранта Евдокимова прошло 33 часа.

ГЛАВА 4

— Встать! Суд идет!

— Уважаемые члены Комитета! Сегодня мы слушаем дело о нарушении Международного соглашения о

187
транспортировке во времени. Подсудимый Игорь Раскин, встаньте! Вы обвиняетесь в злостном нарушении указанного соглашения! Расскажите суду, когда и при каких обстоятельствах вы впервые были подвергнуты транспортировке во времени.

— Это было в августе прошлого, 2089 года, на Одесской станции временных перемещений.

— Вам помогал ваш двоюродный брат Лев Озеров?

— Да, он служил на этой станции.

— Подсудимый Озеров, вы подтверждаете это?

— Да, подтверждаю.

— Раскин, с какой целью вы предприняли перемещение и в какой именно временной интервал?

— Я хотел попасть в Москву в конце девяностых годов прошлого века. Зачем мне это понадобилось? Мне нужны были деньги.

— Раскин, вам семнадцать лет. Вы живете с родителями. Семья вполне благополучна. Зачем вам нужны были деньги?

— Граждане судьи! Последние два года я увлекался дымовой цветомузыкой. В прошлом году мы с друзьями создали свой ансамбль. Но аппаратура хорошая стоит недешево: Приличный синтезатор цветного дыма, сопряженный с программатором, тянет на пятнадцать тысяч. А стипендия у меня — полторы сотни. У друзей — столько же. Родители на день рождения подарят пятьсот, ну, семьсот суперкупонов, не больше...

— Итак, вы намеревались подработать. И какой способ вы выбрали?

— Мне помог Лева. Его вторая специальность — художник-копиист. Я его надоумил заготовить несколько копий, чтобы потом заменить на оригиналы, демонстрируемые на московских выставках.

Председатель суда перевел взгляд на Озерова.

— Подсудимый Озеров, картины каких художников вы копировали?

— В основном Евдокимова и Глазунова. Гражданин судья, я очень сожалею, что пошел на поводу у этого мальчишки. Кроме неприятностей я ничего не получил от этой истории.

Раскин криво усмехнулся:

— Ну зачем же лукавить, Лева. Ты, наверное, забыл о пяти тысячах за первую картину! Я тебя не обманул — это была ровно половина.

— Подсудимый Раскин, расскажите суду подробнее, о чем идет речь.

Игорь мог бы рассказать суду, как он тщательно готовился к вояжу в Москву, читал книги того времени, заказал старомодный костюм-тройку, переворошив кучу старых журналов. И как в сентябре 199... года на одной из пустынных полян Измайловского парка появился юноша в строгом сером костюме, под цвет глаз. Крахмальный воротничок белой рубашки и золотистый галстук непривычно сдавливали шею Игоря.

Оглянувшись по сторонам, он уверенно двинулся к выходу из парка. Раскин недаром изучал карту Москвы конца девяностых, он вышел прямо к трамвайной остановке и через десять минут уже сидел в поезде на станции метро «Измайловская». Еще через полчаса он появился в Лаврушинском переулке перед Третьяковской галереей.

Под серым пиджаком Игоря находились копии двух картин одного из наиболее ценимых в XXI веке русских художников прошлого — Евдокимова. Честно говоря, он

не очень рассчитывал в свой первый визит произвести подмену. Целью своего посещения Игорь ставил пока только разведку. По замыслу он должен был подыскать какую-нибудь нишу или подсобное помещение, где можно было бы спрятаться перед закрытием галереи. Позднее, когда все посетители и служители отправятся домой, он мог бы спокойно отделить полотно подлинников от подражников, а потом заменить их на копии. Повесить картины на место, спрятаться в своем укрытии до открытия выставки — вот и все дела.

Подмена картин, конечно, рано или поздно должна была обнаружиться, но Игоря это уже не волновало: он будет далеко, очень далеко. План вроде был неплох. Беда состояла лишь в том, что Раскин панически боялся блюстителей порядка — милиционеров. Его охватил озноб при мысли, что один из этих бравых сержантов, дежуривших у входа, вдруг захочет проверить у него документы.

Однако милиционерам, похоже, не было никакого дела до загорелого юноши, который за час до закрытия выставки протянул входной билет. Игорь, не останавливаясь, прошел зал иконописи, затем галереи с полотнами художников XVIII и XIX веков, поднялся на третий этаж. И вот он уже на пороге того самого зала, где, судя по проспектам, должны находиться полотна Евдокимова. Сердце его бешено колотилось, когда он, наконец, увидел их. Несколько минут придирчиво рассматривал, а потом успокоился: его копии и впрямь похожи на оригинал, как две капли воды.

Нет, не зря его братец Левушка три года проучился в институте изящных искусств.

Раскин неспеша обошел зал и с радостью подумал, что ему повезло: в одном из углов огромного зала стоял фанерный стенд с противопожарным инструментом — лопатой, ломом и прочей всячиной, о назначении которой можно было только догадываться. Стенд помещался у дверного проема, причем этой дверью, видимо, почти не пользовались. Между стендом и дверью стоял большой металлический ящик с песком, покрашенный в красный цвет.

Игорь мгновенно смекнул, что человека, сидящего за этим ящиком, можно заметить, только заглянув за стенд. Все складывалось настолько удачно, что он решил не искушать судьбу, а подменить картины сегодня же. Единственная деталь не понравилась ему: одно из полотен, намеренных к подмене, оказалось под стеклом, вделанным в тяжелую раму. Извлечь его оттуда, вставить копию, а затем сделать все, как было, вряд ли удастся без инструмента. А его-то как раз и не было.

Но другая картина была вполне доступна. Казалось — лишь протяни руку, и она твоя.

За пять минут до звонка, приглашающего посетитель к выходу, Раскин увидел, что старушка-смотрительница встала со своего стула и направилась в соседний зал. Игорь оказался один в огромном помещении. Озираясь и стараясь не шуметь, он отодвинул стойку стенда и шмыгнул за ящик.

Дальше события разворачивались именно так, как он и предполагал. Через час, когда зал после уборки заперли на ключ, Раскин вышел из своего убежища и размял затекшие ноги. Замена полотна прошла гладко, и копия, вставленная в подрамник, выглядела ничуть не хуже оригинала. Труднее оказалось скоротать те десять часов, которые оставались до открытия выставки. Снача-

чала он ходил из угла в угол большущего зала, затем сел прямо на пол и даже сумел немного вздремнуть, привалившись спиной к стенке.

Утром, когда рассвело, он снова забился в свою щель и покинул ее лишь после того, как в зал вошли первые посетители. Улучив момент, Раскин быстро выбрался из укрытия, отряхнул пиджак и неспешно направился в сторону выхода. Удивленные взгляды седого старичка с палкой, до этого придирчиво рассматривавшего картины Лактионова, Игорь проигнорировал.

Пряча глаза и опасаясь, что милиционер у выхода обратит внимание на его вздувшийся на животе пиджак, Раскин оказался на улице. А через два часа в Измайловском парке состоялась транспортировка Игоря в 2089 год.

Картина Евдокимова «Утро над Доном» была продана французскому артисту кино Марку Реомюру, коллекционирующему полотна русских пейзажистов XIX-XX веков, за две тысячи франков или десять тысяч суперкупонов. Доли Игоря с ранее запасенными двумя тысячами баксов хватило на покупку слегка подержанного японского синтезатора цветного дыма. Эта аппаратура помогла ансамблю Игоря занять первое место в Одесском конкурсе дымовой цветомузыки. Надо было видеть глаза их солистки Оленьки, устремленные на него в этот счастливый день.

— Свидетель Марк Реомюр, вы подтверждаете факт покупки у подсудимого Раскина картины художника прошлого века Евдокимова? — голос судьи прервал воспоминания Игоря.

— Да, господин судья, подтверждаю. Но я сразу хочу отмежеваться от этих жуликов! — седовласый презрительно указал на Раскина с Озеровым. — Две тысячи франков — для меня не деньги, тем более, что картина стоит в несколько раз дороже. Мне, конечно, сразу нужно было догадаться, что здесь что-то не так.

— Как Раскин объяснил вам происхождение картины?

— Наследство от прабабки, которая приходится племянницей художнику Евдокимову. Он, якобы, думал, что это копия, но как только стало трудно с деньгами, отнес картину на экспертизу.

— А вы направляли ее на экспертизу еще раз?

— Да, конечно. У меня нет привычки выкладывать деньги за kota в мешке.

— Господин секретарь, зачите, пожалуйста.

Секретарь с тонкой шеей, похожий на страуса, взял в руки папку и торжественно прочитал:

— Комитет по контролю за выполнением Международного соглашения о транспортировках во времени решением от 17 июля 2090 года постановил: передать картину художника Евдокимова «Утро над Доном» в дар Третьяковской галереи. Компенсацию расходов в сумме десять тысяч суперкупонов в пользу гражданина Франции Марка Реомюра произвести за счет Раскина и Озерова в равных долях. В связи с несовершеннолетием подсудимого Раскина сумму в пять тысяч суперкупонов взыскать с его отца — Владислава Раскина.

— Суд учет решение Комитета при вынесении приговора подсудимым. Обвиняемый Раскин, во время вашего второго перемещения в прошлое вы также рассчитывали похитить полотна из Третьяковской галереи?

Игорь поднялся, всем своим видом демонстрируя раскаяние.

— Да, но на этот раз мне не повезло.

Конечно, он, Игорь, не собирался рассказывать суду всю правду. Но кое-что рассказать все-таки придется. А правда состояла вот в чем. Японский синтезатор цветного дыма оказался капризной штуковиной. Причем в самый неподходящий момент — во время фестиваля самодеятельных ансамблей. Вместо цветов из дыма синтезатор стал выдавать такие зловещие картинки, что их освистали и попросили со сцены. Ни одна мастерская не бралась ремонтировать это чудо техники. Ребята из ансамбля вконец приуныли, и Игорь решил во что бы то ни стало раздобыть еще денег.

Прижимистый братец Лева также не прочь был зарабатывать, хотя и отчаянно рисковал, снова отправляя мальчишку в прошлое. Посоветовавшись, братья решили повторить аферу с картинами. Лева лучше всего удавалось копировать Евдокимова. Они, порывшись в каталогах Третьяковки, нашли кроме «Утра над Доном» еще три евдокимовские картины. И Лева изготовил их копии за две недели.

Транспортировка во временной петле с тремя картинами за пазухой прошла без осечек. Игорь очень боялся, что щит с противопожарным инвентарем переставят куда-нибудь в коридор, и он лишится своего временного убежища в Третьяковке. Но волнения оказались напрасными: щит был на прежнем месте, и уже отработанную операцию по маскировке нужно было только повторить.

И тем не менее Игорю это не удалось сделать. То ли он слишком целеустремленно направился к злополучному щиту, то ли слишком пристально его рассматривал. Так или иначе, но служительнице галереи Веронике Сергеевне Давыдовой этот поздний посетитель показался странным. Поэтому после звонка, призывающего гостей выставки к выходу, она, зайдя за тяжелую портьеру и закрыв с помощью бечевки фрамугу, незаметно осталась там. Через минуту-две после ухода из зала последнего посетителя подозрительный юноша оглянулся по сторонам, шмыгнул за щит и затаился.

Сомнений у Вероники Сергеевны не осталось: странный посетитель желает остаться в экспозиции после закрытия выставки. Выйдя из своего укрытия, она нарочито громко сказала:

— Поторопитесь, товарищи, мы закрываем!

На ее голос из соседнего зала выглянула ее приятельница и соседка по дому Ольга Викторовна.

— Вероника, ты сегодня к детям, или вместе поедем домой?

— Вместе, Оля, вместе... — рассеянно отозвалась Вероника Сергеевна и поманила подругу на лестничную площадку. Плотно прикрыв дверь, она шепотом объяснила Ольге Викторовне ситуацию и попросила сходить за милиционером.

Спустя пять минут лейтенант милиции Ковальчук вошел в зал.

Он подошел к щиту и отодвинул его за одну из стоек. Секунду Ковальчук и сидевший на корточках юноша смотрели друг на друга. Первый опомнился Раскин. Он пружинисто вскочил на ноги, ловко перемахнул через ящик с песком, оттолкнул милиционера и побежал к двери.

Ковальчук стремительно бросился за ним.

— Слава, удержи его! — крикнул он в лестничный проем, видя, что Игорь подбегает к площадке первого этажа.

Сержант Вячеслав Смирнов — флегматичный крепш с квадратными плечами — встал в лестничном проеме. Раскин замер, увидев, что путь наружу отрезан. Сверху приближался Ковальчук. Игорь огляделся, увидел приоткрытую дверь на втором этаже и тотчас бросился к ней.

— Гайнуллин — к запасному выходу! — на бегу выкрикнул лейтенант второму милиционеру, дежурившему внизу рядом с выходом.

— Слава — за мной!

Преследование оказалось недолгим, и Раскина, который держал в руках нечто, похожее на пистолет, обезоружил сержант Гайнуллин, подоспевший к двери запасного выхода. Пока они вдвоем со Смирновым заворачивали за спину руки Игоря, Ковальчук с большим интересом рассматривал невиданное прежде оружие, проделавшее в двери огромную дыру.

В тот день Раскина спасло только одно: при обыске в отделе милиции с его руки не смогли снять СВП-передатчик. В милицеском протоколе он значился как «браслет толстый из желтой пластмассы».

СВП-передатчики создали для установления экстренной связи со Станцией временных перемещений, которая, затратив почти десятикратное количество энергии по сравнению с обычной транспортировкой, может вызвать подопечного из любой точки света и из любой щекотливой ситуации.

Раскин, конечно, мог бы рассказать Суду, как задержанный следователь Ожерельев допрашивал его в отделе милиции, разложив на столе изъятое у него полотенце, перочинный нож, набор портативных инструментов, карманный дезинтегратор, двадцать тысяч рублей мелкими купюрами — имуществу, оказавшееся при задержанном. Как он, объясняя свой легкий акцент (одецкий выговор конца двадцать первого века здорово отличался, как выяснилось, от московского прононса столетней давности), назвался эстонским художником Эном Хейнсоо. Вот только сегодня приехал в Москву, где на Ленинградском вокзале у него украли портфель с документами. Да, он не нашел ничего лучше, чем провести ночь в Третьяковке. Тем более, что без документов ему нечего соваться в гостиницы.

«Откуда оружие? Купил у случайного попутчика в поезде Таллин-Москва».

«Зачем купил и по какому принципу оно действует? Принцип ему не известен, а зачем... Так, на всякий случай, вдруг пригодится. Сегодня вот понадобилось, чтобы открыть запертые двери».

«Почему с собой носит картины? Хотел продать, а покупателей найти в Третьяковке. Жаль, не удалось».

— Мы проверим, приживает ли в Таллине Хейнсоо по указанному адресу.

— Пожалуйста, дело ваше, проверяйте.

— До выяснения личности придется побыть в камере предварительного заключения.

А может быть, Суду интересно знать, о чем он, Игорь Раскин, говорил в камере с карманником Витей?

Когда Витя уснул, Игорь взялся за СВП-передатчик. На его счастье братец Лева именно в эти сутки дежурил на Станции временных перемещений, ожидая утренней транспортировки Игоря. Лева принял кодированный сигнал от брата и насмерть перепугался. За непредвиденный перерасход энергии на станции ему крепко перепадет от начальства. Но делать нечего: хороший нагоняй

за перерасход — это все-таки лучше, чем суд за нарушение Международного соглашения. А до этого дойдет, быстро дойдет!

Еще не зная, что он будет плести начальству насчет перерасхода, Лева подал ответный сигнал Игорю и стал вводить в машину программу экстренной транспортировки.

Дежурный по КПЗ старшина Захаркин, в обязанности которого входило выводить задержанных в туалет, регулярно входил все пять камер своего беспокойного хозяйства.

Задержанный художник в хорошем сером костюме отказался от гречневой каши с салом и сильно нервничал, поэтому Захаркин чаще, чем к другим, заглядывал в глазок этой камеры.

Старшина видел, как художник говорил с карманником, потом Витя уснул, а тот все ходил из угла в угол. Когда Захаркин в очередной раз заглянул в глазок, художник сидел на нарах, привалившись спиной к стене. Глаза у него были закрыты, а в лице проступала такая бледность, что старшина перепугался. Он открыл дверь и подошел к задержанному.

— Эй, парень! Что с тобой?!

Слова замерли у Захаркина в горле, когда он увидел, как сквозь лицо юноши явственно просматриваются неровности зеленой стенки. Протянув было руку, старшина тут же отдернул ее... Его рука прошла сквозь плечо.

«Никак рехнулся!» — с этой мыслью он метнулся к двери, накинул щеколду и помчался вверх по лестнице.

Дежурный по отделению майор Чеботарев недоверчиво выслушал старшину, а потом не поленился спуститься в КПЗ.

Когда они вошли внутрь, то увидели в камере только трясущегося от возбуждения карманника Витю.

— Начальник, он растаял, гадом буду... Своими глазами видел. Сначала стал прозрачный, как туман, а потом совсем растаял...

— Подсудимый Озеров, вы подтверждаете, что одиннадцатого сентября прошлого года организовали экстренную транспортировку Раскина после его вызова?

— Да, гражданин судья, подтверждаю. Мне ничего другого не оставалось делать, раз уж связался с этим болваном.

— Каким образом вы отчитались за повышенный расход энергии по станции?

— В этот день по нашей станции было шесть перемещений. В отчете мне удалось равномерно перераспределить затраты энергии между ними. Начальство ничего не заподозрило.

— Подсудимый Раскин, пользовались ли вы когда-либо СВП-передатчиком и экстренной транспортировкой после этого случая?

— Нет, гражданин судья. В этом не было нужды.

— И тем не менее, раз мы видим вас перед собой, значит урок не пошел вам на пользу и ничему не научил. Сколько раз в этом году вы подвергались нелегальной транспортировке?

— Три... Нет, четыре раза, гражданин судья.

— Все ваши поездки, как и раньше, были связаны с желанием заполучить картины Евдокимова?

— Да, Евдокимова или Глазунова. Но я больше не посягал на выставки и картинные галереи.

— Расскажите суду подробнее о целях каждой из ваших транспортировок в прошлое.

Неудача в Третьяковской галерее научила Раскина прежде всего остерегаться контактов с парнями из милиции. Изредка он представлял себе, что бы произошло, если следователь Ожерельев распорядился бы снять с его руки СВП-передатчик. Перспектива провести лет пять (а именно столько обещал ему следователь, если обвинение в попытке кражи картин из галереи подтвердится) в камере с каким-нибудь карманником Витей приводила его в полное уныние.

Нет, если бы не ребята, если бы не Оленька с ее волшебными глазами, которые с такой надеждой смотрели на него — опору их ансамбля, вряд ли он сунулся бы снова в это варварское время. Но синтезатор был нужен позарез, а значит требовались деньги. Может, по совету Левы столкнуться непосредственно с Евдокимовым? Вот только что предложить в обмен на картины?

«Может быть, пяток алмазов? Фирма «Дюпон» научилась делать их величиной с ноготь большого пальца, и стоят не больше сотни, не то, что сто лет назад. Правда, художники вряд ли разбираются в алмазах. Наверняка подумает, что фальшивые. Придется сначала обменять их на деньги. Тоже задача не из легких! Но другого пути нет», — рассуждал хитроумный Лева, подбивая Игоря на очередную авантюру.

И подбил-таки!

Рослый, с тренированными мышцами Игорь выглядел лет на девятнадцать-двадцать. Но этого было маловато для серьезных финансовых операций. Лева пошукался со своей приятельницей из Института красоты. Та успокоила: две-три косметические процедуры — и лицо стареет лет на десять. А как необходимость пропадет — массаж токами высокой частоты, и молодость возвращается.

По энциклопедическим словарям Раскин без труда установил, что в уже знакомые ему девяностые годы Евдокимов жил в Воронеже.

И вот зимой 199... Игорь, которому можно было дать лет тридцать, появился на заснеженной лужайке Измайловского парка. Операцию по обмену дюжины средней величины алмазов на шесть тысяч баксов он провел удачно. А вот дальше дело застопорилось: Евдокимов, к которому пришлось поехать в Воронеж, не желал продавать свои картины неизвестному молодому человеку даже за большие деньги. Он расспрашивал Игоря — откуда он и что его вынуждает платить за полотна крупные суммы. А кроме того, ему почему-то захотелось взглянуть на паспорт и узнать, где и в какой коллекции будут находиться картины. Ясно, что на эти вопросы мэтра Игорь не мог дать вразумительного ответа.

Как и было обговорено слевой, обратная транспортировка состоялась через неделю на прежнем месте. Братец не очень удивился, услышав сообщение Игоря. Он не слишком верил в коммерческий успех с первой попытки и не сидел сложа руки. Вчитываясь в биографию художника, Озеров не упустил из вида, что интересующий его мастер имел сына. «Вот кто может нам помочь!» — решил он. — Доступ к картинам отца он наверняка имеет, но живет-то он не только отцовскими интересами».

Вояжи Игоря становились все продолжительнее, и

ему все труднее приходилось обходиться без документов. Паспорт он, впрочем, по подсказке Левы, купил у одного воронежского пьяницы за сотню долларов в свой предыдущий визит. «Александр Михайлович Зубков, уроженец Воронежа, 1975 года рождения». Переклеить фотографию Леве не составило никакого труда.

Так солнечным январским утром новоиспеченный Александр Зубков подошел к подъезду аспирантского общежития, где в комнате N 329 проживал сын художника Евдокимова — Евгений Евдокимов.

ГЛАВА 5

Накануне вечером Зубков позвонил в отдел аспирантуры Института органического синтеза и выяснил телефон аспиранта Евдокимова. Евгению он представился учеником художника Евдокимова, которого перед отъездом из Воронежа отец попросил встретиться с сыном и передать небольшую посылку. Женя Евдокимов слегка удивился этому сообщению: накануне он сам только что вернулся от родителей, где провел две недели. Тем не менее быстро договорились о встрече в общежитии.

— Доброе утро. Вы — Александр Михайлович? — обратился высокий белокурый парень к Зубкову, сидящему в кресле около вахтера.

— Здравствуйте. А вы — Женя Евдокимов? — Зубков встал и протянул руку.

— Вы недавно из Воронежа? — с улыбкой поинтересовался Женя.

— Да, только вчера. Василий Петрович попросил вам кое-что передать.

Зубков взял в руки стоящий рядом дипломат.

— Где бы мы могли побеседовать с вами?

— Давайте поднимемся ко мне в комнату, там нам никто не помешает.

Пригласив гостя раздеться, Женя усадил его за стол и предложил чаю. Зубков вежливо отказался и достал сверток из портфеля.

— Я сразу должен извиниться перед вами, Женя, — осторожно начал посетитель. — Василий Петрович не просил меня о встрече с вами.

Брови Жени удивленно поползли вверх, он поинтересовался:

— Кто вы такой и чего ради решили разыскать меня?

— Сейчас вы все поймете, не сердитесь, пожалуйста. Взгляните на эту книжицу, — он протянул Жене книгу небольшого формата в яркой суперобложке и богато иллюстрированную.

Женя недоверчиво взял в руки книгу, перелистал несколько страниц и прочел название:

— «Великие русские художники прошлого столетия». Что это? Портрет Ильи Глазунова? Годы жизни... Почему... прошлого столетия? Портрет отца?! Опять годы жизни... Что за чушь! Когда же она издана? 2085 год?! Вы — футуролог, Александр Михайлович? Член Римского клуба? Только я не пойму, зачем вам понадобилась эта мистификация. Это ваше любимое развлечение?

— А вы не находите, мой друг, что это странное «развлечение»? Что же я, по-вашему, сам издал эту книгу? Оцените качество бумаги, краски: дороговато для самиздата! Вы не согласны со мной? Кстати, там есть упоминание и о вашей персоне. Посмотрите — на девяносто четвертой странице.

Женя еще раз перелистал книгу:

— В самом деле... «В 1968 году у художника родился

сын Евгений. Впоследствии отец несколько раз писал его портрет». Что такое?! Мой мальчишеский портрет! Вот же он висит на стенке! — он протянул руку по направлению к небольшому портрету в рамке, висевшему рядом с книжной полкой. — Это один из первых его портретов, он не попал ни в один из каталогов.

Взволнованный Женя переводил взгляд со стены на книгу, с книги — на странного посетителя.

— Александр Михайлович! Откуда у вас это?!

— Вы и сам догадываетесь, откуда, — Зубков с улыбкой смотрел на пунцового от волнений аспиранта. — Не может быть, чтобы вы совсем не читали фантастику.

— Вы говорите о перемещении во времени? Вы из будущего?

— Увы, мой друг, вам придется смириться с этой мыслью. На вид я примерно ваш ровесник. Не правда ли? Это в данный момент. А вообще-то я появился... простите, появлюсь на свет лет через тридцать после вашей кончины. Как это ни грустно, вы годитесь мне в прапрадедушки.

В комнате было прохладно, но Женя вытер пот, выступивший на его лбу.

— Странно, я никогда не верил в машину времени. Как вам удалось добиться этого?

— О, это слишком длинная история. Пока я скажу лишь, что перемещение в прошлое напоминает гипнотический сеанс. Существуют станции временных перемещений. В них — специальные камеры, находящиеся в сильном электромагнитном поле. Вы садитесь в кресло, закрываете глаза, расслабляетесь. Оператор нажимает кнопки. Сама транспортировка занимает секунды: вы пробуждаетесь уже в другом времени.

— Понятно, — произнес Женя. — Хотя и не очень. Так вы явились из двадцать первого века, чтобы показать мне, что мой отец — великий художник?

— Не совсем. Мне нужны картины вашего великого отца, — глядя аспиранту прямо в глаза, объяснил Зубков.

— Картины? — удивился Женя. — Послушайте, вы так и не сказали, кто вы: искусствовед, историк, библиограф?..

— Я буду с вами откровенен, — Зубков понял, что не следует долго ходить вокруг да около. — Я не ученый, а скорее коммерсант, коллекционер и хочу купить несколько полотен вашего отца для своей экспозиции.

— Ах, вот оно что! — теперь уже улыбаясь Женя Евдокимов. — Картины отца стали модными в ваше время. Теперь я вас понял. Только почему вы пришли ко мне, а не к моему отцу?

— Я был у него месяца полтора назад, — вздохнул Зубков. — Он не захотел мне ничего продать.

— Вы сказали ему, кто вы такой? — изумился Женя.

— Нет, я просто положил на стол шесть тысяч баксов.

— А он?

— А он потребовал показать паспорт. Его-то у меня как раз и не было.

— А сейчас?

— Сейчас — пожалуйста, — Зубков протянул документы.

— В самом деле... Александр Михайлович Зубков. И даже мой земляк, — прочитал Женя и вернул паспорт. — И что же вы хотите от меня?

— Во сколько вы оцениваете этот портрет? — Зуб-

ков кивнул в сторону стены.

— Вы что, серьезно?

— Да, вполне. Я могу сейчас же предложить вам за него две тысячи зеленых.

— Если вы в самом деле не шутите, то мне не хотелось бы продолжать этот разговор. Я не торгую картинами отца.

Женя встал, и было видно, что разговор ему и в самом деле неприятен.

— Хорошо, не две, а три тысячи. Даже после защиты диссертации вам нужно будет трудиться немало лет, чтобы заработать эту сумму!

— Нет, мы с вами напрасно теряем время. Вначале разговор показался мне интересным. Прощайте, — Евдокимов взглянул на часы. — Через двадцать минут начинается мой рабочий день, и я очень не люблю опаздывать.

Зубков нехотя поднялся со стула и, надевая пальто, произнес:

— А вы сначала показались мне более деловым человеком, чем ваш отец. Жаль, что мы не нашли общего языка. Если вы позволите, я позвоню вам завтра в институт в конце дня. Может быть, вы передумаете.

— Я не передумую, и вам вряд ли стоит утруждать себя звонками, — холодно ответил Женя, провожая гостя в коридор.

Женя Евдокимов, обычно собранный и уравновешенный, был очень расстроен в этот день. Утренняя встреча не выходила у него из головы. Он, конечно, любил своего отца, ценил его творчество, считал способным и большим художником. Но — великим?! Как хотелось бы дать отцу взглянуть на эту книгу... Правда... Там указаны годы жизни. Странно и страшновато смотреть на дату смерти. Одно дело — осознавать, что родитель уже не молод, и совсем другое — видеть год, месяц и день. В биографии сказано, что последние два года жизни художник тяжело болел. Нет, ни в коем случае нельзя показывать такое отцу...

Назавтра Зубков не позвонил. А через два дня объявился собственной персоной. Рано утром Женя встретил его у дверей общежития.

— Чем обязан?

— У меня интересное предложение...

— Если вы опять насчет картины, то не стоит и начинать! — раздраженно отреагировал Женя и заспешил в сторону троллейбусной остановки.

— Минутку, — поспешил за ним Зубков. — Вам бы хотелось, чтобы о вас помнили через сто, двести, пятьсот лет?

Женя сердито спросил:

— Что же вы предлагаете? Сжечь что-нибудь, подобно Герострату?

— Не сжечь, а, наоборот, создать. Совершить научное открытие, например. Вы ведь химик. Представьте: я приношу вам химическую энциклопедию, изданную через сотню лет. Открываем на букве «Е» и читаем: Евдокимов Евгений Васильевич — выдающийся русский химик, действительный член Академии наук с такого-то года, автор такой-то теории и так далее.

Женя никак не мог понять, куда клонит этот шустрый «потомок».

— У меня сегодня с утра лабораторный коллоквиум, и мне нельзя опаздывать.

Женя подумал, что этот змей-искуситель уже должен знать, вышел из него толк или нет. Поэтому он напрямик спросил, может ли Зубков показать ему такую энциклопедию, изданную в будущем веке?

Зубков помолчал, затем задумчиво произнес:

— Мне очень не хочется вас огорчать, Женя, но я проверил: вашей фамилии в химической энциклопедии нет.

Воцарилось долгое молчание. Женя чувствовал себя одураченным. Он не считал себя великим химиком, но все-таки что-то стоящее мог, наверное, сделать. А может, ни за что серьезное теперь и браться не стоит?!

Им овладело глухое раздражение против Зубкова: «Являются тут оракулы, будущее бесперспективное твое раскрывают, чужую бездарность обнаруживают! Кто его просил?!»

Вслух же он произнес:

— Тогда я не понимаю, к чему этот вопрос насчет попадания в энциклопедию? Меня уже там нет, и будущее уже существует!

В ответ Зубков улыбнулся:

— Вы, мой друг, не совсем правы. И прошлое, и будущее существуют одновременно, и при этом каждое мгновение меняются. Именно поэтому не бывает настоящего, которое было бы неподвижным. Будущее есть всегда, но то, каким оно конкретно станет, определяется вашими сегодняшними поступками. То есть будущее — это великое множество альтернативных вариантов, один из которых должен стать бытием. Какой именно — полностью диктуется совокупностью поступков в данный момент времени.

Чувствуя интерес аспиранта, Зубков заговорил о самом для себя главном:

— В начале XXI века, помнится, было несколько больших открытий в химии. Почему бы их не сделать вам?

Женя ответил с нервным смехом:

— Как легко вы обо всем толкуете! Это даже забавно! Ну и что же это за открытия?

— О, конечно, всего я сейчас сходу не припомню: по основной специальности я все же не химик, а дизайнер... Но кое-что приходит на ум: вот хотя бы фотосинтез в лабораторных условиях или высокотемпературная сверхпроводимость, — Зубков хитро усмехнулся. — Что вам больше по вкусу?

Что-то дрогнуло в лице Жени Евдокимова, когда он услышал о высокотемпературной сверхпроводимости. Да и было от чего дрогнуть: этот пройдоха из будущего небрежно и походя коснулся его Цели. Да, именно так, с большой буквы, он именовал предел своих научных притязаний, свою мечту — сверхпроводниковый полимерный материал. С третьего курса университета, когда Женя прочитал о возможности его создания в популярном журнале «Химия и жизнь», мысль о таком полимере не выходила у него из головы. А предполагаемая химическая формула этого уникального материала, изображенная во весь журнальный лист, снилась ему по ночам.

Да что там снилась! В университете, занимаясь в научном студенческом обществе, Женя два года тайком от преподавателей пытался получить полимерный сверхпроводник. Как он сейчас понимал, подходил тогда к синтезу примитивно. Оттого-то ничего и не получилось. Уже здесь, в Москве, работая над дипломом, он узнал, что гипотетическую сверхпроводящую молекулу

Литта уже пробовали синтезировать за рубежом. Вполне квалифицированно и тоже безуспешно.

Позже Женя прочитал, что появились в печати работы физиков, пытавшихся доказать, что такая молекула не может быть сверхпроводником. Ему не хотелось верить. Женя продолжал ревниво следить за всем, что делалось в этом направлении. Более того, тема его диссертации примыкала к получению полимеров с высокой проводимостью. И вот появляется человек, который может подсказать ему, как получить высокотемпературный сверхпроводник, приблизить его к Цели. Нет, он не сможет так легко отмахнуться от этого предложения.

Женя едва не проехал свою остановку. Выскочив в последний момент из троллейбуса, он сказал Зубкову:

— Послушайте, Александр Михайлович, или кто вы там на самом деле. То, что вы мне предлагаете — чудовищно или... Во всяком случае, не сразу укладывается в голове. Дайте мне пару дней на раздумье.

— Договорились, Женя. И давайте без церемоний: зовите меня просто Сашей. Я ведь, если разобраться, намного моложе вас, черт побери!

Женя в то утро успел на свой коллоквиум, но почти не слышал докладчика. Уж какие тут ионообменные полимеры, если из головы не лезет мысль: «Я могу добиться Цели, а с ней и всего остального — научных степеней, признания и мировой известности! Причем быстро, пока молод и полон сил. Не нужно домучивать эту почти никому не нужную кандидатскую, потом лет десять-пятнадцать корпеть над докторской».

Женя и не догадывался, каким сатанинским тщеславием наделила его природа. Воображение рисовало присвоение, без защиты диссертации, степени доктора наук, вручение диплома на открытие, Государственной премии...

Где-то в глубине грыз червяк сомнения. Шептал: это нечестно, это же воровство, причем воровство двойное — идеи у автора, которой, может быть, еще не родился или под стол пешком ходит, и — картины отца. Наверняка Зубков намерен осчастливить его не бескорыстно!

Внутренняя борьба была недолгой, и получилось так, что следующие полгода жизни аспиранта Евгения Евдокимова оказались связанными с Игорем Раскиным, родившимся в Одессе в 2073 году.

Связь была настолько тесной, что дневник аспиранта Евдокимова, отрывки из которого мы здесь приводим, стал одним из главных обвинительных документов на суде над нарушителем Международного соглашения о транспортировках во времени.

«19 января. Как непосильно велик искуc! В голову лезут оправдательные мысли. Да, это не совсем честно, да, я обворовываю истинного автора открытия. Но автор-то, по-видимому, чертовски талантлив. Ему наверняка по плечу сделать и другое открытие не меньшего масштаба. Вина перед отцом, конечно, тоже велика. Но его слава не пострадает, если временно пропадут из поля зрения три-четыре его картины. Причем они никуда не денутся: Зубков доставит их восхищенным потомкам в целостности и сохранности.

И снова просыпаются сомнения. Что я и Зубков наворим с последующим ходом событий? Это преждевременное открытие, эта реализованная Цель не может не повлиять на дальнейшее развитие науки и техники.

Но ведь хуже от этого открытия не станет! Скачок в техническом прогрессе пойдет только на пользу и нашей стране, и всему миру. Что я завтра отвечу Саше?

А вдруг он не придет?

20 января. Пришел. Причем не с пустыми руками. Спросив, надумал ли я сотрудничать с ним, он протянул мне «Краткий курс технической химии», учебник для студентов химических ВУЗов, изданный в 2079 году.

Любой из современных химиков дорого бы дал за возможность полистать этот учебник. Но у меня не хватает терпения. Сразу нахожу раздел, где речь идет о высокотемпературной сверхпроводимости. Читаю: в начале двадцать первого века удалось получить два новых типа сверхпроводящих материалов, которые в отличие от известных керамик сохраняют сверхпроводимость до плюс ста градусов по Цельсию. Первый в 2003 году разработан каким-то норвежцем, фамилию я не запомнил. Основан на взаимодействии пары экситон-дырка в тонких чередующихся слоях металл-диэлектрик. Дальше на десяти страницах подробно о технологии получения. Ни слова о полимерах, поэтому бегом дальше.

Второй метод предложен в 2016 году и — моему волнению нет предела — представляет собой частично модифицированный вариант полимерной молекулы Литтла, теоретически предсказанный еще в 1964 году. Автор — американец по фамилии Скайерс, даже приведена фотография этого страшно самоуверенного, как мне показалось, типа. Судорожно ищу глазами химическую формулу. Нахожу ее, но Саша вдруг выхватывает их моих рук. Видно понял, что это как раз то, что я ищу. Еще раз спрашивает, согласен ли я на сделку с ним.

Я не могу больше бороться с искушением. Спрашиваю, что он хочет за этот учебник. Оказывается, три картины отца из его воронежской коллекции, причем сам выберет, какие именно. Махнув на все рукой, соглашаюсь. Он открывает книгу, показывает мне, листает у меня перед носом страницы. Находим нужный кусок текста. Саша безжалостно выдирает эти восемь листов и протягивает мне. Учебник убирает в свой портфель, сказав с усмешкой, что лишняя информация мне только повредит. Мы расстались с ним до завтра, чтобы обдумать свои дальнейшие действия.

22 января. Проклятье! Из трех десятков реактивов, которые мне понадобятся для синтеза, в лаборатории и на институтском складе есть меньше половины. Причем верный десяток из этой отсутствующей половины — не какая-нибудь экзотика, а довольно-таки распространенные вещества.

Куда смотрит отдел снабжения?! Обидно, что часть из них упоминается в инвентарных складских книгах, кто-то из сотрудников института в свое время их заказывал. Но на складе они так и не появились. Снабженцы не удосужились выполнить эти заказы. Придется поискать эти вещества у знакомых и друзей знакомых из других институтов. Синтезировать самому — долгая и неблагодарная трата времени. Здесь я надеюсь на помощь Нины — у нее почти все сокурсники попали в разные московские НИИ.

Есть и другая сложность: в вырванных Сашей страницах упоминаются как давно известные катализаторы Титова и Эпштейна. Перерыл все справочники, но таких фамилий не нашел. Видно, разработаны эти катализа-

торы позднее. Узнать их состав я не могу без помощи Зубкова. Сказал сегодня ему об этом. Тот вроде бы готов пойти мне навстречу. Органическая химия для него — вторая специальность, а первая — промышленный дизайн. Он, оказывается, учится на втором курсе политеха.

Я поинтересовался: сколько ему лет, ведь выглядит на все тридцать. Ответил, что всего семнадцать. Кожа на лице специально состарена. Чудеса в решете! Впрочем... это его заботы.

23 января. Выделял пять самых сложных этапов синтеза, которые должен сделать самостоятельно. Это не считая загадочных катализаторов, которые тоже придется синтезировать. Саша обещал достать их состав через неделю. Похоже, пригодится мой университетский опыт по части органической химии. Получение некоторых исходных — особенно стабильных моно- и бирадикалов — состоит из шести-семи стадий. Сумею ли с ними справиться?

24 января. Начал ставить синтезы. Хорошо, что Со рокин отправился в творческий отпуск — писать свою докторскую. Можно спокойно работать. Конкретно делал следующее... (Далее в дневнике Евдокимова следовали полторы страницы сплошных химических формул.)

25-30 января. Все дни не выхожу из лаборатории. Заказал вентиляцию до восьми вечера. Кое-что получается с первого раза, кое-что — нет.

Молодец Нина, нашла у своих друзей четыре очень нужных мне реактива. Саша тоже выполнил свое обещание и привез рецептуры катализаторов Титова и Эпштейна. Первый из них катализирует присоединение иодметильных радикалов к димерному нитриду серы. Он состоит из трех не слишком сложных по структуре аминов.

Труднее будет с катализатором Эпштейна, который нужен для полимеризации нитридов серы. По составу — смесь кобальт- и никельпроизводных, что-то типа катализатора Циглера-Натта, но посложнее. Хорошо, что Саша достал подробную пропись синтеза этой штуковины. Катализатор очень боится влаги и самовозгорается на воздухе. Наши потомки получают его в цельнопаянной аппаратуре, в вакууме. Там же синтезируют и сам полимер. Заказал в стеклодувной мастерской необходимую установку. Обещали сделать за две недели.

3 февраля. Кажется, получил иодметильное производное ферроцена. Так, по крайней мере, говорят инфракрасные спектры. Сегодня отнес образец на элементарный анализ. Попросил сделать побыстрее. Сказали, что будет готов через неделю.

7 февраля. Что-то не клеится с синтезом бирадикала. Не воспроизводится методика, взятая из книги Зубкова. Не пойму, в чем дело. Хотел попросить у Саши более подробную методику, но он уже три дня как не появляется и не звонит. Хоть сам его разыскивай. Живет он не где-нибудь, а в гостинице «Россия», чуть ли не в люксе. Богатый, черт!

Нина обижается, что мало времени провожу с ней, два раза отказывался сходить с ней в кинотеатр. В самом деле, за день так навкальываешься, что вечером остается одно желание — быстрее дотащиться до кро-

вати. Может быть, рассказать ей обо всем? Нет, пожалуй, не стоит. Никто не должен знать, как мне досталось это открытие. Пусть думает, что это я так вкальываю над диссертацией.

11 февраля. Опять нелады с бирадикалом! Метод ЭПР упорно показывает, что радикал где-то гибнет на промежуточной стадии. Вчера объявился Саша. Первым делом напомнил, что прошел уже месяц, как мы с ним договорились обо всем. Через месяц я должен буду отдать ему три картины отца, и он здесь уже не появится.

12 февраля. Ура! Элементарный анализ показал, что иодметилированный ферроцен у меня в руках. Получил и неопредельный амин для катализатора Титова. Завтра попробую провести реакцию двух готовых мономеров с нитратом серы.

Саша обещал помочь с синтезом бирадикала. Хорошо еще, что в двадцать первом веке человека обучают двум профессиям. Учеба в институте занимает восемь лет. Из них две трети отводятся на основную специальность и одна треть — на дополнительную. Если человек проявляет особую склонность к одной из профессий, он может по своему желанию заниматься только ею.

Зубков в химии, чувствуется, знает толк. Именно он подсказал мне, что получение таких сложных соединений, как этот бирадикал, требует особой чистоты исходных компонентов. Придется, как ни жаль времени, дополнительно повозиться с этим.

15-24 февраля. Замучился чистить исходные для получения бирадикала и катализатора Эпштейна. Сегодня, кажется, все закончил. Забрал из стеклодувной цельнопаяльную установку. Для ускорения ее изготовления пришлось переправить мастеру почти пол-литра спирта. Вот он — вечный катализатор быстрого выполнения работ в мастерских любого института!

Завтра решающий день: провожу два самых ответственных этапа синтеза сверхпроводящей полимерной молекулы.

26 февраля. Неужели я такая посредственность?! В глазах Саши я читаю именно этот приговор. Моя цельнопаяльная аппаратура, которую делали целых три недели, разлетелась на мельчайшие кусочки. Не знаю, что и думать! Может, аргон идет из баллонов не совсем сухой? Хорошо еще, что рвануло после шести вечера, когда в соседних комнатах все разошлось по домам. Вышибло стекла у тяги. Слава богу, что я догадался напаять на себя пластмассовое забрало. Не то лежать мне сейчас в больнице без глаз.

С бирадикалом результат пока не ясен. За ночь должны выделиться его кристаллы. Завтра отнесу их к ЭПР-спектроскопистам.

27 февраля. Неудача следует за неудачей! Бирадикал не дает сигнала. Это ужасно! Опускаются руки.

Стеклодув запросил литр спирта за срочное изготовление новой установки. Удивительно, как в него столько вливается! Ведь не один же я его подпитываю... Придется обежать всех знакомых и поклянчить горячее. Хоть водку покупай для него!

3 марта. Вновь откристаллизовал все исходные для

синтеза бирадикала. При этом кончились все запасы монорадикала. Значит надо в ближайшие дни готовить новую порцию. Хотелось бы приступить к получению катализатора, да боюсь, что не успею сделать другие компоненты для синтеза сверхпроводящей молекулы. А хранить готовый катализатор крайне опасно: выбитые стекла вытяжного шкафа напоминают об этом.

Саша здорово нервничает: 15 марта истекает оговоренный с ним срок. Через неделю уже будет ясно, укладываюсь я или нет. Надо! Очень Надо Успеть!

10 марта. Нет никакого желания записывать невзгоды каждого дня. Кажется, зря меня рекомендовала наша полимерная кафедра незабвенного ВГУ. Пора перекалфицироваться в управдомы, как советовал Остап Бендер. Самое ужасное, что я перестаю верить в свои силы. Этот чертов бирадикал никак не желает образовываться.

11 марта. Саша со мной подчеркнуто сух. Намекнул, мерзавец, что у большинства гениальных родителей дети, как правило, бездари. Говорили с ним целый час. Видите ли, он жалеет, что связался со мной. Будто я просил его об этом! В конце разговора дал мне понять: если я ему отдам хотя бы одну отцовскую картину, он попытается уговорить своего брата под залог еще на одну-две транспортировки.

Я поинтересовался, куда он собирается девать деньги от сбыта картин. Половину, как я понял, он должен отдать кузену — любителю развлечений и житейских утех. А с другой половиной он, признаться, меня удивил. Для начала показал журнал со странным названием «Дым, музыка, красота». Полистал его: сплошные голограммы, причудливые дымчатые цветы, загадочные перемены оттенков.

Потом Саша достал из портфеля невиданный мной прежде инструмент — нечто среднее между флейтой и губной гармошкой. Подкрутил какие-то ручки, провел пальцами по мелким белым клавишам-клапанам. И вдруг... из отверстий гармошки вырвались струи ароматного дыма семи различных цветов, и полилась какая-то странная космическая музыка. Струйки дыма в такт звукам то утолщались, то утончались, клубились, переплетались, волновались. Из них возникали живые, точнее, живущие лишь мгновение сказочные цветы, красоты воистину волшебной. Звуковая гамма увлекала цветы одной окраски вверх, другой — вниз. Третьи цветы образовывали гирлянды и стелились горизонтально, как туман. Это казалось мне прекрасным, внезапно ожившим сном.

Но Саша вдруг недовольно поморщился и, отняв гармошку от губ, произнес:

— Все это жалкий примитив и похоже на настоящую дымовую цветомузыку, как, например, моя мазня кистью по холсту на картины твоего отца. Но для настоящей цветомузыки нужны синтезаторы дыма, а не эта безделушка, — и он пренебрежительно кинул гармошку в портфель. Помолчал, потом продолжил:

— А что нужно для того, чтобы достать синтезатор?

— Деньги?

— Правильно мыслишь — деньги, причем немалые.

Пришлось отдать ему мальчишеский портрет. Не бросать же начатое на полпути. Я сказал, что мне трудно обойтись без его помощи в лаборатории. Сначала было взъерепенился мой музыкант, но потом вспомнил о своем обещании и согласился.

Думали, думали мы, как организовать ему пропуск в институт и, кажется, придумали. Хорошо бы ему стать дипломником, как я когда-то три года назад. Для этого нужно: во-первых, согласие моего лабораторного начальства, а во-вторых, письмо из института, который якобы заканчивает студент Зубков.

Ну, шефа я беру на себя. Убедить его в том, что мне в помощь нужен дипломник, не составит труда. С письменным обращением дело сложнее. Хорошо еще, что я не выбросил то письмо на бланке ВГУ, которое раньше потребовали от меня, чтобы зачислить дипломником в эту лабораторию. Показал его Саше — тот пренебрежительно кивнул: мол, не бойсь, сделаем все в лучшем виде. Тут же придумал тему его дипломной работы: «Получение и электрофизические свойства ион-радикальных солей алифатических поливиологенов». Звучит неплохо и вполне вписывается в мои диссертационные планы. Зубков забрал старое письмо и обещал объявиться через три дня.

14 марта. Я, признаться, побаивался, что сгинет мой приятель вместе с картиной, но нет — явился не забылся. Причем принес три пустых университетских бланка, в нижней части которых красуется подпись проректора ВГУ. Оказывается, он просто заклеил старый текст листом бумаги и снял цветную ксерокопию. Цветной ксерокс стоит дома у его родителей. Пустячок, а приятно!

Мне осталось только сходить к знакомому парню на пятый этаж за портативной пишущей машинкой. Так появилось письмо на имя директора нашего института с просьбой обеспечить прохождение дипломной практики студента-выпускника Зубкова Александра Михайловича в лаборатории полимерных материалов.

Первый раз в жизни занимаюсь подделкой документов. Страшновато и немного стыдно. Но прочь сомнения! Это письмо мне сейчас необходимо, как воздух. Остается познакомить новоиспеченного дипломника со своим шефом.

16 марта. Сорокин, как я и ожидал, не стал противиться тому, чтобы Саша делал диплом в нашей лаборатории. Тем более, что я представил его своим бывшим однокурсником и толковым парнем, который по болезни отстал от меня в учебе на несколько лет.

Приятно, что начальство тебе так доверит. Одобрил шеф и предложенную тему диплома. Якобы последний кусок моей диссертации. Эх, знал бы добрейший Алексей Николаевич, что ни я, ни тем более Саша и не собираемся заниматься этой темой!

В четверг и пятницу Саша пройдет через все формальности и получит временный пропуск в институт, а с понедельника начнет работать со мной под тайгой. Он сказал, что договорился с братом еще на полтора месяца своего пребывания в нашем времени. Думаю, мы должны управиться недели за три-четыре...»

Впрочем, из дальнейших записей в дневнике было понятно, что Евдокимову для завершения работы не хватило ни трех недель, ни полутора месяцев. Из отрывистых записок, датированных апрелем и маем, следовало, что, несмотря на помощь Зубкова, дела его шли неважно. Неудачные эксперименты следовали один за другим. В середине мая ему пришлось отдать еще одну отцовскую картину. После этого Зубков уехал на целых

две недели. Вернулся в конце мая с какими-то новыми данными. Об этом в дневнике была сделана восторженная запись.

Детальная методика, привезенная Зубковым, шаг за шагом продвигала аспиранта к получению сверхпроводящего полимера, пока он не достиг конечного результата.

«9 июня. Наконец-то! Мосты сожжены! Сегодня говорил с Сорокиным о своем открытии. Пишу «своем» почти без всяких угрызений совести. Мне кажется, что почти полугодовой работой над ним, работой на износ, я заслужил это право.

Ну и вид был у моего шефа, когда я продемонстрировал ему эффект Мейснера по выталкиванию сверхпроводника из магнитного поля! Оно не имеет цены, это мое колечко. Именно мое! Эту последнюю порцию полимера я получил полностью самостоятельно, без помощи Саши, включая все исходные и катализаторы.

Саша завтра отбывает с заработанными честным трудом картинками. Надеюсь, что навсегда. О Зубкове постепенно все должны забыть. Я придумал, как это можно сделать. Саша уезжает в Воронеж и там, якобы, попадает в больницу с сотрясением мозга. Об этом он извещает меня телеграммой. Я для приличия отправлюсь его навестить, а по возвращении объявляю, что врачи настоятельно рекомендуют отложить на год подготовку и защиту его диплома. А через год у нас о нем никто и не вспомнит.

Итак, я остаюсь монопольным владельцем методики получения высокотемпературного сверхпроводника. Мне не нужны соавторы. Не знаю, как Сорокин, а вот наш дорогой профессор Парамонов, возможно, будет не прочь на моих плечах попасть в историю науки. Я живо представляю, как все будут говорить: «Открытие, сделанное в лаборатории профессора Парамонова», «под руководством известного химика-полимерщика профессора Парамонова» и так далее, и тому подобное. А о молодом и никому не известном аспиранте Евдокимове могут и не вспомнить.

Поэтому никаких кулуарных бесед о сути открытия. Алексей Николаевич, по-моему, порядочный человек, но и ему я сегодня ничего не сказал, кроме самых общих фраз: «Береженого бог бережет!» Чем больше людей сразу узнают о содержании моего открытия, тем лучше. Идеальным, конечно, было бы доложить на Ученом совете, но и завтрашний лабораторный коллоквиум — тоже неплохо. А на всякий случай я отправил сегодня утром заказным письмом в Госкомитет по делам открытий и изобретений описание синтеза моего сверхпроводника. Подробное, на двадцати печатных листах с припиской: «Прошу рассматривать как предварительную заявку на открытие. Хотя и понимаю, что оформлено не по правилам. Представление Ученого совета института, все акты и сопроводительные письма будут отправлены в ваш адрес позднее».

Теперь-то уж меня не должны обойти!»

ГЛАВА 6

Поздно вечером, когда жена и дочь Николая Максимова улеглись спать, он разложил на письменном столе книги и проспекты с описанием работ Евдокимова-старшего. Стол находился у окна, выходящего на пустырь за домом. Луна высвечивала края темных кучевых облаков.

Николай Максимович вздохнул и раскрыл книгу на главе «Биографический очерк». Так, родился в семье педагогов, учеба в школе, первые рисунки... Учеба в Строгановском училище. Война, рисунки для фронтовых газет. Плакаты на военную тематику. Первые выставки работ в Воронеже. Прием в Союз художников. Выставка работ в Москве. Среди отзывов: «...Реалистическая основа творчества Евдокимова базируется на бережном развитии лучших традиций русской академической школы». Художественное наследие пока невелико — около 60 картин. Художник предан родному Воронежу, полон творческих замыслов и находится в расцвете сил.

Седых закрыл книгу и принялся отыскивать в каталоге выставки репродукции тех полотен Евдокимова, которые забрал в Москву несколько месяцев назад его сын. Так... серия пейзажей. Вот и «Вечер у реки». Маленькая речушка с кувшинками на воде, ивы, склонившиеся к ней. Грунтовая дорога. Мягкие краски, темнеющее небо. Глаз так и ощущает наступившие сумерки. Картина нравилась Николаю Максимовичу...

Резкий и требовательный телефонный звонок заставил его вздрогнуть.

— Добрый вечер. Это Николай Максимович? — раздался в трубке приглушенный мужской голос.

— Я вас слушаю, — отозвался Седых и почему-то почувствовал, что сейчас ему сообщат нечто необычное. Предчувствие его не обмануло.

Голос продолжал:

— Скажите, это вы ведете дело о несчастном случае с аспирантом Евдокимовым?

— Да, а с кем я говорю? — вопросом на вопрос ответил Седых.

— Сейчас это не имеет значения, — монотонно прозвучал голос в трубке. — Сообщаю вам, что аспирант Евдокимов находится на излечении в загородной больнице закрытого типа. Диагноз — редкая форма потери памяти. Контакты с ним временно противопоказаны. Родители его уже оповещены. Всего вам доброго.

— Алло, постойте! Какая больница? Кто вы? — успел прокричать Седых прежде, чем услышал короткие гудки в трубке.

С момента исчезновения аспиранта Евдокимова прошло 36 часов.

Утром следующего дня на оперативке у Коноваленко было принято решение усилить группу Седых, подключив к ней старшего лейтенанта Жору Заминяна. Именно ему был поручен поиск больницы закрытого типа, которая приняла на излечение аспиранта Евдокимова. Перед самым совещанием вернулся из Воронежа Сергей Усольцев, который сообщил, что в тамошнем университете никто не ведет совместных работ с Евдокимовым и никто в глаза не видел дипломника Зубкова.

— Ох и не нравится мне это дело, — говорил темпераментный Жора Заминян Анохину и Усольцеву. — Кто-то пошутил над нашим Максимычем, а он и рад стараться. Ну, где я буду искать эту чертову больницу! Загородную, да еще закрытого типа.

Нелегкое задание досталось и Сергею Усольцеву. Седых поручил ему просмотреть все дела по краже и спекуляции картинами за последние годы: не наследил ли где-нибудь Зубков. И вот на этом, казалось бы, бесперспективном направлении, неожиданно забрезжил свет. На третий день поисков Усольцев вышел на следо-

вателя Ожерельева, у которого полгода лежало дело эстонского художника Энна Хейнсоо, задержанного в Третьяковке.

Интерес Усольцева к этой истории возник с того момента, когда он увидел в деле Хейнсоо фамилию художника Евдокимова. А после того, как в описании одежды и вещей художника ему встретился «браслет из желтой пластмассы», Сергей почувствовал, что попал на верный след. Осталось лишь показать Ожерельеву фото Зубкова. На нем следователь не замедлил опознать своего исчезнувшего подопечного. Итак, сомнений не осталось: Энн Хейнсоо и Александр Зубков — это одно и то же лицо.

Туманным утром, больше похожим на октябрьское, чем июньское, Седых отправился на встречу со следователем Ожерельевым. Выйдя из метро «Новокузнецкая», он повернул в сторону Третьяковки. Николай Максимович любил этот уголок Замоскворечья, и поэтому, не торопясь, отправился в обход — по Большой Ордынке, Старомонетному, а потом Большому Толмачевскому переулку, где и помещалось отделение милиции.

Постучав в дверь на втором этаже, Седых вошел и представился высокому, чуть сутуловатому человеку в тяжелых роговых очках.

— Виктор Константинович Ожерельев, — отрекомендовался тот и протянул жилистую руку.

Николай Максимович попросил разрешения закурить и поинтересовался:

— Сколько допросов Хейнсоо вы успели провести, Виктор Константинович?

Ожерельев развел руками:

— К сожалению, один, и тот очень краткий. Этот Хейнсоо так явно врал в ответ на одни вопросы и совсем не отвечал на другие, что хотелось побыстрее отправить его в камеру.

— А оттуда он к вам уже не вернулся? — усмехнулся Седых, зная, чем закончилось задержание «эстонского художника».

— Вы правильно информированы, — без всякого энтузиазма откликнулся Ожерельев. Вид его говорил о том, что случай с загадочным исчезновением задержанного — предмет для постоянных шуток со стороны коллег.

— Усольцев, который вчера был у вас, сказал мне, что, по Вашим словам, у Хейнсоо был заметный акцент. Как вы считаете, он не мог быть имитацией?

После минутного молчания Ожерельев задумчиво сказал:

— Нет, акцент показался мне вполне натуральным.

— Теперь, Виктор Константинович, давайте вспомним, как выглядел желтый пластмассовый браслет на руке у вашего «эстонца».

— Браслет? Ну, браслет как браслет... Из пластмассы, похожей на проплавленный янтарь. Знаете, непрозрачной такой... Сантиметра три шириной, полтора-два толщиной.

— Ничего необычного в нем не заметили?

— Пожалуй, нет, — ответил Ожерельев и в задумчивости продолжал: — Кроме того, конечно, что его не удалось снять с руки. Он довольно плотно сидел на запястье и в то же время был как бы цельнолитой.

— Интересно. Как же он надевался на руку?

— В этом-то и вопрос. А чем еще этот браслет вас заинтересовал?

Николай Максимович поднялся и, расхаживая по ком-

нате, коротко пересказал Ожерельеву то, что произошло в Институте органического синтеза.

— Да, ну и дела у вас, коллега — не лучше, чем у меня полгода назад.

— И не говорите, Виктор Константинович, прямо соратники по несчастью, — согласился Седых. — Только у вас исчез живой человек — это еще куда ни шло, но вот труп...

Ровно через пять дней Жора Заминян доложил Николаю Максимовичу, что он все сделал для розыска больницы, принявшей на лечение Евгения Евдокимова. Результат, увы, нулевой...

Тщетным оказался поиск пропавших картин художника Евдокимова: они не поступали в продажу ни в один из комиссионных магазинов или художественных салонов.

Дело об исчезновении аспиранта Евгения Васильевича Евдокимова зашло в тупик.

В это время в Москве был только один человек, который мог пролить свет на эту темную историю, да и тот готовился к отбытию. Его имя — Петр Макеев. Именно он звонил майору Седых и родителям Евдокимова, чтобы сообщить им о судьбе аспиранта. Именно он неделю назад в самый критический момент вмешался в ход коллоквиума в лаборатории полимерных материалов и проник в комнату Сорокина. Усыпив аспиранта Евдокимова, он успел надеть на его руку СВП-передатчик и ввести в вену необходимый препарат, позволяющий провести транспортировку неподготовленного человека. Довести ее до конца помешал Сорокин, поэтому Макеев вынужден был скрыться через окно. СВП-передатчик сделал свое дело, когда через полчаса тело Евдокимова тряслось в милицейском газике. Такая уж была должность у Петра Макеева — старший инспектор Центральной станции временных перемещений.

Макеев со своим помощником Ридбергером лишь за несколько часов до доклада аспиранта напали на след Раскина-Зубкова. Поэтому нейтрализация их обоих — и его, и Евдокимова — производилась в столь экстренном порядке. Именно Ридбергер организовал «междугородний» звонок Евдокимову, а затем проник на территорию института и, воспользовавшись суматохой, зашел в кабинет Парамонова. Готовый к бегству Раскин без лишних слов подчинился инспектору, увидев на его руке СВП-передатчик красного цвета — принадлежность работников Центральной станции.

В тот же день, отправив Раскина в сопровождении Ридбергера, Макеев незадолго до Усольцева побывал в аспирантском общежитии. Оттуда он забрал дневник Евдокимова и копию заявки в Комитет по делам открытий и изобретений. Труднее было попасть в сам Комитет за оригиналом, но и это ему в конце концов удалось.

Инспектор неплохо ориентировался в бюрократической машине этого Комитета. Он верно рассчитал, что в канцелярию Комитета частенько приходят бог знает как оформленные заявки на открытия самого разного масштаба — от машины времени до вечного двигателя. Их авторы, все, как один, верят в истинность своих творений, мало смущаясь тем, что их сооружения не функционируют. Они готовы дать голову на отсечение, что это результат мелких непринципиальных недоделок. Первооткрывателями почему-то часто оказываются люди с гу-

манитарным прошлым, отставные офицеры, не обремененные избытком образования, или пенсионеры. Попадают и граждане, состоящие на учете в психдиспансере...

И не было ничего удивительного в том, что Макееву, пришедшему в солидное здание в Малом Черкасском переулке с удостоверением врача-психиатра, не задумываясь отдали присланные Евдокимовым бумаги. Он явился как раз вовремя: бумаги, как неверно оформленные, готовили к обратной отсылке в Институт органического синтеза.

Таким образом, следы преждевременного открытия аспиранта Евдокимова вместе с ним самим бесследно растаяли в воздухе...

Многих тревожила судьба Жени Евдокимова — родителей, Нину Кольцову, коллег по институту. Таинственных звонков из загородной больницы больше не поступало.

Очень беспокоил розыск аспиранта Евдокимова и майора милиции Седых. Причин для этого было несколько, и среди них одна, в существовании которой Николай Максимович не признался бы даже самому себе.

Дело в том, что еще весной полковник Коноваленко дал понять подчиненному, чтобы тот к осени «заказывал себе новый мундир»... И вот теперь нераскрытое дело об исчезновении аспиранта не только лежало камнем на душе следователя, но и не давало возможности Коноваленко выполнить обещание и похлопотать о подполковничьем чине для своего приятеля.

Тем не менее, на торжественный вечер, посвященный Дню милиции, Николай Максимович прибыл в подполковничьем парадном мундире.

В начале октября старенький газик — тот самый, из которого в июне исчезло тело аспиранта Евдокимова, стоял во дворе отделения милиции, ожидая ремонта. Водителя Игнатьева временно пересадили на «Волгу» полковника Коноваленко.

Сержант Мостовой, проворонивший тело аспиранта, не спеша возвращался после обеда в отделение. Проходя мимо игнатьевской машины, он вдруг услышал шум и возню. Не на шутку встревоженный младший сержант заглянул сквозь зарешеченное окошко внутрь газика и обнаружил, что дверцу машины изнутри пытается открыть лохматый парень. Заметив милиционера, парень придвинулся к окну. Мостовой оцепенел — на него смотрел аспирант Евдокимов, из-за которого у сержанта произошли служебные неприятности.

На следующее утро, проведя первый допрос аспиранта, майор Седых убедился, что Евдокимов ничего не помнил с начала января. По разумению Жени, всего три дня назад он встречал Новый год у родителей в Воронеже. Вчера поздно вечером он вернулся в Москву, приехал в общежитие и лег спать. Больше всего Евдокимова удивляло отсутствие снега на улице: «...Ведь вчера, второго января, все было засыпано снегом». Он не узнал Зубкова среди пяти предложенных ему для опознания людей на фотографии.

Своего воскресного появления в лаборатории Женя, естественно, тоже объяснить не мог. Тем более, было для него загадкой, откуда в карман его пиджака попала сложенная вчетверо медицинская справка, подписанная врачом Ивановым и скрепленная не вполне четкой печатью. Справка гласила, что аспирант Института органического синтеза Е.В.Евдокимов в период с 10 июня по 6 октября 199... года находился на излечении в загородной клинике N 2. Диагноз: сотрясение мозга с частичной потерей памяти. К работе может приступить с 7 октября 199... года.

Николай Максимович долго крутил в руках этот документ, а потом ограничился тем, что снял с него копию и подшил к делу от исчезновения аспиранта Евдокимова. Седых можно было понять: в справке ничего не говорилось о том, что загородная клиника N 2 является подмосковной. А городов у нас, как и врачей Ивановых, так много, что лучше и не начинать проверять подлинность этой справки.

Медицинское обследование, проведенное по просьбе следователя, показало, что Евдокимов Е.В. в настоящее время практически здоров, если не считать более чем девятимесячного провала в памяти.

Прошло пять лет. Женя Евдокимов защитил кандидатскую диссертацию, женился на Нине Кольцовой и стал отцом забавного карапуза по имени Юра. Женю все чаще величают Евгением Васильевичем: как-никак старший научный сотрудник. Он работает в одном из столичных прикладных НИИ и занимается разработкой полимерных труб. Недавно получил премию за внедрение своего изобретения.

Вполне благополучный московский интеллигент. И только изредка, просматривая в библиотеке специальные журналы и встречая статьи о сверхпроводимости, он задумывается, словно вспоминая что-то. И откладывая журнал, удивляется, что такие далекие от повседневных дел проблемы могут привлекать его внимание.

ГДЕ ДОМ ТВОЙ, СТРАННИК?..

Роман проснулся. Круглый черный глаз иллюминатора смотрел прямо на него. Там, за бортом, мерно вздымался и опускался океан. Временами появлялась луна, и тогда он видел темно-голубоватые волны с белыми, пенящимися гребнями. Порой их удары были так сильны, что казалось — не вода бьет в борт, а что-то тяжелое и твердое. Судно содрогалось, стонало, ухало. И в унисон ему свистел, завывал на все голоса ветер.словно живой, он то смеялся и плакал, то грозил и злился. И скрипели, вибрировали в каюте дверцы рундуков, обшивка переборки, позванивал графин на столе. И стучали в висках у Романа маленькие молоточки, отдаваясь тупой болью в затылке.

Третьи сутки жестокий шторм трепал их траулер. Попали в самый циклон, и негде было укрыться, и штормовали они, постоянно меняя галсы, и ждали окончания шторма.

Роман включил ночник — часы показывали полночь. Соседи по каюте крепко спали. Он щелкнул тумблером — свет погас. И снова на него пристально уставился круглый глаз иллюминатора.

Лежа в норе, так называли они койки за их глубину и тесноту, слушая эту какофонию звуков за бортом и в каюте, не в силах оторвать взгляд от гипнотизирующего ока иллюминатора, Роман смотрел в темноту.

Шел шестой месяц рейса. Капитан был удачлив — рыбу ловил превосходно, не уступали ему и штурмана. Экипаж работал, как одержимый: много рыбы — хороший заработок. Так продолжалось месяц, два... пять. Здесь, в море, если есть рыба, то нет ни выходных, ни праздников — только работа и сон, сон и работа непрерывно, круглые сутки. Этот изнуряющий, бешеный темп изматывал всех и в особенности матросов.

На днях в трал попалась огромная акула. Роман был в отдыхающей смене, но вышел на палубу — взглянуть. Ночь. Штормило. Сверху, словно из сита, сыпал мелкий дождь. Сквозь его пелену тускловато пробивался свет прожектора. Чудовище, длиной около пяти метров, уже освобожденное от трала, распласталось на корме. Акула была еще живая, но на ее теле зияли огромные равные раны, ключьями висели куски кожи и мяса. Роману вдруг показалось, что он — это не он, что все это нереально: ночь, тусклый свет, свирепое море, уходящая из-под ног палуба; что вокруг не его товарищи, а вампиры, которые с наслаждением смотрят на агонию этой гигантской рыбы.

Акулу стропили, готовясь выкинуть за борт. Роман содрогнулся, пытаясь взять себя в руки: «Что ты расслабился!..»

Легкие щелкающие звуки отвлекли его от раздумий. Он посмотрел на запястье правой руки. Щелчки исходили от браслета. Но Романа удивило другое. Браслет и раньше временами издавал такие звуки, но сейчас ритм этих щелчков был необычным: они шли непрерывно, и что еще удивительнее — в разной тональности. А два обычно ярко-красных пятна на браслете вдруг запыла-

ли оранжевым пульсирующим светом. Роман мрачно улыбнулся в темноту: «Ну вот, теперь и браслет начинает с ума сходить». Браслет... Наплыло воспоминание.

***

Бурлила, спешила-бежала на перекате Чусовая. Под могучей сосной, росшей на самом краю обрывистого берега, весело потрескивал костер. Плотно, вязко окутывала его черная ночь. И от этого еще ярче, радостнее, теплее становились пляшущие, мечущиеся языки пламени, и гуще, таинственнее казалась обступающая костер темнота. Возле него, на охалке елового лапника, завернувшись в фуфайку, в нахлобученной на самые уши войлочной шляпе, сидел Ромка. Ночь была весьма прохладной, и он время от времени подбрасывал в костер сушняк, заготовленный с вечера. Рядом, жмурясь, глядя на огонь, лежал черный лохматый пес. Вот он зевнул, свернулся клубком и, накрыв морду хвостом, задремал. Ромка посмотрел на собаку. «Заснул Мишка. Надо бы и мне поспать. — Он улыбнулся. — Будет чем похвалиться дома».

Вечером Ромка славно порыбачил на этом перекате. Десятка три хариусов, четыре из которых отлично крупны, да примерно столько же пескарей, нанизанные на кулан, плескались у берега в реке. Конец мая. Цвела черемуха. У хариуса в это время был отменный жор. Вот Ромка и собрался с ночевой на рыбалку, и все бы хорошо, если б не донимали комары и мошка. Обмахиваясь черемуховой веткой, он замороженно глядел на небо. Сияли, мерцали, переливаясь цветными всплесками, звезды. Захватывало дух. «Как их много! Может, где-то там тоже горит костер, и кто-то сидит возле него, может, и комары там такие же злые. Должна ведь жизнь быть где-нибудь еще».

Ромка положил в огонь пару толстых валежков, улегся на лапник рядом с Мишкой, закрыл лицо платком и, спрятав руки под фуфайку, задремал, а потом и заснул.

Похоже, так было когда-то с ним: это призрачное и фантастичное, на большой скорости уносящее его ввысь, — но он не мог сказать, что это, как оно выглядит. Менялись картины: какой-то диковинный лес, высоченные горы — все окрашено в невероятные цвета и краски, от которых у него кругом шла голова. Особенно сильно действовала световая гамма, бьющая из-за громад гор. Росло чувство тревоги. Ромка вдруг осознал: он так мал, незащищен — песчинка в этой круговерти. Опять этот поразительный, перемешанный свет. Им начинал овладевать испуг — нет никого, он один. «Но что это, и где я?!» Панический страх заполнил все его существо...

Ромка проснулся. Звенела-пела на перекате Чусовая. Чистое голубое небо. Высоко поднявшееся яркое солнце. Аромат черемухи. Вдох облегчения вырвался у него из груди, и радость, безудержное торжество жизни переполнили душу.

«А клев утренний проспал». Он вскочил на ноги, пронзительно свистнул. И выбежал из зарослей черемухи

Мишка, встал, как вкопанный, уши наострил и ел хозяйина глазами. «Домой, Мишка, пойдём. Отрыбачились». Ромка бросил ему кусок хлеба.

До дороги оставалось километра четыре, когда он свернул со знакомой тропинки и решил забрать немного вправо от Чусовой, а потом, придерживаясь течения реки, идти дальше. Уж слишком загадочно выглядел уходящий куда-то высоко вверх склон горы, поросший соснами и елями; то тут, то там выпирали из него скалистые обнажения. Ромка миновал распадок, поднялся на гору, вышел на залитую солнцем поляну и замер, ослепленный желтым ковром цветов. Он вспомнил: когда-то, будучи совсем маленьким, видел, как мимо их дома шли люди, возвращавшиеся из леса и несущие охапки этих прекрасных цветов. С тех пор купавки навсегда остались в его памяти как что-то бесконечно далекое и светлое, хотя теперь ему и было-то всего семнадцать лет, и казалось бы, детство ушло от него не так уж далеко. Ромка обошел поляну, чтобы не топтать цветы, и снова углубился в лес. Сзади, то и дело запинаясь, тычась носом в ноги хозяина, бежал Мишка.

Груда камней, сложенная в большой прямоугольник, преградила им путь. Полузасыпанные старой хвоей и листьями, поросшие мохом, они, по-видимому, были собраны тут давно. Но кто и зачем сложил их на склоне горы, вдали от дорог, в таком неудобном месте? Ромка осмотрелся. Местность выглядела диковато: яркая, буйная зелень, бурелом, заросли вересовника, гомон птичьих голосов — какая-то новизна, и будто лес чужой. Положив удочку и сняв рюкзак, он стал разбрасывать камни. Зачем? Право, он не смог бы на это ответить. Разобрав середину, Ромка добрался до нижних, но их не мог сдвинуть с места, и все же, еще раз ухватившись за низ одного из камней, попытался перевернуть его. И тут услышал леденящее душу шипение. Острая, гнущая боль пронзила кисть левой руки. Дико вскрикнув, он выпустил камень. Струющаяся черная лента проворно уползала в траву. В невероятном прыжке, рискуя переломать ноги о камни, Ромка настиг змею и каблуком сапога вдавил ее в землю. «Гадюка!» Две маленькие ранки на тыльной части руки, из которых выступило по капельке крови, привели его в ужас. Он заметался.

Остервенело облаивал еще бьющуюся змею Мишка.

Трясуцимися руками Ромка развязал рюкзак, вытащил из него остатки еды, завязанной в платок, вытряхнул ее на землю и, закатав рукав рубахи, туго перетянул платком руку выше локтя. Лихорадочно отсасывая из ранок кровь, сплевывая ее, он смотрел на развороченные камни: «Нужны они тебе были?..» Кисть немела, теряя чувствительность. Сняв жгут и замотав руку платком, закинув рюкзак за спину и бросив удочку, он, продираясь сквозь бурелом, бросился к далекой теперь тропинке. «Четыре километра, да до дому шесть. Дойду ли?!» Перестали гнущую распухающие пальцы. Рвущая боль простреливала руку, отдаваясь уже где-то под мышкой. Кружилась голова. Тошнило. От слабости подкашивались ноги.

Как ему казалось, он шел бесконечно долго: спотыкаясь, обливаясь холодным потом, видя перед собой расплывающиеся, будто в тумане, кусты, деревья, мутную, зеленую массу травы. Тропинки не было. Но вот впереди мелькнуло что-то желтое. «Ку-пав-ки». Это была та самая поляна. «Все, теперь пропал...» Сбросив рюк-

зак на землю, морщась от нестерпимой боли в руке, запинаясь, оставляя среди цветов примятую полосу, он пересек поляну и, свалившись под разлапистой елью, кое-как смог усесться, прислонившись к ней спиной. Мишка, чувствуя неладное, сидя рядом, заглядывал в глаза хозяину. Ромка погладил собаку по голове. «Кажется, какюк приходит мне, Миша». Перед глазамиплыли разноцветные круги, они двоились, троились, переплетаясь в немыслимые комбинации. Вот между ними, над центром поляны, завис странный овальный предмет. Чуть покачиваясь, он выпустил шесть черных длинных ног и стал похож на огромного паука. Сходство усиливалось еще и тем, что овальное тело предмета имело матово-черную окраску. «Паук» плавно опустился на землю.

Плохо соображая, Ромка равнодушно наблюдал за происходящим, с тоской думая о том, что до дому ему уже не дойти, и что начинает мерещиться всякая чертовщина. Между тем у «паука» бесшумно отодвинулась часть боковой стенки, и из темного чрева на поляну прыгнул человек, за ним второй, третий. Злобно зарычал Мишка. Схватив его за ошейник слабеющей рукой, Ромка из последних сил удерживал пса. «А ведь это люди. Может, они помогут мне». Он закричал, но только хрип вырвался из перехватываемого спазмами гортла.

А люди на поляне рвали цветы. Тезисы у Мишки лопнули, он дернулся, пальцы Ромки разжались, и пес, заходясь остервенелым лаем, бросился к незнакомцам. Те разом оглянулись. Один из них быстро подбросил вверх небольшой блестящий шарик, который сначала летел вертикально, а потом, внезапно изменив направление, стал быстро передвигаться по горизонтали, до тех пор, пока не оказался над рассвирепевшим псом. Из шарика на собаку тонкой нитью протянулся светящийся красным цветом пульсирующий луч. Мишка упал на траву, лапы его конвульсивно задергались. Ромка смотрел, как бьется его верный друг, и беззвучно плакал. В разноцветье радужного тумана, пльвшего перед глазами, во вновь одолевавшем удушье им снова овладевало безразличие. Теперь все происходившее вокруг словно бы не касалось его. Вот эти трое медленно, настороженно подходят к нему. Он видит их ярко-красные глаза, странные, какие-то угловатые лица, неизменно широкие плечи. Вот один из подошедших наклонился над ним и взял его за перевязанную руку. Ромка опускает глаза и видит пальцы человека — с толстыми, шарообразными суставами и без ногтей. Гладкие, закругленные кончики...

Очнулся он, когда деревья уже отбрасывали длинные тени. «Вот это поспал! — Ромка потянулся, оглядываясь вокруг. — Купавки? А почему я сплю здесь? Где Чусовая?» Напрягая память, он смотрел на желтый ковер цветов. «Груда камней. Черт меня дернул разбирать их. Змея...» Подброшенный, словно пружиной, он выбежал на поляну. Ну конечно, вот и шесть глубоких ямок — здесь стоял этот черный «паук». А Мишка? Ромка свистнул. Подбежавший пес, радостно повизгивая, крутился возле него, норовя лизнуть в лицо. Тонкая белая нитка от шеи до хвоста протянулась на спине собаки. Подумав: «Где он тут мог ее подцепить?» — Ромка попытался сбросить нитку. Но это оказалось белая шерсть — седая.

Теперь Ромка вспомнил все и разглядывал левую руку. Место укуса было чем-то обработано. От пожелтевшей и сморщенной вокруг кожи исходил какой-то не-

знакомый запах, а от опухоли не осталось и следа. «Это они что-то сделали». И только тут на запястье другой руки он обнаружил браслет. Пораженный, разглядывая матово-черный, с двумя ярко-красными, выпуклыми, мерцающими пятнами (такие же глаза были у тех людей) браслет, Ромка подумал: «Они спасли меня». И как в подтверждение услышал внутренний голос, настойчиво повторявший несколько фраз: «Носи этот браслет всегда. Слышишь! Всегда! Это приказ. Помни, мы спасли тебя, и ты должен помочь нам. Носи его. Носи всегда! Слышишь!...»

***

Роман не мог оторвать глаз от браслета, выбрасывающего оранжевые пучки энергии. Казалось, они проникли в его мозг, и непонятная тревога закрадывалась в сознание. Он закрыл глаза, но сон бежал от него. «Пойду-ка выйду на палубу, подышу». Стараясь не шуметь, он тихонько оделся, осторожно прикрыл за собой дверь каюты и вышел в коридор. Траулер словно вымер. Роман поднялся по трапу, ведущему на верхний мостик. «Что это?!» — он остолбенел. Весь рангоут и такелаж светились ярким зеленовато-белым светом. Змеились, стекая с верхушек мачт, концов рей, тонкие, светящиеся языки, похожие на пламя. Непрерывный треск, напоминающий горение хвороста, наполнял воздушное пространство. Вцепившись в поручни, Роман в восхищении, граничащем с суеверным ужасом, взирал на фантастическую иллюминацию. «Огни Святого Эльма» — как же, слышал он о них; рассказывают, что они предшествуют удару молнии. Лучше бы уйти в каюту. Вдруг Роман почувствовал, как кто-то тронул его за руку. Он оглянулся — вокруг только пустота фиолетовой мглы, тем не менее запястье все крепче сжимали. Изумленный, он обнаружил, что это браслет сдвинул ему руку. Роман разжал пальцы и отпустил поручень. Браслет мгновенно увеличился в диаметре и соскользнул с руки. Нет, он не упал за борт, а плыл в воздухе рядом с судном, становясь все больше. Расширяясь, полыхали оранжевые пятна. Роман, обдаваемый брызгами волн, под треск огней Эльма, под порывами ревающего ветра, смотря на массивный, диаметром в несколько метров оранжевый обруч, терялся в догадках. А обруч, медленно разворачиваясь, становился на ребро. Теперь он стал походить на гигантский круглый экран с розоватым фоном. И вдруг Роман увидел там себя, цветущую черемуху, свой дом, брата, мать, отца... Ему неожиданно стало невероятно жарко. Он отпрянул назад. Палуба уходила, проваливаясь, из-под ног. Романа швырнуло и ударило спиной о мачту.

А на экране вспыхивали и пропадали видения. Их было много — сотни, множество сотен. События всех девяти лет, которые браслет находился у него, сейчас чередой мелькали перед ним. Но вот пропал розовый фон. Обруч начал вращаться вокруг своей оси. Двигаясь по какой-то замысловатой кривой, он стал постепенно сжиматься. Осевые обороты становились все быстрее. Между облаков появилась луна, и при ее свете Роман увидел, что путь обруча был совсем не случаен — в воздухе впереди него плыла черная капсула. «Паук! Тот самый!» И если до этого Роман еще в чем-то сомневался, то сейчас все стало на свои места. Они дали ему браслет для сбора информации. Может, они из другого мира? Превозмогая боль в спине, он подался вперед,

разглядывая капсулу, в которой исчезал стремительно вращавшийся обруч, и тут услышал перекрывающий рев штурма ровный, четко, бесстрастно произносивший слова голос:

— Мы из Га-ла-кти-ки Ва-ме-ла. Рома, ты выполнил наши условия, мы благодарим тебя. Мы знаем, что деньги — это не цель. Ты пошел в море, чтобы посмотреть мир. Летим с нами, и ты увидишь Вселенную. Ле-тим, Ро-ма.

Наступила пауза. Роман не раздумывал.

— Нет! Я люблю Землю. Я человек, здесь мои корни. Не-е-т! — прокричал он в темноту.

Капсула приостановила движение.

— Че-ло-век? И мы Че-ло-ве-ки. Рома, мы спасли тебя однажды и хотим сделать это еще раз. Через несколько минут ваше судно затонет. Вы над эпицентром землетрясения. Упругие волны. Ты же знаешь, что это такое.

Он похолодел от услышанного, но поверил им. «Эти люди, или существа, очень умны. Если они имеют такие браслеты, то наверняка у них на борту отличная аппаратура, способная определить сейсмическую зону. Судно погибнет. Надо спасти людей!»

— Почему только меня?! Спасите нас всех! Вы же умны! Я пойду поднимать людей!

— Стой, Рома. Кто поверит тебе? Может быть, капитан? Тебе, матросу? Тебя примут за сумасшедшего. Осталось четыре минуты — кого сможешь ты убедить за это время? Поздно. Вы обречены.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Хорошо, мы сможем взять еще троих, кроме тебя. Но это предел.

Роман сломя голову несся по трапу. Налетев на пиллерс, он разбил лоб. Теплая струйка крови, заливая глаз, покатила по щеке. Ворвавшись в свою каюту, он включил верхний свет.

— Братва! Сейчас наша коробка пойдет ко дну, быстро со мной на палубу, и мы спасемся!

Три заспанных, бородатых лица ошалело уставились на него. Матросы смотрели на окровавленное лицо товарища, на его разорванный свитер и ничего не понимали.

— Роман, что с тобой?!

— Я же сказал вам: мы идем ко дну. Бежим на верхний мостик! — Он в отчаянии, почти с мольбой смотрел на этих хорошо знакомых ему людей. Сейчас дороже их у него никого не было на свете.

— Ты сошел с ума! Ребята, с ним что-то неладно. — Слава Ботов вопросительно переводил взгляд с одного на другого.

Роман сник. Окровавленное веко дергалось в нервном тике. «Эти из капсулы были правы. Поздно». Пошатываясь, он вышел из каюты. Хлопала, билась не закрытая им дверь.

Уже стоя на мостике, он было рванул назад, но потом только мрачно махнул рукой. Сверху опускалось темное массивное пятно.

— Рома, остались секунды. Ты принял решение?

— Да, я согласен.

Побледнев, он почувствовал, как что-то невидимое стало поднимать его вверх.

...Хлопала незакрытая дверь. Ботов крикнул, поднялся с койки, стал одеваться. «Надо сходиться за ним. Что там случилось?» Он взялся за ручку двери. Сильный удар потряс судно, как будто оно вдруг налетело на

рифы. Взмахнув руками, падая навзничь, Ботов ударился затылком о край стола. Каюта погрузилась во мрак. В разбитый иллюминатор хлестала вода...

***

— Командир, кажется, мы сбились с курса!
— То есть как — сбились?!
— Похоже, неисправности в радарх.
— Где мы находимся?
— Влетели в систему желтой звезды №17.
— Сколькo у нее планет?
— Видимо, девять.
— Выбери одну из них, выйдем на ее орбиту и займемся ремонтом.
— Но какую, Командир?
— Какая тебе понравится, Влир.
— Понял, Командир! Раз, два, три. Пусть будет третья от звезды.
— Хорошо. Действуй.
— Командир, мы на орбите.
— Стоп двигателя! Теперь она крепко будет держать нас.
— Командир, на планете много воды, и расстояние до звезды оптимальное. Здесь может быть жизнь.
— К чему ты клонишь, Влир?
— Может, приготовим капсулу к спуску?
— Я так и знал, тебе не терпится записать в свой архив еще одну планету. Влир, мы полностью выполнили программу полета, и нам дорого время. Тебе ли не знать об этом?
— Командир, все равно мы на ремонте и между делом успели бы посетить незнакомку. Это ведь интересно. А вдруг там есть жизнь?
— Хорошо, но помните инструкцию: никаких контактов с жителями планеты. Впрочем, я сомневаюсь, что они существуют. И чтобы через один оборот вы были здесь. Желаю удачи, Влир.
Капсула с тремя урле на борту, так красноглазые называли себя, что означало «люди», входила в плотные слои атмосферы.
— Влир, смотри, какая облачность. Будем снижать еще?
— Конечно, Шаму. Надо взять пробу воздуха. Шаму, справа приближается какой-то объект! У него отличная скорость. На всякий случай будь осторожен, приготовь защитный экран. Он стреляет! Уф-ф... Он ведь вполне мог нас сбить. Вот тебе и незнакомка. Теперь бы сюда Командира с его сомнениями.
— Влир, уходим из этого района?
— Конечно. А как воздух?
— Отличный, правда, содержание кислорода несколько ниже нормы, но нам это не повредит.
— Влир, Бокер, смотрите, какой фантастический лес! Он изумителен! А вон и желтая площадка. Спускаемся?
— Да.
Шаму прыгнул на поляну.
— Цветы! Они поразительно похожи на наши инай. Прыгайте!
Бокер сорвал цветок.
— Да, похож. Но запах не тот.
Ужасные, захлебывающиеся звуки заставили всех троих оглянуться. На них несея черный зверь.
— Шаму, останови его!
Сверкающий шарик полетел вверх, тонкий красный луч из него прочертил спину зверя.

— Смотрите! Там есть еще кто-то! — Бокер показывал на лес.

Красноглазые осторожно приблизились к дереву.

— Это урл! — Влир взял человека за перевязанную руку, размотал ткань.

— Не трогай его! Это нарушение инструкций. — Шаму сурово смотрел на Влира.

— Я знаю. Но разве вы не видите, что он такой же, как мы — урл. Я думаю, что он болен. Смотрите, какая у него рука. Бокер, это по твоей части.

— Влир, я вынужден тебе подчиниться, но вся ответственность ляжет на тебя.

— Я беру ее, можете быть спокойны. — Влир, побледнев, смотрел по очереди в глаза своим товарищам. Бокер внимательно осмотрел руку человека.

— Он умрет. Видите две точки, это или укус, или укол. Сильный яд. Такой отек говорит сам за себя.

— Спаси его. Это приказ! — Влир жестко посмотрел на Бокера. — Шаму, принеси ему медикаменты. Постой! И захвати еще черный миниинформатор.

Пока Бокер обрабатывал рану, Влир зацелкнул миниинформатор на другой руке человека.

— Да, его пальцы с ногтями, а мы уже давно утратили свои. Как ты думаешь, Бокер, насколько он младше нас?

Бокер пожал плечами.

— Трудно сказать, по меньшей мере на 600-800 миллионов лет. Однако летательный аппарат, обстрелявший нас, был совсем не плох.

— Шаму, за тобой букет инай для Командира. Он давно не видел таких цветов. — Влир в задумчивости смотрел на поляну. — Да, Бокер, неплох...

— Срок действия миниинформатора — девять лет. Бросить его мы не имеем права. Что ты наделал? — Командир огромным усилием воли сдерживал клокоющую в нем ярость.

Влир тяжело вздохнул.

— Когда я увидел ногти на его пальцах... 800 миллионов лет! Я готов ответить за свои действия.

— И ответишь! По прилету на Мааб тобой займутся Судебная Палата и Трибунал. — Взгляд Командира смягчился. — Влир, мы все так устали, а теперь по твоей милости наше возвращение задерживается. — Он барабанил пальцами по столу и в упор смотрел на своего помощника. «Толковый, исполнительный, умный... Да, задержка... А миниинформатор уже начал свою работу. И времени у нас теперь в избытке. Планета, пожалуй, действительно необычна. Итак, исследовать звезду N 17 и ее спутники, это еще восемь планет. Кто бы мог подумать, что здесь, на краю Галактики, есть жизнь». Командир перевел взгляд на букет инай. «Как похоже. И это в другой Галактике...»

***

— Командир, судно под нами.

— Отдавай команду миниинформатору. Не медли. В чем дело?!

— Командир, приборы фиксируют толчки в коре планеты. Прямо под нами. — Влир побледнел. — Будет очень сильная тряска и как следствие упругие волны. Все, кто находится на судне, погибнут. Девять лет... Мы уже знаем их язык... Спасем Рому.

— Влир, я не узнаю тебя. Что за сантименты? Отдай команду информатору. То, что есть в нем, действитель-

но бесценно, и нам этого достаточно.

— Командир, я выполняю твой приказ, но прежде выслушай. Предложим ему лететь с нами. На Мааб нас поймут. Это ведь так немного — спасти одного. Я заклинаю тебя, Командир!

— Ты неисправим, Влир. Хорошо, пусть будет по-твоему. Но запомни: пройдет много-много времени, и этот человек затоскует по Родине. А организовать повторно экспедицию сюда? Кто пойдет на это? И тогда все упреки снова падут на наши головы. Я уже буду стар, и защищаться придется тебе одному.

Роман в изнеможении повалился на предложенное ему кресло. Трое красноглазых улыбались, разглядывая его. Он поразился спокойствию, которое царило здесь: ни качки, ни шума волн, ветра, никаких скрипов — гнетущая тишина. «Неужели так может быть? Назад! К своим!» Только теперь до него со всей ясностью дошло, на что он решился. «Это мышеловка. Мне не выкарабкаться отсюда». Роман со страхом и ненавистью оглядывался вокруг себя. Внезапно перед ним открылось большое смотровое окно. Красноглазый, ближе других сидевший к Роману, жестом показал в него. В крошечной тьме метались топовые и бортовые огни, да наводили жуть гирлянды мечущихся огней Эльма, Прорвавшаяся сквозь облака луна дополнила безрадостную картину. Подтолкнутое неведомой силой вверх, а потом проваливаясь вниз, судно, теряя остойчивость, будто в недоумении, стало крениться на борт.

Стиснув подлокотники кресла, цепенея, слыша, как в висках у него стучат не молоточки, а бухает кувалда, Роман следил за мощной набегавшей волной. Вот она тяжело навалилась на траулер, топовые огни, описав дугу, зарылись в пучину. У траулера обнажился киль, и стал виден бешено вращающийся ходовой винт. На смену первой волне, грозно разворачивая пенящийся гребень, появилась вторая и безжалостно ударила уже беспомощное судно в днище. Расширившимися от ужаса глазами Роман вглядывался в темно-синюю бездну, но там, где только что находился траулер, лишь пенилась океанская вода...

Забрезжил рассвет. Шторм начинал терять свою силу. Хозяева капсулы, по-прежнему остававшейся над местом разыгравшейся ночью трагедии, тихо беседовали, временами поглядывая на Романа. А он за эти несколько часов стал совершенно седым. Все конечно: он никогда больше не увидит своих друзей, Родины, может быть, даже своей планеты. Вполне возможно, что пришельцы могут его отпустить. Но как он объяснит то, что из восьмидесяти девяти человек спастись удалось только лишь ему одному. Кто будет слушать его бред о каких-то пришельцах? Кто поверит ему? Кто?! Нет, пути назад для него не существует. Он закрыл глаза: что-то призрачное и фантастичное на большой скорости уносило его ввысь. Скупая слеза скатилась по щеке...

«26 мая 1957 года большой морозильный траулер «Аральск» вместе с экипажем бесследно исчез в водах Тихого океана, в четырехстах милях к северо-западу от Гавайских островов. Все суда экспедиции, работавшие в этой зоне, две недели вели поиски пропавшего судна. Увы, они не дали никаких результатов».

***

Речка выбегала из-под полога густо переплетенных ветвей кустарника, из тесноты лесной темной чащи. Она

пересекала тропинку и бежала дальше по зеленому лугу, который отделял ее от озера. Человек остановился. Он смотрел на сверкающие на солнце струи — в их журчании слышалось что-то, напоминающее музыку. Мелодичные, негромкие, переливающиеся звуки переполняли его душу. Непрерывные, они напоминали перезвон колокольчиков. Они словно о чем-то рассказывали. Зачарованный, тщетно пытаясь уловить смысл повествования, человек слушал эти звуки; в голове проскакивали отрывочные воспоминания из детства, то маленькими незаметными штрихами, то огромными, расплывчатыми мазками. Этот калейдоскоп видений, звуков захлестнул его сознание. Человек присел и опустил в воду руки. Прозрачная, прохладная, журча и переливаясь, она струилась между пальцев. Наверно, вот так же убежали его года. «Сколько же мне лет? Тридцать пять? Сорок? Пятьдесят? — Солнце жгло ему плечи, затылок, а он продолжал смотреть на бегущую волну. — Не помню. Но ведь это моя речка. Я знаю ее. Сколько мне лет?!» Человек закрыл глаза и долго слушал волшебный говор речки. Наконец он поднялся и, понурив голову, зашагал по тропинке.

Навстречу ему, опираясь на трость, ковлял древний старик. С трудом подыскивая слова, человек произнес:

— Здравствуй, бабушка. Скажи, сколько тебе лет?

Старик остановился, пошамкал губами.

— Восемьдесят второй идет.

Он равнодушно разглядывал стоящего перед ним мужчину: высокий, крепкий, но совсем седой.

— А как называется эта речка? — Седой кивком головы показал назад.

— Светлая.

«Ну конечно, Светлая, — теперь человек вспомнил. — Но ведь была еще и Чусовая».

— А Чусовая где?

— Чусовая далеко, там, — старик махнул рукой в сторону полей, за которыми поднимался лес.

— Далеко... Время далеко... Космос далеко... Мааб... далеко... — Седой невидящим взглядом смотрел на старика.

А тот топтался на месте и с опаской поглядывал на него. «Какую чушь несет».

— А до города далеко?

— Да нет. Пойдешь вдоль берега, обогнешь пруд, вот ты и в городе. — Старик явно тяготился беседой.

Седой словно что-то обдумывал.

— Какой год сейчас идет?

Если б он спросил про день или хотя бы про месяц, это не вызвало бы удивления. Но он спрашивал про год. «С луны, что ли, он свалился?» — подумал старик, а вслух произнес:

— Семьдесят восьмой.

— Тысяча девятьсот семьдесят восьмой? — тщательно выговаривая слова, уточнил Седой.

Старик не на шутку испугался. «Похоже, он, точно, с луны свалился или сумасшедший».

— Две тыщи сто семьдесят восьмой.

Лицо Седого стало таким же белым, как его волосы. Ничего больше не сказав, не замечая старика, уступившего ему дорогу, он побрел по тропинке...

Громадный временной отрезок, длиною в 221 год, обрушился на Седого. А ведь он полагал, что прошло двадцать-двадцать пять лет с той страшной ночи, когда

волны сомкнулись над судном. Зачем он вернулся назад? Что ждет его здесь? Неужели так может быть? Столько лет, а он по-прежнему крепок и силен. Но память. Что стало с ней? Он почти все забыл. Немуздрено — 221 год. А сколько же ему — 247?.. Его родные и близкие, его современники давно ушли в небытие. Здесь живут их потомки. Но что с того? Это совершенно другие люди: незнакомые, непонятные...

Терзаемый тоскливыми мыслями, оглушенный суетой большого города, Седой шел среди людского потока. Неожиданно народ, идущий впереди него, стал испуганно и брезгливо шарахаться в стороны, образовав длинный, широкий коридор на тротуаре, и Седой увидел приближающуюся собаку. Когда она поравнялась с ним, он содрогнулся: ее голые, лишённые шерсти лапы, все в стручьях, покрытые слизью и кровью, произвели ужасное впечатление. С почти человеческого взглядом — уставшим, обезумевшим от боли, полным тоски и сознания всей безнадежности своего положения, животное медленно шло посреди равнодушного, с глухой неприязнью наблюдавшего за ним людского коридора и понимало: никто из этих двуногих не поможет ему.

Седой погладил пса по черной, лохматой голове. В собачьих глазах что-то шевельнулось. Пес чуть замедлил шаг, но не остановился. Все с тем же отчаянием в глазах он продолжал свой бесконечный путь.

Забурлила, пришла в движение улица. Приросший к месту Седой закрыл глаза, его задевали, толкали, а он что-то мучительно отыскивал в памяти. И вспомнил: Мишка! Такое же яркое солнце, Чусовая... Он бросился в магазин. Запестрело в глазах от обилия съестного. Седой разглядывал витрину. «Все забыл. Кажется, это называется пряники, а это колбаса...» Взяв две упаковки, он направился к двери.

— Эй, ты! А платить кто будет?

Седой, словно налетев на невидимую стену, замер.

— Деньги есть у тебя? — молодой парень, стоящий за прилавком, со злостью смотрел на широкоплечего, скромно, почти бедно одетого и чем-то странного человека.

Седой повернулся. «Конечно, надо платить. Как же я... Забыл». Он пошарил в кармане.

— Денег у меня нет. Может, возьмешь это? — протянул парню сверкнувший зеленой молнией камешек.

Продавец, поворачивая, рассматривал камень на свет. Глаза его алчно блеснули (за этот камень можно было купить весь магазин), дежурная улыбка осветила лицо.

— Не нужно ли вам еще что-нибудь?

Но Седой уже выбежал на улицу. Он метался среди прохожих, ища собаку, и увидел ее: раздавленный автомобилем пес лежал у бордюрного камня. В руках Седого лопнула яркая упаковка: грузно упал круг колбасы, пряники покатались по асфальту...

Седой поселился в недорогой гостинице, хотя нужды в деньгах не испытывал. Урле предусмотрительно снабдили его великолепными камнями, справедливо полагая, что он сможет получить за них деньги.

Камни, густо-красного, зеленого и голубого цветов, прекрасно ограненные, по-видимому, стоили баснословно дорого, в чем Седой имел возможность убедиться еще в магазине.

В гостинице даже не поинтересовались, есть ли у него документы, предупредив лишь о том, чтобы он вовремя

вносил плату за проживание. Камнями, разумеется, рассчитываться было нельзя. Седой вспомнил, что где-то видел ювелирную мастерскую. Найдя ее, он предложил хозяину три камешка. Старый ювелир очень долго рассматривал их. Его поразила необычность огранки — нарушены были все каноны. Грани располагались так, что свет, падающий от них, фокусировался в одной общей точке и совсем за пределами камня, который будто выбрасывал молнию. Это было открытие.

— Сколько вы хотите за них? — ювелир с деланным безразличием повернулся к Седому.

Седой пожал плечами.

— Заплатите столько, сколько считаете нужным.

Эта фраза поразила ювелира. Странный человек, одет бедно, а предлагает сокровища, не зная ни цену. Проникаясь симпатией к Седому, он посоветовал:

— Будьте осторожны. Камни очень дороги.

Ювелир приобрел лишь один, на другие у него просто не хватило средств.

Седой вышел из мастерской. Напротив от дома отделились две фигуры и лениво двинулись вслед за ним. Погруженный в свои мысли, по крупицам собирая в проснувшейся памяти давно прошедшие годы, он размеренно мерял шагами улицу. Развороченным муравейником сновал вокруг народ. Вдруг кто-то схватил его за плечо. Неприятно пораженный, он оглянулся: прилично одетый, молодой, атлетического вида парень развязно осклабился:

— Ну-ка, старый хрыч, вытряхивай, что там у тебя в карманах.

Седой движением плеча сбросил руку, оценивающе разглядывая второго парня, со скучающим видом стоящего рядом. Мысль билась в мозг. «Сопляки!» — вспомнил он.

— Молодые люди, мне 247 лет, ведите себя прилично.

Ответом был наглый, оглушающий хохот.

— Ты что! Спятил? А мне 23! Будь тебе, хрыч, хоть 100, я все равно вытряхну все у тебя из карманов.

Седой почувствовал, как кровь ударила ему в голову.

— Прочь с дороги, — процедил он сквозь зубы.

— Э-э, да ты с характером... — Парень без замаха ткнул его в подбородок.

Но Седой был готов к этому и уклонился ровно на столько, что здоровенный кулак мелькнул от лица лишь в нескольких миллиметрах. И молниеносно теперь уже кулак Седого приклеился к челюсти нападавшего. Со стекленеющим взглядом, складываясь пополам, тот кулак повалился на тротуар.

Удрученный столь неожиданным инцидентом и равнодушием окружающих, Седой быстро уходил от места происшествия.

У него был месяц на размышление. Время неумолимо, и этот месяц подходил к концу. Седой стоял перед дилеммой: либо остаться на Земле, либо вернуться к урле. Остаться — значит надо уничтожить корабль, ждущий его на орбите. Так предписывала инструкция. И Седой дал слово, что выполнит ее. Но тогда не будет пути назад. А что ждет его здесь? В гостинице вечно жить не будешь. Документов нет. Заявить о себе властям. И что? Все рассказать. А дальше?

Он сидел в номере гостиницы перед включенным телевизором. Вот уже почти месяц ежедневно по пять-шесть часов Седой просматривал подряд все передачи,

пытаясь понять, что происходит в стране и мире. Увы, современность его разочаровала. Люди на планете не стали умнее. Мир по-прежнему раздирали противоречия, конфликты, междоусобицы. Глазами мудреца он смотрел на голубой экран. Конечно, мудреца, прожившего без малого две с половиной сотни лет, видевшего всю потрясающую громадность Вселенной, жившего в иной цивилизации, и только теперь осознавшего, насколько мало его «Я», ничтожно в безграничном пространстве и времени.

Конечно, ему не поверят. Доказательства? Он может дать команду, и корабль опустится на Землю. Но его обязательства перед урле?

Седой понимал, что этот прыжок из одного временного пространства в другое просто фантастичен, что здесь он хотел найти свое прошлое, которого, как оказалось, давно не существовало. Двести-триста лет — вечность для одного индивидуума, но миг для Природы. Миг...

В городе Седого уже ничего не удерживало, и он все чаще стал уходить за его пределы. Однажды на опушке леса он увидел шарообразный желтый цветок на высокой тонкой ножке. Далекое, призрачное: веселые, улыбающиеся лица, охапки ярко-желтых цветов — накатывалось из глубин памяти. «Нияй... — Он наклонился, чтобы сорвать цветок, но рука замерла на полпути. — Нет, это не нияй. Как же его называют?» Не тронув цветка, не вспомнив названия, Седой уходил по ложбинке, отделяющей дорогу от леса. Вот на его пути появился колодец. Деревянный сруб, накрытый массивной железной плитой, стоял над родником, вытекающим из-под земли. Седой подошел к колодцу и заглянул в него: чистейшая, пронизанная трепещущим голубоватым светом вода и совсем близкое дно. На плите, вокруг отверстия, была отлита надпись: «Устроен в 1883 году Алексеем Степановичем Вяткиным», и ниже: «Следует заботиться о очисткой». Он припал к источнику, от ледяной воды заломило зубы. «Вятский ключик...» Весело журча, родничок выбегал из прорубленного в срубе оконца. Толчками ухало в груди сердце. Детство. Оно было рядом — живо, ярко. Он мог дотронуться до него рукой.

Вася-мама. Удивительное прозвище было у тряпичника, ездившего на лошади, запряженной в телегу, и собиравшего вторсырье. Ему несли старые вещи, тряпье, металлический лом. Взамен он давал разную мелочевку: красивые глиняные свистульки, зеркальца, гребешки, нитки, иголки, карандаши... Как-то Вася-мама покурил на плиту с Вятского ключика. «Что ей там в лесу ржаветь, надо ее в металлолом». Возмутилась вся округа: «Не ты ее ложил, не тебе и забирать». Плиту отстояли. Давно нет Васи-мамы, давно нет тех людей, и уж, конечно, никто не знает, кто такой Алексей Вяткин, но цела плита, и все так же бежит из-под нее чистая, вкусная вода.

Вот отец запрягает лошадь в сани, бочка уже стоит на них. «Папа, возьми меня на Вятский ключик». Отец подсаживает сынишку, скрипят полозья, и не спеша бежит лошада. Кругом белым-бело, мороз, дорога длинная, заснеженный лес...

«Нияй...» Седой вспомнил: «Ку-пав-ка... На-та-ша...»

Белым снегом осыпалась отцветающая черемуха. Седой разложил на берегу костер. Сняв висевшую на груди блестящую металлическую пластинку с замысловатым орнаментом, он долго, ритмично постукивал по

ней пальцем. Наступила ночь. Седой, поживаясь, сидел у костра. Бурлила, спешила-бежала на перекате Чусовая. И казалось ему, что не было ни браслета, ни моря, ни черного Космоса, ни Галактики Вамела; а что сидел он всегда тут, на берегу, и что наступит утро, теплое, солнечное, и пойдет он домой, и встретит его улыбающаяся мать, и усмехнувшись, скажет отец: «Ну что, рыбак, много рыбы наловил?..»

Седой пронзительно свистнул. Но не выбежал из кустов Мишка, не залаял, не бросился к хозяину. И упал Седой на траву, и широко раскинул руки, словно хотел объять всю землю.

Дважды вспыхнула голубоватым светом пластина. Недалеко от костра бесшумно опустилось большое темное пятно.

Седой встал на ноги, подошел к капсуле. Плавно сдвигая, открылся люк. Он поднялся внутрь, привычным движением повернул рукоятку — люк закрылся. Седой устроился в кресле перед пультом. Тишина. «Как здесь тихо. И светло... Я снова здесь». Он пробежал пальцами по клавишам, посылая в эфир позывные. Скрестив руки на груди, задумался.

Но вот заработала, принимая радиосигналы, бортовая станция, и сквозь потрескивание и шум послышался ровный, бесстрастный голос:

— Привет тебе, Роман.

— Привет и вам, урле! — Седой взволнованно псдался вперед.

— Как приняли тебя, Роман?

Он с грустью смотрел на радиостанцию.

— Почему вы не предупредили меня, что на Земле прошло столько лет? Теперь здесь уже некому принимать меня.

Приемник безмолвствовал. Наконец голос произнес:

— Извини, Роман, но ты так мечтал о возвращении на Землю, что мы просто не решились сказать правду. Годы прошли, и их не вернуть. Согласись, что ты не совсем обычный человек.

Теперь надолго замолчал Седой. По-своему они правы. Эти люди с планеты Мааб, далеко опередившие в своем развитии землян, поняли его так, как, может быть, не понимал себя он сам. Они не сказали ему о годах. А если б он знал, разве так было бы лучше? Они дали ему надежду, которая поддерживала его в полете — надежду на возвращение, на встречу с Родиной. И только сейчас он понял, что несмотря ни на что счастлив, хотя это не может изменить решения, принятого им. Сколько дискуссий провели они, прежде чем решились на организацию такой дорогостоящей экспедиции только ради него. Они обучили его управлению кораблем и предали право выбора, почти предугадав его будущее состояние. А уничтожение корабля? Не зная, в чьи руки попадет он и в каких целях может быть использован, они и тут приняли единственно верное решение.

Седой немигающим взглядом смотрел в иллюминатор — в фиолетовой мгле светлым пятном чуть покачивалась ветка черемухи. «Черемуха отцветает...»

— Урле, я видел нияй. Командир будет рад.

— Командира уже нет, Роман. Он умер... Расскажи нам обо всем, что видел ты на Земле.

Долго рассказывал Седой о своих впечатлениях. Он знал: урле очень хорошо знают его мироощущение; рассказ, записанный приборами, после будет скрупулезно проанализирован. Планета Земля для них — неожидан-

но открывшееся окно в свое далекое прошлое, которое они частично забыли, частично утеряли.

Закончив, Седой спросил:

— Урле, почему вы не поделились своими знаниями с землянами?

— Роман, как-то мы говорили тебе: это исключено. Цивилизация должна развиваться сама. Всякое вмешательство извне несет только вред. У нас уже есть горький опыт в этом. Мы пытались привнести свои постулаты в другие миры, ни к чему хорошему это не привело. Ты достаточно долго жил среди нас и знаешь, что и мы далеко не идеальны. Но предела совершенству разума нет, так уж устроен человек. Может быть, когда-нибудь мы пересмотрим свои принципы, и тогда... Впрочем, не будем загадывать. Скажи, ты был над местом гибели судна?

— Да... Меня там обстреляли... Но защита сработала безупречно... Я бросил в волны горсть ваших камешков. Теперь частичка вашей Планеты есть на Земле.

— Роман, ты все еще романтик.

— И да, и нет. Я почтил память товарищей.

— Скажи, что ты намерен предпринять дальше?

— Я покидаю Землю навсегда.

— Ты возвращаешься к нам?

— Нет.

— Тогда что же?

— Остаток жизни я проведу в Космосе. Природой мне отпущено еще лет тридцать-тридцать пять, по космическим меркам это около трехсот пятидесяти — мгновение для Вселенной. Все суета сует — теперь я осознал это.

— Как ты намерен осуществить свой план?

— Я сотру из памяти машины программу «Возвращение» и наберу программу «Горизонт» в автоматическом режиме.

Урле пришли в замешательство: для них программа «Горизонт» была давней мечтой. Чтобы ее выполнить, требовался пилот, который бы вывел корабль на заданную орбиту, но после этого у него уже не оставалось шансов на возвращение. Перспективы, открывающиеся при таком полете, давали фантастические возможности для познания Космоса. Нашлись бы и смельчаки, готовые на это. Однако «Горизонт» засекретили, не желая делать ставки человеческими жизнями. Потому что, сказав однажды «да», уже невозможно было бы остановиться.

— Откуда тебе известно о существовании этой программы?

Седой улыбнулся.

— Вы были отличными учителями, а я прилежным учеником.

— Это безумие, Роман. Если ты поступишь так, то будешь вечно метаться в Космосе. Ты уверен в том, что

потом не проклянешь себя за этот выбор? Жизнь так прекрасна, останься на Земле или вернись к нам. А вдруг тобой овладеет отчаяние, но корабль уже никогда не подчинится тебе. Ты подумал об этом? Он полетит в такую бездну, которой ни ты, ни мы не можем даже представить. Ты же знаешь, у корабля практически неограниченные возможности. Уже не станет тебя, а он все будет лететь. Ты принадлежишь не только своей стране. Ты землянин. Неужели на всей Земле для тебя нет места?

Седой смотрел на радиостанцию, а видел планету Мааб из Галактики Вамела, она была так же прекрасна, как и Земля. И он уже не знал, где больше осталось его души, то ли там, то ли здесь...

— Урле, я пережил свое время, и пути назад для меня нет.

— Хорошо. Мы укажем тебе другие Миры, где примут тебя, живи там.

— Нет.

— Роман, ты ни о чем не жалеешь? Ведь если б не браслет, и если б не мы, твоя жизнь сложилась бы иначе.

— Теперь нет. Вы дважды спасали меня... Большая часть жизненного пути пройдена, и жалеть ни о чем не надо. В конечном итоге мы все странники Космоса, даже те, кто не подозревает об этом.

— Роман, ты брат наш! — бесстрастный голос дрогнул.

Седой устало откинулся на спинку кресла.

— Спасибо, урле. Прощайте.

— Прощай, Роман.

Уже первые лучи солнца заиграли в вершинах деревьев, когда капсула отделилась от земли и поднялась над лесом. Через несколько часов она выйдет на орбиту и состыкуется с кораблем. Седой наберет программу «Горизонт» и добавит к ней односторонний канал связи (урле так и не решились попросить его об этом, понимая всю неуместность каких-либо просьб вообще в этой, неожиданно, драматично наступившей развязке) — отныне вся информация, фиксируемая аппаратурой, будет непрерывно идти на планету Мааб. Но к Седому уже никогда и ниоткуда не поступит ни одного сигнала.

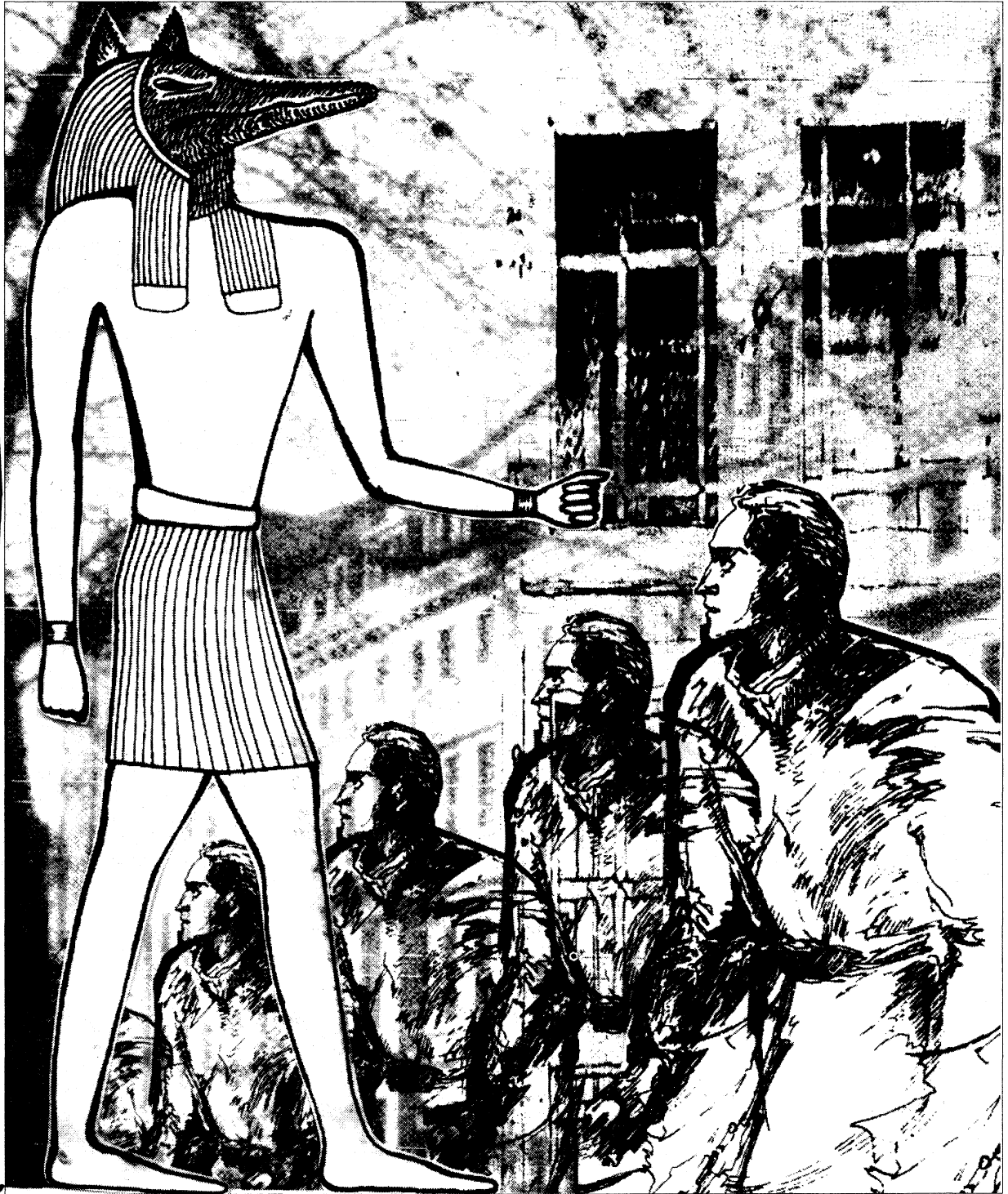
...Похоже, так было когда-то с ним — это призрачное и фантастичное, на большой скорости уносящее его ввысь. Ну конечно, было... Прекрасный желтый цветок на высокой тонкой ножке. Цветок... Ку-пав-ка...

На шее Седого узлами вздулись вены, и о черную пустоту иллюминатора, за которым простиралась холодная, безмолвная бездна, ударился крик: «Ром-ка, Ро-о-мка!...»

Владимир КЛИМЕНКО

ПЕТЛЯ АНУБИСА

АЭЛИТА

Корабль перегораживал Средний проспект, как дом. Еще вчера осенний ветер, вылетая по трубе проспекта в Финский залив, выкидывал на серые мелкие волны городской мусор, но ночью к причалу пришвартовался панамский теплоход, и сразу создало ощущение закрытого пространства — от горящих в вечернем сумраке окон-иллюминаторов и белеющих даже на большом расстоянии палубных надстроек стало уютнее и как будто теплее.

Желтые кляксы кленовых листьев на мокром черном асфальте казались еще ярче в электрическом свете фонарей, и Марк старательно их перешагивал. Такая детская игра: не наступишь — повезет.

Домой идти не хотелось. Комната в коммуналке, длинный, почти как Средний проспект, прямой коридор с «удобствами» в самом дальнем конце, хрипящий от старости холодильник и продавленная кушетка времен военного коммунизма прельщали не очень, впрочем, так же, как и перспектива подремать с банкой пива перед телевизором.

Подумав о пиве, Марк усмехнулся. Не будет пива, иначе завтра опять придется просить в долг, а и так уже никто не дает.

С залива потянуло сырым сквозняком, и Марк поднял воротник плаща. Хороший плащ, голландский, остатки былой роскоши. В прошлом году удачно втюхал какому-то лопуху партию японских колготок. И до этого было неплохо. А с зимы как отрезало. Так, мелочь. Едва на прокорм хватает.

Двор встретил густой подвальной темнотой. Хоть бы какой-нибудь фонарь воткнули, что ли. Как ни старался Марк глядеть под ноги, все равно пару раз влез в лужу и, отряхивая ботинки, словно замочивший лапы кот, остановился на пороге подъезда.

Подъезд был особенный, как и квартира. С виду дом — как дом, обычная кирпичная пятиэтажка, выстроенная в районе Гавани в начале семидесятых, но на первом этаже размещалась когда-то ведомственная гостиница. Потом гостиницу за ненадобностью передали городу, и туда вселили постоянных жильцов. Четырнадцать комнат — весь первый полуподвальный этаж. Соответственно и вход в квартиру-этаж отдельный — с торца.

Марк поглядел на окна. Почти все освещены, почти на всех — решетки. Да тут и без решеток жить жутковато. Та еще квартирка.

«Терпи, лимита, — приказал себе Марк. — Хоть и похоже на общагу, но квадратные метры свои, ордер имеется».

Две ступеньки вниз, двадцать три шага по коридору.

Здравствуйте, Аполлинаруй Григорьевич, старпер-старпом, ветеран торгового флота. Куда же вы, на ночь глядя? Привет, Владимир. Нет, не при деньгах. Может, завтра. Добрый вечер, Людочка. Добрый вечер. Как работа, как клиенты? Вижу, что в ванную. Сегодня у тебя никому морду бить не будут да милицию вызывать? Я выспаться хочу.

Марк, вставляя в скважину ключ, скосил глаза в сторону Людочкиной двери. Так и есть — опять живая очередь. Двое мужчин сидели на стульях в коридоре, как на приеме у зубного врача. К врачебной практике Людочка не имела никакого отношения, хотя, в какой-то мере, тоже скорая помощь. И не очень дорогая.

Когда же это все кончится! Марк брезгливо дернул плечом. В комнате справа — проститутка. В комнате слева — Аполлинаруй. Правда, Аполлинаруй — совсем другое дело. Акула коммерции. Он здесь, можно сказать, и не живет. У него нормальная квартира есть.

А здесь что-то вроде склада. Вот ведь приспособился старпер-старпом: как раньше товар из загранки возил, так и теперь продолжает. Только уже не сам, конечно. И не торгует сам. Ни боже мой. Для этого мелкая фарца имеется, вроде Марка.

Марк вздохнул. Если бы Аполлинаруй Григорьевич взял его в дело, да он бы через пару месяцев на «Мерседесе» ездил. Но тот все приглядывается. Не доверяет, видимо, бывшему провинциалу.

В комнате пахло прокисшей едой и тараканами. Марк привычно поморщился и, повесив плащ на гвоздь, рухнул на кушетку. Взвизгнули старые пружины, заскрипели ножки. Ни черта не хотелось, даже есть не хотелось, даже телевизор смотреть.

За стеной ритмично застонал диван.

У-у, дьявол! Лучше уж телевизор включить.

И в ту же секунду, как только Марк подумал об этом, раздался бешеный рев сирены, настолько яростный и жуткий, что завибрировали старые стены и с потолка посыпалась штукатурка. Вой не прекращался ни на секунду, от него замирало сердце и перехватывало дыхание.

На подгибающихся ногах Марк подбежал к двери и распахнул ее. Из комнаты Аполлинаруя ему навстречу выскочил мужчина в джинсовой куртке, один из тех, что дожидался в коридоре своей очереди к Людочке, и, двинув Марка наугад кулаком, так что тот влетел обратно, промчался мимо, прижимая свободной рукой к груди какой-то сверток.

Все произошло очень быстро, в считанные секунды, которые потом, казалось, размазались во времени и наполнились новыми, не замеченными тогда деталями.

Очнулся Марк вновь лежащим на той же кушетке, вой не прекращался. Окно было ярко освещено снаружи светом фар подъехавшей патрульной машины.

Ограбили, понял Марк. Аполлинаруя ограбили. Это сигнализация ревет. Тот самый штормовой ревун, которым Аполлинаруй хвастался в прошлом году. Купил по дешевке в порту и приволок в квартиру.

Он совсем уже было собрался выйти на улицу, где гагдели, пытаясь перекричать ревун, остальные жильцы, когда как будто беззвучно раскололось стекло, и к нему, удачно не задев оконную раму, прямо на стол упал брезентовый мешок, разметав, как кегли, пустые пивные бутылки.

2.

Мешок, небольшой по размеру, напоминал инкассаторскую сумку, и первое, о чем Марк подумал, так это о деньгах.

Расстегнуть замок не составило труда, он был не заперт на ключ, и Марк вожделенно запустил внутрь мешка руку.

Самой тяжелой вещью среди прочих оказалось рукописное Евангелие конца семнадцатого века, в деревянном, обтянутом кожей переплете. Горсть золотых монет царской чеканки и ювелирные украшения были упакованы отдельно в мешочки поменьше. Потом пошли беспорядочно накиданные японские нэцке, нефритовые китайские фигурки и осколки разбившейся от удара чайной фарфоровой пары завода Гарднера.

— Господи! Эту-то дрянь зачем брали?

С самого дна Марк извлек две пластиковые карты «Виза» и нетолстую пачку долларов, перехваченную посередине резинкой.

— А это еще что такое? Покатав по ладони черное

от времени и как будто платиновое кольцо, Марк поднес его к самым глазам. Сквозь шероховатые наросты проступил едва видимый рисунок: девять человеческих фигурок и лежащая на них то ли собака, то ли волк.

Барахло, решил Марк, суетливо засовывая в карман брुक доллары. Ничего из антикваритата он брать не решился: еще засыпешься при перепродаже. А долларов никаких он не видел — и все. Попробуй докажи, что взял.

Он уже собрался застегнуть замок сумки, чувствуя, что время, отпущенное ему судьбой на обыск, заканчивается, когда в открытых дверях появился омоневец, и почти одновременно смолк ревун.

— Руки за голову!

Омоневец явно не думал шутить, его совсем еще юное лицо словно окаменело от постоянного общения с теми, кого за людей он, похоже, не считал. Глаза из-под низко надвинутого берета смотрели враждебно и подозрительно.

Растерявшийся Марк послушно и даже как бы предупредительно сомкнул руки на затылке, ощущая в ладони мгновенно ставшее горячим кольцо.

— Попался, гад!

— Это наш жилец! — пискнула возникшая в комнате Людочка. Торопливо накинутый халат она сжимала рукой около горла.

— Тоже твой клиент? — омоневец повернулся к Марку спиной, и тот лихорадочно, как партизан, старающийся скрыть секретное донесение, сунул кольцо в рот.

— Что вы, офицер! — Людочка сделала большие глаза и чуть ослабила воротник халата. — Мы просто соседи.

— Чего же ты, сосед, роешься в чужих вещах?

— Я не роюсь, — Марк пошел по самому правильному пути, он обиделся. — Смотрю, мешок какой-то бросили в окно. Должен же я знать, что это такое.

Кольцо мешало говорить, вертелось под языком и задевало зубы, но Марк мужественно терпел.

— Взял что-нибудь?

Отвечать не пришлось. Комната вдруг набилась чужим народом. В наступившей после sireны тишины стало слышно, как к дому подъехала еще одна машина. В коридоре засуетились жильцы и милиционеры. Омоневец грубо сдернул мешок со стола и, приказав пока никому не уходить, направился к выходу.

Людочка присела на кушетку и всхлинула.

— Ну, все. Теперь опять по следователям затаскают. Ох, и невезуха. Этот-то, первый, — немного успокоившись, сказала она, — концы отдал.

— Какой первый?

— Тот, что у меня сначала был.

— То есть как?

— Просто. Он вышел, сказал, что подождет друга, а сам полез к Аполлинару. Сигнализация и сработала. У него, видно, сердце слабое было, на месте отключился.

— А этот, с мешком?

— Он тоже уже уходить собрался. Выскочил, как угорелый, заглянул к Аполлинару — и ходу. Мешок-то, похоже, старпом раньше собрал. Может, увести отсюда хотел, может, еще зачем-то. Только этот козел схватил мешок и побежал двором, да не в ту сторону. — Людочка глупо хохотнула. — Прямо на омоневский патруль выскочил. Те думали — сигнализация в ларьке сработала.

Картина вырисовывалась и впрямь забавная. Вор,

увидев патрульную машину, побежал обратно, но, поняв, что не уйти, бросил мешок в первое попавшееся окно. К Марку.

— Ты посмотрел, что там было? — жадно спросила Людочка.

— Так, чепуха всякая.

Марк поскучнел. Объяснений не миновать. И хоть бы эта дура ушла куда-нибудь. Надо избавиться от денег и от кольца, будь оно трижды неладно.

В распахнутую по-прежнему дверь было видно, как по коридору пронесли носилки, закрытые простыней. Когда Людочка сунулась посмотреть на это зрелище, Марк быстро швырнул доллары за кушетку, а кольцо выплюнул прямо на пол да еще ногой наподдал так, что оно закатилось за батарею.

Через полчаса суета немного улеглась, уехали «скорая помощь» и вторая патрульная машина, начался опрос свидетелей. Марку показалось, что его пытали особенно долго и въедливо. Про доллары он решил молчать и ни в чем не сознался, а про кольцо даже и не вспомнил.

Милиционер, не глядя на допрашиваемого, строил протокол, голос его был сух и бесцветен.

— Имя-отчество?

— Марк Викторович.

— Фамилия?

— Лютецкий.

— Год рождения?

— Да вы паспорт посмотрите, он же у вас под рукой.

— Год рождения...

В результате Марку указали на просроченный паспорт, припомнили его провинциальное происхождение, хотя, судя по выговору, милиционер и сам был из псковских, заставили написать объяснительную и пообещали на днях вызвать к следователю для уточнения деталей.

Наконец, когда милиция уже перестала терзать свидетелей, часам к двенадцати, в квартиру прибыл сам пострадавший. Аполлинару Григорьевича с трудом где-то разыскали, вызвали по телефону, и теперь он растерянно бродил по коридору, заходя то в одну, то в другую комнату и жалуясь на судьбу.

Марк не стал дожидаться неприятного визита и направился к бывшему старпому сам. Старпома он застал за инвентаризацией злополучного мешка.

— Садись! — не то приказал, не то пригласил Аполлинару Григорьевич и пристально уставился на Марка. — В мешке рылся?

— Ну, посмотрел, — Марк заблуждал глазами по стенам, густо увешанным старыми иконами.

— Доллары взял?

Сухопарый седой Аполлинаруй был на голову выше Марка. Сейчас, нависая над столом, он напоминал цаплю, собравшуюся склонуть лягушонка.

— Не-а, — по-мальчишески беспечно ответил Марк, хотя внутри все противно заныло.

Старпом — это тебе не милиция. Там-то еще шуточки были, а этого попробуй убеди, что чист.

— Взял — и молодец, — неожиданно улыбнулся Аполлинаруй. Улыбочка у него вышла какая-то волчья. — Тебе ведь комиссионные причитаются за находку. Верно?

— Не брал я ничего, Аполлинаруй Григорьевич, — заныл Марк. Вечно он терялся в присутствии старпома, не понимал это, за это себя и ненавидел. — Посмотрел — и все. Неужели я вас, сюда...

— Вот что, — Аполлинаруй убрал улыбку. — Там

еще кольцо было. Старое дрянное колечко. Оно ведь тебе ни к чему, правда? Мне тут партия компьютеров пришла, совсем дешевых. Отдашь кольцо — помогу наварить на перепродаже. Там хорошие деньги будут. Не прохлопаешь ушами — на однокомнатную квартиру хватит. Понял?

Марк понял. Все, о чем он мечтал когда-то, могло осуществиться в одно мгновение, скажи он только правильное слово. Но будто бес толкнул его в бок. Сколько раз он потом жалел об этом.

— Ничего не брал, — упрямо выдавил он, хотя в голове пронеслось: «Хана тебе, парень. Слопает теперь старпер-старпом, не подавится».

— Как знаешь, — Аполлинарий отвернулся и, казалось, потерял к Марку всякий интерес. — Иди себе с богом.

— Клянусь, Аполлинарий Григорьевич, не брал ничего.

— Иди, иди.

Старпом вновь начал шарить в мешке.

Марк вышел, предчувствуя, что былые неприятности могут вскоре показаться ему детскими радостями.

3.

В Питер Марка занесло лет шесть назад. Поступил в университет на филологический, подавал надежды. Из Ивангорода многие ехали учиться в северную столицу. Что Марк, хуже, что ли?

Сначала все шло хорошо, а потом учеба не заладилась. На втором курсе схлестнулся насмерть с преподавателем современного русского языка Иваном Васильевичем. Естественнo, по прозвищу Грозный. Был профессор, правда, вовсе не грозным, а скорее занудливым и вздорным. Но риторически поставленный в деканате вопрос: Иван Васильевич или Лютецкий — так и остался риторическим.

Домой возвращаться не хотелось. Вовремя подвернулись курсы теплотехников, и в результате появилась необременительная работа диспетчером — сутки дежуришь, трое отдыхаешь. Комнату дали сразу, а о деньгах приходилось заботиться самому, на диспетчерскую зарплату не проживешь.

Очутившись вновь в своей комнате и завесив разбитое стекло старым одеялом, Марк извлек из-за кушетки ворованные доллары и пересчитал. Получилось семь тысяч с мелочью. На абсолютном безденежье — неплохо. Не давала покоя мысль о кольце. Что же это за ценность такая, если Аполлинарий готов расстаться с деньгами, лишь бы заполучить кольцо обратно?

Сигарет осталось три штуки. Ради особого случая Марк решил одной пожертвовать: пока куришь — лучше себя ображает. Для начала кольцо следует поискать.

Под батареей кроме мусора не нашлось ничего. Еще не хватало кольцо потерять, стоило тогда выпендриваться перед старпомом.

Наконец в щели между плинтусом и полом Марк увидел при свете зажигалки черный матовый ободок. Вот ведь закатилось, зараза!

Несколько раз вилкой Марк пытался извлечь кольцо из его укрытия, но оно, похоже, засело в щели намертво.

То, что Аполлинарий так просто не оставит его в покое, не вызывало сомнения. Пока Марк ползал по немывтому полу, он несколько раз прикидывал пути отступления.

Затеряться в Питере, конечно, можно, но только

чисто теоретически. Так или иначе, в конце концов Аполлинарий на него выйдет и потребует должок. Уехать куда-нибудь насовсем — тоже не лучший вариант. Денег для нормальной жизни недостаточно, а в других местах он совсем никого не знает. В Ивангороде, у матери, сильно не пожирешь. Куда он там пойдет работать, что будет делать?

Получалось, как ни крути, придется найти общий язык с Аполлинарием и при этом остаться при своих — с деньгами и с кольцом.

Марк подумал, что долларами он может рискнуть, есть вариант пристроить их в оборот. Не велики деньги, но все-таки. А вот с кольцом торопиться не следует. Надо еще узнать сначала, что это за штука.

Существовал и третий вариант: отдать кольцо Аполлинарию и оставить себе доллары. Но пойдет ли теперь на это Аполлинарий, еще вопрос. Надо было сразу соглашаться. И к тому же, возможно, кольцо стоит раз в десять дороже, иначе зачем же старпому так о нем беспокоиться?

Побродив по комнате, Марк понял, что проголодался. Он расстелил на столе газету и, открыв холодильник, вытащил пакет кефира и вареную колбасу. Надо еще чайник поставить, подумал он, и в этот момент раздался осторожный стук в дверь.

Опять Аполлинарий. Или Людочка. Нет, скорее Людочка. Вот ведь привязалась, сорока любопытная. Может, смыться пока из дому?

В дверь постучали уже настойчивее.

Все-таки Аполлинарий приперся. Начнет опять терзать. Точно — надо было уехать.

И тут дверь пнули. Слабая защелка английского замка крикнула и вылетела из паза. На пороге стояли двое в кожаных куртках и тренировочных штанах. Марк сразу понял, в чем дело, но сказать ничего не успел — один из вошедших, маленький, коротко стриженный блондин в два шага пересек комнату и, не говоря ни слова, врезал Марку в солнечное сплетение.

4.

Надо отдать Аполлинарию должное: гадить в собственной квартире он не стал. Да он и не появился даже, пока Марка, согнувшегося от боли, вели по длинному коридору к выходу. Со стороны могло показаться, что двое друзей сопровождают третьего, который себя неважно чувствует. Может, выпил лишнего, может, живот скрутило — с кем не бывает.

Чем заканчиваются подобные прогулки, Марк знал хорошо. Два года назад Сашу-Леденца нашли где-то в районе Репино со скрученными колючей проволокой руками и удавкой на шее. А этим летом бесследно пропал задолжавший десять тысяч баксов Иван Берков. Говорили, что «братаны» увезли его прямо от Гостиного двора. Больше он нигде не появился.

Успокоившаяся после шумного вечера коммуналка спала. Не открылась ни одна дверь, никто не вошел на кухню, разогревая поздний ужин, не с кем было перекинуться даже взглядом.

«Будут бить — скажу все, — подумал Марк. — А, может, не будут?»

Пока с ним никто не разговаривал. За рулем белой обшарпанной «Хонды» сидел третий — ну прямо брат-близнец взявших Марка в плен боевиков. Такой же крутой стриженный затылок, те же покатые борцовские плечи и такой же равнодушный взгляд, не выражающий ничего, кроме скуки. Такие и бить будут без азарта, долго и скучно, всего лишь выполняя привычную и надоевшую работу.

«Сейчас пугать начнут», — решил Марк, когда его всунули на заднее сиденье «Хонды». Но ребята попались совсем неразговорчивые, прямо немтуны какие-то. Машина сорвалась с места, как на гонках, и, выплескивая лужи на стены домов, вырвалась из двора на проспект.

«Глаза будут завязывать или нет, — гадал Марк, ударяясь плечами то об одного, то о другого сопровождающего. — Нет, не завязали. Не боятся ничего, гады».

Сонный город мелькал за мокрым стеклом. Иногда Марку казалось, что все случившееся происходит не с ним. Надо же так вляпаться! Может, с «братанами» побеседовать стоит?

— У меня денег нет, — пробормотал Марк, глядя в круглый затылок водителя. — И кольца нет, — продолжил он совсем улавливающим голосом, не дождавшись никакой реакции на первую фразу.

— Заткнись, — коротко приказал маленький блондин. — Сиди и не вякай!

— Да куда вы меня везете-то! — взмолился Марк, видя, что машина стремительно по Тучкову мосту выскочила с Васильевского острова на Петроградскую сторону.

— Сейчас приедем, — пообещал водитель, не оборачиваясь. — Потерпи, дружок.

Услышав ласковое «дружок», Марк затосковал окончательно.

Убьют, подумал он, обреченно вжавшись в спинку сиденья. Душу вынут. И за что, спрашивается. Да пусть подавятся они своими паршивыми баксами.

Минут через пять машина очутилась в районе Карповки и запетляла по проходным дворам. Пытавшийся запомнить маршрут Марк вскоре понял, что без провожатых ему обратно не выбраться — эти места он знал плохо.

Наконец приехали. Марка так же бесцеремонно, как и посадили, вытолкнули из «Хонды» под начавший моросить осенний дождь и поволокли к одноэтажному зданию без окон. По большой кирпичной трубе взглядом профессионала, недаром три года отработал теплотехником, Марк определил, что это котельная.

— Знакомься, твой крематорий, — почему-то весело пояснил низенький блондин.

Крепыш вообще несколько отличался от остальной компании, это Марк отметил сразу. И не только потому, что именно он ударил его там, в комнате. В блондине чувствовался какой-то злой азарт, словно он еще не наигрался в эти страшные игры, словно ему еще был интересен испуг жертвы и чувство собственной силы.

«Вот его и бойся», — сказал сам себе Марк. И не ошибся.

По стальной скользкой лестнице они спустились вниз. Три топки ревели и изрыгали жар, словно головы Змея-Горыныча. Но в большом подвале, где двое рабочих шлепали по дощатому столу засаленными картами, конвойные не задержались. Лишь вяло помахали работягам руками и прошли дальше. За металлической дверью открылся кирпичный, как в каземате, коридор, уходящий, казалось, в самую преисподнюю.

«Ну все, хватит уже, хотели напугать — это вам удалось, — беззвучно молился Марк. — А сам ведь виноват, зачем связался с Аполлинарием? Баксы отдам, кольцо отдам, только не трогайте!»

В комнатке без окон стояли пара табуретов и парковая скамейка. Голый цементный пол, куча мусора в

углу, в основном состоящая из пустых пивных банок и мятых сигаретных пачек, голая, без абажура, лампочка; болтающаяся под самым потолком. Пыточная камера.

Задержавшегося на пороге Марка толкнули в спину так, что он влетел в комнату, беспорядочно размахивая руками, и ткнулся в кучу мусора. Потом подняли за ворот и посадили на скамейку. Вошедший последним водитель достал из сумки банку пива «Red bull» и приготовился скучать. Блондин, порывшись у Марка под ногами, вытащил из-под скамейки кусок изолированного резиной кабеля.

— Деньги остались в комнате! — предупредительно крикнул Марк, увидев, как блондин извлек из сумки водителя еще и наручники.

— Оставь, — приказал блондину его спутник. — Оставь наручники. Видишь, он тихий какой, наложил, небось, полные штаны.

Блондин, как показалось Марку, с сожалением кинул наручники обратно.

— Аполлинарий велел поучить на будущее, — напомнил он и зло взглянул на Марка. — Баксы, говоришь, там остались? А кольцо?

Крепыш коротко взмахнул рукой, и ребра Марка ожгло, как будто ударили не кабелем, а раскаленным прутом.

— И кольцо! — уже совсем тихо прохрипел он. Дыхание от удара перехватило.

— Что же ты тогда врал, сволочь!

Блондин ударил его еще два раза. Марк только дергался на скамейке, как паралитик.

— Сам старпому принесешь, или нам побеспокоиться?

— Сам отнесу, сам! — предупредительно завопил Марк.

Но блондина, похоже, такой быстро полученный результат не устраивал. Он его, похоже, разочаровал. Марк понял это по тому, с какой ненавистью он уставился на него, шаря в кармане кожаной куртки. Крепыш только еще разохотился, только размялся, ему хотелось крови. Ему, в конце концов, и признания никакого было не надо, а только полной власти над своей жертвой, полного ее подчинения.

Марк с ужасом уставился на своего мучителя, медленно извлекающего из кармана блестящий стальной кастет.

— Оставь! — еще раз вяло потребовал водитель. — Убьешь ведь.

— Ниче, я аккуратно.

Марк попытался подняться со скамейки, но не успел. В голове как будто раздался взрыв, и он полетел в бездонную пропасть.

5.

Скамейка была жесткая, парковая. Где это я уснул? Марк медленно выплывал из небытия. Вся левая сторона лица ощущалась сплошным ожогом. А-а, Аполлинарий... Вот ведь зверюга, старпер-старпом. Ладно, еще живой. Допрыгался, голубчик.

Марк с трудом сел, ощущал скулу.

Кожа лопнула, кровящице-то сколько натекло. А к щеке и притронуться нельзя. Лишь бы кость не сломали.

Несколько раз беззвучно, как рыба, открыв и закрыв рот, Марк убедился, что челюсть цела. И на том спасибо.

А где же эти, «братаны»?

В отдалении слабо слышались голоса. Марк, шатаясь, встал и, хватаясь за бок, выбрел из пыточной в

коридор. Бубнили в соседней комнате.

— И чего ты, блин, наделал, — узнал он голос водителя. — Нашел, с кем связываться. Он еще в машине сомлел, я сам видел. Его и бить не стоило. Давно бы уже обратно сгоняли и перед старпомом отчитались. А так жди, пока очухается.

— Попей пивка, — голос блондина звучал зло и веско. — Я эту публику чистоплюйскую наизусть знаю. Как че спереть — так это запросто, а как рассчитываться — так в кусты. Умнее будет.

— Ладно вам, — примирительно вступил третий. — Сейчас поедем. И так не сильно задержались.

— А если не очухается? — предположил водитель.

— И хрен с ним. Баксы, сам сказал, в комнате.

Марк вспомнил холодные и злые глазки блондина и помотал головой. Надо сматываться. Этот на достигнутом не остановится. Начал бить — не успокоится, пока не сделает инвалидом.

Он осторожно побрел коридором, цепляясь за стены. Вот и кочегарка. Здесь-то как пройти?

Стараясь остаться незамеченным, Марк заглянул к истопникам. Один, кажется, спит. Это хорошо. А второй? Второго не видно. Стоит рискнуть.

Стальные ступеньки как будто полили жиром. Держась за поручни и оскальзываясь, Марк выбрался наружу и запрокинул голову, ловя ртом мелкие капли дождя.

Совсем незнакомый двор выглядел враждебно.

Проверив карманы, — плащ остался дома, — Марк порадовался привычке таскать деньги в брюках. Никакой транспорт сейчас, понятно, не ходит. Спасти могла только попутка.

Его подвезли. Разбитной таксист сначала долго куражился и ехидно интересовался, где это Марк так погулял. Потом загнул несообразную цену. И только убедившись, что у пассажира денег больше, чем он может предложить, нет, пустил в салон.

В такси Марка начал бить озноб. Его колотило так, что он испугался, как бы водитель не выкинул его на полпути, но тот, получив плату, потерял к нему всякий интерес и гнал «Волгу», бешено визжа тормозами на поворотах.

Не заезжая во двор, Марк велел таксисту остановиться.

Идти в квартиру, а потом к Аполлинару, не хотелось. Хотя тот, ясно море, ждет. Окно в его комнате горит. Не спит старый рыч. Но и дожидаться, пока примчатся его головорезы, смысла не имеет. Приедут — выместят зло на Марке. Когда увидят, что он сбежал, озвереют окончательно.

Уже не обращая внимания на лужи и слабо надеясь, что с Аполлинаруем удастся договориться, Марк побрел к подъезду. До двери оставалось шага четыре, когда та вдруг скрипнула и отворилась сама. Марк трусливо рыскнул в сторону и прижался к влажному стволу клена.

В ярко освещенном проеме показался Аполлинару и вместе с ним какой-то незнакомый мужчина, ниже ростом, но примерно одного со старпомом возраста. Длинный плащ и широкая шляпа скрывали лицо и фигуру, но по походке можно было догадаться — гость соседа не молод.

— Учти, старпом, — услышал из своего ненадежного укрытия Марк. — Деньги тебе заплачены. Или завтра отдаешь кольцо, или...

Мужчина не договорил, но, судя по голосу, зря он не произносил ничего.

— Три лимона! Говнюк ты, а не коммерсант.

— Завтра отдам, как договорились, — в интонациях Аполлинару послышались плачущие нотки.

«Ничего себе, — подумал Марк. — Три лимона! Вот это колечко! А Аполлинаруй-то — хорош. Передо мной — так орел, а тут...»

— И не деньги отдашь, а кольцо, — еще раз напомнил мужчина.

Больше он не сказал ни слова и, не подав Аполлинару Григорьевичу руки, направился к темной машине, которую Марк не заметил, подходя к подъезду.

Включились фары, и Марк еще теснее вжался в ствол. Он так стоял еще долго, не решаясь даже взглянуть, пока звук мощного мотора не затерялся в глубине проспекта.

Дальше счет пошел на секунды.

По возможности стараясь не скрипеть половицами и в то же время быстро, Марк миновал коридор и шмыгнул к себе в комнату. Было заметно, что Аполлинаруй здесь без него рылся, но, ликующе отметил про себя Марк, безрезультатно. Вот они, баксы, за кушеткой, как и лежали. А кольцо? Кольцо — на месте. Выцарапать его оттуда!

Вилкой, как и в прошлый раз, не получилось. Придется рискнуть.

Марк достал большую отвертку и попытался отжать плинтус. Тот заскрипел, но чуть подался вверх, так что можно стало просунуть в щель палец. Есть!

Насадив на мизинец кольцо, Марк заметался по комнате. В сумку полетели рубашки, джемпер, джинсы. Все, больше ничего он не возьмет.

И тут же у подъезда заскрежетали тормоза.

В первое мгновение Марк бросился к двери, но не добежал, остановился. Теперь не уйти.

В комнату не вошли, ворвались.

Прижимая одной рукой к животу сумку, Марк протянул навстречу блондину пачку долларов, но тот, не глядя на деньги и только быстро приговаривая: «Сбежать хотел, гад! Хотел!», ткнул ему чем-то блестящим и острым в открытое горло.

6.

Это неправда, что смерть бывает мгновенной. Даже быстрому уходу из жизни всегда сопутствуют какие-то ощущения, не говоря уже о сознании, продолжающем работать и после остановки сердца. А смерть Марка совсем не сводилась к двум словам — упал и умер.

Он помнил себя лежащим на полу и конвульсивно корчащимся, он помнил, как пытался донести руку до горла, чтобы заткнуть зияющую рану, из которой уходила жизнь. Почему-то запомнились даже маленькие, белые от ненависти глаза блондина, и вдруг появившийся в комнате Аполлинаруй, который что-то кричал, но слов было не разобрать. Он помнил это и знает был жив, хотя все говорило о том, что он — мертв.

Марк ощутил себя стоящим в огромном темном зале: взгляд не достигал ни стен, ни потолка, и все-таки это было закрытое пространство. Густой и неподвижный воздух пах сладкими пряностями и гнилью, где-то очень далеко горели огни: то ли костры, то ли факелы, а вымощенный гигантскими каменными квадратами пол напоминал бесконечную шахматную доску.

Рука произвольно дернулась к горлу, и Марк ткнул пальцами в широкую, переставшую кровотоком рану, не осязая боли.

Он не понимал, где находится, но почему-то знал, что надо идти к огням, и он пошел.

Шаг за шагом, как автомат, Марк шел, слабо удив-

ляясь, слабо чувствуя свое тело, продолжая держать в одной руке сумку, а в другой — пачку денег, совсем ненужных здесь и тем не менее оказавшихся при нем.

Огни приближались медленно. Иногда казалось, что они и вовсе остаются на прежнем месте, но Марк не уставал — он шел.

Потом появились колонны. Сначала едва заметные, они сходились под острым углом, готовые сомкнуться в центре цели. И на острие этого невидимого треугольника Марк увидел черные, уходящие в вышину ступени с треном, казавшимся снизу не больше спичечного коробка.

Но не исполнинская лестница, не сам трон удивили его, а тот, кому они принадлежали, — человек или демон, — сидящий шакал с мужским обнаженным торсом.

Голос упал с высоты, заполнив собой весь необъятный зал до самого дальнего края:

— Ты пришел остаться?

— Я — не знаю, — крикнул в ответ Марк.

— Да, ты пришел впервые, — шакал поднялся с трона и медленно стал спускаться.

Чем меньше оставалось ступеней, тем все выше и выше вырастала его обнаженная фигура, прикрытая лишь прямоугольным передником, повязанным вокруг тора.

— Ты пришел первый раз. Но хочешь ли ты остаться?

— Не знаю, — вновь признался Марк, чувствуя свою ничтожность. — Я — мертв?

— Ты — мертв, но ты можешь вернуться. У тебя — кольцо.

— Кольцо? — бессмысленно пробормотал Марк и поднял к лицу руку — на мизинце чернел ободок с рисунком.

— Мое кольцо, — сказал шакал и остановился на последней ступени. — Пока оно принадлежит тебе, но как только ты захочешь умереть, оно вернется к хозяину. Я — Анубис!

— Анубис... — повторил Марк. — Бог мертвых?

— Хозяин Мертвого дома. Называй меня Господин. Я — Господин, ты — владелец кольца. Пока, — Анубис сделал паузу, — пока у нас деловые отношения.

— Да, Господин, — смиренно сказал Марк и отверл взгляд в сторону.

Трехметровая фигура Анубиса с шакальей головой и сверкающими в свете коптящих факелов желтыми глазами внушала ужас.

— Так ты ответишь мне: ты пришел остаться или уйти?

— Я не знаю, что выбрать. Господин, — добавил Марк поспешно, увидев, как немигающий взгляд Анубиса остановился на нем.

— Советую тебе остаться, — в громовом голосе Анубиса внезапно послышались сочувственные нотки. — Ведь ты все равно придешь сюда, рано или поздно. Но тогда тело твое будет немощно и дрябло. Ты придешь усталым и больным, измученным и ожесточенным. Останься сейчас.

— Но я могу вернуться?

— Ты можешь вернуться. Ты можешь страдать вновь. Ты хочешь этого?

— Хочу! — отважно признался Марк.

— Глупец, что ты понимаешь в жизни и смерти?

Если как следует разобраться, то ведь это одно и то же.

— Нет, не одно, — Марк попытался спорить, но будто удавкой сдавило горло, и он закашлялся.

— Тогда — иди!

Шакал повернулся к Марку спиной и начал восходить на трон величественно и отрешенно.

7.

Он лежал на полу, скорчившись, прижимая к животу сумку.

Открыв глаза, Марк приподнялся на локте и огляделся.

В комнате царил разгром. Вспороли даже сиденье кушетки, и теперь из разрезов торчали куски мочала и кособокие пружины.

«Это они кольцо искали», — догадался Марк.

Тишина стояла мертвая — дом спал.

Марк помнил все, что произошло с ним в последние двенадцать часов, но логика жизни медленно входила в его сознание, и первые минуты возвращения из небытия он потратил на чисто механические действия.

Небольшое зеркало, которым Марк в основном пользовался для бритья, отразило бледное, с кругами под глазами лицо. Черная косая челка свалывалась в косичку и прилипла ко лбу. Вся левая щека залита кровью, и сплошной, ставший уже не красным, а коричневым натек спускался к горлу, полностью закрывал его и падал на грудь.

«Тебе бы сейчас в фильмах ужасов сниматься», — подумал Марк.

Но — странное дело — смыв кровь и кое-как расчесав волосы, он обнаружил на скуле мелкую зажившую ссадину, а горло пересекал хотя и страшный, но тонко зарубцевавшийся шрам.

И тут до Марка наконец стали доходить происшедшие с ним несообразности.

Память и логика подсказывали, что он убит. И даже если встреча с Анубисом — не сон или наведенная галлюцинация, то почему, скажите на милость, он не ограблен? Не снято с мизинца проклятое кольцо, не отобраны деньги? Что искали в этой комнате, не тронув его самого? Все вещи, с которыми он собирался бежать, остались при нем.

Это было самое главное и непонятное противоречие; остальное еще можно как-то объяснить. Даже заживший шрам, даже воскресение из мертвых — хотя тоже, конечно, нонсенс!

В любом случае Марк пока понял одно: оставаться в комнате нельзя, надо бежать и как можно быстрее.

Страшно хотелось курить, но ради этого не стоило задерживаться. Часы показывали четверть пятого — самое глухое время суток.

Первый порыв — поехать в Пулково или на один из вокзалов и покинуть Питер — вскоре прошел. Надо еще разобраться: жив ли он, в конце концов, или мертв? Звучит, конечно, смешно, но выяснить это хотя бы для себя стоило. К тому же, следуя логике событий, его вряд ли станут искать, ведь для Аполлинария и его боевиков он умер, погиб, исчез, вычеркнут из жизни.

Поразмыслив над этим, Марк с большим трудом изловил такси и отправился через весь город в район Автово, где недалеко от Кораблестроительного института жила Света Тернова.

То, что со Светой Марк расстался почти полгода назад и, как он утверждал, навсегда, его смущало мало. Да и другого выбора не было: близкими друзьями за все эти годы Марк так и не обзавелся.

В пять часов утра не стоит ломиться даже к люби-

мому человеку. Трудно рассчитывать на радость встречи и приятное общение с тем, кого вы только что оторвали от сладкого утреннего сна. А со Светкой-Веткой последняя встреча у Марка вышла и вовсе безобразной, после этого он даже «Букинист» на Герцена, где та работала продавщицей, миновал по касательной.

Сначала Ветка наотрез отказалась открывать Марку дверь, и он терся на лестничной площадке, то взывая к милосердию, то угрожая, что вышибет замок. Последнее произвело впечатление — его впустили.

Попав в знакомую однокомнатную квартиру, Марк быстро убедился, что самые страшные опасения: найти здесь своего заместителя — не оправдались. Чужим мужским духом в квартире не пахло, мало того — под вешалкой стояли его старые домашние тапочки.

Не дожидаясь, пока Марк раздеется, и не произнеся ни слова, Ветка прошла на кухню и загремела там посудой.

«Хороший признак, — подумал Марк, — сейчас сварит кофе. Что бы такого наврать, чтобы не выгнала?»

Но за чашкой кофе — сварили, и для него! — врать особенно не пришлось. Жадно затягиваясь, Марк курил и рассказывал, сбивался и повторялся вновь, путался и перескакивал с одного события на другое, но кое-как вылепил из невнятного повествования почти всю правду о прошедшей ночи.

О собственном убийстве он благоразумно все же умолчал, так же, как и о встрече с Анубисом. Для Ветки это было бы, пожалуй, чересчур.

Она и так слушала его, как замороженная, широко раскрыв ставшие совсем не сонными глаза, и знакомая родинка на смуглой ключице иногда мелко вздрагивала в такт быстрому биению сердца.

— Тебя здесь не найдут, — сказала она и медленно приблизила свое лицо к Марку. — Только никуда не уходи!

И эта комната, и Ветка, непроходящая осенняя мгла за окном и знакомый запах простыней — все это сделали вдруг мир до боли реальным. А позже, лежа на диване с прижавшейся к его плечу Веткой, Марк наконец понял, что жив.

8.

Он и не заметил, как задремал. Разбудил резкий звонок будильника: Ветке было пора собираться на работу.

Пока она металась из ванной на кухню, иногда забегая в комнату, Марк с удовольствием наблюдал за ее торопливыми сборами. Ветка — красивая девочка, непонятно, почему она так привязалась к нему — знакомств с удачливыми и вполне обеспеченными людьми у нее хватало. В «Букинист» на Герцена навещалась весьма разнообразная публика, а заслужить внимание продавщицы — означало возможность приобрести самые редкие издания.

Марк и сам познакомился с ней там же. Тогда он еще читал и, случалось, покупал книги. Теперь это, конечно, в прошлом. Другая жизнь — другие заботы. И на модный детектив-то времени не хватает.

Оставшись один, он выбрался из нагретой постели и подошел к окну.

В озере, на пустыре между домами, плавал утиный выводок. Птенцы подросли и уже летали, но время настоящих холодов еще не наступило, и птицы продолжали кормиться на привычном месте. Странное дело: столько народа здесь живет — и утки. У них, в Ивангороде, никакие утки не водились, разве что до-

машине.

Поставив на плиту джезву, чтобы сварить кофе, Марк, шлепая разношенными тапочками, прошел в ванную. Шрам на горле выделелялся светлой полосой, как ошейник.

Чем же он меня так? Марк бережно провел по шраму пальцем — не болело совершенно. Ветка, само собой, про шрам спрашивала, наврал про какую-то операцию.

То, что предстояло во многом разобраться, Марк понимал. Без этого и вовсе неясно, как жить дальше. Только с чего начать?

Кольцо, если оно стоит таких бешеных денег, носить с собой опасно, но и оставлять его в квартире нельзя. Несомненно, за ним идет охота. К тому же интерес оно представляет не для всех, а только для тех, кто знает его тайну. А тайна есть. Возможно, кольцо воскрешает из мертвых, возможно, само способно убивать. Адская штука.

Об Анубисе Марк старался не думать. Но как же не думать, если только чертовщиной и можно хоть как-то объяснить то, что он жив.

Анубис, Анубис... Это из египетской мифологии. Что он знает о Египте? Ну, пирамиды, ну, фараоны, мумии всякие. В Эрмитаже сам видел: лежит одна, страшно смотреть. Потом боги разные: Осирис, Исида... Анубис. Кажется, бог мертвых. И с шакальей головой. Все сходится.

Порывшись у Ветки на книжных полках, про Египет Марк не нашел ничего. Так, разнообразная популярная чепуха. Старая «Русская энциклопедия» за 1911 год — Ветка собирала дореволюционные издания, если была возможность купить их подешевле, — ограничивалась маленькой статьей:

«Анубисъ. (греч.; египт. Анпу); у древн. египтянъ богъ гробницъ, одно изъ важнейшихъ божествъ загробн. міра. Въ его заведываніи было бальзамированіе покойника, путеводительство его въ царстве Озириса и доставленіе ему заупокойныхъ даровъ. Египтяне изображали А. съ головой шакала или въ виде шакала: м.б. потому, что у гробницъ, на зап. краю Нильской долины, постоянно водятся стаи шакаловъ. Греки отождествляли А. со своимъ проводникомъ душъ, Гермесомъ. Въ рим. время культъ А. распространился по всей имперіи вместе съ почитаніемъ др. египет. божествъ».

Все!

Про кольцо ни слова.

Из статьи кроме самых общих сведений, которые мало что могли прояснить, больше выудить было нечего. И Марк стал собираться в библиотеку.

Даже студентом Марк посещением библиотек себя не утруждал. Кроме, пожалуй, университетской, да и то изредка. Но туда теперь не пустят. Надо попробовать сходить в читальный зал «Щедринки».

Поход представлялся Марку опасным. Больше всего не хотелось столкнуться с Аполлинарием, хотя это маловероятно. Но вот знакомых, которых в центре, на Невском, всегда хватало, избежать будет совсем трудно.

Марк порылся в Веткиных вещах и отыскал длинный синий шарф, которым укутался по самые глаза. Из этого же гардероба выбрал голубую джинсовую куртку. Рукава коротковаты, но ничего, сойдет.

Удачно замаскировавшись, Марк решил не ехать в метро, а поймать такси — деньги имелись.

Он не стал утруждать себя обменом валюты — любой таксист возьмет баксы с радостью.

Погода, как это часто бывает в Питере, переменялась мгновенно. От вчерашней промозглой сырости не осталось и следа: радостно сияло солнце, желтым и оранжевым пылала листва — денек выдался замечательный.

Оказавшись на Невском, Марк не удержался и посидел все же около памятника Екатерине II («Катки»), похожего на большую чугунную погремушку, в скверике возле Александринки. Выкурил сигарету и понаблюдал, как старушки в панамках и митенках, настоящие божьи одуванчики, кормят голубей. «Щедринка», размахнувшись на весь квартал, серела перед глазами.

Первым при входе в библиотеку его встретил пожилой милиционер. Большая кобура с торчащим из нее пистолетом придавала ему грозный вид, на Марка он взглянул с подозрением. Указав окно регистрации, милиционер продолжал хмуро следить за новым посетителем.

По фойе ходила, разговаривая вполголоса, очень интеллигентная публика, и Марк оробел. Но еще больше он почувствовал себя не в своей тарелке, когда в регистратуре потребовали диплом об окончании высшего учебного заведения. И это — как самое малое. Годились также кандидатская и докторская степени, а вот справка об учебе в университете могла помочь только вместе с ходатайством деканата.

Поняв, что в «Щедринку» не прорваться, Марк отступил на исходные позиции — в скверик.

Никаких других библиотек в городе он не знал. Слышал, что есть еще библиотека имени Маяковского, но, наученный горьким опытом, туда он сунуться не рискнул. Хватит позора.

Оставалось признаться в своей внезапной страсти к мифологии Египта Ветке, что он после некоторых размышлений и сделал. Ветка, насмешливо пофырвав, согласилась все же подыскать что-нибудь в магазине и на следующий день принесла «Популярную историю религий».

Ничего не стало яснее после прочтения сего труда; мало того, Марк запутался окончательно.

Сложная иерархия египетских богов, которые различались по возрасту, повергла его в уныние. Анубис, правда, упоминался часто, но как-то смазанно. Бальзамирование, взвешивание душ умерших для определения тяжести земных грехов — к этому сводились все его описания.

Марк затосковал.

Кольцо почти физически жгло палец, но снимать его Марк и не думал. Не дай бог потерять. Плакали тогда денежки.

Неоднократно он прикидывал возможности найти того покупателя, что приходил к Аполлинару злополучной ночью. Но как же его разыщешь? Да и для того, чтобы успешно торговаться, надо знать, какой товар предлагаешь.

В один из таких отчаянных моментов Марк вдруг вспомнил, что почти одновременно с ним с курса исключили Толика Невьянова. Тот всерьез интересовался оккультными науками в ущерб наукам университетским. По слухам, он по-прежнему жил в Ломоносове и работал в местном порту.

На следующий день Марк отправился на Балтийский вокзал.

9.

После двух часов дня электричка в Ломоносов, бывший Ораниенбаум, а в местном просторечье —

Ранбов, отошла с перрона почти пустая.

Марк рассеянно глядел в окно, полируя пальцем шероховатую поверхность кольца. Раритет, артефакт? Может быть, такое кольцо — единственное в мире. Не обратиться ли в музей? Но сам эту мысль и отверг. Начнутся расспросы: откуда взял — и пиши пропало. Сам не заметишь, как вляпаешься в другую историю.

Финский залив гнал к берегу курчавые гребешки волн; сосны, искривленные ветрами, навевали тоску и мысли о зиме. Марка укачало, и он задремал.

У Толика он бывал всего один раз, еще когда учился на первом курсе. Помнится, они ездили к нему на выходные, и Марк даже ночевал у приятеля. Но все равно оставались опасения, что нужный дом он не найдет.

Поднимаясь вверх от вокзала в город, Марк вдруг ясно вспомнил дорогу. Да здесь и заблудиться-то трудно. Следует выйти к парку, а там, почти примыкая к ограде, стоит двухэтажная деревяшка — Толино жилище.

Поднимаясь по скрипучей лестнице на второй этаж, Марк учуял запах блинов. Блины, действительно, пеклись, но не для него. Мать Толика и его веснушчатая сестра о чем-то отчаянно спорили у газовой плиты и гостя встретили не очень приветливо.

— Дома нету! — отвернувшись от Марка, буркнула мать. — И на работе не ищи. Шляется он, скорее всего, в парке.

Ждать Толика на скамеечке возле дома Марк не стал. Парк, конечно, большой, но, если Толик за эти годы не сильно изменился, то он знает, где искать.

Расчет оказался верным. Правда, вместо закусочной на том же месте возвели вполне приличный павильон, но публика изменилась мало.

Толик выпивал в классической компании. Число три обладает в России магической силой, и появление лишнего партнера сначала Толиным друзьям не понравилось.

— А... это... присоединяйся, но у нас все кончилось, — после короткого знакомства взял инициативу в свои руки один из приятелей. Его лицо от выпитого приобрело ровный красный цвет, а рыжая шевелюра сверкала так, что парня можно было выпускать на манеж без парика.

Марк не спорил. Как ни странно, он был рад встрече, он и сам не подозревал, что может по Толику соскучиться.

Внешне Невьянов почти не изменился. В первые минуты встречи он робко хлопал Марка по плечам своими длинными несуразными ручищами и знакомым жестом постоянно поправлял рискующие слететь с носа очки в толстой пластмассовой оправе.

Через полчаса друзья отсыпались. То есть они продолжали присутствовать и даже говорили что-то коротко и невпопад, но это было уже неважно — Толик и Марк вспоминали прошлое.

— Помнишь, на картошку ездили, и нам в деревне вломили?

— Как не помнить, я думал, мне тогда нос сломают.

— А Грозного?

— Да ну его в пим дырявый, я ведь к тебе по делу приехал.

Марк коротко, не вдаваясь в подробности, рассказал о кольце. Толик оживился еще больше.

— Давай пойдем в порт, — предложил он. — Там нормально поговорим, есть место.

Затоварившись в павильоне двумя бутылками портвейна -дорогих напитков Толик не признавал, — они

пошли в порт, хохоча и дурачась, как школьники. Марку стало легко и свободно, и он подумал, что ему всегда не хватало друга. Такого, например, как Толик. Вот ведь дожил, по-человечески поделиться не с кем.

Про кольцо, разумеется, он рассказал не все. Сгодилась байка о случайно попавшей к нему вещи. Позже он как бы стал догадываться, что кольцо не простое, но выяснить ничего не удалось. К Толику он обратился как к специалисту.

— Нашел специалиста! — хохотнул Толик. — Я уж давно ничего не читаю. Астрологию забросил. Каббалистика — дерьмо собачье! Неинтересно стало.

— Ну, не скажи, — осторожно возразил Марк. — Всякое случается. Ты ведь верил в магию, как в науку.

— Было да сплыло. Ладно, подожди здесь, сейчас договорюсь, чтобы пропустили.

Миновав проходную, они вошли в порт.

Начинало темнеть, но Марк, выпив вина и расслабившись, подумал, что если Толик не позовет к себе ночевать, то он всегда сумеет пристроиться в гостинице. Да и разговор, судя по всему, затевался долгий. Не стоит комкать встречу. Он был почти уверен, что Толик сможет помочь.

Мимо штабелей сосновых бревен Толик повел куда-то вглубь порта. Вскоре Марк понял, куда — на старый маяк.

Они поднялись по внешней металлической лестнице очень высоко. Марка и до этого уже слегка покачивало, но, когда он посмотрел вниз, голова совсем пошла кругом.

— Сейчас привыкнешь, — Толик чувствовал себя здесь совершенно по-домашнему. — Садись. Вот так. Не бойся — не упадешь.

Сидя упать было трудно. Марк просунул ноги сквозь частое ограждение, так, что они повисли над бездной. В сгустившейся темноте синел горизонт, становясь по нижнему краю совсем фиолетовым. Небо прочерчивали две длинные бледно-розовые полосы заката, а прямо напротив в Финском заливе светились огнями Кронштадт.

— Красота? — утвердительно спросил Толик. — Красота! Только здесь и отдыхаю. Дома — тоска. Мать все пилит: иди учиться да иди. А куда я пойду, поздно уже.

— А в порту кем работаешь?

— Принеси-подай. А-а, ладно. Давай снова про кольцо.

Марк повторил.

— Дай сюда, посмотрю как следует. Да, занятая вещица. Похоже, подлинная. Если так, то в музее с руками оторвут.

Терпеливо Марк повторил свою историю. В музее нельзя. Происхождение кольца туманно. Если Толик поможет что-либо о кольце разузнать, то Марк поделится с ним при продаже.

— Не нужны мне твои деньги, — отмахнулся от делового предложения Толик. — Выпьем еще пару раз, и в расчете. Дома у меня есть одна брошюрка. Издательство «Саламандра», в двадцать втором году отпечатана. Текст «Книги пещер» и комментарии. Придем — посмотрим. Хотя ничего такого про кольцо я там, кажется, не встречал. Но самое главное, сейчас вспомнил: имеется в Ранбове один мужик, у него библиотека по мистике — о-го-го! Раньше я к нему часто заходил, а в последнее время и на улице старика что-то не видно. Но завтра заскочу, проведаю. Вдруг повезет.

Осенняя мгла сгустилась над заливом. Беззвездное небо только угадывалось в вышине так же, как и

невидимая внизу земля. И, не чувствуя под ногами опоры, Марк ощутил себя парящим в непонятном, чужом и, безусловно, враждебном мире.

10.

Ночевать Толик пригласил.

Они вернулись домой поздно, мать и сестра уже спали, и Толик, извиняясь, выставил Марку раскладушку на кухню.

— Всего одна комната, я и сам здесь часто ночую.

Никакую брошюру посмотреть они не стали, а сразу завалились на боковую — Толику рано вставать.

Марку завтра предстоял скучный день. Дождаясь, пока Толик отпросится с работы, а раньше обеда, по его словам, это сделать не удастся, надо было как-то убить время. Остаться в доме вместе с ворчащей матерью Марк не захотел и, прихватив «Книгу пещер», отправился в парк. Встретиться в четыре часа они договорились на прежнем месте — около павильона.

Текст брошюры вновь поставил Марка в тупик. Бог Ра спускается в загробный мир, которым правит не Анубис, а Осирис — ничего себе, Властитель жизни! — чтобы проследовать по подземному Нилу в своей ночной ладье и утром взойти на небосклоне.

«О, боги, пребывающие в Загробном мире (Дуате), в первой пещере Запада, стражи областей Страны безмолвия. Девятка богов повелителей Запада. Я — Ра, пребывающий на небесах, спустился во тьму кромешную, открыл врата небес на Западе. Вот я вхожу в Страну заката. Заклучите меня в свои объятия. Смотрите, я знаю ваше место в Дуате...».

И так далее.

Об Анубисе почти ничего. Станный бог, право слово. Вечно он у других на подхвате. То Осириса выручает, то Исиду, то просто им сопутствует.

Единственная зацепка — число девять. Девятка повелителей Запада. Ведь на кольце тоже выгравировано девять человеческих фигурок. Но есть ли между этим совпадением связь?

В комментариях упоминались и другие тексты. Кроме «Книги пещер» существовали Книги Врат, Мертвых, Пирамид, Дня и Ночи, Жизни и Смерти. Но тут же оговаривалось, что их содержание во многом сходно.

Марк пожалел древних египтян. Чтобы разобраться во всей этой галиматье, надо быть по крайней мере жрецом.

Сунув брошюру в карман, Марк пошел бродить по парку.

За пять последних лет здесь изменилось многое. Парк стал более ухоженным и чистым. Почти не видно праздноватающей шпаны. Отремонтировали парковые постройки, и раньше не заглядывающие сюда туристы, которые в основном предпочитали Петергоф, Павловск и Пушкино, бродили теперь тесными группками между Каталальной горкой и Китайским павильоном.

Возле Каталальной горки архитектора Ринальди открывалась большая лужайка. Высокая копна сена стояла в центре, как на крестьянском поле, а вокруг нее сидели и важно ходили по траве большие чистые чайки.

«Вот здесь и надо жить, — подумал Марк. — Иметь нормальную работу, гулять по выходным в парке, смотреть по вечерам на залив. Что еще надо человеку?...»

Но человеку хотелось многого. Денег, например, мебели и тряпок, камина в комнате и необременительного дела. А можно и вовсе без дела, про себя усмех-

нуня Марк. Будут деньги — душа сама собой успоко-

ится. А то все рвется куда-то, трепещет, а копни пог-

лубже — все просто.
Толкну кольцо и уеду. В Москву уеду, или лучше за границу. Ветку возьму с собой. Пусть посмотрит девочка на мир и на то, как люди живут.

Он уже успел пообедать и даже выпить стакан «Алазанской долины», когда увидел широко размахивающего руками Толика. Еще издали по его лицу Марк определил, что новости у того имеются.

Толик заявился в рабочей робе и грязных старых ботинках, но, как выяснилось, успел уже побывать у своего знакомого и порыться в книгах.

Выпив стакан вина, как воду, и закулив мяту «Приму», Толик вытащил из кармана тетрадный листочек с записями.

— Не дает ничего выносить из библиотеки, жадюга, — пояснил он. — И так еле впустил. Но я малость порылся и кое-что нашел. Есть упоминания о кольце, есть! Вот, берлинское издание «Мистерий мира». Я, конечно, не египтолог, но и мне как-то, помнится, попадалось где-то подобное описание. Смысл примерно сводится к тому, что девять человеческих фигурок и лежащий на них шакал — печать некрополя в Фивах. Люди эти — пленники. Там же, в комментариях, сказано, что есть легенда о девяти кольцах Анубиса, разбросанных им по земле. Владелец становится бессмертным на время обладания кольцом. Но это еще не все: на каждого из владельцев ложится проклятие. Такая вот история с географией.

— Ты ничего не напутал? — спросил Марк.

Он снял кольцо с мизинца и в который раз начал внимательно его рассматривать.

— Если это колечко подлинное, — Толик сам щедро плеснул в свой стакан, — то лучше бы тебе от него скорее избавиться. Не знаю, как насчет бессмертия, а проклятие заработаешь запросто: пришьют где-нибудь втихомолку — и концы в воду.

— Сам боюсь этого. — Марк тоже закурил. — Но все равно спасибо, выручил. Без тебя я бы год в книгах копался и не нашел ничего.

— Слушай, — Толик смущенно поскреб черным с обломанным ногтем пальцем по столешнице. — Давай это кольцо утопим, есть у меня предчувствие — не принесет удачи.

— С ума сошел! Три миллиона баксов! — произвольно вырвалось у Марка, и он тут же прикусил губу.

— Сколько?!

— Сколько слышал, — Марк проклинал себя за несдержанность. — Только ты никому, понял, никому ни слова.

— Могила, — мрачно откликнулся Толик и утешающе хлопнул Марка по спине. — Хочешь, на вокзал провожу, миллионер?

11.

Вечером, вернувшись с работы, Ветка, не раздеваясь и оставляя грязные следы на паркете, прошла прямо в комнату, где Марк сумрачно сидел у телевизора, и больно стукнула его маленьким крепким кулачком в грудь.

— Вот только еще не предупреди, что не придешь ночевать! — Ветка всхлинула. — Вот только попробуй!

Марк и без того чувствовал себя виноватым. Он долго еще сидел на кухне, пока Ветка разогрела ужин, и пытался объяснить ей, что все вышло случайно: возвращаться далеко, а разговор состоялся серь-

езный и нужный.

— Это ты опять про египетских богов? — к Ветке постепенно возвращалась ее насмешливость. — Ты что, кандидатский минимум решил по мифологии сдавать?

— Да ну тебя. По делу ездил. Надо ведь как-то дальше устраиваться.

Устраиваться как-то было, конечно, надо.

О том, чтобы заглянуть на прежнюю квартиру, Марк даже думать боялся. Хотя, с другой стороны, очень интересно узнать, как там поживает Адоллиний Григорьевич. Приходил к нему покупатель кольца или нет? А если приходил, то чем дело кончилось? Именно это волновало Марка больше всего.

Беспокоила еще и работа, где Марк появляться по понятным причинам опасался. Плакала трудовая. Но это, как раз, не проблема. Трудовую сейчас купить можно запросто.

Уйти на год-другой в подполье? Так было бы лучше всего, но доллары скоро кончатся, а сидеть на шее у Ветки не позволяет совесть. Значит, нужно осторожно, но настойчиво искать человека, который сможет по-настоящему оценить кольцо.

Бессмертие его владельца — безусловно, глупость. Кольцо — просто магический предмет, ритуальная вещь. Годится для халдея средней руки. Но сумасшедших много. В том числе и сумасшедших миллионеров.

Марка порадовало, что Толик отыскал в «Мистериях мира» упоминание о кольце. Будет на что сослаться. Кому не хочется иметь, скажем, чашу Грааля или магический жезл. Пусть потом экспериментируют с этим кольцом хоть всю оставшуюся жизнь.

Слабым звеном во всех этих рассуждениях, конечно, являлось воскресение Марка из мертвых. Но это еще как посмотреть. Каких чудес не случается на этом свете? Возможно, все происходило совсем не так, как потом ему представилось. Не было никакого Анубиса. Не было никакого убийства. А случилось внезапное умопомрачение, во время которого Марк не известно, что делал. Лучше остановиться на этом — так проще.

Сидеть целыми днями дома становилось невыносимо. Тем более, что и занять себя Марк ничем не умел. Прошло уже две недели с того дня, как он пришел к Ветке. Кольцо он по-прежнему таскал на пальце — оно себя, как и следовало ожидать, никак не проявляло. И не платина даже, как ему показалось вначале, а обычная железка. Сходить в Эрмитаж, что ли?

В Эрмитаже Марка привлекали не картины, а все тот же египетский зал. Тянуло туда почему-то — и все, хотя раньше о подобных вещах он никогда не думал. Но не давала покоя глупая мысль, что кольцо там себя поведет по-другому. А как по-другому — это уже будет видно.

По просьбе Марка Ветка купила ему новую кожаную куртку и кепку. Кепок Марк до этого никогда не носил и ему казалось, что этот головной убор изменит его до неузнаваемости. За две недели над губой выросли тонкие мушкетерские усики, и Марк их аккуратно расчесывал по утрам.

Но насчет своей незаметности, как немедленно выяснилось, он сильно заблуждался.

Выйдя из метро на Гостином дворе, Марк потопал прямо по Невскому к Дворцовой площади и почти тут же, около Серебряных рядов, нос к носу столкнулся с бывшим поделщиком по случайным заработкам Васей Копновым. В дилерских кругах Вася был известен

как один из самых отчаянных «вентиляторов»: всегда рассказывал, готов что угодно купить, что угодно продать, денег при этом — ни копейки.

— Свят, свят! — заорал Вася так, что идущая мимо старушка действительно перекрестилась. — Марк! Ты откуда?

«Сейчас я тебе скажу, — подумал Марк, напрягаясь. — Эх, врезать бы по щекастой физиономии, да ведь только хуже будет».

— Да так, по делам, — сказал он вслух неопределенно. — Проветриваюсь.

— А как же это? — Вася сделал выразительный жест рукой, как будто втыкал невидимый нож. — Я слышал — тебя порезали.

— Ага, а это я с того света явился.

— Нет, погоди, — горячился Вася. Он так разволновался, что стал брызгать слюной, и Марк брезгливо отодвинулся. — Погоди, погоди. Мне наверняка сказали. У тебя в квартире ужас что было. Сначала тебя, потом соседа твоего.

— Аполлинару? — невольно вырвалось у Марка.

— Точно. Я этого старлома тоже помню. Крутой был мужик, весь в связях. Так его прямо возле дома пристрелили.

— Надо же. — Полученное известие одновременно порадовало Марка, но и насторожило. — Так я ведь смысл просто, никто меня не резал. Должок имею, потому и уехал.

— Скрываешься, значит, — облегченно выдохнул Вася. — Это дело знакомое. В прошлом году я тоже два месяца бегал. Но выкрутился, чего и тебе желаю.

— Ладно, мне пора, — Марк не хотел затягивать встречу. Не ровен час появится еще кто-нибудь из знакомых. — Ты меня не видел, я тебя не знаю.

— Да о чем речь! Разве я кому скажу!..

«Обязательно скажет», — проклинал себя за неосмотрительность Марк. Он свернул с Невского на Мойку, идти в Эрмитаж расхотелось. Ботало несчастное. Звонарь вечный. Нет на Васю никакой надежды. Сегодня же растреплется всем, что видел Марка живым и здоровым. Во что это может вылиться, даже представить страшно. Старпера-старлома наверняка из-за кольца прикончили. Не зря его предупреждал тот, в шляпе. А если добрались до Аполлинару, то меня и вовсе сглотнут, не подавятся.

Но неприятности пришли в тот же вечер с другой стороны. Вечером к Марку приехал Толик.

12.

Покидая Ломоносов, Марк в неожиданном порыве откровенности сунул Толику записку с Веткиным адресом. Был бы телефон, оставил телефон, впрочем, это одно и то же.

Оставляя адрес, Марк никак не рассчитывал, что Невьянов сможет ему помочь в продаже кольца. Сделал он это из обычного дружеского расположения: будешь, мол, в Питере, загляни. Но Толик явно прибыл не с обычным приятельским визитом.

Косясь на Ветку и робея, он с порога объявил, что есть разговор, и сердце Марка глухо ухнуло куда-то в низ живота. Меньше всего ему сейчас хотелось серьезных разговоров, а Толик выглядел очень серьезным и на удивление трезвым.

Они прошли на кухню, и Толик попросил закрыть дверь.

— Значит так, — начал он, но замолчал, разминая сигарету и кроша на стол табак. — Значит так, — Толик собрался с духом. — Про колечко твое я старику

— Какому старику? — не понял Марк.

— Тому самому, у которого книжку смотрел. Он через два дня сам ко мне пришел, а до этого, наверное, и знать не знал, где я живу.

— Дальше, — нетерпеливо потребовал Марк.

— Дальше мы выпили, — простодушно признался Толик. — Много. Юрьевич, понятно, угощал. Пошли к нему домой, он мне еще раз в своей библиотеке порваться разрешил. И все спрашивал, что я искал в «Мистериях мира». Я ведь книжку прямо открытой оставил, как про кольцо нашел. Спешил тебя обрадовать.

— И ты сказал?

— Сказал, — Толик виновато вздохнул. — Не все, но сказал.

— Имя мое назвал?

— Ни имени, ни фамилии не называл. Просто, сказал, один знакомый. Ну и Юрьича затрясло даже. Он мне сразу предложил тебя с ним свести.

— А цену ты говорил?

— Что я, большой? Цена — не мое дело. Захочешь, сам скажешь.

— А если не захочу? Откуда я знаю твоего Юрьича! Да и денег, которые кольцо стоит, у него наверняка нет.

— Не скажи, — Толик обиделся. — Старик богатый. У него папа граф был. Или князь, — добавил он после паузы. — У него и родственники за границей есть.

— Родственники! — раздраженно передразнил Марк. — Вот ведь чепуха какая выходит. Я тут сижу, как мышь в норе, высунуться боюсь, обратился к тебе как к человеку, а ты...

— Это еще не все, — добавил Толик и низко опустил голову. Очки чудом удержались на переносице. — Я сначала так и сказал: кольцо не мое, не мне решать. А позавчера меня встретили в порту и предупредили.

Толик отогнул ухо, и Марк увидел запекшуюся ссадину.

— Сказали, чтобы не выступал, а потом двинули.

— Боже мой! — Марк вскочил со стула. — Ты хоть понимаешь, что наделал! А когда сюда ехал, никто за тобой не увязался?

— Да я тихонько. Не говорил никому. И не электричкой поехал, а на автобусе, через Петергоф. Что же теперь делать? — не убьют, так изувечат. Никак не ожидал от Юрьича.

— Елки-палки! — Марк заметался по кухне. — Теперь оба влипли. Слушай, не едь обратно. Перекантуйся пока в Питере. У тебя здесь знакомые есть?

— А может, попробовать? — Толик продолжал гнуть свое. — Ты же сам хотел кольцо продать.

— Хотел, да не твоему старику. Тоже мне покупатель. Сейчас и за тыщу баксов удавить могут, что уж говорить о кольце.

Ветка, встревоженная громким разговором, не держала и заглянула на кухню.

— Свет, пусть Толик сегодня здесь переночует.

— Пусть. — Ветке разговор приятелей явно не нравился. — А чего орете-то так?

— Ладно, будем говорить тише.

Они еще долго беседовали и, как ни странно, постепенно у Марка окрепло решение: с Юрьичем все же встретиться. Не век же, действительно, сидеть взаперти и любоваться кольцом, как скупой рыцарь. Если даже и не купит, не по карману будет, то может свести

с нужными людьми. Подскажет кого-нибудь. Немного отстегну старику, на этом и столкнемся. Три миллиона — блеф. Марк готов был отдать кольцо и за треть этой суммы. И немедленно после этого рвать из Питера.

На следующее утро он отправил Толика в Ломоносов, чтобы тот договорился с Юрьевичем о встрече.

13.

В надежность своего связного Марк верил не очень. О цене велел пока молчать и о встрече договориться не в Ломоносове, а в Питере — хлеб за брюхом не ходит.

— Посмотрим, что это за фрукт, — бормотал Марк, меряя шагами тесную комнату.

Толик должен был приехать завтра и доложить о результатах переговоров.

Сутки прошли, как в тумане. Марк не мог ни читать, ни смотреть телевизор и даже с Веткой почти не разговаривал. Та надулась и замолчала тоже.

«Взять кольцо с собой или оставить?» — гадал Марк. Нет, оставлять нельзя, к тому же старик наверняка захочет посмотреть товар и убедиться, что его не пытаются кинуть.

Сам бы он меня не кинул, тут же пришла в голову опасливая мысль. Привезет с собой боевиков, тех, что Толика били, не в милицию же потом идти.

Но приходилось рисковать.

Толик прибыл, как и ожидалось, на следующий вечер.

— Сказал? — торопливо спросил его Марк вместо приветствия.

— Естественно. Да он бы и сам от меня все равно не отвязался. Просил передать, что цену знает.

— Да ну, — усмехнулся Марк. — Посмотрим.

Сделку решили совершить в Летнем саду. Прикинули, что народу по осени там немного, место открытое, всегда поблизости милиция. Если Юрьевич придет не один, то это сразу будет заметно. И не в угол надо забиваться, а встретиться прямо на центральной аллее.

Толик заметно нервничал. Марк, напротив, как будто отупел от долгого ожидания. Будь что будет.

Против обыкновения Марк в эту ночь уснул сразу. И снов ему не снилось, и нехорошие предчувствия не мучили. Сама мысль, что завтра он избавится от кольца, приносила облегчение. Ветку он в свои планы предпочел не посвящать, но, похоже, она и сама о многом догадывалась, только ничего не говорила.

Время назначили на двенадцать. Толик, хотя это было и не обязательно, пошел вместе с Марком. С работы он отпросился.

Приятель попетлял по улицам, и Толик даже выпил пива. По Фонтанке прошел прогулочный катер. Усиленный мегафоном голос гида звонко вещал о местных достопримечательностях.

— Вон там Толстой жил, — неожиданно указал Толик пальцем на противоположный берег.

— Который?

— Который Лев.

— А-а, — устало отозвался Марк. — Хорошо жил, не бедно. Книги писал. Нам бы так. Хватит стоять, пойдем.

По набережной Фонтанки дошли до Летнего сада и только ступили на шуршащие листья центральной аллеи, как от Петропавловской крепости послышался пушечный выстрел. Полдень.

— Ну и где твой благодетель? — только и успел

спросить Марк, как сам безошибочно определил — вот он.

Навстречу им, опираясь одной рукой на черную трость, а в другой держа рыжий кожаный портфель, неторопливо двигался пожилой мужчина. Ростом невысок, но и не низок, в старомодном китайском габардиновом пальто. Из-под шляпы выбивались седые волосы.

Нет, не тот, мгновенно определил про себя Марк. Он еще надеялся, что на встречу придет незнакомец, которого он видел ночью у Аполлинария. А этот, хоть и стар, но фигура совсем другая, и еще трость. Трости у прошлого покупателя не было.

Неторопливо встретившись, участники сделки присели на скамью.

— Мне Анатолий рассказал о вашем кольце, — голос мужчины приятно грассировал, и Марк еще раз с сожалением отметил: нет, не тот. — Кажется, вы хотите его продать?

— Хочу, — Марк решительно кивнул.

— Меня зовут Николаем Юрьевичем.

Свое имя Марк не назвал. Ничего, обойдется.

— Кольцо продается, но, как сами понимаете, не дешево. Вещь редкая, может быть, единственная в своем роде. Вы меня понимаете?

— Голубчик, — на Марка из-под шляпы в упор уставились голубые водянистые глаза. — Разве я похож на мошенника? Но сначала надо посмотреть.

Марк поколебался, но все же стянул кольцо с мизинца.

— Ах, вот это?

Николай Юрьевич аккуратно принял кольцо и полез в карман за очками.

«Сейчас скажет, что вещьца занятная, но такой дряни пруд пруди», — подумал Марк.

— Очень интересно, очень, — Николай Юрьевич вертел кольцо так и эдак, водил пальцем по гравировке и наконец в задумчивости откинулся на спинку скамьи.

— Ну и сколько вы за него хотите?

— Миллион, — брякнул Марк и даже зажмурился, словно нырнул в холодную воду.

— Это, наверное, будет дороговато, — медленно проговорил Николай Юрьевич. — Вещь, по-моему, подлинная, но помилуйте, откуда у пенсионера такие деньги. Может быть, сойдемся на семистах тысячах?

Постепенно до Марка стало доходить, что здесь что-то не так. Он торопливо оглядел аллею. Нет, вроде, все чисто. И все же откуда это лукавство во взгляде старикана. Похоже, он просто забавляется.

— Вы говорите о рублях?

— Разумеется, дорогой, — взгляд Николая Юрьевича стал еще ласковее. — О семистах тысячах рублей.

— Вот что, — Марк с силой выдернул кольцо из руки старика. — Произошла ошибка. Кольцо не продается.

— Как же так, — Николай Юрьевич изобразил искреннее недоумение. — Анатолий говорил...

— И оставьте в покое Анатолия. Если ваши дуболомы, или еще не знаю кто, тронут его хоть пальцем, то я приеду с ребятами в Ломоносов и разберу его по кирпичикам!

Марк блефовал. Нет у него никаких крутых ребят. Но как-то ведь из положения выходить надо.

— Это недоразумение, — Николай Юрьевич тоже поднялся со скамьи. — Семьсот тысяч — хорошие деньги. Думаете, вам в музее больше дадут?

— Все, пошли, Толик!

Держа Толика за рукав и буквально таща его за

собой, Марк быстрым шагом направился к выходу на набережную. Он озираясь, кожей чувствуя, что так просто из этой ситуации выбраться не удастся.

— Пойдите, — крикнул им вслед Николай Юрьевич. — А зачем же я тогда сюда ехал?

— За спросом! — на ходу огрызнулся Марк.

Толик, как ребенок, послушно следовал за ним.

— Сейчас выйдем к Неве, и в разные стороны, — приказал Марк. — Если хоть кому-нибудь скажешь, где я живу, мне конец.

— Да брось ты, — успокаивал его Толик. — Он безобидный.

— Безобидный? А кто тебя в порту бил?

— Наверное, совпадение.

— Совпадение, точно. И по простому совпадению тебя предупредили. И испугался ты по простому совпадению. Разве не понятно, что Юрьевич твой пришел проверить, настоящее кольцо или нет. Платить он за него и не собирался. А я-то, дурак набитый, еще на что-то надеялся.

— Да погоди ты, может, еще все обойдется.

Приятель миновал решетчатые ворота, и Марк, так и не сказав больше Толику ни слова, толкнул его вправо, а сам почти побежал к Троицкому мосту.

— Надо быстрее ловить такси, — приговаривал он на ходу. — Надо быстрее.

По набережной Кутузова водители любили гнать со скоростью пули, и дорогу переходить следовало с великой осмотрительностью.

«Нева их так вдохновляет, что ли?» — подумал Марк, проскочив чуть ли не в полуметре от радиатора «жигуленка».

Он вытянул руку и, полуобернувшись, продолжал идти вдоль дороги.

Тормоза взвизгнули за самой спиной — казалось, машина сейчас наедет прямо на пятки. Марк стремительно бросился к открывшейся дверце. Но только он наклонился, чтобы сказать, куда ехать, как его схватили за рукав и грубо втащили внутрь.

От неожиданности Марк почти не сопротивлялся, и черная «Волга», тут же набрав скорость, помчалась дальше.

Марк попытался открыть дверцу, но на него навалились сзади, прижали к спинке сиденья. Хватка была такой, что плечи свела сильная боль, и, подергавшись, Марк затих.

«Волга» в считанные секунды долетела до Троицкого моста и, чудом проскочив на красный свет оживленный перекресток, сделала запрещенный поворот налево. Сзади послышалась захлебывающаяся трель милицейского свистка.

— Кольцо! — потребовали сзади. — Быстро!

Водитель, гнавший машину на немыслимой для города скорости, был весь поглощен движением, лицо его окаменело, взгляд цепко держал дорогу. Марк, насколько это позволяли сжавшие его плечи руки, обернулся.

На заднем сиденье он неожиданно для себя увидел Толика. Тот сидел между двумя уголовниками в кожанках, глаза его, увеличенные стеклами очков, казалось, занимали все лицо.

Как ни странно, Марк этому не удивился. Времени удивляться уже не было. Понятное дело, для страховки взяли обоих.

— Давай сюда, живо!

— Да что ты с ним разговариваешь! — глухо крикнул тот, что держал Марка сзади. — Стащи сам!

Мужчина с перебитым боксерским носом перегнул-

ся вперед через Толика и попытался схватить Марка за пальцы; тот непроизвольно сжал руку в кулак.

— Сопротивляется, сволочь! — боксер дернул Марка за запястье и попытался заломить кисть.

— Отдай, отдай им! — неожиданно тонким, как у раненного зайца, голосом закричал Толик.

Боксер и Марк пыхтели и дергались — машина завиляла.

— Удавлю, — прохрипели Марку в самое ухо.

Вырываясь из жесткой хватки, Марк широко махнул рукой и угодил водителю в плечо. «Волга» застучала тормозами, как зверь, в бок которого угодил заряд дроби.

Внезапно плечи Марка отпустили, и он вновь попытался открыть дверцу, но в ту же секунду в глазах его потемнело от перехватившей шею удавки. Боль входила в тело все глубже и глубже, пока через секунду не затихла на самом пике.

14.

И вновь Марк стоял посреди огромного зала, а вдаль зябко дрожали огни факелов. Теперь он знал, что следует делать — надо идти вперед.

Шаг за шагом, как сомнамбула, он брел по каменным плитам туда, где, он помнил, начинаются ступени трона.

Шаг за шагом.

Бесконечное, лишнее движение.

Марк почти не чувствовал тела. Он знал, где находится, но это знание не радовало, но и не печалило его. Он был мертв.

Как и в прошлый раз, Марк помнил последние мгновения своей жизни: мелькание домов за стеклами машины, визг тормозов и боль от стягивающего горло капронового шнурка. Он помнил это, но оставался безразличным.

Шаг за шагом.

Появились колонны, мимо которых следовало подойти к трону, и голос Анубиса вновь упал с высоты, заполнив собой все необъятное пространство Мертвого дома.

— Ты пришел остаться?

— Не знаю, Господин, — Марк запрокинул голову, желая и одновременно боясь встретиться с шакалом взглядом.

— У тебя было время подумать, — Анубис театрально развел руками и откинулся на спинку трона. — Разве тебе хочется вернуться туда, где никто тебя не ждет и не любит? Разве тебе хочется вернуться туда, где никого не любишь ты?

— Это неправда, — тихо возразил Марк. — Там осталась женщина...

— Но ты ведь умер не из-за нее, — усмехнулся Анубис. Открылась длинная узкая пасть, мелькнули белоснежные зубы и тонкий острый язык. — Ты умер, спасая кольцо. Кстати, ты готов вернуть его мне?

— И тогда я умру?

— Тогда ты обрешь покой, дурачок. Посмотри!

Послышалась негромкая струнная музыка, и серые тени заскользили по залу, появляясь и пропадая между колоннами. Они шли, тихие и покорные, с отрешенными улыбками на спокойных лицах. Почти задев Марка, мужчины и женщины, молодые и старые, красивые и безобразные, проходили вереницей, чуть замедляя шаги перед подножием трона и кланяясь своему повелителю.

Среди множества незнакомых лиц внезапно Марк увидел Аполлинария и следующих за ним след в след

А его крутых парней. Последним шел маленький блондин, но теперь его взгляд выражал не злость, а пустоту, и на лице застыло навечно наивное удивление. А потом из-за колонн словно выплыла несуразная фигура Толика. Он тоже прошел мимо, не останавливаясь и не глядя на Марка, поглощенный своими, теперь уже неземными переживаниями.

— Ты хочешь присоединиться к ним?

— Нет, Господин.

— Почему? Смотри, они счастливы. Они спокойны. Они мудры.

— Они мертвы, Господин.

— А разве не мертв ты? Что ты вообще знаешь о жизни и смерти? Что, вообще, во вселенной является одновременно и величайшей благодатью, и величайшим проклятием?

— Не знаю.

— Жизнь и смерть.

— Одновременно?

— А разве я назвал две разные вещи?

— Не понимаю.

— Отдай кольцо! — потребовал Анубис и поднялся с кресла.

Одним движением руки он удалил из зала своих подданных и медленно стал спускаться.

— Но я могу оставить его себе, Господин?

— Можешь. Только зачем? Когда-то, очень давно, — в голосе Анубиса неожиданно появились теплые нотки, — я сделал эти кольца и передал Осирису, чтобы он наградил ими самых достойных, по его мнению, людей. Я был молод и романтичен, я не знал тогда, что даже самые благие порывы могут нести проклятие. За прошедшие тысячелетия шесть колец возвратились ко мне, но тремя по-прежнему продолжают владеть люди. Ты хочешь увидеть тех, кто возвратил мне кольца?

— Нет, — помотал головой Марк. — Мне это ни к чему.

— Напрасно, тогда бы ты убедился, что это весьма достойные представители вашей породы. Очень достойные.

— Так я могу уйти, Господин?

— Подожди, не торопись. Ты упорен в своих заблуждениях, и я хочу тебе рассказать еще кое-что. Ты когда-нибудь ловил рыбу?

— Ловил рыбу? — удивился Марк.

— Да, рыбачил. На живца. Сначала ловишь маленькую рыбку и сажаете ее на крючок, потом на малька ловится большая.

— Ну и что?

— Ты не чувствуешь себя мальком? — рассмеялся Анубис. — Благодаря тебе мой дом пополнился многими. Твоими недругами и друзьями, и то ли еще будет, если ты все же захочешь вернуться на Землю.

— Но я хочу, Господин, — смиренно попросил Марк.

— Ты все так же мелочен и глуп, — раздраженно сказал Анубис. — Иди!

15.

Красная гравийная дорожка под ногами, желтое большое здание бывших казарм Павловского полка, ограничивающее пространство площади — Марк стоял на Марсовом поле. Одного стремительного взгляда хватило понять — кольцо по-прежнему на руке.

Мимо прошли две девушки, оглянулись и рассмеялись. Только тогда Марк понял, что стоит столбом в людном месте и, должно быть, выглядит нелепо.

Непроизвольно он коснулся пальцами горла. Да что же они все за шею да за шею! Потрогав кадык, он почувствовал легкую боль, как при воспалении гландов. Больше никаких неприятных ощущений не было, если не считать слабого шума в голове и заторможенности в движениях.

Анубис! Вот оно что!

Марк вновь воскрес из мертвых.

Он понимал, что даже минутное замешательство может не пойти ему на пользу, но шел медленно, как будто преодолевал не чистый осенний воздух, а плотную воду. И тем не менее он шел не по мрачному темному залу подземелья, а по дневному, ярко раскрашенному увядающей листвой городу, и вокруг тоже шли живые люди, нисколько не похожие на тех, оставшихся в Мертвом доме.

Постепенно картинки минувших событий становились все четче и объемнее.

Вот он в машине пытается сбросить с плеч стиснувшие его руки. Вот проносящиеся мимо дома и боль в горле, наплывающая темнота. Вот он в зале Анубиса.

Но этого же не может быть! Не может — и все! Неужели проклятое кольцо действует?

Действует, конечно, действует! И как он только не мог поверить в это раньше. Три миллиона! За простую археологическую находку, пусть она даже будет украшена невиданными бриллиантами, никто не станет платить таких денег. Значит, все верно. Кольцо Анубиса нашло своего нового хозяина.

Первый порыв — пойти в магазин к Ветке, благо улица Герцена совсем недалеко — прошел быстро. Он ведь по-прежнему жив, узнаваем, и значит — опасности не миновала. Если он встретится со своими убийцами, то может последовать новая смерть, а возможно, он лишится тогда и кольца. Хотя как объяснить то, что кольцо по-прежнему осталось при нем, Марк не знал. В Санкт-Петербурге вообще опасно. Даже скрываясь у Ветки, даже сменив и это убежище.

Выход один — уехать. Или избавиться от кольца. Выбросить, отдать, подарить. Плакали тогда денежки, зато не станет этой маяты, этого постоянного страха. Но ведь и без кольца за ним будет продолжаться охота. Он уже отслежен и помечен, учтен в чьих-то планах и желаниях, а из этого следовало только одно: найти самому своих преследователей, и раз они не хотят платить деньги, то пусть подавятся своим сокровищем.

Но и в этих рассуждениях было свое слабое место. Получив кольцо, захотят ли сильные мира сего оставить его в живых, продолжающим хранить их тайну?

Весь жизненный опыт подсказывал Марку, что это произойдет вряд ли. Пообещают что угодно, но вот потом...

Каменное подземелье Анубиса. Существует оно на самом деле или нет?.. Но хватит рефлексий. Теперь никакой физик или математик, астроном или психолог не докажет Марку, что произошедшие с ним события — всего лишь плод его больного воображения. Хватит! Надо или действовать — или сдаваться. А сдаться — значит погибнуть.

Марк все убыстрял и убыстрял шаги. Потом спохватился, что пешком, пожалуй, будет добираться до Веткиного дома часа два, и проголосовал такси.

Он не знал, насколько осведомлен об этой квартире Николай Юрьевич, потомственный дворянин с тросточкой, но он понимал, что просто так исчезнуть из Веткиной жизни у него не хватит сил. Оставив такси

дождаться во дворе, торопясь и не попадая ключом в скважину, он лихорадочно открыл дверь и прямо на настенном календаре красным фломастером размашисто написал: «Ненадолго уехал по делам. Жди письма. Марк. Целую!» — и, схватив дорожную сумку, в которой, он знал, по-прежнему лежат кое-какие его вещи, выбежал на улицу.

16.

О том, куда он поедет, Марк пока не задумывался. Это было как-то все равно. Главное — исчезнуть из Питера, раствориться, затеряться среди сотен миллионов обитателей этой страны. Обо всем другом можно будет думать потом, а сейчас — вон отсюда.

Мысль о самолете он отверг с самого начала. Там регистрируют билет, требуют паспорт. Правда, в последнее время регистрацию ввели и на железной дороге, но поездами ездит больше народа, да и порядка меньше.

Поскольку выбор направления не имел значения, Марк вскоре, как бы сам собой, очутился на Московском вокзале. И почти сразу появилось решение: сначала в Москву.

Билет достался в общий, не спальный вагон, зато поезд отправлялся всего через час, и весь день Марк, так ни разу и не задремав, просмотрел в окно, перебирая в памяти немногих московских знакомых и обдумывая план дальнейших действий.

Собственно говоря, особых планов у него так и не возникло. Что делать с кольцом — загадка. Оставить этот талисман себе и пользоваться бессмертием? Но лавры Дориана Грея представлялись Марку весьма сомнительными. Раньше он точно знал, на что стоит употребить свою жизнь. Заработать, основать фирмочку, купить квартиру. А дальше все, как у людей. Может быть, он женится, может быть, станет путешествовать. О чем задумываться, если течение несет и все складывается естественным, необременительным для размышления образом?..

А теперь? Теперь — совсем другое дело. Жить вечно и вечно прозябать? И это тогда, когда он стал обладателем вещи, дающей ему возможность подняться над этим миром, стать настоящим, необременительным для размышления хозяином своей судьбы!

Марк размышлял, размяк, и хотя время от времени нет-нет да и подносил руку к горлу, в котором с каждым часом уменьшалась и исчезала боль, жесткие сцены пережитых им расправ все отдалялись от него. Теперь все будет происходить по-другому. Он еще решит, что делать. И если для нового дела понадобится вечность, то с этим проблем у него не будет.

Только сейчас Марк начал сознавать всю грандиозность свершившегося с ним чуда. Нет больше никаких преград, никаких препятствий. Что там отпущено судьбой всем этим остальным жалким людишкам с их ничтожными проблемами? Семьдесят-восемьдесят лет нервного существования? Из этого, прямо скажем, мимолетного срока на расцвет мысли, на осуществление планов всего-то приходится лет тридцать-сорок.

Эх, если бы Марк был ученым! Или писателем. Или философом. Если бы! Но ведь это все поправимо.

А какие возможности открываются для финансовой деятельности. И не для этой коммерческой суеты, которую недаром окрестили «купи-продай». Крупная игра на валютных биржах мира, создание картелей и синдикатов, транснациональных компаний и других объединений, черт знает, как они называются.

Все возможно!

Да, надо как-то начинать. С чего-то. Вложить в дело капитал.

Марк заерзал в кресле и вновь уставился на пролетающие мимо деревеньки. Капитал было взять неоткуда.

Но, с другой стороны, у него ведь есть бессмертие. Вернее, не само бессмертие как таковое, а возможность умереть и вновь вернуться к жизни. Он может даже стать преступником, и никакое наказание не будет страшно. Никакое! Он может!

Но для любого из этих планов необходим характер. Над этим надо будет еще поработать.

Марк сидел, смотрел в окно, выходил покурить в тамбур. За стеклами постепенно смеркалось, и огни привокзальных прожекторов проносились мимо, слепя на секунду глаза. Слепя, но не ослепляя.

17.

На Ленинградском вокзале ловили жулика.

Лишь только Марк миновал большой вестибюль и направился к выходу, как сзади послышались крики, и он торопливо отпрянул в сторону. Чуть не задев его, мимо проскочил потертый мужчина, лица не разглядеть, а следом, размахивая пистолетом, промчался милиционер. Его истошное: «Стрелять буду!» — заставило мирно топчущихся пассажиров раздаться и прижаться к стенам. До дверей оставалось каких-нибудь два метра, но преследуемый, очевидно, действительно напуганный перспективой получить пулю в затылок, почему-то даже не остановился, а упал на пол и скорчился, как будто его сейчас собирались бить ногами.

Тяжело дыша, немолодой милиционер наклонился над мужчиной и попытался перевернуть его на спину. Тут же жадная до зрелищ толпа сомкнулась над ними, как на собачьих боях, и Марк брезгливо обошел встревоженно гудящий клубок тел, торопясь выйти на свежий воздух.

Он уже знал, где попробует остановиться. Если не удастся это сделать у Саши Певцова, то выход один — гостиница и неизбежная регистрация. Но тут уж ничего не поделаешь.

В общем-то, Саша был не его знакомый. Вернее, знакомы они были через одного из давних приятелей Марка — Воронкова. Тот тоже фарцевал, но делал это как-то интеллигентно, что ли. Он и сам был из хорошей семьи: отец — океанолог, часто выезжал в экспедиции, мать — по образованию искусствовед — вечная домохозяйка. Фил Воронков даже окончил институт точной механики и оптики, но не проработал на заводе и года -торговать было прибыльнее.

Встречались с Певцовым они у Фила года два назад. За это время Марк и с Воронковым-то почти не виделся — разошлись дорожки, но москвича Сашу запомнил, и даже адрес записал на всякий случай. Сейчас адрес пригодился.

Москву Марк знал плохо, но добраться до Пречистенки оказалось несложно. На метро и доехал. Немного поплутал в поисках дома — нужно было пройти во двор через арку, но не задержался и здесь. Посмотрел на часы — время самое подходящее, хозяину пора быть дома, а спать еще рано.

Певцов открыл дверь сам. Все та же, похожая чем-то на питерскую, квартира. Вновь коммуналка, но более уютная. Не подвальный, а второй этаж, и комнат поменьше, а значит — и соседей.

Марка он узнал сразу, у того еще оставались опа-

сения на сей счет, и почти не удивился. Похоже, в этой квартире перебивало немало гостей.

Пока Марк оправдывался и выставлял на стол приобретенный в ларьке коньяк, Саша уже вытащил из платяного шкафа раскладушку и привычно утвердил ее в углу. Замечательно было уже то, что Певцов жил один. Был когда-то женат, но развелся, и это обстоятельство устраивало Марка как нельзя больше: хуже всего объясняться с хозяйками.

— Старик, извини, — шустрый худощавый Певцов быстро приоткрыл холодильник и, похоже, остался доволен. — Закуску возьмешь сам. Располагайся. Если не дождешься — ложись спать, приду поздно. Ну, а дождешься — выпьем попозже за встречу.

Марк и опомниться не успел, как остался один. Хлопнула входная дверь.

Две крохотные смежные комнаты выходили окнами на крышу одноэтажной пристройки. Марк побродил, осмотрелся, подивился на голую кирпичную стену во второй комнате — такого интерьера он еще не видел — и сел в кресло. Пока все складывалось более-менее удачно: добрался, приютили, ночлег, по крайней мере на сегодня, обеспечен.

Он выпил рюмку коньяка и заглянул в холодильник — знакомый зимний пейзаж открылся его взору. Две банки рыбных консервов, мясной паштет, два сорта колбасы и сырые яйца.

«Ничего, сейчас яичницу соображу», — подумал Марк, и в этот момент раздался шум со стороны окна.

Марк быстро оглянулся — в комнату через открытую форточку лезла страшная мохнатая морда.

18.

Смеха наутро было много. И только виновник переполоха, серый сибирский кот, оставался невозмутим.

— Забыл предупредить, — Певцов потрепал кота по мощному загривку. — Он у меня гуляет, где захочет. Видишь, очень удобно — выход прямо на крышу.

— Я таких огромных и не видел никогда, — Марк с уважением и одновременно с опаской поглядывал на кота. — Лез, прямо, как бандит. Да еще и зафыркал на меня.

— Он — балованный. Его вся квартира кормит. Вчерашнюю колбасу не ест, паразит.

Квартира, по словам Певцова, когда-то полностью принадлежала его деду. Потом, естественно, уплотнили, и в результате у семьи остались только две эти комнаты, но из центра никто переезжать не собирался.

— Так вот и мучаемся, — Саша намазал на булку масло. — Я здесь родился уже в коммуналке, ничего другого не помню, а бабушка до самой смерти привыкнуть не могла. Соседи, правда, хорошие. Сам познакомишься, ладно? Мне на службу пора.

Надо отдать Саше должное, расспрашивать о планах Марка он не стал. Сказал, что тот может жить спокойно, не дергаться. Сам он работал где-то в Останкино, Марк толком не понял, то ли в самом телецентре, то ли еще в какой-то организации, с телецентром связанной. Какая-то контора по звукозаписи.

Итак, самый главный на данный момент план осуществлен. Из Санкт-Петербурга Марк убежал. Занозой сидела мысль: как там Ветка? Не вышли бы только на нее. Но Ветка должна все понять. Записку он ей оставил. Подробное письмо напишет потом, как только появится возможность. А пока следует определяться самому.

Марк решил по Москве побродить. До этого он бывал здесь всего два раза, и в восторге от столицы не остался. Питер лучше. Привычнее, цельнее. Несмотря на массу пришедшего народа, там все же спокойнее чувствуешь себя на улице. Толкотня только на Невском, а здесь, куда ни пойдешь, идешь, как на базаре.

Поскольку никакой определенной цели у Марка не было, он, не торопясь, направился в сторону Арбата — единственной, пожалуй, улицы, на которой он нормально ориентировался. Поразила масса зданий, затянута полиэтиленом. Строили турки, строили финны, реставрировали шведы. Полно иностранных строительных фирм. Дома пестрели от англоязычных вывесок.

«Так скоро и по-русски разговаривать разучимся», — подумал Марк, спускаясь в переход. Переход был забит нищими, как паперть во время престольного праздника, и Марк постарался быстрее миновать его.

Поменяв сотню долларов, не заходя в банк — перекупщиков хватало, Марк купил мороженое и газету. И то, и другое требовало хоть минуты покоя. Повертевшись в поисках скамейки, Марк не нашел ничего лучшего, как прислониться к бетонному ограждению перехода. Здесь тоже толкались, но не так активно.

«По секрету» доводилось читать и в Питере. Не самая любимая газета, но время занять сойдет. Так, что тут у них творится? Двойное убийство на Пионерской. Господи, кругом одно и то же. Обманутые вкладчики грозят самосожжением. Кошмар! Привлекательная девушка мечтает путешествовать. Это понятно, кто не мечтает. Предсказание судьбы по методу египетских жрецов. Вершитель жизни — Ра, хранитель тайн предков — Анубис.

Марк даже дернулся от неожиданности. Глупость, конечно. Развелось шарлатанов. Но глаза уже сами собой вцепились в адрес.

19.

Обойдя почти полностью Таганскую площадь, Марк нашел нужный дом сам — спрашивать прохожих не хотелось, да и времени для поисков было достаточно.

Зеленовато-коричневое здание с облупившейся штукатуркой навело на мысль о недавно пережитом землетрясении, но вокруг главного входа лепилось такое множество вывесок и указателей, что сомнений не оставалось — здание обитаемо.

Комната двести двенадцать находилась на втором этаже, и Марк, стараясь не держаться за грязные перила, поднялся по засыпанной окурками лестнице.

Он уже заранее ругал себя за неуместное любопытство. Ну что, скажите на милость, может ему сообщить заштатный астролог или экстрасенс? Нет, «предсказатель» — так сказано в объявлении. С таким же успехом можно обратиться к любой цыганке на улице, и не надо никого разыскивать.

Номер двести двенадцать был выведен на двери мелом, и никакой вывески. Но уходить просто так было бы совсем глупо.

Марк аккуратно постучал.

За дверью послышалось легкое шевеление, но никто не пригласил войти, и Марк попробовал открыть дверь сам. Несколько раз дернув за ручку, он убедился, что замок заперт.

— Только попробуйте вломиться, — неожиданно пообещал из закрытой комнаты низкий мужской голос.

— Не обрадуетесь!

— Да иди ты! — разозлился Марк. — Чего же тогда объявление давать!

— Вы клиент? — спросили из-за двери.

— Ага, он самый. Только глупый. Умный сюда, естественно, не придет.

— Что же вы сразу не сказали? — Дверь стремительно распахнулась, и на Марка уставилась пара глаз такой синевы, что сама собой приходила мысль о васильковых лугах и фиалковых клумбах.

Мужчина был полн, коренаст, темная бородка мягко обегала овал лица, и глаза лучились нескрываемым радушием, вот только в руке он держал металлический прут самого угрожающего вида.

— Вы всех так встречаете? — поинтересовался Марк, демонстративно сунув руки в карманы куртки. — Или мне просто повезло?

— Руки из карманов выньте, — попросил бородастый. — Пожалуйста, — добавил он, заметив, как недоуменно на него уставился Марк.

Марк хотел уже развернуться и уйти подальше от сумасшедшей конторы, когда мужчина попридержал его за плечо и мягко вовлек в комнату.

— Проклятый рэкет замучил! — со страдальческим выражением пожаловался он и бросил прут в угол. Раздался металлический лязг. — Покоя не дают. Присылают всяких сопляков, разбирайся с ними. И еще налоговая. Сговорились они все, что ли?

— Так закрывайте предприятие, — посоветовал Марк.

— А жить на что? Закроешься — всех клиентов растеряешь.

— Читайте, уже.

Марк потерял к предсказателю всякий интерес. Черт его дернул сюда придти.

— Не скажите. Вы вот, например, зачем пожаловали? Есть проблемы?

— Проблемы есть, да что-то выкладывать их вам не хочется. А вы действительно пользуетесь методом египетских жрецов?

Дождаясь ответа, Марк обвел взглядом комнату. Обыкновенная контора, ничего мистического. И хозяин выглядит, как обыкновенный клерк. Вид, правда, предоставительный, и взгляд располагает к себе, но, похоже, это лишь одна видимость.

— Вообще, если честно, я хиромант, — мужчина пододвинул Марку один из стульев. — Но напишешь просто «хиромант» — ведь не клонет никто. Года три назад лучше было, — разоткровенничался предсказатель. — Но насчет хироманта не сомневайтесь, специалист я хороший. Известный даже, — мужчина вздохнул. — О Василии Рустакове не слышали? Жаль, а то бы не сомневались.

Дав себя усадить, Марк приуныл. Ну чего он сюда приперся? И не египтолог даже, а так, непонятно кто.

— Значит, никаких египетских жрецов?

— Египтологией я увлекался тоже. Иначе зачем бы писать об этом в объявлении. Они, вы знаете, были прекрасные хироманты. Я многому у них научился. Хиромантия — не простая наука...

Василия понесло. Скоро Марку был прочитан краткий курс по хиромантии со ссылками на исторические примеры и собственный опыт. Рустаков так обаятельно заглядывал в глаза и не сильно, но настойчиво тянул к себе ладонь Марка, что тот наконец сдался. Да ну его, пусть посмотрит. Что ему, денег жалко?

— Сколько стоит сеанс?

— Пятьдесят долларов, — быстро сказал Василий.

— Двадцать, — тут же поправился он, увидев, что Марк

пытается отнять руку.

— А, ладно, валяйте, только чтобы все было по правде.

— Когда я обманывал клиента?! — возмутился Василий и, как показалось Марку, со сладострастным выражением уставился на его ладонь.

Почти мгновенно гримаса страха исказила его лицо. Он недоуменно поднял свои васильковые глаза, но теперь они уже не лучились добродушием, а выражали ужас.

— Вы — мертвец! — крикнул Василий и так поспешно вскочил на ноги, что стул с грохотом отлетел в угол комнаты.

20.

— Еще в Книге Иова сказано: на руку всякого человека Господь налагает печать для вразумления всех людей, сотворенных им!

Василий после ста граммов водки размяк, подобрел и, держа Марка за руку, словно девушку, втолковывал ему премудрости хиромантии.

В дальнем углу чебуречной ожесточенно спорила студенческая компания: имена Ницше и Шопенгауэра перемежались именами Сартра, Достоевского и Кокто. Полный винегрет.

— Вот хочешь — сейчас подойдем к ним, — перешел на фамильярное «ты» Василий, — и я расскажу про любого из них больше, чем он сможет рассказать сам?

— Не хочу, — Марк от водки наоборот посуровел и собрался.

Он так и не смог пока забыть выражения страха на лице Рустакова, когда тот тыкал в него пальцем, словно в нечистую силу.

«Еще чуть-чуть, — подумал Марк, — и заорал бы «Изыди!». Ничего себе сценка!»

Привести хироманта в чувство стоило немалых усилий, но наконец самые примитивные доводы, что живых мертвецов пока наука не наблюдала, возымели свое действие.

— Может, у тебя операции сложные были? — попытался Василий. — Клиническая смерть?

— Было, было, — коротко соврал Марк.

— Тогда другое дело. Все-таки хиромантия — очень точный инструмент. Вот, посмотри. Нижняя часть руки относится к раннему возрасту — это нам уже не интересно. Линия Жизни охватывает основание большого пальца. Любому идиоту понятно, что жизни грозит опасность, если линия разорвана. У тебя же она разорвана дважды в середине, на том месте, что относится к среднему возрасту. Мало того — дальше есть еще разрывы. Ты очень болен?

— Смертельно, — усмехнулся Марк.

— Да, извини, старина, но очень на то похоже, — Василий со смаком откусил чебурек и подставил пухлую ладонь под капающий сок. — Видишь, вон тот крест под твоим средним пальцем грозит близкой смертью. Рак?

— Дурак! — Марк рассердился.

Вот ведь привязался, провидец окаянный! И сам он, Марк, конечно, хорош. Зачем потащился с Василием в чебуречную? Что еще хотел услышать? И так все понятно. Рассказать, что ли, этому хироманту всю правду? Нет, боязно. Опять со стула падать начнет.

Но расставаться с Рустаковым не хотелось. Его жизнерадостное обаяние шло в таком контрасте с мрачным настроением Марка, что тот, сам не желая того, все продолжал с каким-то болезненным интере-

сом слушать глубокомысленные рассуждения о собственном здоровье.

Из чебуречной перекочевали на открытый воздух, взяли по бутылке пива.

Дым от сжигаемых листьев временами прорывался через весь сквер и щекотал горло. Марк привычно потрогал тонкий шрам.

— Болит? — заботливо спросил Василий.

— Уже нет, — Марк поставил бутылку на скамейку, полез в карман за сигаретами. — А что ты хватаешь то мою левую, то правую руку?

— Есть разница, — Василий потер переносицу, словно не доверяя глазам. — Вообще-то, принято за правило смотреть у мужчин правую, а у женщин левую руку. Однако лучше брать ту, на которой все знаки яснее. Если черты обеих рук совпадают между собой, то это признак устойчивости и определенности. Да и к тому же у мужчин правая рука признается рукою грядущей судьбы — на ней начертаны знаки, указывающие на то, что впереди; левая же рука считается отрицательной — на ней отражается то, что уже миновало или проходит. О руках женщин судят наоборот.

— И что же тебя так озадачило?

— Полное несовпадение. Сумбур, загадка. Марк — ты уникал!

— Это точно! — Марк пристально уставился на Василия. Тот, в своей короткополой шляпе и светлом плаще удивительно походил на положительного героя мультфильма. Только вот на какого, уже не вспомнить.

— Тебя за деньги показывать надо, а не с тебя брать.

— Вот и гони обратно двадцатку.

— Еще чего, — огрызнулся Рустаков. — Я с тобой посидел почти. В жизни ничего подобного не видел.

Толкая перед собой коляску, сквер пересекла негритянская семья и направилась напрямик к Марку.

— Сейчас закурить просить будут, — предупредил жадноватый, как почти все москвичи, Василий.

— Откуда здесь негры?

Василий ответить не успел. Глава семьи на довольно чистом русском попросил закурить. Марк протянул пачку.

— Еще одну можно?

Негр в поношенном сером пальтишке и сам был сер от холода, зато бутуз в коляске выглядел вполне довольным жизнью и с причмоком сосал что-то из бутылки «Столичной».

— Можно, — разрешил Марк, и негр тут же попросил третью сигарету.

Спасаясь от эфиопов, приятели поменяли скамейку, и Василий продолжил прерванное изложение.

— Линии на руке иногда до известного возраста бывают удлинненными, иногда — укороченными; один раз они могут быть бледными, другой — красными. Более мелкие знаки иногда совсем исчезают, а в другое время принимают новую форму и окраску. Они изменяются вместе с жизнью человека по законам, нам не ведомым. Поэтому, несмотря на тот ужас, что я увидел у тебя, есть шанс все исправить. Пойдем, выпьем еще, — непоследовательно закончил он свою речь.

— Пойдем, — Марку захотелось расслабиться. — Чушь — эта ваша наука. Сами ничего не знаете, а людям мозги пудрите. «Может измениться, может не измениться», — передразнил он.

Сменив чебуречную на бутербродную, взяли еще по сто пятьдесят.

Василия внезапно осенило.

— Разуйся, — потребовал он.

— Ты что, моих носков не видел? — опешил Марк.

— Нужны мне твои носки. Я вспомнил, что в Индии изучают еще и ступни ног. Подожди, подожди, не смейся, — загорячился Василий, видя, как Марк схватился за край стола, чтобы не свалиться от хохота на пол. — Неуч несчастный. Да знаешь ли ты, что более двух тысячелетий тому назад в городе Капилаваста родился мальчик. Его назвали Сидартхою. Брамины, осмотрев знаки на его теле, сказали: «Если он выберет светскую жизнь, то будет царем мира, если же отречется от мира, то станет Буддой». То есть просветленным, познавшим. И он стал им.

— При чем тут Будда?

— А при том, что у него на ступнях были особые знаки.

— И ты хочешь мои прямо сейчас посмотреть? Здесь?

— Пошли ко мне, — предложил Василий. — Возьмем что-нибудь в магазине для порядка и выпьем в спокойной обстановке.

21.

Дома у Рустакова царил полный кавардак.

Пока добирались до Кутузовского вала, успели заскокочить в «Гастроном», и подобревший Марк купил две бутылки «Особой пшеничной» и ветчины. Василий, тяжело повздыхав около табачного киоска, в конце концов решительно приобрел толстую кубинскую сигару в металлическом футляре и прямо на улице закурил, отчего стал тут же походить на классического коммивояжера.

Трехкомнатная квартира на шестом этаже оказалась полностью захламлена разными ненужными вещами. Уже в прихожей на Марка из темного угла свалились лыжи, а когда он попытался повесить на вешалку куртку, сверху, с антресолей, прямо на голову посыпались пожелтевшие старые газеты.

— У меня разгром, извини, старина, но зато никто не мешает. Жена — на работе, дочь — в школе.

Кабинет, который, очевидно, служил и гостиной, выглядел не лучше прихожей. Кроме стеллажей, книги неравномерными стопками возвышались на столе и под столом, а подоконник украшал умело засушенный кактус цвета семенного огурца, но с колючками.

Василий единым взмахом руки устранил беспорядок на столе. Книги хлопнулись на палас, подняв облачко пыли.

— Сейчас достану рюмки, — Рустаков суетился так, словно принимал у себя дома не случайного собутельника, а важного и дорогого гостя.

Оставшись на минуту один, Марк потер кольцо пальцем, как будто вызывал джинна из волшебной лампы, и осторожно присел на шаткий стул.

Ну, и чего он выяснил? Правда, появилась возможность надраться до поросычьего визга и на какое-то время забыть о кольце, но ведь завтра-то будет не лучше.

Он все же решил использовать Василия как знатка Древнего Египта. Пусть вспомнит и про египетскую хиромантию, зря, что ли, о ней упоминал.

Возвратившись с вымытыми на кухне рюмками и нарезанной ветчиной, Василий алчно потер руки жестом опытного пьяницы.

Взгляд Марка, видимо, был настолько выразительным, что он немедленно пояснил: нет, не алкоголик, но выпить любит, а кто в этом не грешен? Марк молча с ним согласился и отвернул пробку на горлышке бутылки.

Временами Марк и сам чувствовал на себе испытующий взгляд Василия. Тот хоть и пил, единым махом опрокидывая рюмку, но головы не терял, только на щеках появился лихорадочный румянец.

— А что это тебя так Египет интересует? — Василий поднес спичку к сигарному окурку и откинулся на спинку стула. — У тебя там что, родственники?

— Хуже, — Марку все сильнее хотелось рассказать всю правду.

В конце концов, что он теряет? Не прибудет же его Василий за этим столом?

— Понимаешь, есть у меня приятель, в школе вместе учились, — начал он издали. — Так вот, приобрел он кольцо. Но не простое кольцо, хоть и не золотое.

Марк незаметно убрал руку под стол.

— Египетского происхождения. Очень старое.

Стало понятно, что даже в таком иносказательном варианте история выговаривается трудно.

— Выяснилось, что кольцо имеет отношение к старинным мистериям, связанным с Анубисом. Владелец его получает что-то вроде бессмертия.

— Подожди, подожди, — напряженным голосом остановил его Василий. — Начинаю кое-что припоминать и понимать.

Он грузно поднялся и, пододвинув стул к полкам, полез куда-то на самый верх. Книги одна за другой шлепались на палас, усиливая и без того приличный беспорядок.

Наконец Рустаков спустился вниз, держа в руке книгу без переплета. Вернее, то, что от книги осталось. Сотни две ничем не скрепленных страниц.

— Есть у меня кое-что. Я хоть и не египтолог, но говорил ведь тебе, что предметом этим интересовался, правда, с чисто профессиональной точки зрения. Так вот, еще студентом купил как-то с рук на Кузнецком эту брошюру. Как называется — не знаю. Но в ней есть про кольцо.

— Про мистерию?

— Нет, не про мистирию. Это что-то наподобие эликсира жизни. Но хозяин кольца не бессмертен, а только может, умирая, вновь возвращаться к жизни. Автор описывает этот эффект и называет его Петлей Анубиса.

— Как?

— Петлей. Замкнутой во времени кривой. Говорят, что таким кольцом владел Калиостро. Но потом потерял. И не где-нибудь, а в России. После чего ему, естественно, пришел конец. Вещь цены не имеет.

— Да? Что там еще сказано о кольце?

— А еще там сказано, — Василий стоял, нетрезво раскачиваясь прямо перед Марком, — что я, кажется, знаком с твоим приятелем.

22.

Похмелье было чугунным. Марку казалось, что в мозгах застрял осколок величиной со сковородку. Кот, устроившись на холодильнике, смотрел на него, не мигая, словно пытался уяснить, что делать дальше с этим телом.

События восстанавливались с трудом, но минут через десять Марк вспомнил все, или почти все, и даже замычал от стыда, уткнувшись лицом в подушку.

После разоблачения Василия ему стало почему-то легко и он почувствовал себя свободным. Свободным настолько, что, торопясь и захлебываясь словами, выдал полную историю появления у него кольца и последующие события.

Как под гипнозом, подумал Марк, вспомнив пронзительный васильковый взгляд.

Двойное убийство, старик с тросточкой, Ветка — все выложил Марк своему собеседнику, становясь тем откровеннее, чем меньше оставалось живительной влаги в бутылках.

Василий внимал, почти не перебивая, и только в самых отчаянных моментах одиссеи утешающе кивал головой и снова наливал по полной.

Хотели сходить за добавкой, но тут вернулась с работы жена и начался скандал. Сбежали оба, бродили по мокрой холодной Москве и выпивали в закусных и подворотнях. Когда Марк расчувствовался настолько, что предложил Василию носить кольцо по очереди, их забрал милицейский патруль. Но то ли сработало обаяние хироманта, то ли они еще держались на ногах достаточно твердо, — патруль их отпустил под честное слово — что само по себе можно было воспринять как чудо.

Стуно помнил Марк и то, как добирался до Пречистенки. Певцов только присвистнул, увидев его на пороге, и тут же чуть ли не насильно уложил спать. Ну, а пробуждение было таким, что лучше бы и вовсе не просыпаться.

Марк, крихтя, сел, откинул одеяло. Брюки он снял, а вот носки по-прежнему красовались на нем.

Так и не посмотрели ступни, вспомнил Марк. Да чего там разглядывать, ноги надо мыть чаще.

Из форточки невыносимо дуло — Певцов оставил для кота свободный вход и выход.

Помотавшись по квартире, тихо здороваясь и избегая взглядов соседней, Марк кое-как умылся и вскипятив чай, но выпить его не смог. Слава богу, в холодильнике нашелся кефир.

Пересчитав оставшиеся деньги, Марк убедился, что до полного банкротства еще далеко, и немного успокоился. Певцов, похоже, давно ушел на работу. Как неловко все получается. В первый вечер, не дождавись хозяйина, лег спать, во второй надрался настолько, что лыка не вязал. «Как бы Сашка меня не вытурил, — подумал Марк. — На кой ляд ему такой гость?»

Нужно было сделать хоть что-то в квартире, помыть посуду, например, оставшуюся после вчерашнего ужина, но это было уже чересчур. Марка хватило только на то, чтобы отрезать кусок колбасы и бросить его коту, но кот презрительно отвернулся.

— И правильно делаешь, — в припадке самоуничижения сказал Марк. — Я бы от такой скотины тоже ничего не взял.

Надо было выбираться на улицу, оставаться в квартире становилось невыносимо.

Тело бил мелкий похмельный озноб. Все еще плохо соображая, Марк дошел до станции метро, но вниз спускаться не стал, а купил баночку «Туборга» и немедленно выпил, чуть отойдя в сторону. В голове немного прояснилось.

Значит, все выложил, все. Первому встречному. Ничего тебя не научит. Это сколько же раз надо тебя угрохать, чтобы поумнел?

Марк искренне сокрушался и не бил себя кулаком в грудь только потому, что вокруг шли люди.

Мало тебе смерти старпома, Толика. Мало тебе охот и погонь. Все тебе мало, дураку нечесаному.

Следовало ли ждать от Василия каверз, Марк не знал. Откуда? Едва знакомы. Но владеть тайной в одиночку он был не готов. Слишком большие возможности давало кольцо, слишком тяготило своей необыкновенной силой.

После банки пива захотелось закурить, что Марк немедленно и сделал. Во-первых, скорее всего, следовало к Василию навеститься и узнать, что он ему там наболтал лишнего и как тот это воспринял.

Квартиру на Кутузовском валу Марк, наверное, не нашел бы даже с точным планом местности, поэтому решил вновь посетить контору.

Найти дом на Таганской площади оказалось нетрудно. Чувствуя себя человеком, возвращающимся на место своего преступления, Марк довольно скоро добрался до общарпанного здания.

Москва кишела кавказцами. Множество иномарок, ведомых плохо выбритыми, упакованными в кожу южанами, пронеслось мимо. Просили милостыню среднеазиаты. В толпе часто мелькали ярко одетые и выхоленные иностранцы. Русский люд тек незаметной толпой, создавая, скорее, фон и ничуть не напоминая главных действующих лиц.

Василий, несмотря на вчерашнюю пьянку, оказался на рабочем месте.

Снова пришлось стучать в запертую дверь, но, услышав голос Марка, хиромант открыл немедленно. Щелчок замка совпал с лязгом вновь брошенного в угол металлического прута.

— Уже приходили, — пожаловался Василий вместо приветствия. — Плати, говорят, за помещение. Но я им вот! — Рустаков сложил пухлые пальцы во внушительную фигуру.

Физиономию Рустакова украшала свежая царапина, начинающаяся под глазом и теряющаяся в бороде, но в остальном он был бодр, что о себе Марк сказать не мог.

— Как мы вчера погуляли! — восторг Василия был неподделен. — Как врезали! А помнишь, ты хотел телок снять?

— Телок не помню. — Марк не желал продолжать разговор в том же духе, не за тем пришел. — Что мы там вчера болтали насчет кольца?

— А что? — удивился Василий. — Выпили, это — да. О чем-то ведь надо говорить.

— Ты хочешь сказать, что дурил меня весь вечер?

— Ну не принял же ты это все всерьез! Может, у тебя еще и философский камень найдется? Так мы сейчас живо золотишка накуем на всю оставшуюся жизнь.

Марк не знал, как воспринимать этот нелепый разговор. Радоваться ли тому, что Василий, погуляв, словно в беззаботные студенческие годы, отнесся к серьезному разговору как к чепухе, или, наоборот, настрожиться и немедленно бежать от опасности?

— Пива выпьем? Но я на нуле, — предупредил хиромант.

— Выпьем, выпьем, но не одолжишь ли ты мне на время ту книжицу, что отыскал вчера?

— О чем речь! Она у меня как раз с собой. Мы ее вчера весь вечер с собой таскали.

Марк быстро взглянул на стол. Книжка, окончательно превратившаяся в грудку мятых страниц, лежала открытой.

Значит, читал с утра? Зачем? И почему, если кольцо его действительно не заинтересовало, он вновь захотел что-то узнать?

Это открытие Марку не понравилось.

Сунув книгу в карман и сказав, что он сейчас вернется с пивом, Марк вышел на улицу и направился к метро.

221

23.

Ничего он не стал покупать, по крайней мере для Василия. Вчера они, кажется, не говорили о том, где Марк остановился. А без этого попробуй отыщи неизвестного человека в Москве. Тут даже Интерпол не поможет.

Марк зашел в кафе и плотно позавтракал. Завтрак скорее походил на обед, но он знал, что следует перебороть себя и как следует поесть — станет легче.

По ночам стояли легкие заморозки, и лужи только-только начали оттаивать на дорогах. Скользя взглядом по афишам, Марк выбрался к Калининскому проспекту, зашел в пару магазинов. Все делалось им машинально, ни в каких покупках он не нуждался.

Надо просто пойти домой, дошло наконец до Марка. Прибраться в комнатах, взять что-нибудь из еды. И хватит бесцельного шатания. К тому же, следовало подробнее изучить похищенную у Василия книгу.

Как можно незаметнее пробравшись в комнату Певцова, Марк отложил уборку на потом. Закрыв выступившую жилплощадь форточку, — кот может погулять и до вечера, ничего, вон какой пушистый, — он снова заварил чай и, разложив на столе книгу, стал ее листать.

Бумага была дешевой, серой и ломкой от старости. Яти и твердые знаки отсутствовали, но, судя по шрифту, печаталась она в двадцатые или тридцатые годы.

Торопливо перескакивая с абзаца на абзац, Марк скоро убедился, что текст представляет собой изложение всевозможных мистических заговоров и заклинаний, собранных со всего мира. Кроме того, как правило, в сносках указывались источники и разъяснения.

Страниц пятьдесят было посвящено Древнему Египту.

Отрывок о кольце нашелся почти сразу. Марк прочитал об уже известном ему эффекте — Петле Анубиса, но последующее упоминание заставило его сделать большой глоток чая и закурить.

Говорилось примерно вот что.

Кольцо якобы существовало (ничего себе якобы!), но все обстояло с ним несколько иначе, чем Марк представлял это раньше. Ни о каком полном бессмертии речи не шло. Египтяне верили, что у каждого человека существует не одна душа, а пять: Ах, Шуи, Ка, Ба и Рен. После смерти все они покидали тело. Но только не у обладателя кольца Анубиса!

Впрочем, Анубис брал свою плату за каждое возрождение из мертвых, и этой платой была одна из пяти душ.

Марк испуганно схватился за грудь, как будто почувствовал, что в том самом месте, где по его представлению и обитала душа человека, чего-то не хватает.

Ничего себе плата за новую жизнь! Но и это было еще не все.

По числу душ было и возрождений. Таким образом Марк мог рассчитывать еще на три воскресения из мертвых, а потом — прощай белый свет. Впрочем, чего это он, у других не имелось и одной возможности.

На крыше зашуршал, царапая раму, желавший попасть в тепло кот, и Марк впустил его в комнату, после чего торопливо вернулся к книге.

Если верить всему сказанному, то становилось ясно и то, что кольцо невозможно просто так отнять у владельца. Даже убив его. В таком случае просто исчезало тело вместе со всем, что на нем находилось.

В том числе и с кольцом.

Обладатель мог подарить кольцо, потерять, и только в таком случае оно обретало нового хозяина.

Вот так фокус! Значит те, кто охотились за кольцом в Питере, не знали этого. Иначе бы попытались с Марком просто вежливо договориться или заплатить приличные деньги. Не знал тогда ничего о свойствах кольца и он сам. Иначе бы не предпринимал никаких шагов, чтобы с ним расстаться. Разве три миллиона баксов цена за вещь, которая цены не имеет?

Нет, продажа исключается.

Марк задумался.

Итак, кроме Василия, от которого он удачно скрылся, возможно, об этом свойстве кольца не знает никто. Питерские преследователи здесь, в Москве, его не разыщут. Свобода — вот что ждет его впереди. Полная свобода!

Все, о чем думал он в поезде, становилось осуществимо. И пусть у него осталось всего три попытки. Ведь может так случиться, что не потребуются больше ни одной. Чем это не бессмертие!

Марк приободрился, спрятал разрозненные странички в сумку и принялся за уборку. К приходу Саши он навел в квартире образцовый порядок.

24.

Два дня прошли безмятежно.

Познакомившись поближе с Певцовым, Марк порадовался, что ему так повезло. Характер у того оказался — золото. В Сашиной квартире, по его словам, действительно перебивало множество народа. Вечно кто-нибудь жил. Или друзья, приезжающие в Москву из других городов, или бесприютные приятели. Сам он дома почти не бывал, не тяготился своими жильцами и на извинения Марка отреагировал в присущей ему добродушной манере:

— Брось комплексовать, старик! Это даже хорошо, что приехал. Будет хоть кому кота покормить днем.

Марк начал прикидывать варианты своего будущего существования в столице, когда неожиданно утром на улице произошла насторожившая его встреча.

Купив на Пречистенке пачку «Кэмела» и тут же расплатившись за нее, он повернулся по сторонам в поисках урны и увидел, как торопливо отвернулся от него, пытаясь скрыть лицо, молодой человек лет двадцати пяти в синей бейсболке с длинным козырьком. Потом, примерно час спустя, он заметил его же в очереди за собой в «Макдональдс». Третий раз молодой человек мелькнул в толпе пассажиров на станции метро. И тогда Марк подумал, что это неспроста.

Случись подобное совпадение раньше, он бы не придал ему особого значения. Подумаешь, мало ли народа ходит по городу по одним и тем же улицам? Но сейчас, испытав к себе совсем не бескорыстное любопытство сначала со стороны старпома, а потом интеллигентного Николая Юрьевича, он стал намного подозрительнее относиться ко всем кажущимся случайностям. Поэтому, подходя к дому Певцова, он сначала свернул в арку, а потом быстро вернулся на улицу.

Молодой человек был тут как тут. Но, столкнувшись с Марком почти лицом к лицу, быстро прошел мимо, демонстративно отвернувшись.

Похоже, опасения насчет слежки оправдывались самым неприятным образом.

На следующий день молодой человек пропал, но зато появилась темноволосая девушка в замшевой куртке, которая упорно сопровождала Марка в его прогулках по городу, стараясь оставаться незамечен-

ной.

Марк не стал ее разочаровывать. Не подавая вида, что его беспокоит слежка, он сходил в «Универсам» за покупками и вернулся обратно. Необходимо было принимать какое-то решение.

Самое простое — снова уехать. Что за люди заинтересовались им, Марк не знал. Василий, если бы он разыскивал его, скорее всего, появился бы сам. Да и не похож хиромант на члена преступной группировки.

«А вдруг за мной опять охотятся «друзья» из Питера?» — подумал Марк. Предположение было вполне вероятным. Но ведь даже Ветка не знала, куда он уехал, а искать кого-либо в России наобум — только зря терять время.

Очень загадочные встречи. И тем не менее становилось все яснее, что пребывание Марка в Москве для кого-то не является тайной.

Один день Марк вообще никуда не выходил из дома. Слонялся по почти пустой квартире — соседи были на работе — и смотрел в окна. Из Сашиных комнат был виден только кусок двора, отчасти заслоненный крышей пристройки, из окон кухни — двор соседнего дома. Именно в нем Марк увидел красный «Москвич» с веселой молодой компанией — два парня и девушка. Машина проторчала во дворе весь день и уехала только под вечер. Парни пили «Кока-колу» и курили, девушка изредка прогуливалась по двору. Она совсем не походила на ту, темноволосую, что сопровождала Марка в его прогулках, но что, скажите, пожалуйста, делать целый день в стоящей на месте машине? Может быть, кого-то ждали? У Марка на этот счет были совсем другие предположения.

Уже привычное чувство, что он вновь стал жертвой преследования, утвердилось окончательно.

Марк запаниковал.

Попробовать уйти из квартиры Певцова ночью? Он был не уверен, что ему это удастся. Оставалось пока лишь одно — делать вид, что он ничего не замечает.

Ничего не замечать было трудно. Едва Марк покинул квартиру, как вновь нос к носу столкнулся с молодым человеком в бейсболке, тот стоял у двери подъезда и, увидев Марка, широко улыбнулся, как хорошему знакомому.

Марк попытался обойти его, для чего даже свернул на свежеприпорошенный снегом асфальт, но молодой человек улыбаясь еще радушнее и поздоровался.

— Здравствуйте, — напряженным голосом ответил Марк, стараясь ускользнуть в арку.

— Э-э, — протянул молодой человек, — не торопитесь, пожалуйста.

— Что вам нужно? — уже совсем грубо спросил Марк, предчувствуя начинающиеся неприятности.

— Э-э, ничего особенного. Разрешите представиться, капитан Утробин. Э-э, ФСБ.

— КГБ, что ли?

— Именно. Документик показать?

— Документик, — Марк вздохнул. — Можете не показывать.

— Спасибо. Я хотел бы отвлечь вас на пару минут.

— Не больше, — голос Марка звучал вызывающе. Да и что ему теперь было, собственно, терять. — Я тороплюсь.

— В магазин? — молодой капитан обезоруживающе улыбнулся. Его аккуратно небритое по последней моде лицо почти полностью скрывала тень от козырька бейсболки, так что выражения светлых глаз было не разглядеть, но в целом он производил приятное впечатление.

впечатление. Даже несмотря на принадлежность к гомосексуальности.

— Хотя бы и в магазин. Так что вам угодно?

— Мне угодно, э-э, узнать, не желаете ли вы посетить нашу организацию в удобное для вас время?

Диалог стал напоминать беседу на дипломатическом приеме — Марк опешил. «Не угодно ли», «посетить». Еще бы «с высоким визитом» добавил. Издается, гад.

— А мне было бы угодно не видеть вас вовсе. Что вас интересует?

— На этот вопрос я отвечать не уполномочен. Но желательно было бы встретиться с вами по указанному адресу.

Утробин протянул Марку листок с написанным на нем адресом и телефоном.

— Так мы договорились?

— Договорились, — буркнул Марк и, задев капитана плечом, устремился на улицу.

25.

Адрес он пока читать не стал. И так понятно — Лубянка, что же еще. Дьявольское кольцо. Дьявольское. Но через пару минут начали появляться кое-какие сомнения.

Удостоверение он не посмотрел, адрес не прочитал. Так, может, и капитан не настоящий?

Марк был уверен, что за ним следят, но сколько ни оглядывался, никого подозрительного не заметил. Похоже, его поводили в открытую для острстки, а сейчас, если и наблюдают, то делают это скрытно. Игра перешла в другую стадию.

Записка жгла карман, но Марк выдержал характер. Погода в этот день выдалась отличная, и он решил совершить долгую прогулку по Бульварному кольцу.

Пройдя по забитому народом Тверскому бульвару, он направился к Трубной площади. Скоро начались сами бульвары, где можно было идти по аллее между голыми уже деревьями и неторопливо размышлять. Кроме владельцев собак почти никто навстречу не попадался.

А вон в том доме, вспомнил он, в последний приезд они обмывали сделку. С Колей Ферапонтовым. Ферапонт тогда удачно зацепился за дилера «Пентаксы». Переправили в Питер полвагона печенья. Неплохие были коммиссионные.

И девочки там были. Как звали ту рыженькую, с которой он остался тогда ночевать. Лена, Света? Ни шиша не помню.

Марк шел, дымил сигаретой, садился на лавочки, но долго сидеть было холодно, и он вновь брел между деревьями, приостанавливаясь на перекрестках.

Сколько он ни озирался, так и не смог заметить никого, кто бы шел следом. Не через спутник же они за ним следят? «А может, и через спутник», — подумал он равнодушно. Все же — ФСБ.

После встречи с капитаном Марк как будто оступел. Надо было что-то лихорадочно придумывать, строить планы, а у него наоборот — почти никаких эмоций. От этих не убежишь. Но чем все-таки грозит предстоящая встреча? В том, что придется на randevу пойти, он не сомневался. Не пойдешь — сами вьются, это уж точно.

А может, отдать им кольцо? Просто так отдать. На кой ляд ему эти сложности. Жил же раньше, как все люди, и никаких проблем. Нет, проблемы были, но понятные. Деньжонок сшибить, с девчонкой познакомиться, с приятелями выпить. А теперь? Кошмар, а не

жизнь.

Убить они его, конечно, не смогут. Это ясно. И отнять кольцо не смогут. Но если гэбистам не известны детали, то запросто попытаются грохнуть. То-то вытянутся у них рожи, когда увидят, что нет ни трупа, ни вещи.

Марк усмехнулся, но усмешка вышла горькой. В любом случае на новую встречу с Анубисом он не спешит. Ладно, скоро все выяснится, так что не стоит с этим тянуть.

Неожиданно для самого себя он купил в ларьке бутылку «Российского шампанского» и сунул в карман. Марк решил, что дойдет до ближайшей пустой скамейки и выпьет прямо из горлышка за себя, за Ветку, за удачу. Эх, за удачу больше всего!

Он шел, придерживая рукой тяжело оттянутый бутылкой карман, когда неожиданно открылась река. Можно было перейти на другую сторону, но он спустился вниз под мост и присел на корточки.

Вода в Москве-реке текла спокойно, ничем не напоминая мощное движение Невы. Наискосок широко раскинулась гостиница «Россия». Проплыл белый пароходик, на палубе которого, зябко обхватив себя руками, стояла одинокая женская фигура.

Марк сдернул фольгу и отсалютовал пароходику одиночным выстрелом.

26.

«Гостиница «Россия» — вот что было начертано в записке ровным хорошим почерком. Номер двести двенадцать. Почти невообразимое совпадение. Двести двенадцатая комната хироманта, такой же номер в гостинице. Случайность?

Имелся и телефон, и было указано время. Марка ждали завтра в одиннадцать утра.

Сейчас Марк ругал себя за то, что не посмотрел удостоверение капитана Утробина. А вдруг капитан такой же эфэсбэшник, как он испанский летчик? Хотя, если как следует подумать, никакой разницы. Главное — он на прицеле.

Марк хорошо помнил, что все предыдущие попытки спастись бегством кончались смертью.

С Певцовым никакими своими проблемами он делиться не стал, но весь вечер оставался мрачен и многогословен — предстоящая встреча пугала.

На следующее утро, в начале двенадцатого — ничего, пусть немного подождут — Марк неспешно добрался до «России». Только вчера он сидел на противоположном берегу Москвы-реки, пил шампанское и смотрел на гостиничный комплекс, совершенно не подзревая, что именно туда придется идти на следующее день. Опять совпадение?

Марк слышал, что гэбисты часто назначают встречи своим сексотам в квартирах жилых домов или в гостиницах. Но это были знания обычного обывателя, который с одинаковым интересом воспринимает слухи о крахе банка или запуске орбитального спутника. А теперь вдруг слухи становились самой что ни на есть противной реальностью, и это раздражало.

В просторном холле гостиницы он вместо пропуска, ничуть не сомневаясь, что его поймут правильно, предъявил записку. Впустили немедленно.

Пройдя по длинному коридору и свернув направо, он скоро оказался перед нужной дверью — номер двести двенадцать был на сей раз обозначен желтыми металлическими цифрами.

Собравшись с духом, Марк постучал.

Кого угодно приготовился увидеть Марк в секрет-

ном номере. Может быть, даже Николая Юрьевича с его черной тростью, но только не Василия. А между тем, тот самолично распахнул дверь, словно радушный хозяин на пороге собственной квартиры. Полыхнул васильковый взгляд, жизнерадостная улыбка раздвинула бороду — Рустаков радовался встрече так, будто не виделся с Марком лет десять.

— Ты? — только и сумел выдавить Марк вместо приветствия.

— А что, не ожидал? — Василий совершенно не выглядел смущенным. — Это, брат, жизнь, — добавил он философски и, заметив, что Марк застыл на пороге, так же, как и при встрече в своей конторе, втянул его в номер. — Судьба, рок. Шикзаль, как говорят немцы. Проходи, не бойся. Поговорим.

— Как ты меня нашел? — Марк нетерпеливо дернул плечом, сбрасывая мягко держащую его руку.

— А не я искал, не я. Мое дело маленькое — сказать, предупредить. Для поисков есть другие специалисты.

Другой специалист, капитан Утробин, сидел в комнате за столом и мелкими глотками прихлебывал из чашки горячий, вкусно пахнущий чай.

— Значит ты меня сдал?

— Зачем же так грубо? — Рустаков убрал улыбку, поскреб в бороде и испытывающе взглянул на Марка. — А, впрочем, если тебя это так задевает, то извини. Деньги нужны, брат, страшное дело. Жена пилит, дочь растет, от хиромантии одни убытки. За помещение плати, ракету — плати, налоги опять же. Тут поневоле на что угодно согласишься. Раньше священники стучали органам — грехопродавцы, теперь к нам, экстрасенса, народ идет со своими проблемами. Сам подумай, как уберечься, если есть хочется.

— Хватит болтать! — грубый тон не помешал Утробину обворожительно улыбнуться. Без бейсболки он выглядел таким плакатным героем с рекламы «Мальборо». — Совсем Марка Викторовича запуталось. А у нас разговор серьезный.

Теперь любые сомнения, о чем пойдет речь, у Марка отпали. Все-таки о кольце. Да и глупо было бы думать, что ФСБ просто заинтересует его скромная персона.

— Вы садитесь, Марк Викторович, располагайтесь. Чувствуйте себя свободно.

Но «свободно» никак не получалось. Марк поглядел в окно тесного двухместного номера. Прямо напротив луковички куполов ввинчивались в небо — окно выходило на Варварку, чудом уцелевший при постройке гигантской гостиницы квартал часовен и церквушек.

— Признайтесь, Марк Викторович, — продолжил Утробин, — вы ведь, э-э, пожалели вчера, что не посмотрели мое удостоверение. Сомнения вас не мучили?

— Так вот и покажите сейчас.

Раскрыв удостоверение, но не давая его Марку в руки, Утробин терпеливо ждал, пока тот изучит печати.

— А теперь — к делу. По нашим сведениям, — в этом месте Василий многозначительно закивал, — у вас имеется антикварное кольцо, представляющее археологический интерес. Попало оно к вам, э-э, криминальным путем. Правильно?

Марк промолчал.

— Как известно, по законам нашей страны подобные вещи должны быть переданы государству, за что вам полагается денежная компенсация, или, если угодно, вознаграждение.

— И в каком размере? — Марк отбросил условности, сел в кресло напротив и, будь у него туфли по-

чище, обязательно бы положил ноги на журнальный столик. Раз вы так, то и я.

— В достаточном, — капитан сделал паузу, давая Марку по тону определить сумму. — Вполне досточном, чтобы закончить высшее учебное заведение, найти хорошую работу или, если хотите, жить, как вам вздумается. Но об этом позже.

— А вы уверены, что я доверюсь на слово? — Марк перешел в наступление. — Где гарантии, что я останусь для вас интересен, если с кольцом расстанусь? Да и зачем вам оно? Подарите действующему президенту?

— Поймите, — Утробин в искреннем жесте прижал к груди руки, — я не уполномочен обговаривать детали. Меня, э-э, интересует ваше согласие в принципе.

— А я не согласен в принципе. И не вздумайте надеяться на глупостей! Наверняка вы осведомлены, что отнять кольцо нельзя.

— Это вы в книжке прочитали? — небрежно осведомился капитан.

— И в книжке тоже. А что, разве Василий вам ничего подобного не рассказывал?

— Всего лишь предположения. Догадки. Их необходимо проверить на практике. Подобные артефакты составляют, э-э, национальное достояние. Нужны научные эксперименты, анализ. И скажу вам по большому секрету, по нашим сведениям, правительство одной великой державы уже располагает подобной вещью. Так что речь идет о государственной безопасности.

— Конечно, как всегда, — Марк закурил. — Ну и что вы собираетесь предпринять, если я не соглашусь на ваше предложение?

Взгляд Утробина стал жестким.

— Есть варианты, — тихо сказал он тоном, от которого у Марка по спине поползли мурашки. — Кроме грубого насилия существует масса, э-э, способов сделать людей сговорчивее.

— Ты, брат, того, — встрял молчавший до этого Василий. — Не хорохорься. Я и сам когда-то... — не договорил он.

— Мы не торопим вас, Марк Викторович, — капитан плавным движением поправил прическу. — Пока ты лишь с вами консультируемся, разговор носит предварительный характер. Но потребуются новые встречи. Вы ведь не попытаетесь оставить нас в одиночестве? Заметьте, речь о подписке о невыезде не идет. Пусть все у нас будет складываться на добровольных началах. Хорошо?

— Лучше не бывает.

Марк сунул пачку сигарет в карман и поднялся.

— Как понимаю, на сегодня все.

— Именно, — вновь добродушно улыбнулся Утробин. — Рад был, э-э, с вами познакомиться.

27.

Какое интересное, содержательное знакомство! Марк откровенно иронизировал, бредя по шумной Тверской к Центральному телеграфу. Какие люди! Какие перспективы! А что? Посадят в кутузку и будут держать, пока сами не окочурятся. Да и потом выпустят в ряд ли.

Похоже, капитан намекал на это. И еще существует масса способов. Нет предела человеческой изобретательности.

Под вечер Марк ноги уже еле передвигал. Нагулялся вдоволь. Утешало, что гулял не один, а значит

у его сопровождающих самочувствие не лучше.

Ничего он пока не придумал. Ничего. Даже сбежать нельзя. Выход один — с кольцом придется расстаться.

Вот так всегда. Разве сильные мира сего смиряются с мыслью, что кто-то может владеть вещью, им недоступной? Не бывает такого. Да, колечко оказалось Марку не по размеру. Скоро следует ожидать нового свидания. Известия, надо полагать, не по почте.

Огорчало предательство Василия, но тот хоть честно признался в своих мотивах. Деньги нужны, грешен, мол, прости, мол, слаб.

— Жаба ты, а не хиромант, — эти слова Марк заметно для себя произнес вслух, и читавший рядом с ним в вагоне метро газету мужчина опасливо отодвинулся.

Уже затемно Марк добрался наконец до Пречистенки. Привычно купил в гастрономе на ужин продукты. Подумал и взял бутылку «Хванчары». Посидят сегодня с Сашей, побеседуют о пустяках. Но у Певцова на этот вечер были другие планы — у него собрались гости.

То, что комнаты оказались забиты народом под завязку, Марка несколько не огорчило. Он и сам, еще раньше, хотел пойти в ресторан, но один не решился, и гости у Певцова случились кстати. Самое время расслабиться.

Музыка гремела так, что кирпичи из голой стены грозились вывалиться. Скоро Марк перезнакомился со всеми, выпил несколько рюмок водки и уже подумывал приударить за крашеной блондинкой с личиком, напоминающим лисью мордочку, когда Певцов подвел к нему одного из своих приятелей.

— Андрей тоже из Питера. Вот интересуется, нет ли у вас общих знакомых.

Андрей нагнулся уже изрядно — белая рубашка расстегнута на пару лишних пуговиц, глаза лихорадочно блестят, в руке рюмка.

— Давай выпьем за Питер! — немедленно предложил он и сам потянулся к бутылке. — И зачем уехал в Москву? Здесь даже поговорить толком не с кем, — пожаловался он. — Вот Сашка — человек!

Марку сейчас чужие воспоминания были ни к чему, но он, чтобы не обидеть Андрея, поддержал тост.

Еще через пару рюмок его собеседника развезло окончательно. Неожиданно склонившись к самому лицу Марка и пытливо заглядывая ему в глаза, Андрей медленно и отчетливо выговорил:

— А кольцо береги. Как друг советую. Не продеши!

— Что, что ты сказал? — почти закричал Марк, но голос его едва пробился сквозь грохот рассыпавшегося звона ударных. — Что ты знаешь о кольце?

— Ничего, — обескураживающе честно признался Андрей и выпил свою рюмку залпом. — К слову пришлось.

— Иди ты, знаешь куда... — Марк поднялся и, насколько это позволяла теснота, пробился в противоположный угол комнаты. Вечеринка потеряла всякий интерес.

Остаток застолья он просидел молча, на вопросы Певцова отвечал односложно и искренне обрадовался, когда гости собрались расходиться. На Андрея он старался не смотреть.

Достали и здесь. Все у них под контролем. Даже если бы этот пьяный дурак не проболтался, можно было догадаться самому, что свои люди есть у ФСБ везде. Хватит играть в прятки — надо перебираться от Саши в гостиницу, дать ему возможность пожить

одному, а то даже девчонку привести некуда.

Певцов пошел гостей провожать. Марк оглядел царящий в комнатах разгром и стал снимать посуду со стола.

Форточка все это время оставалась открытой настежь. Надышали, накурили, кот сбежал от шумного безобразия подальше, бродить по крышам. Замерзнет ведь.

— Кис-кис, — позвал Марк, и тут же у самого окна зашуршало.

Стало слышно, как звякнуло потревоженное стекло, и, обернувшись, Марк увидел, что в форточку лезет кто-то, пыхтя и дергаясь.

Но это был не кот.

28.

Смуглый, с оливковым оттенком лица мужчина протискивался в форточку, словно в нору. Сделав последний рывок, он уперся руками в подоконник, а затем резким движением перекинул тело через голову, как акробат. Стремительное сальто завершилось на столе — хрустнула раздавленная тарелка, а затем воцарилась тишина.

От наглого поведения вора — а кого же еще? — Марк опешил. Вот так, в открытую, ворваться в квартиру?

Смуглолицый был невысок ростом, изящен и худ. Тонкий с горбинкой нос, живые темные глаза. Марк прикинул, что с наглцом он, пожалуй, справится.

— Джесертеп! — низким, не подходящим к его сложеню голосом неожиданно представился мужчина.

— Ну и что? — вызывающе ответил Марк.

— Джесертеп. Демон.

— Какой еще демон! А ну, слезь со стола!

Вор легко спрыгнул на пол и снова застыл, глядя Марку прямо в глаза. Темный, ничуть не смявшийся от спортивных упражнении плащ ладно облегал его худощавую фигуру.

Марк шагнул вперед и крепко схватил мужчину за узкое запястье, но все попытки притянуть к себе его руку оказались тщетными.

— Это ты зря, — серьезно сказал вор и освободился от хватки Марка стремительным движением. — Не бойся, я пришел без зла.

— С добром, стало быть, — Марк отступил на исходную позицию. — Сейчас милицию вызову!

— Зови, — разрешил незнакомец. — Будет с кем размяться.

Мужчина взмахнул кистью — и всю посуду словно сдуло со стола. Раздался звон и грохот бьющегося стекла. Затем он поднял руки над головой и всплеснул ими, как дирижер. Стол разломился надвое и рухнул, окончательно завершив разгром.

— Достаточно! — крикнул Марк, испугавшись, что гость разнесет всю квартиру.

— Жаль, — темные глаза, как показалось Марку, насмешливо блеснули. — Здесь еще много целых вещей.

— Кто вы?

— Я же говорил тебе. Джесертеп. Демон.

— Демонов мне только не хватало! — до Марка начал доходить смысл ситуации. — Тебя послал Ану-бис?

— Я пришел сам, — с достоинством ответил Джесертеп. — Ты нуждаешься в помощи.

— Теперь точно нуждаюсь, — Марк горестно оглядел комнату. — Вся посуда перебита, стол сломан. Что я скажу Саше? А может, ты умеешь все делать,

как было?

— Я умею разрушать, — признался демон. — Сражаться. Биться с Сетом и его слугами. Я — воин.

— А осколки собирать воины умеют?

Марку Джесертеп понравился. Этакий служака. Прямо в речах и точен, краток и быстр. К тому же, по его словам, пришел на помощь.

— Я попробую, — согласился Джесертеп и взял за обломки стола.

Некоторое время Марк и демон молча и слаженно наводили порядок. Скоро в комнату через форточку прыгнул кот и, увидев Джесертепа, выгнул спину дугой.

— Кошка, — констатировал Джесертеп и поклонился. — Священная кошка Исиды.

— Не кошка, а кот, — уточнил Марк. — Ну, и с чем вы пожаловали?

— Ты растерян, — демон, так и не скинув плаща, сел в большое кресло. — Ты боишься. Я помогу тебе.

— Как замечательно складывается сказочка, — Марк тоже сел на стул. — Лишь только возникают непреодолимые трудности, появляется добрый демон и все улаживает.

— Я — не добрый, — тонкие губы Джесертепа исказила кривая усмешка. — Я — беспощадный. Я убью твоих врагов. Они хотят отнять кольцо!

— Этого мне только не хватало! Не надо никого убивать. Я хочу только покоя. Желаю, чтобы за мной никто не охотился и не угрожал.

— Они пожалуют о своих угрозах! — Джесертеп выпрыгнул из кресла со скоростью распрямившейся пружины. — Они проклянут тот час, когда решили угрожать владельцу кольца!

— Вы всегда приходите на помощь тем, кто владеет кольцом? Мне о вас Анубис не говорил ничего.

— Я его слуга, — смиренно признался демон. — Но у Анубиса нет времени следить за всем, что происходит на свете, да будет вечен Весовщик Душ. А ты растерян, но не сломлен. Тебе нужен друг.

— И этот друг — ты? — Марк взгляделся в смуглое лицо. — Но я не хочу, чтобы ты кого-нибудь убивал. Хватит смертей.

— Мне нравятся твои слова, в твоём сердце нет жестокости, и все-таки в любой момент, когда ты решишь, что нуждаешься в помощи, позови меня.

— Да, Джесертеп, — серьезно отозвался Марк. — Спасибо.

— И ничего не бойся. У тебя есть сила кольца, а это — сила жизни. Ничего не происходит зря на этой планете и в других мирах. Если к тебе попало кольцо, то не думай, что это случайно. Случай — всего лишь следствие других поступков. Стань мудр.

— Я попытаюсь, — согласился Марк. — Но не хочешь же ты дожидаться, когда вернется хозяин квартиры? Что я скажу ему о тебе?

— Ничего!

Джесертеп скользнул к окну и, сопровождаемый раздраженным шипением кота, протиснулся в открытую форточку.

29.

В дальнейшем уборка ограничилась выносом разбитой посуды на кухню — мыть стало нечего.

После посещения квартиры Джесертепом осталось ощущение бури и натиска. Казалось, даже воздух заряжен энергией демона. Кот никак не мог успокоиться и бродил по комнатам, нервно дергая хвостом и сверкая желтыми глазами.

Осененный неожиданным вдохновением, Марк наврал Певцову о своем падении на стол от того, что кот путался под ногами, и обещал возместить убытки. Все более-менее устраивалось, но на следующее утро явился гонец от Утробина.

Курьер был юн, прыщав, но преисполнен собственного достоинства. Он с многозначительным видом передал послание и удалился походкой Джеймса Бонда, сунув руки в карманы и надвинув на самые глаза спортивную шапочку.

Обычная повестка предписывала Марку Лютецкому явиться на следующий день на Лубянку.

Ничего неожиданного повестка не содержала. Марк и так знал, что посещение ФСБ неизбежно, так что — чем скорее, тем лучше.

«Интересно, что они мне предложат, — размышлял Марк, идя вверх по улице от Исторического музея к Лубянской площади. — Пост посла в недоразвитых странах или должность директора муниципального банка? А может быть, просто деньги?»

Предъявив повестку, Марк ожидал, что его, как в гостинице, немедленно пропустят, но ошибся. Велели подождать, и скоро вниз спустился капитан Утробин. Он приветствовал Марка дружеским взмахом руки, как будто они встретились на обычной вечеринке, а не в серьезной и мрачной организации, и провел в комнату перед проходной.

— Очень рад вас видеть, очень, — тон его голоса был искренен и бодр. — Сейчас я провожу вас к Игорю Петровичу. Постарайтесь не разочаровать его. Игорь Петрович у нас большая умница, обаятельнейшая личность. Вы знаете, у него есть научные труды по истории Востока. Его ценят как классного специалиста.

Марк сдержанно пообещал учесть пожелания Утробина, и тот, видимо, посчитав, что подготовительный момент прошел удачно, провел своего подопечного мимо часового.

По длинному коридору, устланному ковровой дорожкой, дошли до нужного кабинета. Утробин предупредительно распахнул лаковую дверь.

Комната была пуста. Нет, обычная казенная мебель стояла на месте, но где же хозяин? Марк недоуменно поднял на Утробина глаза.

Тот понимающе улыбнулся и указал на большой платяной шкаф.

— Проходите!

— В шкаф? — опять не понял Марк.

Но капитан, опередив его, уже распахнул створчатые дверцы — в пустом шкафу царил темнота.

Утробин сделал еще один шаг и, толкнув следующую дверь, отступил в сторону.

Большая, в несколько раз превышающая по площади приемную комната открылась перед Марком. Длинный стол, за какими обычно проводят крупные совещания, беговой дорожкой устремлялся в бесконечность. И где-то там, вдалеке, под суровым портретом Железного Феликса, Марк увидел крохотную фигурку Игоря Петровича, сосредоточенно пишущего важную государственную бумагу.

— Ну так что же вы, проходите! — Утробин приглашающе взмахнул рукой.

Марк с опаской миновал фальшивый шкаф и вступил в комнату.

Как у Анубиса, мелькнуло сравнение, пока он брел вдоль стола к хозяину кабинета.

Игорь Петрович, видимо, завершив начатую мысль, удовлетворенно кивнул, оторвался от бумаги и под-

нялся навстречу.

Доставал он Марку лишь до плеча, но, несмотря на это, выглядел внушительно, как многие государственные мужи, облеченные властью. Большой лоб с залысинами, очки в золотой оправе, хороший серый костюм из дорогой ткани — все указывало на то, что Игорь Петрович не последняя спица в колеснице. Явно умен, знает себе цену, но тем не менее благожелателен и демократичен, так как первым протянул сухую ладонь для рукопожатия и сел напротив Марка не за свой служебный стол, а за общий, заседательный.

— Я вас так примерно и представлял, — признался Игорь Петрович, глядя на Марка сквозь холодные стекла очков, как на редкий экземпляр фауны. Было непонятно, что он решал в это мгновение — оставить ли экземпляр бродить на свободе или поместить в зоопарк для лучшего сохранения вида. — Прекрасный молодой человек, — заключил он. — Вся жизнь впереди.

Капитан Утробин, устроившийся за столом рядом через два стула, попытался что-то сказать, но был остановлен начальственным взглядом и удален из кабинета без лишних напоминаний.

— Вот так примерно и представлял, — повторил Игорь Петрович, когда они остались с Марком наедине. — Новое поколение, дети свободы. Мы росли в другое время, — ударился он в воспоминания. — Разруха, голод, репрессии. Но наши органы сейчас стараются смыть это пятно из истории страны. Вы знаете, что наша организация во многом изменилась. Мы хотим подойти к человеку с новыми мерками, оценивать его как личность, давать возможность развиваться творчески. Вот вы, наверное, тоже мечтаете совершить в своей жизни нечто такое, что позволило бы вам уважать себя? Не правда ли?

Марк сознался, что правда.

— Для этого нужно много работать над собой, — Игорь Петрович откинулся на спинку стула, всем своим видом олицетворяя образец много поработавшего над собой человека. — Хотите, мы поможем вам восстановиться в университете? И не надо бояться никакого Грозного, — заговорщически подмигнул он.

— В университете восстановиться, конечно, хочу, — Марк все же чувствовал себя не в своей тарелке, — но на стипендию не проживешь, а работу и учебу совместить не удастся.

— О деньгах, Марк Викторович, можете не беспокоиться, — Игорь Петрович отеческим жестом, перегнувшись через стол, положил ладонь на руку Марка. — Вам будет выплачиваться государственная повышенная стипендия. Потом, эта ваша комната в коммуналке. Такое жилье совершенно не годится для молодого человека блестящих способностей. Скажу вам по секрету, этот вопрос мы уже уладили.

— Это все, за чем вы меня вызывали? — уже откровенно валяя дурака, спросил Марк.

— Хе-хе, шутник, — Игорь Петрович встал и самостоятельно прошел к маленькому столику с чайной посудой. — Как вы насчет кофейка?

— Положительно.

— Вот и прекрасно. Вы ведь хорошо знаете, Марк Викторович, что нас интересует. Кольцо придется отдать.

— А с чего вы решили, что я отдам кольцо? — Марк рассердился. Плата назначена смехотворная. — Вы думаете, его цена — одна квартира да стипендия? Насколько я знаю, за кольцо предлагали гораздо большую цену.

— Так ведь покупатель-то ты-то, — Игорь Петрович театрално развел руками. — Мы его нашли быстрее, чем вас. И потом, не слишком ли обременительным для вас становится обладание вещью, значение которой вам даже представить трудно?

— Нет, не обременительным! Даже напротив. Но где гарантии, что вы сдержите свои обещания?

— А нет никаких гарантий, — Игорь Петрович лукаво прищурился. — Хотя, если вас не устраивает мое слово...

— Не устраивает, — Марк отхлебнул из чашки горячий мокко. — Пока кольцо у меня на руке, вы не сможете причинить мне вреда. Зато потом...

— Зато потом, — посуровевшим голосом продолжил Игорь Петрович, — государство берет на себя обязанность заботиться о вас. Что вы выигрываете, если будете упрямиться? Да ничего! Вы ведь даже не умеете с кольцом обращаться. Эти игрушки с воскрешением, всего лишь игрушки. Подумаешь, убили — ожил. Да мы, если надо, и не такое можем. Эта вещь должна принадлежать России, а не такому... — Игорь Петрович пожевал губами, подыскивая слово, — не такому... индивидууму. Не хотите университет, давайте продолжим разговор в другом русле. Что вы, скажете, Марк Викторович, о том, чтобы поработать на благо Отчизны. С кольцом в таком случае, раз уж вы так упорствуете, можете пока не расставаться. Сейчас напишете рапорт, и с сегодняшнего же дня вы — наш сотрудник. Согласны?

— Я об этом как-то не думал, — растерялся Марк.

— А зря. Нам нужны такие люди: решительные, смелые, находчивые. Мы знаем, что вы проявили стойкость, спасая бесценный для науки и государственной безопасности артефакт. Честь вам за это и хвала! Но пришла пора послужить Отечеству!

«Как в барабан лупит, — подумал Марк. — Слова-то какие! И все гнет свое — не мытьем, так катаньем».

— Чего же вы молчите? — Игорь Петрович взял со своего стола чистый лист бумаги и положил перед Марком. — Пишите, я продиктую.

— Да все как-то неожиданно, — признался Марк. — Мне бы время подумать.

— А вот этого не будет. То есть время подумать у вас есть, но не покидая этого здания.

— То есть как?

— А так. Неужели вы решили, что мы позволим вам скрыться? Вы, Марк Викторович, и так заставили нас потрудиться, пока мы отыскивали вас. Проделана большая розыскная работа. Потом, вы можете это кольцо, скажем, подарить неизвестному лицу, незаметно выбросить, наконец, а это, по уже известным для вас причинам, нас не устраивает.

— Да что я, недоумок, что ли? — возмутился Марк. — Выбросить кольцо!

— Все может случиться, все. А мы должны все предусмотреть. Выпьете, скажем, с Василием Рустаковым, и ладно, если с ним, и подарите. Или в состоянии аффекта швырнете в реку. Ведь вероятно, правда?

— И что же вы меня теперь — в камеру посадите?

— Да, в Лефортово. Там хорошие условия содержания. Не к уголовникам же вас определять. А там подумаете, прислушаетесь к внутреннему голосу, и, глядишь, попозже договоримся.

— Но это же произвол!

— И не произвол вовсе, а государственная необходимость. Видит бог, — Игорь Петрович поднял глаза к портрету Железного Феликса, — мы все хотели

сделать по-хорошему.

— Да дайте же хоть полчаса! — взмолился Марк, чувствуя, как все заняло внутри.

— Пожалуйста, — вежливо согласился Игорь Петрович и, бесшумно ступая по ковру, покинул кабинет, исчезнув в недрах платяного шкафа.

30.

Проводив хозяина кабинета взглядом, Марк тупо уставился в стену. Он вертел и дергал на пальце кольцо, словно хотел и одновременно боялся снять его. Впрочем, так оно и было.

Отдать? Оставить? Просидеть лет двадцать, как Железная Маска, в тюрьме? А потом что? Ждать изменения в государственном устройстве? Чувь все это! Есть, правда, один жуткий вариант — самоубийство. Опять к Анубису, и через Мертвый Дом на свободу. Но об этом даже думать не хочется. Жалко терять из-за такого свою третью душу.

Марк встал, подошел к непрозрачному со стороны улицы окну. Все та же Лубянская площадь с каруселью машин вокруг пустого, торчащего, как штырь, поста-мента открылась перед глазами. Дьявольское кольцо. Дьявольское!

В стене, чуть выше портрета, послышался негромкий скрежет. Затих. Потом повторился.

Аппаратура у них там, что ли, барахлит?

Мелкая меловая пыль потекла со стены ручейком на пол. Марк уставился на портрет, словно ожидая, что тот оживет, но раздался глухой удар, и штукатурка на стене вспучилась, как нарыв. Со следующим ударом нарыв прорвало.

Вслед за крупными кусками штукатурки вдруг в комнату вылетела ржавая металлическая решетка, и в образовавшейся дыре зашевелилось нечто страшное и темное. Безмолвно наблюдавший до этого за непонятным явлением Марк тихо вскрикнул и отскочил в сторону.

Он уже был готов рвануть к дверцам шкафа, когда в дыре появилось смуглое лицо Джесертепа.

Приветственно кивнув Марку, Джесертеп нахмурился и, высвободив руки, раздвинул края неровного отверстия. Через мгновение он ловко спрыгнул на стол Игоря Петровича — крикнул раздавленный телефонный аппарат. Похоже, у демона вошло в привычку использовать стол при своем появлении, как посадочную площадку.

— Чего же ты? — укоризненно сказал Джесертеп, возвышаясь над Марком, как статуя самому себе. — Мы же договорились!

— И что ты собираешься делать? — Марк понемногу приходил в себя. — Прорываться с боем?

— Да! Если понадобится.

— По-другому, наверное, не выйдет, — предположил Марк. — Сюда через минуту набегут со всего здания. Все тут прослушивается и просматривается.

— Уйдем по вентиляции, — небрежно кнул рукой в сторону дыры Джесертеп. — Старые ходы при ремонте заделали, но пробраться можно.

— Как ты узнал, что я здесь?

Демон только дернул плечом, давая понять, что о таких пустяках говорить сейчас не намерен.

Спустившись со стола, он напрямик направился к шкафу и распахнул первые дверцы — никого. Тогда Джесертеп сделал еще один шаг и пнул вторую дверь. В открывшемся пространстве приемной мелькнула чья-то тень и скрылась за косяком.

— Оставайтесь на местах! — Марк узнал голос Ут-

робина. — Не двигайтесь!

Ничуть не задержавшись, Джесертеп миновал шкаф, и Марк увидел, как на него обрушился удар. С таким же успехом можно было бить чугунную болванку. Послышался болезненный крик, в воздухе мелькнули ноги капитана Утробина. Демон вбросил его в кабинет, как куклу.

В коридоре нарастал громкий топот.

Блокировали дверь, понял Марк. Он не знал, на что Джесертеп способен. Может ли действительно выстоять в схватке с вооруженной и хорошо обученной охраной. Поэтому на всякий случай крикнул:

— Назад, Джесертеп! Назад! Не бейся с ними!

Серия коротких и веских ударов, падение тел, возня в коридоре и последовавший за этим одиночный выстрел заставили Марка побежать к выходу. Он перепрыгнул через скорчившееся на паркете тело капитана и стремительно миновал приемную.

Первым, на кого он наткнулся в коридоре, был охранник. Вернее, бывший охранник. Голова повернута под неестественным углом, руки раскинуты, как будто он пытался дотянуться до стен. Рядом валялся большой черный пистолет. Чуть в стороне лежали еще двое, а удаляющаяся спина Джесертепа маячила уже где-то метрах в двадцати.

— Подожди! — вновь крикнул Марк. — Так мы все равно не выйдем!

Словно в подтверждение его слов в обоих концах коридора появились еще люди в штатском и в форме. Стрельба пока не открывалась, но Джесертеп и Марк оказались в кольце. Как ни ловок был демон, с таким количеством вооруженных и тренированных противников ему, скорее всего, не справиться.

Похоже, Джесертеп и сам понял это. Не ввязываясь в драку, он развернулся и побежал обратно к кабинету, выкрикивая проклятья на незнакомом языке.

— О, как я рад буду встретиться с ними в Мертвом Доме! — прорычал он, поравнявшись с Марком. — Как буду счастлив!

Демон отступил в приемную и, перегнувшись через порог, схватил за середину тяжелую ковровую дорожку, тянущуюся по всей длине коридора. Он резко дернул ее, словно это было льняное полотно, — раздался треск рвущейся материи и крики падающих людей.

Марк увидел, как в веселом оскале блеснули зубы демона. Джесертеп выглянул в коридор и вдруг, дико вскрикнув, выхватил из-за пазухи плаща светящиеся сиреневым жутким пламенем кривые кинжалы. Только потом Марк понял, что именно пламенем и были эти короткие клинки, потому что демон тут же одновременно бросил их в разные концы коридора, и немедленно вспыхнул огонь.

Стеновые панели занялись сразу, словно только и ждали горячей искры, удушливо затлел ковер, потянуло гарью. Джесертеп втолкнул Марка в приемную и захлопнул дверь.

— Пошли! — отрывисто сказал он и направился в кабинет.

Марк послушно последовал за ним.

Не обращая внимания на капитана, который очнулся и теперь смотрел на демона снизу вверх, оставаясь на полу, Джесертеп вскочил на стол и заглянул в дыру.

— Будет трудный путь, — предупредил он. — Не хочешь ли остаться?

— После того, что ты сделал?

— Ладно, мы выберемся отсюда.

Джесертеп ловко подтянулся и исчез в дыре. Бросив

последний взгляд на комнату, Марк устремился вслед. Старая вентиляционная шахта вертикально обрывалась вниз, но по стене были набиты скобы, и, цепляясь за перекладины, Марк начал спускаться, перед каждым новым движением нащупывая ногой опору. Было слышно, как чуть ниже шуршит плащ демона, а иногда он подбадривал Марка короткими восклицаниями.

Через один или два этажа обнаружилось боковое ответвление, и Джесертеп свернул туда. Теперь беглецы передвигались уже на четвереньках, задевая плечами кирпичную кладку.

Запах гари ощущался и здесь. Видимо, старые вентиляционные ходы все же соединялись с новыми.

— А мы тут не задохнемся? — спросил Марк, когда клубы дыма настигли его. В полной темноте разглядеть что-либо было трудно.

— Сейчас начнется коридор канализации, — демон вовсе не был расположен давать разъяснения. — Потерпи.

Действительно, скоро он, неожиданно подавшись в сторону, исчез в очередном проломе, очевидно, им самим им и проделанном, когда он пробирался в кабинет.

Теперь можно стало распрямиться во весь рост. Пол коридора наклонно уходил вниз. Где-то журчала вода, в нос ударил запах плесени.

— Однако, здесь не очень-то уютно.

— Можешь вернуться, — в голосе Джесертепа прозвучала насмешка. — Игорь Петрович будет рад.

— Не надо иронии, освободитель, — Марк шлепал вслед за демоном по сырому каменному полу. — Клянусь Анубисом, я благодарен.

31.

Шли долго.

Марк ожидал погони, но ее не последовало. Пару раз Джесертеп возвращался и обрушивал коридорные простенки, заваливая проход. Но, возможно, на Лубянке всех настолько ошеломил пожар, что отрядить группу захвата было просто некому.

Демон и Марк, почти не разговаривая и лишь обмениваясь короткими репликами, иногда шли посуху, иногда по колению в воде. Фигуру Джесертепа очерчивало слабое фосфоресцирующее свечение, и Марк старался не упускать его из вида. Сам демон, похоже, ориентировался в подземелье прекрасно. По крайней мере, он нигде не останавливался и находил путь без заминки.

По своей наивности Марк полагал, что подземные коммуникации Москвы кишат диггерами и бродягами. Но пока им на пути не попадался никто. Впрочем, само по себе грандиозное сооружение, которое по праву могло называться вторым городом, впечатляло.

— И долго мы еще будем здесь ходить? — Марк решил на вопрос не сразу, но, с другой стороны, сколько же можно петлять по коридорам на разных уровнях, то поднимаясь по скользким металлическим скобам, то спускаясь вниз, в воду? Временами вонь становилась невыносимой, и приходилось брести, прикрывая нос платком.

— Скоро выберемся. Но надо быть осторожным.

На божий свет вылезли из канализационного люка где-то в районе Петровки. Люк располагался за коммерческим киоском и был скрыт от толпы, но когда Марк взглянул на Джесертепа, то понял, что и он выглядит не лучше.

Плащ демона покрывали ошметки грязи, ботинки

превратились в два глиняных комка, а лицо измазано настолько, что оливковый цвет сменился гуталиновым.

— Нас же сейчас заберут, как бомжей, — Марк подобрал клочок газеты и попытался вытереть руки. — Здесь и уголовный розыск неподалеку.

Джесертеп процедил что-то неразборчивое себе под нос и тоже собрал с асфальта сухой снег, но только размазал глиняные пятна по всему плащу.

Некоторое время беглецы прятались за киоском, пока не открылась дверь и молодой наглый продавец не шуганул их оттуда.

— Поразвелось бродяг! Спереть что-нибудь хотите.

Кроме пустых коробок переть из-за киоска было нечего, но пришлось выходить на улицу.

По Петровке, завывая сиренами, в сторону Лубянки промчались две пожарные машины. Даже отсюда хорошо был виден столб дыма, поднимавшийся над площадью. Марк проводил машины злорадным взглядом.

— Чтоб вы все погорели!

Толпа зевак устремилась вслед за машинами. Марк и демон пробивались против течения толпы, от них брезгливо шарахались, но в конце концов худшие опасения подтвердились, их заметил милиционер.

Видя, как решительно он направился в их сторону, Марк схватил Джесертепа за руку и юркнул в первый же попавшийся подъезд. Им повезло — подъезд оказался проходным.

Отдыхавшись во дворе, стали думать, что делать дальше.

Больше никаких битв Марк не жаждал. Видя, как временами воинственно вспыхивает взгляд демона, он попросил его вести себя все-таки потише.

— Мы же не можем пробиваться по всей Москве с боями, да и потом — надо еще придумать, что делать дальше.

— Ты — свободен, — сказал Джесертеп.

— Спасибо, что выгнали оттуда.

— О, они еще не знают, какой я воин!

— Замечательный.

Марк взгляделся в лицо Джесертепа. Иногда выражение темных глаз демона становилось на удивление наивным.

Как у ребенка, подумал Марк. Но это был свирепый ребенок.

— Я мог бы сжечь этот город, — надменно сказал Джесертеп, вытирая руки носовым платком. — Мне здесь не нравится.

— Здесь живут люди.

— Все равно они придут туда, где живу я. К моему хозяину.

— Ну и что? Зачем же тогда ты помогаешь мне?

— Ты владеешь кольцом. Тебе даны испытания. Ты должен пройти их. А конец все равно будет один.

— Все равно?

— Да. Никто не живет вечно. Даже владелец кольца.

— Тогда, может, и кольцо ни к чему?

— О, Анубис знает, что делает. Он мудр, да будет милостив к нам Весовщик Душ. Если кольцо нашло тебя, то ты должен...

Демон не договорил. Во двор въехала машина, и скрывавшиеся до этого за штабелями пустых ящиков беглецы вынуждены были, опасаясь новых неприятностей, снова выбираться на улицу.

Начинались ранние, почти совсем зимние сумерки. Кое-где зажглось электричество. Идти, не привлекая к себе внимания, стало легче.

Если бы можно было забиться в какой-нибудь угол

и пару дней не выходить оттуда, то Марк так бы и сделал. Но к Певцову идти нельзя, в гостиницу в таком виде не сунешься, да и найдут там быстро. Оставаясь вокзал, но, скорее всего, на вокзалах его сейчас и ищут.

Бредя темным уже переулком, Марк закурил. Слева сплошной стеной тянулись учрежденческие здания, справа тротуар ограничивала железная решетка то ли парка, то ли сквера. И около решетки стоял пустой металлический киоск.

— Тебе надо переодеться, — эти слова Джесертеп произнес не терпящим возражения тоном.

— Надо, — вздохнул Марк. — Да и тебе бы не помешало.

Джесертеп в два шага очутился рядом с запертым киоском и ударом кулака сбил замок. Звякнул металлический засов, одним концом упав на асфальт, и тут же завопила сигнализация.

— Уголовщины нам только не хватало, — закричал Марк. — Бежим!

Но Джесертеп, как умелый вор, хладнокровно шагнул внутрь киоска, и в лицо Марку полетели пакеты с одеждой. Он не успевал их подхватывать и скоро нагрузился так, что едва мог видеть перед собой.

— Ну вот, а теперь бежим!

Демон выбрался наружу и первым перемахнул через ограду.

32.

В пустом скверике, примыкавшем к большому серому зданию, можно было опасаться только вневедомственной охраны. Марк и Джесертеп миновали его бегом, словно мальчишки, наворовавшие яблок, и завернули за угол.

Среди пакетов, нахватанных впопыхах, оказались и совсем не нужные.

Побросав прямо на снег дамские кофточки и туфли, Марк все же выбрал себе вполне приличную драповую куртку и джинсы. Демон сменил плащ и обзавелся смешной шерстяной шапочкой. В таком виде можно было уже беспрепятственно выходить в город.

Около ларька стояла милицейская машина, но, как отметил про себя Марк, стражи порядка опять опоздали — ищи ветра.

Пройдя квартала два, купили обувь, и лишь после этого Марк почувствовал себя более-менее комфортно.

Хотелось есть и хоть немного посидеть спокойно. К счастью, маленьких кафе хватало, свернули в первое попавшееся.

— Ну и что ты собираешься делать дальше? — Джесертеп вгрызся в слегка поджаренный кусок мяса, который ему подали после долгих пререканий с официантом. Помогли лишь приличные чаевые. — Останешься здесь?

— Хорошо бы уехать, — Марк уже закурил и расслабился. Негромкая музыка в стиле ретро и приглушенный свет создавали ощущение уюта, пусть даже временного.

— И куда?

— Да черт его знает. Из Москвы выбраться будет трудно, наверняка обложили все аэропорты и вокзалы. Попробую на автобусе или на попутке.

— Деньги есть?

— Осталось немного. На месяц или два, наверное, хватит, а потом посмотрим.

— Угу, — Джесертеп жевал и в упор разглядывал Марка, словно видел его впервые. — Могу помочь.

— Ограбишь банк? — усмехнулся Марк. — Или

страхнешь какого-нибудь бизнесмена?

— Перед тобой непревзойденный игрок в кости. Как-то раз я обыграл самого Сета и его демона Демиба, а ставкой была — жизнь.

Вытерев руки салфеткой, Джесертеп смял ее и небрежно бросил на пол. Подскокший к столу официант что-то проворчал себе под нос, но салфетку поднял.

— Тогда пойдем к наперсточникам, — рассмеялся Марк. — Сорвем банк.

— И много у них можно выиграть?

— Не думаю. Может быть, еще столько же, сколько у меня есть. Но, скорее всего, меньше.

— Фу, — демон укоризненно взглянул на Марка своими черными, как маслины, глазами. — Я говорю о крупном выигрыше, а ты мне предлагаешь играть с паршивыми базарными жуликами.

— Есть еще государственные азартные игры — лотерея, облигации. Но в них играть надо долго. Биржа отпадает — капитал маловат, а в казино нас не пустят.

Джесертеп раздул щеки и выпрямился, насколько ему позволил это сделать его маленький рост.

— Не пустят? Нас?

— Вот только без глупостей, — Марк предупредительно поднял руки. — Мордобой не поможет. Только хуже сделаешь. Туда пускают прилично одетых, а мы хоть и прибарахлились с твоей помощью, но, боюсь, эти костюмы потянут лишь на то, чтобы посмотреть на игру с порога.

— Пойдем посмотрим!

— Не хочу! Опять в драку вяжешься.

После громких споров, — на них даже стали оглядываться, — Джесертеп все же уговорил Марка. Попытка не пытка.

Нельзя сказать, чтобы демон тяготил Марка своей компанией. Но с ним он чувствовал себя, как на острие ножа. Дрался тот не хуже Брюса Ли, мог прошибить кулаком стену и перебить всю посуду в любом приличном заведении, но вот что касается игры... Не хватало только еще увидеть и азартного Джесертепа.

Просадит все деньги, путь один — к Анубису.

Ни в одно из известных в Москве казино Марк демона не повел. Туда точно не прорваться. К тому же раньше Марк не играл нигде ни разу, о рулетке знал только понаслышке, а «Black Jack» позорно именовал очком. Поехали куда-то в район Чертаново, ориентируясь по газетному объявлению.

«Клондайк», похоже, достраивали второпях. Двухэтажное здание, возведенное когда-то для непонятных целей, украшала светящаяся вывеска. Стиль старались выдержать под Дикий Запад.

Но даже и здесь, на окраине, перед казино выстроился ряд дорогих машин, а посетители, как успел заметить Марк, ничем не напоминали неотесанных золотоискателей. Сплошь смокинги и клубные пиджаки.

Вертящаяся зеркальная дверь докончила окончательно. Марк миновал ее первым, а Джесертеп замешкался. Скоро стало ясно, что демону требуется помощь.

С помощью охраны Джесертепа извлекли из вертушки, и он в сердцах толкнул ее так, что стекла слились в сплошной сверкающий цилиндр.

— Вошли? — вежливо спросил дюжий охранник и поправил на зеленом пиджаке бейдж с надписью «Security». — А теперь, пожалуйста, обратно.

— То есть как! — воинственно вздернул подбородок Джесертеп. — Мы пришли играть!

— В таком виде не пускаем, — скучным голосом

пояснил страж и легонько подтолкнул Марка к выходу.

— Я же тебе говорил, — Марк не сделал ни малейшей попытки оказать сопротивление. — Предупреждал.

Джесертеп без усилия отвел руку охранника от своего плеча.

— Давай договоримся, — с вдруг появившимся восточным акцентом сказал он. — У нас есть деньги. Марк, покажи.

— Да что ты, неудобно.

— Есть деньги, есть. Тебе сколько надо?

— Взятки не берем, — охранник перестал подталкивать Марка.

— Сто хватит? Двести? Пятьсот?

Вместе с повышением ставок менялось и выражение лица стража. Из непреклонного оно стало снисходительным.

— Хорошо, пятьсот, — согласился он. — Галстуки я вам дам, но, если придерутся в зале, то я тут ни при чем.

Скрипя сердцем, Марк расплатился и, сопровождаемый насмешливыми взглядами завсегдатаев, вошел в зал.

33.

Первое, о чем он услышал, оказавшись среди занятых игрой и просто наблюдавших людей, так это о пожаре. Судя по разговорам, Лубянка горела до сих пор. Предполагали террористический акт, о простом коротком замыкании не могло быть и речи.

Джесертеп скромно пристроился чуть сзади, давая Марку возможность проявить инициативу.

Честно говоря, Марку хотелось больше всего просто смыться отсюда. От непривычной обстановки он оробел, чувствовал свою провинциальность и первым делом направился к стойке бара, а не к игорным столам.

Обслужили без звука, но тут же появилась внутренняя охрана и выторговала еще двести баксов.

Зал, оформленный под салун, был далеко не полон. Из разговоров постоянных посетителей Марк понял, что до основного наплыва еще рановато, но тем не менее несколько мужчин были в смокингах, девочки, — то ли жрицы любви, то ли действительно состоятельные дамы, — проходя мимо, обдавали запахом дорогих духов. Откровенно пьяных Марк не заметил, но все были немного навеселе. Атмосфера нервного азарта постепенно заразила и его самого.

Купив фишки, Марк решил начать с карточного стола. Народа тут было меньше, ставки невысоки.

— Сколько у тебя осталось? — поинтересовался Джесертеп.

— С твоей помощью немного, — Марк пересчитал наличные. — Еще тысячку могу пожертвовать, но больше ни-ни.

Минут десять Марк наблюдал за игрой. Больше других ему понравилась темноволосая девушка-крупье с блестящей гладкой прической. Поймав на себе ее взгляд, Марк решительно положил на стол фишки.

— Играть будешь ты, а я подсказывать, — предупредил Джесертеп.

— Сам справлюсь, — огрызнулся Марк, мгновенно забыв, что игрок он так себе.

Через десять минут к не перестающей улыбаться девушке переключались все фишки, остались лишь три — в пятьдесят тысяч рублей каждая.

Демон бесцеремонно отобрал их.

С первой же раздачи у него выпали двойка и тройка. Во второй — каре. А в третьей — фул стрит.

Если бы ставки были выше, то они сорвали бы неплохой банк, а так пришлось ограничиться мелочью.

Чтобы отметить нечасто выпадающую комбинацию, от заведения выставили бутылку шампанского, но улыбчивую девушку сменил другой крупье — смазливый молодой блондин с глазами цвета вяленой во-блы.

Как ни странно, хотя фортуна явно была благосклонна, Джесертеп не спешил увеличивать ставки. При отличных картах он несколько раз пасовал, а однажды просто отдал игру, хотя на руках имел тройку валетов.

— Ну, чего же ты, — ныл Марк, нетерпеливо подталкивая демона в спину. — Давай!

Два раза подряд Джесертеп блефовал, имея мелкие двойные комбинации, и в результате приятели остались почти с тем же количеством фишек, что и при начале игры.

— Непревзойденный игрок, — ворчал Марк, заглядывая в карты через плечо демона. — Обыграл самого Сета. Ты этого обыграй!

— Иди, выпей за удачу, — Джесертепу надоело его нытье. — Закажи нам джин с тоником, или что там у них есть.

Марк, проклиная ту минуту, что согласился на авантюрное предложение посетить казино, отправился к стойке. Но только он успел принять из рук бармена два martini, как зазвенел звонок, над карточным столом, где играл Джесертеп, вспыхнул яркий свет, и мелодичный голос по транслятору объявил, что в покер выиграно двадцать миллионов рублей. Многие зеваки и даже игроки повалили посмотреть на счастливец.

Держа в руках бокалы, Марк пробился обратно к столу. Джесертеп с невозмутимым выражением лица подравнивал стопки фишек, смазливый крупье продолжал улыбаться, но улыбочка выходила тухлой.

— Господин продолжит игру?

— Немного позже, — Джесертеп принял от Марка бокал и приветственно поднял его. — Пойдем, отметим!

Поднялись на второй этаж. Антресоли опоясывали игорный зал по периметру, так что сверху, оттуда, где стояли столики, хорошо было видно все, что происходило внизу. Подлетел официант и мгновенно принял заказ. Марк заметил, что с них не спускает глаз охрана, и немедленно поделился своим открытием с демоном.

— А пусть, — отмахнулся тот, выживая со дна бокала маслину. — Пусть потешатся. Теперь тебе денег хватит?

— Пожалуй. Не стоит рисковать дальше. Ну, ты и везучий!

— Я же тебе говорил. — Джесертеп выпил второй бокал martini, как газировку.

Марк заметил, что его лицо пожелтело на скулах, а глаза стали глубокими, как пропасть.

— Ты что задумал? — вцепился он в рукав демона, когда тот вдруг поднялся из-за стола.

— Сыграем еще!

— Ни за что!

— Я чувствую, что фортуна в моих руках! — Джесертеп вытянул руки, как будто и вправду держал ветренную даму за талию.

— Хорошо, — вновь сдался Марк. — Только теперь ставки буду делать я, а ты — только советовать. А то с тебя и так глаз не спускают. Договорились?

В покер демон играть больше не захотел, пере-

брались к рулетке.

Вокруг большого стола расположились более состоятельные игроки. Марк встал плечом к плечу рядом с холемым высоким брюнетом в смокинге. Тот, как показалось Марку, демонстративно отодвинулся и поправил крупной рукой, украшенной перстнем с бриллиантом не менее пяти каратов, высокую стопку фишек.

Джесертеп пристроился немного сзади.

— Ставь на черное, — приказал он.

— Пятьсот тысяч на черное, — принял ставку немолодой уже крупье с большими залысинами.

Выпало черное.

Играть на цвет можно долго. И долго при этом оставаться при своих. Вроде бы, Марку постоянно везло, а один раз, по совету Джесертепа, он поставил на линию и тоже выиграл, но потом трижды подряд ставки уходили к крупье.

— Все, я понял, — прошептал демон. — Сейчас поставишь на цифру.

— На какую?

— Двадцать два.

— Двадцать два! — объявил крупье и пододвинул Марку приличную стопку фишек.

Охрана дышала в спину.

— А теперь — три.

— Выиграла тройка!

Вокруг толпились менее удачливые игроки. На новичков косились, и взгляды были не самые дружелюбные.

— Уйдем, — предложил Марк.

— В последний раз, — взмолился Джесертеп. — Ставь на тридцать!

Марк поставил половину того, что у них было. Над столом повисла такая тишина, что стало слышно, как звякают кубики льда в бокалах.

С легким жужжанием закрутилась рулетка, звонко заскрежетал шарик, мчась по вертикали круга, а потом заскакал, дробно выстукивая не понятную ни одному телеграфисту морзянку.

Пять, шестнадцать, тридцать. Шарик заколебался, словно не зная, покидать ли ему это гнездо, и вдруг, взлетев в последний раз, опустился на zero.

— Zero! — радостно объявил крупье и с облегчением взглянул куда-то в сторону, ища глазами администратора.

— Проехали, — прошептал сразу ставшими сухими губами Марк и попытался отойти от стола.

Сзади образовался затор, зрители не спешили расходиться. Джесертеп, оказавшийся теперь впереди, попробовал проложить дорогу, но наткнулся на стальные мышцы телохранителя.

Многие из посетителей приехали с частной охраной. В основном это были плечистые молодые люди с оттопыренными под мышкой пиджаками. В игре участия они не принимали, но ни на шаг не отходили от хозяев.

Был такой телохранитель и у соседа Марка по столу. Он так же стоял сзади, рядом с Джесертепом, и вольное движение демона воспринял, как оскорбление.

Двигая мощной челюстью, как сучающий верблюд, он толкнул в ответ Джесертепа в грудь. Лучше бы он этого не делал.

Демон взорвался, словно тротиловая шашка. Выбросив вперед сухие кулачки, он ударил гиганта, которому едва доходил до плеча, с силой парового молота. Мелькнули великанские ботинки, и телохранитель, разваливая толпу, полетел в сторону стойки

бара, круша по дороге карточные столы.

Поднявшийся переполох можно было сравнить только с ловлей жулика на переполненном базаре.

Охрана казино, которая, видимо, и ждала нечто подобное, тут же очутилась рядом. Джесертеп аккуратно, не теряя головы, поронял рослых парней на пол и схватил Марка за руку, стараясь одновременно пробиться к выходу. На бегу Марк заметил, что у многих присутствующих появилось в руках оружие. Как там Джесертеп насчет пули? Раздался звон бьющегося стекла, это рухнула батарея бутылок в баре, пронзительный женский визг. Приглушенный до этого свет вспыхнул, словно включили пограничные прожекторы.

В какое-то мгновение Марк понял, что просто так уйти не удастся. Слишком много народа. Понял это и демон. Марк увидел, как злобная гримаса исказила его лицо. Сейчас выхватит кинжалы! Но тут же, на самом пике общей сумятицы, шум перекрыл голос брюнета, стоявшего рядом с Марком за игровым столом.

— Плачу убытки!

Фраза была настолько ошеломляющей, что и охрана, и беглецы остановились, словно по детскому паролю «замри!». Стало слышно лишь учащенное дыхание разгоряченных противников. А потом кто-то нервно рассмеялся.

34.

— Значит так, — тон брюнета не оставлял сомнений, что Марк может решить по-другому. — Сколько ставишь на своего парня?

— Мне кажется, этого делать не стоит.

Они стояли на крыльце «Клондайка», холодный ветер, словно фокусник, выхватывал из-под фонаря мелкие ключице снежинки и бросал их в лицо.

— У меня с деньгами туго, — Марк старался все завершить миром. — Только выигрыш.

— Лобан, сколько он выиграл?

— Тыщ двенадцать баксов.

Лобаном звали того самого телохранителя, с которым так неудачно схлестнулся Джесертеп. Сейчас он стоял рядом с хозяином и с ненавистью смотрел на демона. Еще двое таких же крепких парней находились чуть поодаль.

— Вот двенадцать и поставь.

— Ребята, мы с Севера, — начал излагать неожиданную легенду Марк. — Зашли поразвлечься. Извините за недоразумение.

— Ничего себе недоразумение! — изумился брюнет. — Разгрохали стойку, набили Лобану морду. Я заплатил за беспорядок. А Лобан вот недоволен. Он жаждет компенсации. Правда, Лобан?

— Я его убью, Портной. Я его сделаю.

Ситуация вырисовывалась самая неприятная.

Портной с командой быстро все уладили в казино, успокоили охрану. Списали драку на местные разборки и предложили не поднимать шума. Портной расплатился с администрацией, не дав Марку сказать даже слова, а потом пригласил поговорить на свежем воздухе и здесь тут же, без паузы, предложил заключить пари на схватку телохранителей. Джесертепа он явно считал сопровождающим Марка бойцом и сейчас хотел развлечений.

— Все будет по-честному. Кладем деньги, они бьются друг с другом, потом расходимся. Не обману, слово Портного.

Похоже, Портной был одним из местных авторитетов. Унижение своего человека из команды воспри-

нял, как личное. У Марка не было уверенности, что все будет происходить по предложенному сценарию. В Джесертепе он не сомневался, но что может случиться потом — одному богу известно.

— Я согласен, — коротко сказал молчавший до этого Джесертеп. — Деньги против денег. Тебе не жалко друга?

— Твой парень, наверное, того, — рассмеялся Портной. — Как бы Лобан его сильно не обидел.

— Он у меня умоется, — Лобан никак не мог смириться с тем, что его сбили с ног, как мальчишку. — Башку оторву!

Соотношение сил и впрямь казалось неравным.

— Все, решено, — подвел черту Портной. — Поедем на моей машине. Свою пока оставишь здесь.

Марк не успел сказать, что никакой машины у него нет. Один из телохранителей уже подогнал к крыльцу длинный, как трамвай, красный «Линкольн».

— У меня сегодня все равно игра не шла, — доверительно поделился с Марком Портной уже в машине. — Может, хоть сейчас повезет.

Он нажал кнопку, и в середине салона открылся бар. Портной плеснул виски в стакан, протянул Марку.

— Эй, — крикнул он, обращаясь к остальным. — Выпьете?

Джесертеп отказался, а Лобан осушил канадский «Black Velvet» одним глотком.

Поглядывая иногда в окно, Марк заметил, что не видно стало даже фонарей. «Линкольн» скользил по пустому шоссе в сторону от города.

«Завезут еще куда-нибудь, — подумал он. — С этой оравой Джесертеп, конечно, справится, но не слишком ли много для одного дня?».

Портной сидел баринком — дорогое пальто расстегнуто, белая сорочка, бабочка, — не иначе английский аристократ на отдыхе. Только вот пахло в этой машине не только деньгами, но и уголовщиной.

— У меня есть одно место, где никто не помешает, — Портной прервал молчание, закурил, предложил сигарету Марку. — Ты сам-то откуда? Никогда тебя раньше не видел.

— А я не местный. Сказал же, что с Севера.

— Из Тюмени, из Кемерова? Ну, не хочешь отвечать — как хочешь. Но учти, у нас тут свои порядки, чужие должны ходить смирно.

— Да разве мы затеяли драку? Твой и начал, — кивнул Марк в сторону Лобана. — Мы бы ушли спокойно.

— Ох, парень, — вздохнул Портной. — Что-то ты, наверное, не понимаешь.

Свернули с шоссе под прямым углом, и впереди замаячила большая бетонная коробка недостроенного здания. Похоже, стадион.

— Стадион, точно, — довольно пояснил Портной. — Я его два года назад купил, а достроить руки не доходят. Но мы тут иногда бываем.

Их встретил сторож с собакой, узнал хозяйскую машину и предупредительно распахнул ворота. Въехали на замусоренную строительную площадку и дружно вышли под падающий мелкий снег.

Пока Джесертеп и Марк осматривались, стоя несколько особняком от остальной компании, Портной уже о чем-то переговаривал со сторожем и махнул рукой, давая знать, чтобы следовали за ним.

— Ты как? — тихо спросил Марк демона, пока шли длинным бетонным коридором; из стен местами торчала ржавая арматура.

— Сейчас увидишь, — пообещал Джесертеп.

Коридор вывел на арену. Незаконченная хоккейная коробка, зрительные трибуны, круто уходящие под потолок, холодно, как на улице.

— Как тебе мой Колизей? — Портной остановился, подождал, пока принесут стулья. — Располагайся. Да, забыл, деньги кладем вот сюда.

Охрана притащила стол, выпивку. Включили большой свет, и громадный зал стал еще уютнее.

— Он у тебя в каком стиле работает? Каратэ, кунг-фу, тайландский бокс?

— Всего понемножку.

— Это хорошо, люблю универсалов. А все-таки твой парень мелковат.

Лобан тем временем стащил с себя куртку, потом рубашку и остался в широких брюках, не мешающих в шаге. Он пару раз крутанулся на арене, нанося ногой удары в воздух.

— Сейчас посмотрим, — Портной довольно потер руки и налил себе в стакан виски. — Давайте, начинайте!

Джесертеп, молча наблюдавший до этого за упражнениями Лобана, быстро скинул с себя плащ и через минуту вышел навстречу своему противнику обнаженным до пояса. По сравнению с Лобаном он казался подростком. Тот, со своей рельефной красивой мускулатурой, оглядел демона надменно и зло, видимо, стараясь понять, как это он не сумел устоять на ногах после его удара.

— Чего мнетесь, как барышни! Врежь ему, Лобан!

Стойка у Джесертепа была какая-то нелепая, корявая. Ноги полусогнуты в коленях и широко расставлены, руки прижаты локтями к торсу и разведены — так примерно изображали борцов на античных амфорах. Лобан, напротив, стоял свободно, раскованно, готовый в любое мгновение рвануться вперед и так же стремительно отступить.

Переkreщивающийся свет прожекторов отбрасывал сразу несколько теней от фигур бойцов и высвечивал на их телах каждую мышцу.

Лобану не терпелось. Он еще осторожничал, не зная, что следует ожидать от этого заморыша, но перевес в собственной силе казался ему несомненным. Несколько быстрых ударов руками не достали Джесертепа, он легко отклонялся вниз и в стороны, но удар ногой достиг цели.

Если бы Джесертеп был человеком, то, скорее всего, вылетел бы с арены, настолько мощно впечатался ботинок в предплечье. Марк видел, как ярко вспыхнуло пятно на коже в том месте, куда попал удар. И тут же злорадный блеск в глазах Лобана сменился недоумением, но он еще не понял, с кем имеет дело, и поэтому последовал повторный выпад — в голову.

Хорошо знакомая Марку улыбка появилась на губах демона. На этот раз он даже не стал уклоняться, а, вытянув сухую тонкую руку, просто перехватил летящий в висок ботинок и рванул его на себя.

Как и в казино, Лобан взлетел вверх и тяжело, так, что, казалось, вздрогнул бетонный пол, рухнул на спину. У него перехватило дыхание, и он какое-то время лежал, нелепо раскинувшись, беззвучно ловя воздух открытым ртом.

— Может, хватит? — предложил Марк, глядя на то, как неуверенно поднимается Лобан, опираясь на колено.

— Еще чего, — немедленно отозвался Портной. — Они еще живые.

Теперь Марк понял, что имелось в виду, когда ему предложили пари — схватка насмерть.

— Подожди, подожди, — заторопился он. — Не хочешь же ты, чтобы они друг друга убили?

— Почему это не хочу? На кой мне ляд хреновый телохраниль?

Лобан между тем поднялся и снова принял стойку. Его растерянный взгляд заметался по арене, учитывая все — Джесертепа, зрителей, хозяина. Он-то знал правила игры: рассчитывать на снисхождение нечего.

Демон ждал, застыв все в той же не очень эстетичной позе, и смотрел на противника пристально, но без угрозы.

Несколько раз Лобан пытался достать его дальними ударами, а потом в каком-то отчаянье бросился в ближний бой.

Только один раз ударил его Джесертеп, не давая возможности обхватить за плечи и подмять под себя. Движение было неуловимым, схожим с тем, как кошка бьет мышью. Но в ярком свете прожекторов хорошо стало видно, как после этого удара словно потух взгляд Лобана. Он закачался, прикрыл ладонями грудь, а когда его руки бессильно упали, все увидели слева, под ключицей, как будто нарисованную рваную рану, из которой толчками вытекала кровь.

Боец рухнул ничком, и голова его подскочила, как мячик, ударившись о бетон.

Портной вскочил со стула и яростно закричал, но тут же замолк, словно ему заткнули рот кляпом. Джесертеп медленно повернулся к нему и швырнул вырванное из груди Лобана сердце в белоснежную сорочку.

Ужас повис над ареной, когда демон не спеша, шаркая по полу ногами, побрел к зрителям. Взгляд его, как это Марк видел и раньше, стал бездонным, руки, казалось, вытянулись и теперь достигали колен, а правая кисть была словно затянута в яркую красную перчатку. Он сделал еще два шага и хищно шевельнул пальцами. У Портного снова прорезался голос.

— Убейте его! — свистящий фальцет заставил Марка вздрогнуть. — Убейте!

Если бы охрана успела обнажить стволы, то, возможно, все бы кончилось иначе. Но даже сам Марк застыл, как в столбняке, когда демон, отшвырнув одной рукой стол, другой схватил ближнего к нему охранника за горло. Тот мотнул головой, как куленок, и упал на колени. Следующего парня Джесертеп рванул за плечо, и вместе с треском рвущейся материи обнажилась хрустнувшая кость.

Портной с трясущимися губами совал в руки Марка деньги, алое пятно от чужой крови расплзлось у него на груди, и кричал он только одно:

— Останови!

И в тот же момент грохочущий голос, усиленный мегафоном, заполнил стадион:

— Всем оставаться на местах! Лютецкий, прекратите сопротивление. Здание окружено!

Это еще что такое?!

— Марк Лютецкий! Руки за голову, отойдите в сторону!

ФСБ — вот что это такое! Каким-то образом все-таки нашли.

Марк взглянул на Джесертепа, на Портного, потом на трибуны. Где-то там, очевидно, скрывается тот, кто отдает эти приказы. Капитан Утробин? Опять на Лубянку? Ну уж нет!

Арена была ярко освещена, но другого пути нет. Еще заходя сюда, Марк заметил другой, противоположный выход. Голый прямоугольник дверного проема чернел, как пропасть, и, как в пропасть, кинулся

240 Марк к нему.

Тридцать, двадцать метров...

На середине арены пуля снайпера попала ему прямо в сердце.

35.

Пустой зал, плиты, вакуумная тишина. Марк знал, где он находится.

Далекое мерцающие огни.

Зачем каждый раз Анубису требуется это долгое шествие к его трону?

Марк апатично мерил шахматные плиты.

Шаг за шагом.

Идти было нетрудно. Наверное, так можно брести бесконечно долго, не испытывая усталости, слабо чувствуя реальность. Но до чего же устала душа!

Бесшумное скольжение летучих мышей в спертom воздухе, сладкий запах гнили, далекое подножие трона.

Сейчас Анубис вновь потребует кольцо.

Отдать?

— Мой старый знакомый!

Восклицание шакала можно было бы посчитать радостным, вот только прозвучало оно в Мертвом доме.

— Ты пришел остаться?

«Да», — хотел сказать Марк, но что-то дрогнуло в его пробитом пулей сердце.

— Нет! — сказал он.

— До чего же упрямы бывают люди! — Анубис раздраженно швырнул бронзовый нож для снятия кожи с подошв умерших себе под ноги, и тот, дробно стуча, покатился вниз. — Видишь, я уже приготовился сам очистить твои ступни от земной пыли, а ты все упорствуешь и хочешь вернуться в грязь. Зачем тебе это?

— Не знаю.

— Господин! — напомнил Анубис.

— Не знаю, Господин.

— То-то же. — Шакал оставил трон и начал спускаться. — Ты все так же ничего не знаешь, а ведь у тебя было время подумать. Зачем тебе кольцо?

— Мне кажется, — слова давались Марку с трудом, — что я скоро пойму.

— И найдешь смысл жизни? Какая наивность! А не хочешь ли ты найти смысл смерти?

— Но ведь это — то же самое.

— Есть прогресс, — Анубис возвышался над Марком, нависал над ним своей колоссальной фигурой. Желтые хищные глаза холодно изучали его лицо. — Прогресс есть, — проговорил он, словно в задумчивости. — Но незначительный. Если будем продвигаться такими темпами, то можем не успеть.

— Не успеть чего, Господин?

— Спасительная Исида! Он еще спрашивает! Кстати, и сильно помог тебе мой демон в твоих поисках? Нет? Я так и знал. Но где же он сам?

— Я здесь, Хозяин!

Джесертеп выступил из темноты. Его торс был по-прежнему обнажен, а руки красны от крови. Сзади, за его спиной, Марк различил смутные фигуры Лобана, охранников, и еще каких-то людей в камуфляжных формах. Вот еще один знакомый — капитан Утробин. А Портной?

— Отвел душу?

— Смирно прошу пощады, — Джесертеп упал на колени и коснулся лбом каменных плит. — Но они жили зря.

— Чего же ты не убьешь тогда всех остальных, там еще осталось много народа.

— Прикажи, Хозяин!

— Пошел прочь! — неожиданно закричал Анубис и в гневе взмахнул мощной рукой.

Колонны закачались, удушливый порыв ветра пронесся по мрачному залу, взметнув вверх, как сажу, тельца нетопырей со сломанными крыльями.

— Толпа глупцов, жестоких и ненужных! Да, жестоких! — шакал разинул красную пасть, словно хотел немедленно сожрать всех, кто был рядом. Но неожиданно гнев оставил его. — А чего же хотел ты? — вдруг обратился он к самому себе, как будто остался один. — На что рассчитывал? — Шакал начал подниматься по ступеням обратно, к своему трону. — Все зря, — донеслось до Марка, — все впустую.

Не переставая кланяться, Джесертеп увел своих пленников в темноту, и Марк напрасно хотел перехватить его взгляд на прощанье.

— Можно задать вопрос, Господин? — теперь Марк обращался, глядя Анубису в спину.

— Давай, — вяло разрешил тот, не остановившись, не оглянувшись.

— Если нельзя найти смысл жизни, то зачем жизнь? И смерть, — добавил он, подумав.

— Разве я говорил, что нельзя? — голос Анубиса звучал глухо. — Не бывает одного смысла для всех, но правильный существует только один. Подумай над этим.

— Выполнить свое предназначение?

— Уже лучше.

— Выполнить свое предназначение и предназначения других?

— Ты хочешь стать богом? — Анубис повернулся к Марку, и тот заметил ироничную усмешку, скользнувшую по черным губам.

— Я запутался, Господин.

— Как всегда. Но мы беседуем слишком долго. Ты хотел идти?

— Если мне будет это позволено.

— Будет. Кольцо по-прежнему у тебя.

И Марк ощутил легкий толчок, как будто у него из груди вырвали комок воздуха.

36.

Марк лежал ничком, уткнувшись лицом в жесткий снег.

Так, ткнули мордой, подумал он, еще не поднимаясь. Хорошо хоть не в лужу.

Он почувствовал, что замерз. Руки без перчаток скрючились от холода, тело бил озноб. Широкое загородное небо с яркими звездами нависало черной ледяной коркой над миром, в который он так хотел вернуться.

«Хотел, так двигайся», — приказал Марк самому себе и поднялся на ноги.

Шоссе пролегало метрах в двухстах. Редкие машины пронеслись мимо почти со свистом, тычась в темноту спицами фар. Надо ловить попутку.

Где он находится, Марк не знал. Москва польхала на горизонте электрическим маревом. Значит, пока туда.

Стуча по мерзлой земле каблуками, Марк выбрался к обочине. Примерно полчаса он беспомощно размахивал руками, стараясь привлечь к себе внимание. Но ночью случайного попутчика не желал подбирать никто. Когда он решил, что так, очевидно, и замерзнет в одиночестве, грузовик «Вольво» оглушительно заскрежетал тормозами.

Машина пошла юзом, но в последний момент водитель почти чудом удержал ее на скользкой корке

шоссе. Пока Марк бежал следом, а потом еще добирался до кабины мимо огромного, не меньше товарного вагона, зачехленного кузова, шофер уже выбрался наружу с другой стороны и зачем-то полез осматривать днище.

— Во ведь как бывает, — крикнул он Марку, словно старому приятелю. — Зверь — тормоза! Чуть не скинул, к чертовой матери!

— Мне бы до Москвы, — Марк стоял рядом, сунув озябшие руки в карманы. — Я заплачу.

— Я сам тебе заплачу, — водителю было лет сорок, широк в плечах, небрит и на первый взгляд нетрезв. — Третьи сутки гоню, засыпать начал. Залезай, там у меня тепло.

В кабине было не то чтобы тепло — жарко. Марк неуклюже вскарабкался по блестящей никелем лестнице, откинулся на мягкую спинку, расстегнул куртку, чтобы дать теплomu воздуху сразу достичь тела. Пока он осматривался, «Вольво» мягко заурчал и рванулся вперед.

— Ты как здесь очутился? — водитель с интересом взглянул на Марка красным воспаленным глазом, второй глаз при этом привычно держал ленту дороги. — Здесь кроме бандитов и не шатается никто.

— А я и есть бандит, — неудачно пошутил Марк.

— Тогда вот, — серьезно ответил водитель и отогнул край кожаной куртки, показывая рукоятку пистолета. — Или вот, — он легко выдернул откуда-то сбоку короткий ломик.

— Я пошутил, — признался Марк. — Случайно я здесь, долго рассказывать.

— Как хочешь. Тебе в Москве куда?

— Не знаю.

— Во, чудила. А кто же знает, я? Я, между прочим, не в саму Москву еду. Транзит. Сейчас по кольцевой, и в Нижний.

— Новгород?

— Нет, Задрыпанск. Так что давай, решай, где тебя лучше выбросить.

— А с тобой нельзя? — воодушевился Марк. — Мне в Москве делать нечего. А так бы рванули вместе.

— Да? — удивился водитель. — Давай. А то я в этом рейсе без напарника. Намаялся уже. Водить умеешь?

— Это? — удивился в свою очередь Марк.

Он смотрел на дорогу почти с высоты второго этажа. «Вольво» рвал воздух, как артиллерийский снаряд.

— Не умеешь и не надо. А анекдоты знаешь?

— Знаю несколько.

— Ну ты, парень, и весельчак! — водитель опять покосился на Марка воспаленным глазом. — Ладно, поехали.

— Сто баксов хватит?

— Сто, — водитель насмешливо фыркнул. — Ты какие-нибудь другие слова выучил? Леша, — он протянул жесткую ладонь. — Или Алексей. Или Алексей Михайлович.

— Марк Викторович, — церемонно представился Марк, и оба захохотали.

37.

Они проскочили Москву по касательной, хотя было где остановиться переночевать. И даже не в машине. Но Леша сказал, что потерял много времени на таможне, опаздывает и подремлет чуть попозже.

— А ты, если хочешь, ложись, — предложил он Марку.

Сзади заманчиво раскачивался спальный гамак, но Марк не стал злоупотреблять гостеприимством: оставить Алексея одного за рулем казалось ему свинством. Вдвоем хоть поговорить можно.

— Значит, решил путешествовать? — Леша то включал, то выключал радио. Похоже, музыка и последние известия ему надоели.

— Надо, — неохотно ответил Марк. — У меня в Нижнем тоже дела.

— Ну, тогда тебе совсем повезло, — не очень поверил ему Леша. — Завтра доберемся.

Два раза их останавливала ГАИ. Один раз пытался прижать к обочине темный «жигуленок» без опознавательных знаков, но Леша так уверенно пошел на таран, что нервы у сборщиков дорожной дани не выдержали и «жигуленок» позорно отстал.

— И часто так? — поинтересовался Марк.

— Всю дорогу. Обрыдло все, ушел бы совсем, да здесь платят прилично. А сколько хороших ребят за последние годы погибло, сосчитать трудно. Но сам я этим паразитам-грабителям спуску не даю. Я и в горло вцепиться могу.

— Да, твоей работенке не позавидуешь, — почувствовал Марк.

— А у тебя что, лучше? Ты кем работаешь?

— По коммерческой части.

— Так и подумал. Похож. И хорошо зашибаешь?

— Средне.

— На ложку супа, на пачку масла, на баночку икры?

— Иногда.

— Очень мне разговорчивый попутчик попался, — пробурчал Алексей себе под нос. — Но хоть не спишь, и то ладно.

Поочередно миновали сонные Балашиху, Ногинск, Покров. Остались справа знаменитые ерофеевские Петушки — Марк читал когда-то, но так и не понял, чем же эта вещь забирает многих: про пьянку, да и все.

Под Владимиром гаишники тормознули машину в третий раз.

— Значит судьба, — философски сказал Леша, привычно доставая документы. — Здесь и подремлем.

Краснощекий, в меховом полушубке лейтенант потребовал зачем-то осмотреть груз.

— Я не могу ковырять пломбу, командир, — Алексей забегал то с одного, то с другого бока гаишника, стараясь не подвернуться под дуло короткоствольного автомата, который лейтенант держал перед собой. — Документы же в порядке!

— Дорожный досмотр, — тупо повторял парень и смотрел на водителя придурковатым взглядом нашкодившего кота.

— Все, блин, последний рейс! — Алексей заскочил в кабину и достал из-под сиденья бумажник. — Сейчас отвяжется, — пообещал он Марку.

Лейтенант отвязался сразу и пошел к своей машине, за стеклами которой едва виднелись фигуры ожидавших его в тепле товарищей.

— Этому дай, тому дай, — бормотал Леша, вырывая «Вольво» к стоянке, где притулились еще три или четыре похожих фургона. — Но хоть поспим здесь спокойно. Гаишники не уедут до утра. Покараулят.

Марк снова выбрался на холод, потянулся. Для покойника ты слишком хорошо выглядишь, усмехнулся про себя. Как там теперь с душами? Осталось две? Может, ты теперь и вовсе египтянином стал — у русских душа одна на все случаи жизни.

От соседних машин к нему направились две тон-

кие фигурки. Девчонки! Откуда?

— Дяденька, — спросила та, что побойчее, по виду пэтэушница, — вы спать сейчас будете?

— А что же еще? — удивился Марк. — Не плясать же!

— Мы думали, может, вам скучно? — вступила вторая, белобрысая. Таких в каждой деревне немеряно.

— А ну, кыш отсюда! — шуганул их из кабины Леша, приоткрыв дверцу. — И ты тоже, гусь, давай сюда. Спать пора.

— А в чем дело? — снова удивился Марк, глядя, как девчонки, ежась в своих синтетических курточках, безропотно потопали обратно.

— Не видишь, что ли? — огрызнулся Леша. — Обслужить хотели.

— Меня?

— Тебя-тебя, а если надо, то и черта лысого тоже.

— Вот не подумал бы, они же маленькие.

— Да удаленькие. Что тут говорить, таких на каждой трассе навалом. Кто просто подвезти просит, а кто профессионально работает. Почти от самой границы у плечевых проституток все трассы схвачены.

— Плечевых?

— Да, шоферский термин. Я вот, например, работаю на плече Варшава-Нижний. Ну и они тоже.

Уступив Алексею гамак, Марк остался спать на сиденьях. Но хотя и чувствовал, что устал смертельно, лег не сразу. Курил, смотрел на седое от звезд небо. В вышине проплыли два спутника по противоположным орбитам.

«Выброшу я это кольцо, — с тоской подумал Марк. — Уеду куда-нибудь далеко и выброшу. Зачем мне все это? А может, подарю. Но только не другу, ни боже мой...». Значит, какой-нибудь сволочи, мелькнуло, когда дремота уже властно захватила все тело. Тогда уж лучше удавиться прямо сейчас.

38.

Проснувшись первым, Алексей будить Марка не стал. Тот, иногда приоткрывая тяжелые веки, видел, что еще не рассвело, но ночевавшие около шоссе машины поочередно выползали на дорогу, словно неуклюжие гусеницы, а потом, стремительно набирая скорость, уходили одна за другой к смутно светлеющему горизонту.

Взошло по-зимнему тусклое солнце, и Марк очнулся окончательно. «Вольво» мчался прямо к огромному красному диску, словно к мишени. Леша, надев темные очки, что-то негромко напевал, отстукивая пальцами по баранке незатейливый ритм.

— Погода, а? — крикнул он Марку. — Красота! А пейзаж? Средне-Русская возвышенность.

Возвышенность вспучивалась холмами. Щетки безрезная, деревни, жалкие и одновременно милые старые колоколенки и церквушки. Марк вдруг ощутил себя настолько причастным к этой земле, что еще чуть-чуть — и навернулась бы слеза.

«Фу, какая сентиментальность», — укорил он себя. Но тут же и подумал: «Ну, и что, что в этом плохого? Да, я живу здесь, это моя родина. Так чего же стесняться?»

Но все равно внутри чувствовалась какая-то неловкость, словно он заглянул туда, куда и заглядывать-то не надо. А надо просто знать, что это есть, и все.

В Вязниках остановились перекусить, а потом Алексей погнал фургон так, что они обходили попутные легковые и грузовые машины, как будто те стояли на месте.

Под Нижним вдоль дороги с равными интервала-

ми потянулись колодцы, словно домики, накрытые одинаковыми крышами, и город открылся сразу в проеме раздернутого, как занавес, горизонта.

До этого в Нижнем Новгороде Марк не бывал никогда. Так что на вопрос Алексея, где его лучше высадить, неопределенно махнул рукой. Алексей понял, усмехнулся, приткнул «Вольво» рядом с конечной остановой городской троллейбуса.

Руки жали крепко, прощались немногословно. Да и что было говорить, встретились — разбежались. Кроме общих фраз ничего не шло на ум. Но Марк поймал себя на том, что смог бы, наверное, проехать с Лешей не одну тысячу километров. Посмотреть страну, чувствуя рядом надежное плечо товарища. Но он отогнал эти мысли так же, как и умиление пейзажем. Не нужно ничего в этом мире, кроме твердой уверенности в самом себе, в своих силах, в своем выборе. А остальное — от лукавого.

Он попытался все-таки напоследок сунуть Алексею деньги. Тот брезгливо отстранил бумажку, хотел что-то сказать, но в конце концов только хлопнул Марка по плечу и подмигнул воспаленным глазом.

Короткое путешествие кончилось, надо было как-то устраиваться дальше одному.

39.

Неизвестно почему, Марк решил остановиться в гостинице «Нижегородская». Просто шел и дошел. Сначала, конечно, добрался до центра, прогулялся по улице Свердлова, пообедал, а дальше ноги сами привели.

Такие гостиницы есть в любом городе. Их и называют находчиво по тому имени, которое носит данный населенный пункт.

Типовое пятиэтажное здание торчало на краю обрывистого берега Оки. Отсюда же хорошо видно место слияния Оки с Волгой, мост, красно-белое здание Нижегородской ярмарки.

Проходя мимо памятника Горькому, Марк приветственно снял с головы несуществующую шляпу. Кстати, о шляпе: головным убором следует обзавестись — холодно.

Номер нашелся без труда. Большой люкс Марк брать не стал, зачем ему две комнаты, сгодится обычный одноместный.

Паспорт для прописки предъявить все же пришлось, и Марк подумал, что неплохо было бы выправить себе документ на другое имя. Но к кому обращаться с подобной просьбой?

Объяснив, хотя его об этом и не спрашивали, что вещи остались на вокзале, Марк поднялся к себе на третий этаж. Комната как комната, вид на Оку, что уже хорошо, чисто и уютно. Пахло какими-то лекарствами, но все равно жить можно. А вот надолго ли, неизвестно.

В конце концов, следует что-то решать. Разницы: Нижний это или Самара — никакой. Но если приехал сюда, то все же зачем? Что же теперь — так и мотаться по стране перекаати-полям?

Постояв у окна, Марк подумал, что самым правильным сейчас было бы завалиться спать. Вчерашний день и ночь выдались хлопотными. Таких приключений другому на всю жизнь хватит. Но отдохнуть днем он пока не научился. Вечная у него эта проблема — что в детском саду, что в пионерском лагере. Другие сопят, как миленькие, а он все лежит — глаза в потолок. Да и сейчас, взрослый уже, а привычки те же.

Ладно, следует погулять, сумку купить, шапку какую-

нибудь. Деньги есть.

Марк проверил наличность. Вытащил из нагрудного кармана толстую пачку долларов. Вместе с проигрышем Портного сумма стала вполне приличной. Меньшую часть переложил в бумажник, остальные, надорвав карман, пропихнул за подкладку. Все равно получалось ненадежно. Будь это рубли, и вовсе было бы непонятно, как с ними быть. Таскать с собой дипломат?

Только он вышел из гостиницы, повалил крупный снег. Большие мягкие хлопья миглом облепили местами еще не до конца опавшую листву, и деревья разом сгорблились от тяжести. Но одновременно снег принес неясное ощущение праздника и чистоты. Темно-красная стена нижегородского кремля чудилась исторической декорацией, и лишь облупившиеся купола больших церквей не давали полностью уйти в иллюзорный мир.

В бесцельных прогулках всегда есть своя прелесть. Москва вдруг представилась далеким и чужим городом. Таким далеким, что все случившееся с ним там Марк начал воспринимать отстраненно, как бы со стороны. Джесертеп, Анубис... Все это осталось в другой жизни.

В таком расслабленном настроении Марк бродил по центральному улицам, а потом зачем-то съездил на другой берег, на вокзал. Потом начался поход по магазинам, где, кроме добротной дорожной сумки и кожаной меховой кепки, он накопил разнообразной мелочи вроде бритвенных лезвий и зубной пасты, носовых платков и носков. Поймав себя на этом, Марк подумал, что, похоже, он инстинктивно хочет на какое-то время осесть на одном месте. Пришел момент оглядеться.

Знакомство с городом завершилось тем, что неожиданно для себя Марк очутился на рынке.

Фрукты и на улицах продавали чуть не на каждом углу, но здесь царил свой особенный, базарный мир. К концу дня торговля шла уже вяло. Продавцы-кавказцы скучно перекликались, не отходя от прилавков. Старушки в мясном ряду пытались подешевле купить каких-нибудь косточек, которыми пренебрегли более обеспеченные дневные покупатели.

Марк торговаться не любил. Или не умел. Что одно и то же. Он сразу нацелился на крупные красные яблоки, которые лежали горкой перед смуглым, с одутловатым лицом и наглым золотым зубом продавцом. Но перед этим он купил еще три желтовато-красных персика и небольшую, в засохших серых трещинках дыню.

— Полкило яблок, — попросил он.
— Зачем полкило? — бурно удивился продавец.
— Бери два.

— Мне не нужно столько, — ошеломленный таким напором пробормотал Марк.

— Почему не нужно, друзей угостишь!
— Некого угощать, — рассердился Марк. — Полкило!

Кавказец пожал плечами и взвесил четыре яблока. Потянуло почти на килограмм.

— Черт с тобой! — Марк протянул долларовую бумажку и стал складывать яблоки в сумку. — А вот это замени, — потребовал он, увидев оббитый красный бок.

— Зачем замени! Хороший яблок, спелый.

— Замени! — Марк уперся.

— Тогда твой доллар фальшивый, — вдруг заорал продавец неожиданным фальцетом. — Паршивый,

фальшивый! — вошел он в раж.

Милиционер в форме появился сразу, будто только и ждал крика о помощи. Одной рукой он тут же схватил Марка за локоть, другой принял доллар.

— Сейчас разберемся, — пообещал продавцу сержант с угреватой лицом и пронырливым взглядом. — А ты знаешь, — обратился он уже к Марку, — что торговля разрешена только на рубли?

— Он говорит, доллар фальшивый, — начал оправдываться Марк. — Этого не может быть, в банке менял.

— А если фальшивый, то тебе, парень, камера светит.

Марк был не готов к такому обороту. Не хватало еще, избавившись от ФСБ, влипнуть, подобно базарному мошеннику.

— Сержант, давай договоримся... — попытался он разрешить недоразумение миром.

Но на людях сержант договариваться не захотел. Продолжая держать Марка за локоть, он отвел его в каморку, где размещалась рыночная милиция.

— Протокол составим в отделении, погоди малость, пока придет продавец.

Тут же явился и торжествующий кавказец. «Ну что, съел?» — выражал его взгляд.

Теперь Марк окончательно понял, что ситуация куда серьезнее, чем ему представлялось вначале.

Он еще попробовал незаметно от кавказца сунуть двадцать долларов милиционеру, но наткнулся на каменную неподкупность.

Надо было сразу сотню давать, ругал себя Марк, пока его конвоировали мимо прилавков. А если бышут, что скажу? А вдруг запрос сделают в Питер? Все всплывет.

На улице смеркалось. Снега навалило и на тротуары, народ шел, оскальзываясь. Марк вдруг почувствовал, как дрогнула рука сержанта, пытавшегося сохранить равновесие.

«Давай!» — приказал себе Марк и, наклонив голову, рванул через дорогу.

40.

Отдышался он уже в гостинице. Как все глупо могло получиться. Засыпать по мелочи. А это тебе наука на будущее, не связывайся с жульем.

То, что следует сидеть тихо, Марк понимал и раньше. Но не всю же жизнь. Все равно придется выходить из подполья. Проклятое кольцо!

Пора было подумать и об ужине. А блоками-сыт не будешь, а снова идти куда-то нет сил. Но ведь при гостинице есть ресторан.

Ресторан также назывался «Нижегородский». Это, чтобы не путались, подумал Марк, выбирая столик. Выход в зал находился прямо в гостинице, где-то возле кухни, остальные клиенты, не жившие здесь, шли с улицы.

За столик никто не подсел, что уже было добрым знаком, ни с кем Марк разговаривать не хотел. Да и публика подбиралась не самая симпатичная. За двумя столами, стоящими наискосок, шумно и по-жлобски гуляла братва. Провинциально выглядевший, но очень громкий оркестр наяривал разминочную плясую. А вообще, зал был не очень полон. Многие столики пустовали.

Пока дожидался заказанной телятины, выпил пару рюмок коньяку. По телу расплылось тепло, и недавнее приключение показалось скорее забавным, чем серьезным.

«А ну их, этих торговцев, к Аллаху, — подумал

Марк. — Надоели только, а так — пусть живут».

Через час он уже расслабленно сидел, откинувшись на спинку стула, и, запивая кофе коньяком, прикидывал, не станцевать ли медленный танец с местной красоткой. Вульгарную компанию девиц в боевой раскраске в дальнем конце зала он отверг сразу, — не поймаешь, то ли отдыхают, то ли на работе, — но пара подруг, похожих на справляющих скромный семейный праздник студенток, показалась ему более перспективной.

Дождавшись, когда полненькая брюнетка с класической родинкой возле губы встретила с ним взглядом, Марк приветственно поднял свою рюмку. Студентка не стала жеманиться и в ответ тоже подняла бокал с вином.

«Сейчас пригласу», — решил Марк, но в тот же момент увидел, как в зал через служебный гостиничный вход ввалилась шумная толпа кавказцев. Конечно, его недавний продавец был среди них.

Марк узнал его сразу и чуть не выронил рюмку. Надо же, как повезло!

Еще был шанс остаться незамеченным, и Марк опустил глаза, сгорбился над чашкой кофе, искоса наблюдая за компанией. Но нет, далеко не ушли, сели за соседний столик.

Стараясь привлечь внимание официанта, чтобы рассчитаться, Марк, улучив момент, махнул рукой. Это было ошибкой. Он даже не увидел, а почувствовал, как блеснул взгляд кавказца.

Быстро отсчитав деньги, Марк поднялся и поспешно вышел из зала. Теперь надо как можно скорее добраться до номера. Перепрыгивая через ступеньки, он поднялся к себе на третий этаж. Спасительная дверь была уже рядом, когда он услышал оклик коридорной:

— Молодой человек, чай заказывать будете?

— Нет! — крикнул, не останавливаясь, Марк и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как продавец и двое его друзей показались в конце коридора.

«Ни за что не открою, — решил Марк, захлопывая дверь номера. — Пусть вышибают».

Но постучали, и он открыл.

А что, собственно говоря, ему оставалось делать? И ему ясно, что продавец не отвяжется. Эта порода была знакома Марку по немногочисленным встречам — нахрапистость, наглость и трусость одновременно. Но теперь сила была не на стороне Марка. Обычная драка не спасет, милиция — вот кого надо бояться.

Южане прошли в номер по-хозяйски. Двое сопровождающих сели на кровать. Не поймешь с первого взгляда, кто — то ли грузины, то ли армяне, то ли азербайджанцы.

— Фальшивые доллар продаешь, — продавец сразу пошел с козырей. — От милиция бегаешь. Давай тысячу баксов, дружить будем.

Рэкет был примитивным, как и сами торговцы. Подвернулся случай сшибить деньги, лови удачу.

Первым движением было отдать выкуп и разойтись. Но тут же Марк понял, что тысячей дело не ограничится. Будут тянуть, пока не выдоят все. К тому же, хамство всегда раздражало его, он тогда и сам становился бешеным.

— Слушай, кацо, отвяжись. Фальшивых долларов у меня нет, ты и сам это знаешь.

— Какой кацо? — взревел кавказец и что-то быстро залопотал по-своему. — Сейчас кацо сам будешь, если баксы не дашь!

— Катитесь, ребята, отсюда по-хорошему, — оз-

верел Марк. А про себя подумал: «Надо смыываться, и то немедленно!». — Ничего не дам. Давайте, давайте, сейчас милицию позову.

— Милиция я сам позову, — обрадовался продавец. — Держите его, парни, я фальшивые баксы искать буду.

Помощники охотно поднялись с кровати. Марк отступил в угол, наткнулся на стул и схватил его за спинку. Времени на пустые угрозы уже не оставалось. Как там орудуют стульями в барах?

Тесный номер не давал возможности размахнуться, и Марк просто ткнул ножками вперед, почти наугад. Но получилось точно ближайшему противнику в грудь. Парень охнул, схватился за ушибленное место руками и посерел лицом. Марк пнул его ногой, так что тот отлетел с дороги, и уже с разворота врезал второму по голове.

Стул выдержал, чего не скажешь о кавказце. Он завопил, как будто его расчленили заживо. А дальше Марк просто уже гнал всю троицу к выходу, бросив стул и действуя одними кулаками. Немного замешкались в узкой прихожей, парни никак не могли открыть дверь, но потом, матерясь и выкрикивая угрозы, вся гоп-компания вывалилась в коридор.

И вновь времени раздумывать не оставалось совсем. Да Марк и не раздумывал — ждать появления милиции он не собирался.

Схватив сумку и на ходу бросив ключ коридорной, он скатился по лестнице, дробно пересчитывая ступени, и выскочил на заснеженную улицу.

41.

Марк взял билет на восток. На Урал. В Екатеринбург. Хотел сразу в Сибирь, но духа не хватило. Хотя, если бы была возможность немедленно махнуть за границу, раздумывать бы не стал.

Дорогая родина, — Марк стоял на ступенях и смотрел на размолотый шинами грузовиков снег привокзальной площади, — за что же ты меня так не любишь. Дай возможность отдышаться, разобраться с самим собой. Все гонишь и гонишь по необъятным просторам, а покоя нету. Так ведь и выгонишь к чертям собачьим!

Времени до отправления было навалом — три часа. И все три часа Марк просидел в зале ожидания, притворяясь, что дремлет, но постоянно оставаясь начеку. Отвлекаясь только на короткое письмо Ветке. Мол, жив-здоров, не беспокойся. Написать бы побольше да потеплее, но вдруг письмо попадет в чужие руки? Насчет этого Марк почти не сомневался, несмотря на то, что отправил письмо на адрес магазина. Все-таки больше вероятности, что там его не перехватят.

В Нижнем он не задержался и на сутки. Вот ведь как получается. А хотел пожить, осмотреться. Еще утром был почти уверен, что здесь его никто не найдет и не тронет. Никто из тех, кого он опасался, и не нашел. Но один дурацкий случай — и все надежды полетели в тартарары. Даже Волгу толком не посмотрел.

Был вариант отправиться на юг, там теплее, но почему-то не захотелось. Южного народа хватало и здесь, а там, наверно, и вовсе не протолкаться.

Марк перекаптался ночь в забитом купе, где кроме взрослых пассажиров ехал еще и ребенок, и устал от детских воплей так, что Екатеринбург, который и пассажиры, и проводники упорно именовали Свердловском, воспринял как счастливое избавление.

Но избавление вскоре показалось обманчивым. Пройдя от платформы по бесконечному и грязному

подземному переходу, больше напоминающему шахтерскую выработку, Марк вышел через здание вокзала на большую площадь. Как и везде, здесь бурно торговали. Длинные ряды киосков и палаток, суетящийся рой озабоченных людей. Почти никто не улыбался.

И правда, чему радоваться, подумал Марк, глядя на не очень приветливо встретивший его город. Кому я здесь нужен?

Гостиница «Свердловск» возвышалась напротив, но в ней почему-то останавливаться не хотелось. Мелькнула глупая мысль о покупке квартиры, но так же и пропала, как появилась. Ты оглядись сначала. Интересно, есть здесь гостиница «Екатеринбург» или нет? Надо следовать традициям.

Но никакого «Екатеринбурга» в городе не обнаружилось, и в конце концов Марк решил обосноваться в «Большом Урале».

«Урал» — и впрямь большой, но очень неуютный гостиничный комплекс — монументально раскинулся, несколько отступая от центральной улицы. Основное здание и пристройки образовывали сложную систему коридоров и переходов, но, в общем-то, ничего другого ожидать не приходилось. Провинциальные гостиницы, выстроенные лет тридцать-сорок назад, удивительно походили друг на друга.

Дожидаясь очереди в регистратуре, Марк вновь вышел на улицу, миновав основательно прокуренный входной тамбур. В скверике, между «Уралом» и театром, повернутым к гостинице задом, было пусто. Стайка свистелей кормилась на дичках, роняя на снег раздавленные красные яблочки. Проскрежетал трамвай, тронувшись с остановки.

Господи, какая тоска! Марк швырнул под ноги сигарету и ожесточенно придавил ее каблуком. Что же я здесь делать-то буду?

Но надо было жить дальше.

42.

Марк почти привык к своему номеру на втором этаже и даже купил кое-какие вещи, способные хоть как-то смягчить казенную обстановку. Чашки, например, для кофе, книги, повесил на стену яркий календарь с лакированной красоткой. Хотя зачем ему календарь, если все дни на одно лицо?

Две большие и неуютные комнаты выходили окнами все на тот же заснеженный скверик. Спальня с громадной кроватью и гостиная. Она же столовая, она же кабинет.

Обычных одноместных на момент оформления в гостинице не оказалось, а потом стало лень переселиться, да и привык.

«Большой Урал» местные постояльцы и сами горожане иначе, как «Большим Кавказом», и не именовали. Гостиница была под завязку забита смуглым небритым народом, день и ночь стоящим во входном тамбуре и дымящим вонючими сигаретами. Что тут делает эта братия, непонятно. Но Марк и не вникал, а вскоре и замечать перестал, воспринимая уголовного вида южан лишь как фон.

Далеко-далеко остались Питер, Москва с ее зашкафным генералом Игорем Петровичем, погоревшим два месяца назад на Лубянке. Что-то там происходило, конечно, и телевизор ежедневно об этих событиях Марку докладывал, но это было так неинтересно и скучно, как будто случилось в другой стране, не имеющей к Марку никакого отношения.

Сам он вел, как себе признавался, простую, почти растительную жизнь. Много читал, ходил на концерты

заезжих знаменитостей, — каждый раз клянясь при этом, что в последний раз, — и перезнакомился со всей гостиничной службой.

Недели через две он уже обитал в этом временном доме на положении постоянного жильца, что давало отдельные привилегии вроде «здрассте» по утрам от горничной Маши, мимолетных улыбок коридорных и кивка от дежурного администратора.

Кроме того, в гости приводить не возбранялось никого и в любое время суток. Впрочем, по некоторым наблюдениям, не запрещалось это делать и другим постояльцам. Короче, был налаживался.

От Ветки он никаких вестей не ждал, потому что обратного адреса в своих коротких записках не указывал никогда. Да и было-то всего два послания, не считая нижегородского. Лишний раз светиться Марк не желал.

За время своего отшельнического существования Марк пристрастился к чтению. За мифологической литературой и массой дурно изданных книжонок, повествующих о тайнах колдовства и прочей мути, последовали фундаментальные философские труды. В книжных магазинах Марк не скупился, и скоро его комнаты оказались плотно забиты различными изданиями, способными составить неплохую библиотеку.

Получил он и прогулки по тихим улочкам Екатеринбурга. Двух — и одноэтажные особнячки напоминали о купеческом прошлом, от них веяло стариной и покоем.

С легкой руки Джесертепа Марк иногда стал навдываться и в казино. Но крупной игры не затевал никогда. Одним словом, был вполне благоразумен и осмотрителен.

К тому же, вскоре появились и знакомые. В гостинице, подобно Марку, подолгу жили еще несколько человек. И так или иначе, волей случая, постепенно он познакомился со многими.

Отправляясь на очередную бесцельную прогулку, Марк встретил в коридоре майора Геру. Тот чеканно печатал шаг, затянутый портупеей, которую он сам называл сбруей, ладный и чисто выбритый, как будто только что встал с постели. Но Марк хорошо знал: если Гера при портупее, то идет на дежурство или только что вернулся с него. В иных случаях форма одежды была другая.

— Возьмем пивка? — Геру постоянно томила жажда, а воду он не пил.

Значит с дежурства, перед бдением в штабе Гера страдал воздержанием.

— Привет героям Афганистана! — Марк сделал вид, что не услышал предложения.

— Пошли в бар. Или давай возьмем в буфете и выпьем в номере.

— Вечером выпьем. У меня в десять распишем пульку.

— Зарплату задерживают, — дипломатично ответил Гера и полюбовался хорошо начищенным носком сапога.

— Так, сколько ты мне должен?

— Отдам ведь, когда не отдавал?

Марк обреченно полез в карман.

Вместе с повеселевшим майором зашли к Борис-Борисычу. Тот, в позе мадам Рекамье, возлегал на кровати и раскладывал короткий, но редко получающийся пасьянс «Чума».

Щуплый, с острым, вытянутым, как у землеройки, носом, Борис Борисович служил, если можно так выразиться, в цирке иллюзионистом. Свое мирское имя

он давно поменял на Бена Беццоллини, но друзья за просто могли называть его и просто Борей. Роскошная ассистентка Настя кипятила воду для кофе.

— Ты сегодня не на репетиции?

— В задницу, — коротко ответил Борис Борисович и поднял на приятелей вечно страдающие, как у собаки, больной глистами, карие глазки. — Все равно в цирке холодно, как в рефрижераторе. Не топят совсем.

— А как же публика?

— Надышат.

Напомнив, что вечером, после представления, его ждут на преферанс, и напутственно махнув рукой Гере, уверенно устремившемуся в сторону буфета, Марк зашел еще и к Андрею, жившему в точно таком же, как и у него, люксе на первом этаже.

Андрей маялся в гостинице уже полгода. В фирме, куда его пригласили работать, обещали купить квартиру, но так пока и не собрались. Обитал он в двухместном номере вместе с женой, которой было почему-то не безразлично, где жить. Наташа хотела собственную квартиру, а Андрея устраивали и казенные палаты. Это несовпадение служило вечной темой для ссор.

Наиболее объемная часть фигуры находилась у Андрея где-то в области живота. И если Наполеон любил закладывать правую руку за лацкан сюртука, то Андрей эту же руку любил держать на животе, охраняя его от возможных потрясений. Именно в этой позе он и встретил Марка.

— Очень тороплюсь, — предупредил он сразу и неспешно сел в кресло. — Кофе будешь?

— Пил уже. — Марк, зная любовь Андрея к странностям рассуждениям, постарался по возможности сократить визит. — Сегодня в десять.

— В десять... — Андрей задумчиво почесал плешь, снял очки, протер их и вновь водрузил на нос. — В десять может не получиться, очень много работы.

— Ты в конторе собрался ночевать?

— Почему ночевать? Когда все уходят, там так тихо. Не мешает никто, и компьютер под рукой.

— Постарайся освободиться, без тебя некомфортно.

— Втроем пока сыграете. — Андрей встал, прошелся по комнате, поворошил бумаги на письменном столе и вдруг возопил: — Где папка с документами?!

— Она в сумке, милый, — донесся Наташин голос из спальни. — Ты сам ее вчера туда положил.

— А потом вытащил, — голос Андрея стал трагическим. — Там копия договора!

— О, господи! Посмотри в шкафу!

— Вот так всегда, — Андрей бродил по номеру, как сомнамбула, тычась в углы и близоруко щурясь. — Мне сегодня как раз нужен этот договор. Да и платежи там, — вспомнил он и побледнел лицом.

Марк хотел уже было ретироваться, не дожидаясь окончания поисков, когда Андрей вдруг тихо, как бы про себя, заговорил:

— Платежки, платежи... Подожди! — ткнул он пальцем в сторону Марка, будто его осенила неожиданная мысль. — Разговор есть.

— А может, вечером?

— Можно и вечером, но лучше сейчас. Только давай из номера выйдем.

Удивленный такой таинственностью, Марк все же послушно последовал за Андреем. Они прошли мимо соседнего массажного кабинета, работавшего круглосуточно, и выбрались на лестничную площадку. Остановившись около сетчатой клеткой лифта, Андрей вздохнул, а потом решительно спросил:

— Заработать хочешь?

43.

Сам не желая того, Марк производил впечатление обеспеченного человека. Никто из его вновь приобретенных приятелей не знал, чем он занимается. Но деньги у Марка не переводились, скупостью он не отличался, и волей-неволей все приходило к выводу, что он владеет какой-то фирмой и дела у него идут успешно.

Андрей несколько раз затевал с Марком разговоры о совместных проектах, требующих инвестиций, но тот отвечал уклончиво, и проекты так таковыми и оставались. В этот же раз по тону голоса Марк понял, что пустыми обещаниями отделаться не удастся.

— Понимаешь, — Андрей привычно погладил себя по внушительному брюшку, — есть возможность, не рискуя собственным капиталом, получить некоторую сумму.

— Даром, что ли? — Марк прикидывал возможности разом покончить с этим разговором и отправиться на прогулку.

— Да, в общем-то, даром, но есть риск.

— А-а, риск...

— Но небольшой. У тебя сейчас на счете сколько?

— Зачем тебе это? — насторожился Марк.

— Если немного, то опасно перегонять такие деньги. Могут возникнуть вопросы.

— Фальшивые авизо, — понял Марк. — Нет, в такие игры не играю.

— Жаль, — огорчился Андрей. — Но, может, все-таки договоримся? Я о тебе с шефом беседовал, давай пройдем в контору, там потолкуем подробнее.

Марк твердо знал, что ни в какие рискованные операции он ввязываться не будет, но все же нехотя согласился пойти с Андреем. Хоть какое-то разнообразие.

Как Андрей ни уверял, что страшно спешит, вышли они из гостиницы не меньше, чем через час. Львиная доля времени ушла на поиск пропавшей папки, потом все-таки выпили кофе, выкурили по паре сигарет и только после этого пешком направились в офис.

Обогнув гостиницу и пройдя мимо знакомого казино, потопали по забитой транспортом улице Малышева, продолжая беседовать на ходу.

— Риск крохотный, а навар приличный, — Андрей продолжал гнуть свое. — Подробности узнаешь от шефа, и если сойдется, то через пару недель будет и результат.

— Вы что, только этим и занимаетесь?

— Почему только этим, — обиделся Андрей. — Мы торгуем. Знаешь, какой у нас оборот...

На первый взгляд оборот у фирмы и впрямь был приличным. Несмотря на то, что здание, где размещалась контора, выглядело запущенным и ободраным, на четвертом этаже кипела бурная деятельность. По всем комнатам понатыканы компьютеры, масса делового народа носится по коридору с важными бумагами, у серокса собралась небольшая очередь.

Марка подобная суматоха ничуть не удивила, видел и покруче, но, в общем-то, можно было предположить, что фирма не из самых мелких — деньги здесь водились.

К шефу с разгона попасть не удалось. У входа в его кабинет, в который, словно в светелку, надо было подниматься по лесенке, ожидали посетители, но Андрей на правах заместителя директора прошел бес-

препятственно, и через десять минут пригласил туда Марка.

Не известно, что успел Андрей наговорить шефу о своем протееже, но встречен был Марк очень радушно. Хозяин кабинета поднялся ему навстречу, обнажив в улыбке крупные прокуренные зубы, и немедленно выставил из сейфа початую бутылку коньяка и заказал секретарше кофе. Еще он удивил тем, что зачем-то выложил на стол громадную черную «Беретту», придавав ей, словно пресс-папье, стопку документов.

Обстановка стала напоминать виденные в кинофильмах сцены вербовки шпионов иностранных государств: с одной стороны — кофе и коньяк, с другой — недвусмысленное предупреждение о возможных последствиях несохранения тайны.

Генеральный директор преуспевающей фирмы вряд ли был старше Марка. Он и представился просто по имени — Николай, и вел себя почти как однокашник, постоянно сбиваясь с «вы» на «ты». Николай оказался полностью лишен столичного лоска. Никакого дорогого костюма и галстука, — распахнутый ворот рубашки, спортивная куртка, рыжая борода. Все в нем будто говорило: мы люди простые, с Урала, но нас лучше не тронь, мы и сами с усами. Он и об авизо заговорил сразу, словно вопрос был давным-давно решен, и дело оставалось только за деталями.

— Ты думаешь, нам нужны деньги только для того, чтобы набить карман? — Николай пренебрежительно махнул рукой. — Совсе не для этого. Сам видишь, государственная экономика валится, значит нужна альтернатива. А альтернатива — это мы.

«Кто мы?» — хотел спросить Марк, но не успел.

— Для создания противовеса необходимы средства. Простым производством этого не сделать. То есть производство тоже будет, но потом. А сейчас главное — создать рычаг. Скажем, Петербург-Екатеринбург-Новосибирск. Все самые крупные промышленные центры. И нажать этим рычагом на Москву. Если не желает шевелиться правительство, то это следует сделать за него.

Марк смотрел на Николая и почти восхищался. Он-то думал, что речь пойдет об обыкновенной афере, которая, судя по словам Андрея, таковой и была, а вышло все по-другому. Вон какая база подведена под примитивное мошенничество!

Он ждал, когда же дойдет очередь до фальшивок, и дождался.

— Пару миллиардов на твой счет можно кинуть? Пять процентов тебе, остальные отдашь.

Надо отступать, решил Марк. Перспектива оказаться в тисках между чеченской и милицейской мафиями совсем ему не понравилась. Так погоришь, что век не отмоешься.

— Надо подумать, — Марк пригубил коньяк. — Но, как мне кажется, риск слишком велик.

— Операция отработана. Не ты первый.

— Но все же... — промямлил Марк, ругая себя за неуместное любопытство. Ничего себе, развлекся.

— Примерно неделю можешь подумать, — разрешил Николай. — Но не дольше. Сроки поджимают.

Марк понял, что самое время уносить ноги, но в эту же минуту в комнату заглянула взволнованная секретарша и дрожащим голосом поведала, что шефа спрашивают. Немедленно на пороге возникли и новые гости.

Трое были в форме и при оружии, двое — в штатском, но облика совсем не цивилизованного. Николаю пред-

ложили предъявить документы, потом очередь дошла и до Андрея с Марком. Все объяснения, что он тут случайно, последнему не помогли. Выяснилось, что сейфы сейчас опечатают и начнется глобальная проверка.

«Да что я, медом, что ли, намазанный!» Марк сунул паспорт обратно в карман. Куда ни ткнись, обязательно напорешься.

Он хотел уйти из зачумленной конторы, но Андрей попросил немного обождать.

— Посиди в комнате, где шоферы. Вместе уедем. Клянусь, всего полчаса. Коля сам с ними справится.

Проклиная себя за слабохарактерность, Марк прошел в шоферскую.

Фирма жила на широкую ногу. Примерно десяток служебных автомобилей всегда стоял у подъезда. В ожидании распоряжений водители маялись в отдельной комнате, где им для скрашивания досуга установили компьютер с играми.

Здесь на Марка почти не обратили внимания. Хотя сам по себе неприятный визит и обсуждался, ничто не могло отвлечь шоферов от компьютерных войн.

Единственным, кого Марк здесь знал, был Миша, водитель Андрея. Он иногда заезжал в гостиницу, и как-то даже подбрасывал Марка до филармонии. Миша, бывший летчик, был известен еще и тем, что в момент, когда у его АН-2 отказал двигатель, в припадке вдохновенного идиотизма сочинил короткий стишок:

Облака плывут, как гуси,
Набегают на винты.
Неужели навернусь я
С этой чудной высоты?

Пока он занимался творчеством, самолет, естественно, навернулся. Но, верно говорят, влюбленным, пьяницам и поэтам везет.

Успев просмотреть «Коммерсантъ-Daily» и побеседовать с Мишей о преимуществах «Мерседеса» перед «БМВ», Марк все же дождался Андрея. Тот, по обыкновению очень спеша, что не мешало ему двигаться, словно в замедленном кадре, возник в шоферской и предложил подбросить до гостиницы. Все уверения Марка, что ему туда не надо, не помогли.

— Нам это по пути, не стесняйся, — Андрей впахнул себя на переднее сиденье. — Сейчас предупреджу компаньонов и обратно. А преферанс в десять может и не получиться, видишь, какой оборот.

Оборот выходил неприятным, с этим трудно было не согласиться, но пока Марк комментировать события отказался. Ну их, этих авизовщиков, не его это дело. Главное, самому держаться от сомнительных операций подальше.

Через пять минут он оказался опять в гостинице.

44.

День был потерян напрочь. Гулять уже не тянуло, к тому же на улице подул зимней пронзительный ветерок, началась метель. Самое время посидеть у огонька с рюмкой чего-нибудь покрепче, почитать, подумать.

Мысль о собственном доме не давала покоя. Два месяца бивачного существования способны сделать домоседа из самого отчаянного искателя приключений. А Марк и раньше не стремился окунуться с головой в неизведанное. Но события развивались явно не по его сценарию.

Екатеринбург уже обрыд. Ладно бы, если нашлось какое-нибудь дело. Но и этого не хотелось. Тогда чего же? Сидеть в «Большом Урале», пардон, «Кавказе»,

играть по вечерам в преферанс со случайными знакомыми и тешить себя надеждами, что все образуется само собой? Ах да, еще уповать на собственную исключительность, которую получил в наследство вместе с кольцом. Как ни поверни, выходило боком.

Был момент, когда Марк начал присматриваться к Уральскому университету. Надо получать образование, надо планировать свою судьбу. На Петербурге свет клином не сошелся. Есть в России места, где можно жить и проявить себя. Но потом это решение, почему-то ослабло. Тайна кольца требовала немедленных, необычных действий, а в результате ни того, ни другого.

Делать было нечего, и он направился в номер к Борис-Борисычу. До вечернего представления еще далеко, успеют поболтать.

Проходя мимо буфета, Марк услышал хрипловатый голос Геры и дребезжащий смех буфетчицы. Майор, как обычно, когда появлялись деньги, был в удаче, и тогда его обаянию не могла противиться даже соблюдающая строгий пост монашка. А буфетчицу Любу назвать монашкой нельзя было даже в шутку.

— ...Тогда мы подкатываем на «пешке» к ихнему духану и суем в окно пушку. Они там только для вида чай пьют, а на самом деле есть и брэнди, и водка. Ну, говорим, все, духи, выпивку на броню, а то щас как...

Как можно быстрее миновав дверной проем, чтобы Гера не успел заметить и навязаться в компанию, Марк прошел еще по коридору и постучал в номер Борис-Борисыча.

— Отвяжись, Гера, я занят, — послышался недовольный голос. — У меня репетиция.

— Тогда я просто так посижу. — Марку уходить не хотелось. — А может, и фокусам выучусь.

— Я думал, это Гера, — смутился Борис-Борисыч. Он стоял посередине номера в полосатой пижаме, каких уже никто не носил лет тридцать, и забавлялся тем, что, не прикасаясь руками, заставлял небольшой черный шарик дергаться в воздухе.

— Нитки, да? — Марк с ходу начал разгадывать тайну фокуса.

— А что, видно? — всполошился Борис-Борисыч.

— Не очень, — успокоил его Марк. — О следующих гастрольях ничего не слышно?

— Сидеть мне здесь до весны. — Борис-Борисыч закатил шарик в широкий рукав пижамы и вытащил его из-за шиворота. — В Сочи Гуськова послали, а какой из него иллюзионист?

Борис-Борисыча замучили интриги. Ему было под пятьдесят, и он объездил всю страну. Работал по первой категории. Не звезда, но ученик самого Старковского. А тот, как известно, всякую шушера в ученики не брал. Прошлую зиму Борис-Борисыч просидел в Норильске, в эту — выпало сидение в Екатеринбурге. А он так мечтал о Сочи. Он стремился туда не меньше, чем чеховские сестры в Москву. Но интриги...

— Не обращайтесь внимания, в цирке каждый вечер аншлаг.

— Какой аншлаг? — половина зала. И то в основном школьники. Притащут с собой портвейна, выпьют под лестницей, а потом ржут все представление, как кони.

— Вы думаете, в Сочи лучше?

— В Сочи лучше, да. Там пальмы даже зимой. А воздух! Мне очень полезен морской воздух. — Борис-Борисыч с болезненной гримасой ощупал грудь под пижамой. — У меня профессиональный бронхит.

Марк хотел еще спросить, что такое профессио-

АЭЛИТА

нальный бронхит, но не успел, в номер вошла Настя. — Я не знал, но недостаточно. — Еще триста грамм, и до вечера — ни-ни.

Если бы не преданность ассистентки своему кумиру, Марк с удовольствием завел бы с ней более тесное знакомство. Голливудские стандарты Насти способны были оставить незамеченным даже падение реквизита из рукавов манипулятора прямо на арену. Этого просто никто не замечал, Настя поглощала все внимание публики.

Разница в возрасте — Настя была вдвое, если не втрое моложе Борис-Борисыча — не мешала ей преданно следовать за маэстро даже в Норильск, хотя при ее-то возможностях запросто могла гастролировать по всему миру. Хорошая ассистентка — половина успеха.

— У меня все готово, — доложила Настя. — В магазин сходил, обед разогрела, пойдете ко мне.

— Что вы, неудобно, — как всегда, смутился в ее присутствии Марк. — Мы с Герой договорились пообедать в ресторане.

— Точно, договорились, как же я забыл! — Гера, вот уж не вовремя помянут, тут же возник на пороге собственной персоной. — И врежем по маленькой!

Марк чуть не застонал, увидев его, и вымученно улыбнулся.

— Сейчас, Настя, — пообещал Борис-Борисыч, — только вот еще руки разомну и приду.

Он достал из коробки с реквизитом карты и слово выстрелил колодой в воздух. Карты красивым веером по дуге перелетели из правой ладони в левую.

— Эх, мне бы так! — позавидовал Гера.

— Это еще что! — воодушевился Борис-Борисыч.

Двигая одними лишь пальцами, он заставил карты тасоваться с непринужденностью мультипликационной картинки. Потом запустил всю колоду вверх, так что та должна была непременно беспорядочно рассыпаться, но вместо этого легко легла ровным рядком на столе.

— Жан-Батист Камиль Коро! — воскликнул Гера. Упоминание имени известного живописца годилось ему для всех случаев жизни, когда он хотел выразить сильные чувства. — Борис-Борисыч, — с непосредственностью ребенка добавил он, — вам в картах нет равных!

— Ну уж, не скажите, — смутился Борис-Борисыч. Несмотря на изумительную ловкость рук, в преферанс он играл отвратительно.

— Мы обязательно выпьем за вас, — пообещал ему Гера, когда они с Марком выходили из номера. — Прямо отпразднуем!

45.

Свою «сбрую» Гера оставил в номере и сейчас, желая отдохнуть от устава, расстегнул китель и снял галстук, небрежно закинув его в нагрудный карман. Разгильдяй, да и только.

Всю долгую дорогу в гостиничный ресторан, — а куда же было Марку теперь деваться, — он рассказывал о том, как его допекал во время дежурства полковник.

— И ведь сам с похмелья. Рожа — как светофор, а талдычит одно: роняете звание офицера!.. При этом сам стоит нетвердо, а я — как пограничный столб.

— Тебе самому пора полковником быть, — напомнил Марк.

— Я по паркету шаркать не умею. Пойду на пенсию — получу подполковника. Это мой потолок.

— Главное, с полом не перепутай.

— Гера норму знает, — майор стал выражаться о себе в третьем лице, что означало одно — уже при-

Связист Гера попал в Афганистан еще лейтенантом. Через два года вернулся домой, а потом случилась новая командировка в Кабул. Полученный там орден Боевого Красного Знамени он никогда не носил. И об Афганистане рассказывал почему-то только женщинам, а с мужчинами молчал, камня в лицо. В Питере у него остались жена и дочка, которых он выписывать в Екатеринбург не хотел: «Что им маяться в гостинице?». Представляясь новой избраннице, отрекомендовывался: «Частично холост», что вовсе не способствовало отказу, скорее, наоборот.

Страхнуть майора с хвоста не удалось уже до вечера. Пообедали в ресторане, раздражавшем Марка своей третьеразрядностью, что не мешало официантам важно надувать щеки; потом пили пиво в номере. Часов в семь Гера наконец исчез, заверив, что не больше, чем на полчаса, но до десяти, к облегчению Марка, не появлялся.

Ближе к назначенному сроку Марк проверил припасы в холодильнике. Холодные закуски имелись в ассортименте, почти полная бутылка коньяка, лимон, сигареты. Все в порядке.

Первым осторожно в дверь постучал Борис-Борисыч. Он зашел, как обычно, любопытно огруляя глаза и шевеля остреньким носом.

— Замерз, как пингвин, — признался он, устремив взгляд на коньяк. — Даже сортир в цирке заморозили, руки не гнутся, невозможно реквизит удержать.

Борис-Борисыч принес с собой большую бутылку израильской водки «Стопка» и граммов двести вареной колбасы.

Гера явился минут через десять. Из кармана брюк у него торчало горлышко «Посольской». Когда он выставил бутылку на стол, выяснилось, что в ней осталось не больше половины.

— Сначала выпьем, — Гера сразу же взял инициативу в свои руки. — А закусим потом.

— Ты закуси сначала, — посоветовал вежливый Борис-Борисыч.

— Я вас и без закуски обыграю, — не остался в долгу майор. — Паровоз на мизере гарантирую.

— Да, кхм, возможно, — стушевался иллюзионист.

Андрея решили не ждать и расписать на троих десятичную, но не успели приступить, как тот, вытирая с плечи, несмотря на прохладную температуру, обильный пот, появился сам.

Тяжело плюхнувшись в кресло, которое при этом взвизгнуло, словно отдавшая лапу собачонка, Андрей, ни говоря ни слова, налил в стакан приличную порцию коньяку и проглотил, как лекарство.

— Что, трясут? — посочувствовал Марк.

— Не то слово. Просто вгрызлись в документы. Похоже, кто-то навел.

— А за вами еще водится что-нибудь, кроме этих... платеек, — Марк старался говорить так, чтобы остальные были не очень понято, о чем идет речь.

Но Андрей отбросил условности.

— Как сказать. С одной стороны, у нас есть разрешение на торговлю красной ртутью, с другой — вопрос, как оно получено.

— Красная ртуть? — удивился Борис-Борисыч. — Только вчера читал в газете, что ее в природе не существует.

— Точно, не существует, — повеселел лицом Андрей. — А что же это за накладная у меня в папке на двести килограммов?

— Ничего не понимаю, — признался Борис-Борисыч.
— И не надо, — утешил его Гера. — Познание приумножает скорбь.

— Николай срочно вылетел в Москву. — Андрей вновь вытер пот с лысины. — Все теперь на мне. Хоть бы послезавтра вернулся!

Пульку отложили, что не помешало приятелям налечь на горячительное. Постепенно Андрей утешился и даже проявил интерес к картам, но чисто теоретический.

— Сыграл бы, да завтра рано вставать.

Остальным ранний подъем не грозил, и после ухода Андрея пульку все-таки расписали. Борис-Борисыч обреченно два раза проехался на паровозе, Гера с лихостью кавалериста меньше девятерной не заказывал, и в результате Марк написал на него немислимое количество вистов. Но радовало это мало.

46.

Буря в конторе у Андрея вскоре пошла на убыль. Стало понятно, что немедленное заключение под стражу сотрудникам пока не грозит, но успокаиваться все же рано.

Шеф съездил в Москву не зря, местные инспекторы стали более снисходительными, но все равно становилось ясно, что фирма в прежнем виде существовать не сможет. Надо перестраиваться.

Никогда еще Марку не доводилось выступать в роли душеприказчика, но Андрей посчитал, что Марк для этого вполне подходит, и щедро делился новыми заботами. Иногда Марку хотелось заткнуть уши: и своих проблем хватает, но он боялся показаться невежливым.

О фальшивых авизовках мигом забыли. Зачем новые хлопоты, когда следует заботиться о старых грехах? Как назло, в «Труде» появилась большая статья о продаже за рубеж красной ртути. В лоб ничего не говорилось, но промелькнули кое-какие фамилии, в том числе и Николая.

Переполошившись вначале, Андрей понемногу успокаивался: «Если что — я чист, они тут до меня немало натворили». И лишь о прежних крупных заработках можно было забыть.

Марк тоже убедился, что чужие проблемы смогут затронуть его мало. Подумаешь, проверили документы. Никакого криминала следствие, даже если оно начнется, ему вменить не могло. И он постепенно стал наблюдать за происходящим в фирме с любопытством не очень азартного болельщика.

Зайдя как-то раз на работу к Андрею, он, к своему удивлению, в кабинете шефа обнаружил совсем другого человека, который раздавал распоряжения с уверенностью первого лица. На неудомленный взгляд Андрея объяснил:

— Да, пригласили ликвидатора. У него есть опыт закрытия фирм. Все надо сделать очень чисто, и, по возможности, не оказаться в прогаре.

События приобретали новый поворот.

Зима катилась уже под гору. Гера почти на неделю пропал из поля зрения. Борис-Борисыч простудился в своем цирке и лежал с температурой, Настя за ним старательно ухаживала. Андрей метался по городу, улаживая дела и причитая, что надо искать новую команду. Марк, на какое-то время оставшись один, затосковал по Питеру так, что еще пара дней — и он махнул бы на все рукой и отправился к Ветке.

Вечера за преферансом отошли в прошлое, но тут у Андрея появилась новая идея.

Уже поздно вечером он позвонил Марку в номер и голосом опытного заговорщика попросил зайти к нему на минутку.

— Старик, если ты опять про коммерцию, то лучше не надо.

— Как раз наоборот. — Андрей таинственно помолчал. — Совершенно ничего общего. Давайте махнем за город.

— В такие морозы!

— Да не на лыжах же кататься. Ладно, давай заходи, объясню все подробнее.

Заинтригованный Марк, несмотря на то, что собирался принять душ и завалиться с книжкой на боковую, не выдержал и спустился на первый этаж.

Проходя мимо массажного кабинета, что соседствовал с номером Андрея, он заметил девушку. Впрочем, это было как раз не удивительно — вечно у этих дверей кто-нибудь торчал. Чаще всего, правда, мужчины, или милиция, в основном настроенная добродушно, или те же обитательницы таинственной комнаты, выбравшиеся в коридор на перекур. Но девушка, хотя и держала в руке дымящуюся сигарету, стояла, уперевшись лбом в стену, и Марк услышал почти детские всхлипы.

— Что-нибудь случилось? — спросил он больше из вежливости, чем из желания помочь.

— Отстань, козел! — девушка явно не собиралась кидаться ему на грудь в порыве благодарности.

— Как скажете, — Марк пошел дальше.

— Катись, катись, — донеслось ему вслед. — Эй, подожди!

— Чего ждать-то? — рассердился уже Марк. — То «катись», то «подожди».

— Подожди, — девушка повернулась к нему лицом. На правую щеку наплывала полоска туши, но в общем-то мордашка симпатичная, живая. Вздернутый маленький носик, голубые, словно нарисованные акварелью, глаза. — Ты здесь живешь?

— Нет, просто прогуливаюсь. Чего ревешь-то?

— А, так, — неопределенно махнула рукой девушка. — Мелкие неприятности. Ты случаем не мент?

— А что, похож?

— Нет, — с сожалением призналась девушка. — А жаль. Лезет тут ко мне один старлей из отделения. Такая сволочь! Думала, поможешь.

— Мечтаешь ему морду набить?

— Вот уж не помешало бы, — девушка бросила сигарету на пол, придавила носком туфельки. — Элеонора, — серьезно представилась она, подойдя к Марку поближе.

— Кто же тебя назвал так? — удивился тот, глядя на ее открытое славянское лицо. — Может, придумываешь? А на самом деле Таня или Лена.

— Нет, Элеонора. Правда, не вру. Не вру, а никто не верит. Ты куда идешь? Я — с тобой.

— Зачем это? — Марк уже пожалел, что затеял разговор. — У меня дела.

— Какие могут быть дела в гостинице, — Элеонора игриво взяла Марка под руку. — Пошли к тебе, поболтаем.

Таща за собой Элеонору, словно террьер, вцепившуюся в его рукав, и проклиная себя за глупость, Марк вошел в номер Андрея. Тот по обыкновению сидел в кресле, сложив руки на животе, и мечтательно смотрел в потолок, но, обнаружив на пороге гостей, вскочил, словно его застали за предосудительным занятием.

— Ты не один! — воскликнул он, как будто вместе

с Марком к нему ворвались чудовища. — Не ожидал. Сейчас, айн момент, будет кофе. Наташа! — закричал он голосом, способным остановить на скаку лошадей. — Где у нас кофейник?

— Он на твоём столе, милый. — Наташа выплыла из спальни и застыла, глядя на Элеонору, как дуэлянт на противника через прорезь прицела. — У тебя, Марк, появились знакомые?

— А что, нельзя? — Марк почувствовал себя совсем глупо. — Зашел вот к вам поболтать. У Андрея есть какая-то идея.

— «Какая-то», — передразнил его Андрей. — Грандиозная идея. Давайте устроим пикник.

— Завтрак на траве. Придется тогда ждать до мая.

— Ничего подобного. Понимаешь, у фирмы есть свой дом в Вешенках. Километров сорок от города. Махнем туда всей компанией на выходные. Баньку протопим, погуляем на свежем воздухе. Развеемся, одним словом.

— Ну, не знаю, — Марк с сомнением уставился на Андрея. — На улице мороз под тридцать.

— Подумаешь! Дом теплый, большой. Все поместится. И твоя знакомая тоже может поехать.

— Вот здорово! — восхищалась Элеонора и преданно заглянула Марку в глаза. — А ты мне спинку потрешь?

47.

Элеонора привязалась к Марку намертво. Не понятно, чем уж он так ее привлек, но только все попытки избавиться от назойливой спутницы кончились ничем.

Нельзя сказать, что она ему не нравилась. За наносной вздорностью чувствовался веселый и искренний характер, как у выросшего до размеров взрослой собаки неопытного щенка. Голубые глаза, если только Элеонора не была обижена, постоянно сияли, как у ребенка в предвкушении дня рождения. В первый вечер Марку все же удалось спровадить ее обратно в массажный кабинет, но наутро, часов в восемь, она разбудила его звонком по телефону, а потом явилась и сама, причем моментально выяснилось, что идея поездки за город ни на минуту не забыта.

Андрей вновь умчался по делам, и Марку выпала роль связного: он по очереди навестил Борис-Борисыча с Настей, а потом и Геру. Никто против отдыха на свежем воздухе не возражал, даже больной Борис-Борисыч. Его особенно привлекала перспектива попариться в бане и снять простуду.

Убедившись, что Элеонора не отвяжется, Марк представил ее своим друзьям. Иллюзионист немедленно сотворил для нее из воздуха букетик искусственных фиалок, а Гера так усердно щелкал каблуками и кивал головой, что Марку пришлось попридержать его за плечо.

Поехать решили в субботу с утра. Андрей выпросил для такого случая в конторе микроавтобус «Ниссан», а водителем добровольно вызвался быть поэт-летчик Миша.

Собирались шумно. Накануне Марк с Элеонорой ходили по магазинам, накупили всякой всячины. Гера особенно беспокоился, чтобы в достатке были напитки, с такой же серьезностью Андрей заботился о закусках. Продуктами и выпивкой забили две здоровые коробки, и в результате в автобусе разместились с трудом.

Мороз стоял такой, что от холода сворачивались уши, но в машине было тепло, и Гера немедленно

предложил начать празднование уже в дороге.

Сначала по шоссе между заиндеветыми соснами, потом по проселочному свертку между холмами, примерно за час добрались до места. Выгрузились на заскрипевший, как крахмал, снег перед большим двухэтажным домом.

— Это ваша загородная резиденция? — Марк потер сразу замерзший нос. — Ничего себе домик.

— Бывший дом отдыха работников пищевой промышленности. — Андрей, пыхтя, выволакивал из машины коробки. — Сейчас там только один сторож, он же истопник. А вон и баня, — указал он на бревенчатый сруб. — На втором этаже есть бильярд и гостиная с камином. Наташа, где мои сигареты?

— Они у тебя в кармане, милый.

Наташа на правах хозяйки вошла в дом первой. Остальные потянулись за ней.

На первом этаже разместились большая кухня. Скоро женщины, не очень знакомые друг с другом, уже слаженно хлопотали за длинным столом, затевая лепить пельмени.

Вошел сторож Володя, впустив за собой облако мороза. Он, как ямщик, хлопал себя крест-накрест руками и обещал протопить дом так, что будет, как в Африке. До Африки было пока далеко, и решили согреться подручными средствами. Бородатый Володя пить водку отказался, а попросил спирту, который предусмотрительный Гера все же захватил с собой, не очень надеясь на общественные припасы. Сторож велел налить ему целый стакан и, не разбавляя, ахнул все двести граммов залпом. После этого подвига он упал с табурета и затих.

Дом, как и баню, пришлось топить самим. Мерзлые березовые чурбаны разлетались от удара топором, как стеклянные. Марк натешился вволю. Через десять минут он скинул куртку и махал топором уже в свитере.

Еще до бани Андрей провел экскурсию по дому. На втором этаже действительно оказались камин и бильярд. Тут же распределили комнаты, и Элеонора по-хозяйски стала устраиваться в общем для нее и для Марка номере. Тот только хмыкнул, увидев, как она распаковывает свою и его сумки, но не сказал ничего.

Кроме этого посетили и оружейную. Каморка с металлической дверью, ключ от которой был только у Андрея, вмещала с десяток винтовок и два акэзма.

— Это еще зачем? — удивился Марк.

— Шеф на этих железках совсем помешался. Если хотите, можем пострелять.

— Еще чего, — Борис-Борисыч с ужасом смотрел на арсенал. — Мы мирные люди. Да и, наверное, это незаконно.

Гера отнесся к оружию по-другому.

— Баракло, — коротко констатировал он. — Рухлядь.

Обиженный Андрей закрыл комнату.

Парились весело, с хохотом. Гера выскакивал голый на мороз и валялся в сугробе. Кроме него, не рисковал никто.

Обедали уже затемно, потом перебрались к камину. Сторож очнулся и настойчиво попросил спирту. После добавки он вновь впал в анабиоз.

Иногда Марку казалось, что о таком вечере он мечтал всю жизнь. Потягивая коньяк и глядя на жаркий огонь, он ощущал на своем плече приятную тяжесть Элеоноры, которая, как маленькая девочка, прижималась к его руке. Беседовали неспешно. Борис-Бори-

сын наотрез отказался показывать фокусы, и, к всеобщему удивлению, вместо него успешно выступила Настя. Остальные дамы немедленно решили пройти краткий курс манипулирования у подружки и беспомощно рассыпали все карты по полу.

Ближе к полночи Гера все чаще стал упоминать Жана-Батиста Камилля Коро и рассказывать Элеоноре о ночных полетах на вертолете в горах Афгана.

Такой тихий семейный вечер. По своим комнатам разбрелись уже в третьем часу ночи.

Ставшая вдруг очень серьезной Элеонора расстелила постель, искоса взглядывая на Марка, и начала раздеваться сама. На стул полетели легкий свитерок, брючки. Оставшись в короткой майке, Элеонора юркнула под одеяло и натянула простыню до самого носа.

— Ну, чего же ты?

Марк потрепал ее по волосам, отошел к окну, закурил.

Стояла гулкая сказочная тишина. Ни огонька. Стало слышно, как в бору от стужи трескаются сосны, словно стреляют из детского пистолета.

— Ну, чего же ты? — повторила Элеонора.

Марк затушил сигарету.

48.

На следующий день все поднялись поздно. Спустились на кухню заспанные, скучные, хотя погода выдалась ясной и солнечной.

Гера, по-гусарски подтянутый, уже забросил в печку дрова и, похоже, поправил здоровье, потому что встретил друзей «Маршем энтузиастов».

— Водку будешь? — первым делом спросил он у Марка.

— До двенадцати джентльмены не пьют. — Марк подтолкнул Элеонору в гибкую спину, направляя ее к умывальнику. — Пива бы еще можно.

— А я буду, — очнувшийся от летаргии Володя выполз из своей каморки. — Или спирту.

Гера налил ему стакан, и Володя исчез, как фантом.

Ехать в город никому не хотелось, но после обеда надлежало вернуться. Завтра у Андрея намечался трудный день.

Выбравшись на мороз глотнуть свежего воздуха, Марк увидел, как к воротам заруливает темно-вишневый джип «Чероки» с тонированными стеклами. Это кого еще принесло?

Из машины не спеша выбрались четверо кавказцев и направились к дому. Свои?

Тут же все и выяснилось. Правда, Андрей принял гостей хмуро.

— Знакомьтесь, это Гюндуз, — представил он темноволосяго, с непокрытой головой мужчину, шествовавшего впереди остальных. — Друг Николая.

Марк пожал жесткую и такую же бесчувственную, как деревяшка, ладонь и направился к себе в комнату собираться.

— Кто это? — спросил он на ходу у Андрея, также пошедшего на второй этаж.

— Это наша «крыша». Гюндуз контролирует рынок и прикрывает заодно фирму. Естественно, не бесплатно.

— Ну и рожа. Водитесь со всякими.

— Ты потише, он обидчивый. Видишь, приехал развлечься. Удивительно, что они без девочек.

Таца на плече сумки, Марк через полчаса вновь спустился на кухню. Вся новоприбывшая компания сидела за столом. Южная зелень, фрукты, коньяк. Во-

лодя уже снова упал с табуретки и лежал на половичке возле печки.

Элеонора, до этого не видевшая приехавшей на смену компании, тихо ойкнула и спряталась Марку за спину.

— Привет, Элеонора! — Гюндуз приветственно поднял стакан. — Какая шустрая девушка, везде поспевает. Это, что ли, твой новый друг? — кивнул он на Марка.

— Угадал с первого раза, — Марку не понравились взгляды, которыми обменялись азербайджанцы. Что-нибудь имеешь против?

— Такой молодой, такой горячий, — рассмеялся Гюндуз. Похоже, ему не хотелось ссориться. — Садись, выпьем.

— Не рановато?

— Если Гюндузу не рано, не рано и тебе. Садитесь, садитесь, все садитесь. В город еще успеете.

Скрипя сердцем, Марк выпил невкусный с утра коньяк. Побеседовали о погоде. Элеонора все это время просидела молча, кусая губы и не притрагиваясь ни к выпивке, ни к закускам.

Наконец объявился Андрей и сказал, что к отъезду все готово. Минут через десять и отправились.

— Откуда он тебя знает? — спросил Марк у Элеонору уже в машине. — Раньше виделись?

— А его весь город знает. — Чем дальше оставался дом отдыха, тем спокойнее чувствовала себя Элеонора. — Этот жук, наверное, самый главный в местной мафии.

— Ты-то здесь при чем?

Но Элеонора пропустила вопрос мимо ушей.

Уже в номере, куда Элеонора последовала за ним, как собачонка, Марк решил расставить точки.

— Ты теперь здесь жить собираешься?

— Если не выгонишь. Не бойся, не навсегда.

— А что ты делала в массажном кабинете?

— Работала, — Элеонора пожалла тонкими плечами, села на кровать. Акварельные глаза распахнулись, как окна, но в них стояли слезы. — Как все, так и я. Родители в деревне. Выучилась тут на швею, да фабрика накрылась. Там сейчас и своих-то увольняют.

— Так ты теперь массажистка?

— Могу и массажисткой, курсы закончила. Давай я тебя разомну.

Элеонора притянула Марка к себе, быстро провела ладонями вдоль позвоночника. Но тот не принял игры.

— А от меня-то что хочешь?

Акварельный взгляд снова потух.

— Ты ведь меня не выгонишь? — Элеонора заглянула в глаза Марка снизу. — Не выгонишь, ты — добрый.

— А остальные злые?

— Зачем ты так? Ведь сам все понимаешь. Хорошо, я иду.

Марк посмотрел, как девушка обреченно протопала к своей сумке и, шмыгая носом, застегнула молнию.

— Ладно, погоди. Разберемся еще. Давай пока чаю выпьем. Тебя мама что, так Элеонорой и звала?

— Нет, Элей. Сама ненавижу это имя. Просто не имя, а кличка какая-то.

Скорби в глазах как не бывало. Элеонора схватила кипятивник и заметалась по номеру в поисках розетки.

«Мало того, что сам бездомный, — думал Марк, в очередной раз отправляясь на главпочтамт, чтобы отправить письмо Ветке, — еще и приبلудившейся подругой обзавелся. Вот кошку в номер притащу, и будет полный комплект».

Он не позволил себе слабости: мучиться угрызениями совести. Еще не известно, удастся ли когда-нибудь вернуться в Питер. Как там Ветка, с кем — не понятно. Может, конечно, и ждет, глупо по-бабьи глотая по ночам слезы, а может, вполне утешилась, ведь сколько времени прошло.

Жестокие игры затеял с ним Анубис. Жизнь, похожая на бред. Умер, очнулся, снова умер. Это наказание такое или награда? Если награда, то отдайте ее лучше другому.

После морозов грянули оттепели, стало сыро. Снег превратился в кашу, налипал на ботинки, трудно идти даже по асфальту. Да и где асфальт? Дворники, похоже, вымерзли, как класс.

Бросив в ящик заранее подписанный конверт, как всегда без обратного адреса, Марк прошел к Исети. Такой большой город, а речка чуть шире ручья. И вода в Екатеринбурге дрянь: стоит открыть кран, как воняет сероводородом. Город без нормальной реки — болото.

С одной стороны моста, там, где запруда, стоял лед, и на нем сидели с удочками рыбаки. С другой, свободной ото льда, по воде скользили байдарки. Чудеса, да и только!

Понаблюдав одновременно за летним и зимним видами спорта, Марк почувствовал, что продрог. Сырость хуже стужи. Как там называют теплую сырую зиму? Сиротской. В том смысле, что и сирота на улице не замерзнет. Однако, все неправда. Не заоченеет, так от соплей захлебнется.

Можно было еще свернуть на Малышева, заглянуть на работу к Андрею. Только что он там забыл? Фирма успешно ликвидируется. Следователи постепенно отстали. Нет, нашли что-то, конечно, и потихоньку таскают дирекцию на допросы, но конкретных улик нет как нет. Андрей уже подыскивает новое дело. Флаг ему в руки.

Марк подумал, что стоит возродить общие вечера. Надоел преферанс? И бог с ним. Можно ведь просто собраться, посидеть, поболтать. Случаем, ни у кого дня рождения не намечается?

В фойе гостиницы сегодня было многолюдно. Приехала какая-то делегация. Сумки раскиданы по всему первому этажу, бестолково толкуются люди. Марк, не останавливаясь, миновал толпу и направился к лестнице, когда его окликнули. Голос незнакомый, низкий, с акцентом. Гюндуз!

Как всегда в сопровождении мрачной свиты, Гюндуз стоял возле администраторской стойки и беседовал с соплеменниками, но Марка заметил первым. Что ему надо?

— Куда спешишь, дорогой? — голос Гюндуза — само радушие. — Друзей не замечаешь.

— Да вас тут много, — отшутился Марк. — А я तो рплюсь.

— Все торопятся, — огорчился Гюндуз. — Один я бездельник. К Андрею зашел — нету. И на работе нету. Николая ишу — нету. Куда все подевались?

— Не знаю, — Марк постарался завершить разговор. — Я Андрея и сам два дня не видел.

— Подожди, зачем спешишь? Раз никого больше нету, давай вместе посидим, вина выпьем.

Была еще надежда отговориться, но не удалось. Гюндуз кивнул своим боевикам, и вместе с Марком все они поднялись в его номер.

Эля смотрела телевизор и вязала шарф. На нее внезапно напал бес хозяйственности. Один шарф она Марку уже связала, и тут же взялась за второй. Гостей встретила изумленным взглядом.

— Кого я вижу! — Гюндуз оскалился в улыбке. — У тебя тут и девушка есть. Какое красивое имя — Элеонора. Давай, Элеонора, накрывай на стол, гости пришли.

— В холодильнике пусто, — Эля ответила холодно и демонстративно встала из кресла, чтобы уйти в другую комнату.

— Сейчас все купим, — Гюндуз достал бумажник, вытащил, не глядя, пачку денег, протянул Эле. — Сходи, возьми, что полагается.

— Обойдетесь, — Эля поджала губы.

— Строптивная девушка — это плохо, — серьезно сказал Гюндуз и сунул деньги одному из своих сопровождающих. — У нас на Востоке мужчина — хозяин.

Эля вспыхнула, хотела сказать что-то резкое, но сдержалась. Наклонила голову и, прихватив с собой вязание; прошла в спальню.

Минут пятнадцать Марк занимал Гюндуза болтовней, больше всего желая на самом деле, чтобы духу этих людей в номере не было. Но причин для ссоры не возникало, Гюндуз держался хотя и хамовато, но оставался в пределах приличия. Вскоре вернулся и гонец, таща большой пакет всякой еды и выпивки.

— Так за знакомство, — масляные глаза Гюндуза смотрели в упор. Очень уверенный взгляд, чтобы не сказать — наглый. — О тебе мне Андрей много рассказывал. Хороший, говорит, парень. С ним можно дружить. Живет в гостинице один. А зачем один, когда есть друзья. — Он залпом выпил свою рюмку. Боевики за обеденный стол не сели, так и стояли у окна, что-то лопоча по-своему. — Я начал думать, — Гюндуз снова посмотрел в упор. — Почему такой одинокий, откуда приехал? У меня вот друзей вся страна. В любой город приеду, встретят, как родного.

«К чему это он? — нахмурился Марк. — Куда гнет?»

— Недавно в Москву ездил, смотрел, как там люди живут. Большой город, народу много. Но Гюндуза в столице знают. Встретил там одного старого знакомого. Ох, он совсем плохой стал. Большой, за сердце держится, седой совсем, дела бросил. Что, говорю, случилось, дорогой? Какая беда? Помогу. А Портной уже не Портной. Костюм носит плохой, сидит в квартире, никуда не ходит. Ест плохо.

Марк уставился в стол. При имени Портного он непроизвольно дернулся, но сдержался, не закричал, не опрокинул стол и не кинулся к выходу. Сейчас все прояснится.

— И ты знаешь, — Гюндуз изумленно округлил глаза, — какую он мне страшную историю рассказал? Не поверишь.

— Чего ты хочешь? — Марк смял салфетку и швырнул на стол. — Договаривай!

— Где твой боец? — неожиданно жестко спросил Гюндуз. — Ты думаешь, Гюндуз глупый. А я — умный. Все справки навел. ФСБ, милиция, полиция, домоуправление. У меня о тебе папка толще чем вот это, — Гюндуз поднял со стола пухлый том энциклопедического словаря. — Ты меня не боишься, — откинулся он на спинку стула. — Но и я тебя не боюсь. У тебя должно быть одна вещь, и я ее хочу. Что же ты не пьешь? Плеснуть бы этот коньяк тебе в морду! Марк по-

вертел в пальцах ставшую почти горячей рюмку. Но нет, так не годится.

— Что ты хочешь от меня? — он заставил себя улыбнуться и пригубить коньяк. — Какая страшная история? Я ничего не знаю. Расскажи.

— Ладно. — Гюндуз встал, резко оттолкнув стул, охрана напряглась. — Ты подумаешь, а потом мне все расскажешь сам. Как другу, — добавил он насмешливо. — Но подумаешь хорошо. Гюндуз — не ФСБ, дела не изгадит.

50.

Каким боком он зацепился за меня, что ему подсказало, что именно я встретился с Портным в Москве? Кто-то навел? Или опять невообразимое совпадение? А ведь может статься и так, что за мной по-прежнему наблюдает ФСБ и только делает вид, что след потерян. У этой организации все средства хороши, запросто может привлечь для своих целей и уголовников.

Надоело бегать. Да и куда бежать? Надо попробовать навести о Гюндузе справки самому.

Эля как ушла в спальню, так больше из нее и не выходила. Марк нервно пометался по гостиной, постоял у окна. Снег в скверике стал темный, а тропинки совсем черными. Трамвай промчал по проспекту Ленина, красным жирным мазком прочертив длинную линию. Ворона у подъезда гостиницы нашла пустую пивную банку и затащила на сугроб, потом отпустила. Банка покатила вниз, и ворона, наклонив голову, проследила за ее движением. Потом вразвалку спустилась с сугроба, подхватила банку клювом, медленно взобралась обратно и вновь бросила.

Марку наскучило наблюдать за птицей быстрее, чем она наигралась. Он пошел к Эле.

— Что ты можешь рассказать об этом Гундосе? — он начал зло, но осекся, увидев Элины глаза. — Я тебя не допрашиваю, мне просто необходимо кое-что выяснить. Ты слышала наш разговор?

— Я не подслушивала. — Эля отложила вязание. — Мне он неприятен. Противен даже! — неожиданно крикнула она.

— Давай поговорим спокойно. — Марк сел на кровать рядом. — Он кто?

— Ведь говорила уже, говорила. Мафия. Приехал сюда года три назад. С местными у него война.

— Не густо. А с кем он враждует?

— Да что я, знаю их всех, что ли? Слышала, с Китайцем у него вышла какая-то заваруха, и еще с Сивым. Стреляли.

— И убивали?

— А как же! Ты что, с луны свалился? Весь город от этих разборки трясется.

Так, ничего нового. Об этом и без Элиных рассказов догадаться было можно. А вот то, что у Гюндуза есть враги — хорошо. Стоит попробовать с ними встретиться. Правда, задаром они ничего делать не будут. А денег мало.

Кажется, ясно и то, что Гюндузу толком ничего о кольце неизвестно. Догадывается, конечно, что есть у Марка какая-то ценная вещь, и о Джесертепе ему Портной рассказывал, потому и разговор пока был достаточно вежливый. А так бы взяли в оборот сразу.

— Джесертеп! — тихо позвал Марк. — Ты мне нужен.

Он прислушался, но тишина была ему ответом. Мертвая тишина.

Если бы демон явился сейчас, Марк стал бы спокоен. Он-то выручит. Но демон молчал.

Спустившись вниз, в номер Андрея, он застал в нем только Наташу. Попробовал дозвониться в контору, сказали, что ушел, когда вернется — неизвестно. Никаких других знакомых, способных прояснить обстановку, у Марка больше не было. Путь один — к Гере.

У Геры настроение оказалось не лучше, чем у Марка. Вечером на дежурство. Вынужденная трезвость плохо отражалась на самочувствии майора. Он приводил себя в порядок в ванной и встретил гостя с намыленными щеками.

— Сейчас добреюсь, и...

— Вмажем, — подсказал Марк.

— Грешно смеяться над больным человеком. Чертова служба! Даже пива нельзя, запах будет.

— А ты одеколоном, одеколоном.

— А что, это мысль, — оживился Гера. — Или корвалолом. Сердце, мол, болит, и все.

— Да ну тебя. — Марк переставил со стула на стол полную пепельницу и осторожно сел. — Нужен совет.

— Кто же дает советы насухую? — Гера вышел из ванной, вытирая лицо полотенцем. — Как бы не ляпнуть чего глупого.

— А от тебя умного и не требуется. Что бы ты стал делать, если бы тебя стали трясти?

— То есть как?

— Ну, угрожать. Требовать, скажем, денег.

— Фиг им! — спокойно сказал Гера. — Да у меня денег все равно нет.

— А если бы были?

— Все равно бы не дал. С какой стати?

— Гюндуза помнишь?

— А, этого, чернявого. Помню, конечно, выпивали же вместе. А что — он?

Марк кивнул.

— Вот сволочь! Пей после этого с людьми. И много просит?

— Все, что есть.

Гера присвистнул, сел напротив. Машинально взялся за пустую бутылку, повертел в руках и с отвращением поставил на пол.

— В милицию не обращался?

— Ты трезвый точно плохо соображаешь. Сам-то понял, что сказал?

— Точно, глупость сморозил. А если уехать?

— Было уже. — Марк устало уставился в окно. — Бегал. Вот, добежал до Екатеринбурга.

— Погоди, не отчаивайся. Жан-Батист Камиль Коро! — Гера пристукнул кулаком. — Я еще обмозгую это дело за ночь. У тебя ствол есть?

Марк отрицательно покачал головой.

— Это зря. Если начнут пугать по-серьезному, то ведь и ответить можно. А деньги?

— Есть малость.

— Тогда вот что. Давай мне наличные, я тебе ствол притащу. Все-таки спокойнее.

Отдав деньги, Марк вернулся к себе в номер.

51.

Еще до вечера Марк несколько раз заходил к Андрею, хотя можно было просто позвонить. Наконец, где-то около десяти тот оказался на месте.

Сложив руки на животе и пристально глядя на Марка сквозь толстые стекла очков, Андрей к вопросам о Гюндузе отнесся в общем-то спокойно. Да, бандит, да, темная лошадка. Ясно, что за ним стоит вся восточная мафия. Почему Николай пошел под Гюндуза, а не под кого-нибудь из местных авторитетов —

АЭЛИТА

непонятно, но ему лучше знать. Андрея эта тема волновала мало.

— Ты понимаешь, что я познакомился с ним через тебя? — Марка стало раздражать спокойствие приятеля. — Что он через тебя на меня вышел? Посовещуй хоть что-нибудь. Может, к Николаю обратиться?

— Он опять в Москве. И много Гюндуз у тебя просит?

— Какая разница. Много, мало. Главное не это. Через кого-нибудь другого управу на него найти можно?

— Спорный вопрос. — Андрей неторопливо закурил. — Вряд ли с ним захотят связываться. Уж больно жесток.

— Ну и с хламом водитесь вы, господа предприниматели!

— Так не мы одни, — Андрей вздохнул. — Не мы эти законы устанавливали. Если повезет, надо поискать вольных стрелков, гастролеров. Те не боятся ничего. Заплатишь — уберут и Гюндуза.

— Убьют, что ли?

— Ну... Может, напугают.

— Напугаешь его, как же. Нет, это все не то.

— Тогда договорись.

От Андрея Марк ушел ни с чем. Как ни верти, получалось, что он остается в этой схватке один на один. От Борис-Борисыча толку тоже никакого. Не фокусы же он будет Гюндузу показывать?

Мелькнула мысль о подмене кольца, все равно его действие проявится не сразу, не проверишь. Но тут же отпала. Ну и что из того, что он всучит фальшивую вещь? Гюндуз действительно не ФСБ, найдет способ подстраховаться.

Эля почувствовала, что с Марком происходит что-то неладное, сразу после дневного визита. Ее Марк посвящает в свои проблемы не собиравшись. Но все же жалко девчонку. Весь день он с ней не разговаривает, а рычит. Она-то тут при чем?

Настроившись быть с Элей поласковее, Марк подошел к своему номеру. Приоткрытая дверь насторожила сразу, но не бежать же из гостиницы на улицу.

Вся команда Гюндуза была здесь в сборе. Сам он, как хозяин, сидел в кресле, остальные почтительно стояли.

— Где гуляешь, дорогой? — в своей привычной манере приветствовал он Марка. — Гости в доме, а тебя нет. И хозяйка у тебя неласковая. Не хочет даже чаем напоить.

Эля с побледневшим и разом осунувшимся лицом стояла возле стены и нервно курила. Прямо посреди комнаты Марк увидел свою раскрытую дорожную сумку, вытащенные из нее вещи валялись рядом.

— Ты что, вор? — тихо сказал Марк. — Зачем рылся в вещах?

— Тц-тц, — поцокал Гюндуз зубом, не обращая внимания на вопрос. — Ты подумал?

— Ты все перепутал, приятель. Никакого Портного я не знаю. В Москве у меня знакомых мало. И я не понимаю, чего ты хочешь от меня.

— Я же тебе говорил — подумай, — огорчился Гюндуз. — Целый день давал. А ты упрямый, как... Как прямо ишак упрямый. Говорят, тебя убить нельзя, какую-то силу имеешь. Я и не буду тебя убивать, — Гюндуз хитро прищурился. — Давай сделаем так. Я забираю твою хозяйку, везу ее к себе в гости. Ты знаешь мой дом?

— Какой еще дом, не знаю ничего!

— Плохо. Дом Гюндуза надо знать. Тогда поедем вместе. Не бойся, просто в гости поедем. Захочешь, потом уйдешь. А Элеонору оставишь. Она у меня пока

споживет. А ты будешь думать, думать, и поймешь — Гюндуз никому зла не хочет. Ты мне отдашь вещь, я тебе — девушку. И мы — друзья.

Как и в гостинице «Нижегородская», Марк схватился за стул, но тут же охнул от полученного удара в голову. Ему быстро накинули на плечи куртку и повели к машине.

52.

«Чероки» промчался по центральной улице и свернул налево. Марк, зажатый с двух сторон крепкими парнями, сидел, не дергаясь, все равно без толку. Пересекли знакомую улицу Малышева и по кольцу выехали на Белореченскую. Потом вновь повернули налево. Начался квартал частных домов. Этот район города Марк не знал совсем.

Крепкие особнячки тянулись улица за улицей. Попадались и большие трехэтажные постройки, но джип остановился перед обычным, с первого взгляда, домом. Единственное отличие — высокий забор из железобетонных плит с протянутой поверху колючей проволокой и сторожевой башенкой в углу двора с мощным прожектором. Вышка очень походила на те, что устанавливают в зонах.

Крашенные зеленой краской железные ворота распахнулись, словно нехотя, и машина вкатилась внутрь обширного двора, где уже стояли два представительных «Мерседеса».

Тут же со стороны дома и откуда-то сбоку к джипу подтянулись вооруженные люди, встречая хозяина. В сетчатом открытом вольере Марк увидел собак.

«Ничего себе они тут окопались, — подумал он, выбираясь на утопанный снег. — Прямо крепость».

Элю вывели вслед за ним, и все прошли в дом.

Внутри поразило обилие ковров на полу и на стенах. Мрачноватый и удушливый восточный колорит. Но комната оказалась просторной, из нее же на второй этаж вела лестница.

— Как тебе у меня? Дорогу запомнил? — Гюндуз отослал лишнюю прислугу, в комнате остались только телохранители.

— Надо будет — найду.

— Конечно, надо будет, дорогой. Ты ведь не хочешь, чтобы с Элеонорой случилось беда? Такая красивая, молодая. Очень тебя любит.

Марк перевел взгляд на Элю. Она на него даже не смотрела. Уперлась глазами в пол и молчит. Плакать себе на позволяет, но видно, как дрожат губы и пальцы мнут дешевую сумочку. Все собирался купить что-нибудь получше, да так и не собрался.

— Девушка останется здесь. Три дня буду ждать. Нет, два дня. Потом будем Элеонору потихоньку мучить. У меня есть сильные ребята, хорошие парни, но нервные. Очень не любят тех, кто ссорится с Гюндузом.

— А что ты хочешь, чтобы я тебе отдал? У меня и денег-то нет.

— Зачем мне деньги? Портной сказал, ох, какой плохой стал, у тебя есть вещь. Она дает силу. В ФСБ тоже знакомые говорили, есть такая вещь. Ты от них убежал. Многих убил.

— Не боишься, что и тебя убьют?

— Гюндуз никого не боится. Раз ты пока ничего не сделал, не сделаешь и дальше.

Логично. Марк осмотрелся более внимательно. Куда они поместят Элю? В подвал? Что же он сможет тогда сделать? Да если даже и в доме, где-нибудь наверху, никакой разницы. Во двор, и в тот не про-

рваться. В милицию обращаться бесполезно. Есть смысл попробовать договориться с ФСБ, но простят ли ему пожар на Лубянке и убийство сотрудников? Вряд ли их устроит объяснение, что это не он, а Джесертеп.

— Джесертеп, — тихо прошептал Марк.

— Ты чего шепчешь? — подозрительно спросил Гюндуз. — Молишься? Аллах не сотворит для тебя чуда, а нет бога, кроме Аллаха.

Ну почему же, хотел возразить Марк. Кто знает, сколько этих богов на самом деле? И кто знает, не один ли это бог, несмотря на свою многоликость?

— Не хочешь оставлять девушку, давай договоримся прямо сейчас.

— Давай попробуем, — Марк взял Элю за руку, притянул к себе. — Во-первых, ты не знаешь, чего просишь. Во-вторых, если я тебе это и отдам, то ты все равно не сумеешь этой вещью воспользоваться. Честно говоря, я и сам не умею. Так зачем этот разговор? Отпусти нас, и мы уйдем. А если хочешь, то можем даже уехать.

— Я хочу получить то, что есть у тебя, — голос Гюндуза снова стал жестким. — И давай без этого «уеду-приеду». Или Гюндуз глупый? Смотри, что можно сделать. Самед! — позвал он. — Покажи.

Один из бойцов грубо дернул Элю за плечо, а когда та качнулась в его сторону, схватил за волосы.

— Можем бить, — вкрадчиво сказал Гюндуз, и боец пока несильно хлестнул пальцами по Элиному лицу. — Можем сделать уродом. Жалко, конечно, портить такую мордашку. Такие щечки. — Самед вытащил нож, щелкнул затвор, выбрасывая длинное острое лезвие. Эля заплакала. — Можем просто любить. Мои парни любить умеют. — Самед рванул ворот Элиной курточки.

Марк попытался достать Самеда и подался вперед, сжав кулаки, но его просто попрдержали сзади за ворот, как щенка.

— На! — неожиданно для себя сказал Марк, сдерживая с пальца кольцо. — Подавься!

— Тц-тц, — Гюндуз опять поцокал зубом. — Забудь такие слова. Давай это. — Он повертел кольцо, рассматривая рисунок. — Все правильно, — улыбнулся он. — Я думал, обманешь. Тогда бы я тебя убил.

Марк, словно задохнувшись от быстрого бега, тяжело дышал. Кольцо ушло, как будто его и не было. Ничего не осталось, ничего. Один страх перед этой жизнью. Или смертью.

— Я знал про кольцо, — Гюндуз с трудом втиснул в ободок мизинец. — Но специально тебе не говорил. Вдруг захочешь меня обмануть. Но нет, ты честный. А если со мной по-честному, то я — добрый. Живи!

53.

— Что же ты, Джесертеп? — тихо вопрошал Марк, бредя по узкой тропинке, оставшейся от целого тротуара — все вокруг завалил снег. — Почему не помог?

Эля расслышала его бормотание, обеспокоенно заглянула в лицо.

— Очень жалко кольца?

— Ты даже не понимаешь, что я отдал.

— Не надо было этого делать. Пусть бы меня убили. Ты знаешь, я уже ничего не боюсь.

— Как после этого мне было бы жить дальше? — Марк остановился, погладил Элю по щеке. Девушка прижала его ладонь к лицу плечом.

После того, как Гюндуз взял кольцо, их вывели на улицу и закрыли ворота. Ни одно такси сюда не загля-

дывало. До оживленной магистрали надо идти пешком.

За всю дорогу в гостиницу Марк не сказал больше ни слова. Молча вошли в номер, молча разделись, молча попили чай. Чувство незащитности было настолько сильным, что сразу после чая Марк лег на кроватку и отвернулся к стене лицом. Но заснуть не смог.

Ужасала даже не потеря кольца, хотя — прощай все прежние мечты о какой-то другой, особенной жизни, — ужасала сама мысль, что кольцо теперь у Гюндуза, вкрадчивого и жестокого черного человечка с деревянной бесчувственной ладошкой. Что тому теперь смерть? Он-то будет жить вечно, распространяя во круг, как заразу, свою жестокость и полную безнаказанность.

Убью, подумал Марк, и замычал от бессилия, углом подушки зажав рот. Убить Гюндуза нельзя!

Сам отдал кольцо, сам!

И никто теперь не поможет. И никогда к нему не придет Джесертеп. Разве что, к Гюндузу. Неплохих дел тот сумеет натворить при поддержке демона.

— Эля! — позвал Марк.

Эля откликнулась сразу, хотя только что он слышал ее ровное дыхание. Значит, тоже не спит, тоже о чем-то думает.

— Ты можешь уехать из города? У тебя есть к кому?

— Наверное, смогу. А что, очень надо?

— Очень. Давай договоримся так. Ты уедешь на неделю, или хотя бы дней на пять. А потом вернешься. Мне надо быть уверенным, что с тобой здесь ничего не случится.

— А с тобой?

— Ну что со мной может произойти? — Марк врал уверенно, понимая, что любая неверная интонация может только повредить. — С Гюндузом я рассчитался, он меня не тронет. Мне и самому надо уехать ненадолго, а тебя одну я оставлять в гостинице не хочу. Сделаю дела, и сразу обратно.

До утра этот вопрос больше не обсуждали, но после завтрака поехали на автовокзал, и Марк облегченно вздохнул только тогда, когда сам купил билет и посадил Элю в автобус. Пусть проведает родителей.

Время для возвращения в «Большой Урал» для Геры было еще раннее. Да и принесет ли он оружие, не известно. Надо попроведать Андрея. Зная, что в номере того уже не застать, Марк сразу поехал в контору.

Фирма сворачивалась стремительно. В коридоре навстречу попался Николай, но даже не остановился, чтобы перекинуться парой слов. Похоже, идея создания мощного рычага, способного сквырнуть Москву, полностью оставила его. Надо просто спастись нажитое. Вопрос о том, где разыскать Андрея, Марк успел ему задать только в спину. Николай неопределенно махнул рукой в сторону шоферской.

В некогда людной комнате маялись лишь два человека. Вместо игр компьютер теперь был загружен редакторской программой, и Андрей ожесточенно стучал по клавиатуре, составляя какой-то документ.

— Я по делу, — сразу предупредил Марк, заметив, как недовольно у того блеснули стекла очков. — Но много времени не отниму. Дай ключ от оружейной.

— То есть как? — не понял Андрей.

— Помнишь, в доме отдыха. Сам показывал.

— Не знаю даже, — просьба застала Андрея врасплох. — Тебе что, винтовка нужна?

— Да, нужна, — Марк нетерпеливо побарабанил

АЭЛИТА

пальцами по столу.

— Зачем?

— Поохотится приглашают. Неудобно как-то ехать без ничего. Вот я и вспомнил.

— А-а, если поохотиться...

Можно не сомневаться, что Андрей ни на секунду не поверил услышанному, но все же эта версия была вполне приемлемой, нейтральной. Приличия соблюдены. Но он все же еще колебался.

— Дам, конечно. Вот только с Николаем посоветуюсь. Это ведь его оружие.

— Как друга прошу, — голос Марка сделался еще доверительнее. — Зачем впутывать Николая? У него и других проблем сейчас хватает.

Андрей задумчиво погладил лысину и пожевал губами. В глазах его ясно читалось: «Врешь ты все!». Но на отказ не решился.

— Как у тебя с Гюндузом?

— Все в порядке. Разошлись полюбовно. Об этом не беспокойся.

— Тогда ладно, но ты все же поосторожнее.

Получив ключи, Марк направился в гостиницу и взял из номера свою дорожную сумку, вытряхнув предварительно из нее все вещи. Оставалось поймать такси или частного.

На проспекте Ленина, напротив университета, Марк стал голосовать всем свободным машинам подряд. Памятник Свердлову с карикатурным профилем возвышался наискосок. Студенты памятник не любили и бросали в бронзового вождя склянки с краской. Красные, никогда не исчезающие подтеки на штанах первого председателя ВЦИК указывали и место, куда целились снайперы. В глазах вечно раненного Свердлова читалась безысходность.

На поиски такси ушло не менее получаса, но время сейчас уже не имело значения. Марк вышел на тропу войны.

54.

Все пока складывалось, как он задумал. В доме отдыха его встретил удивительно трезвый по причине отсутствия гостей сторож Володя. Не трать лишних слов на прелюдию, Марк сунул ему две бутылки водки, купленные заранее. Володя замычал, как глухонемой, и с первого же стакана отправился в вольный полет.

В оружейной каморке Марк немного задержался. Что выбрать? Охотничьи дробовики он отверг сразу. Шума много, толку мало. Да и кого можно сейчас напугать дедовской берданкой? Промысловый карабин оказался неимоверно тяжел и массивен. Приклад, как полено. Три «винчестера» больше походили на спортивный инвентарь. Оставались автоматы. Марк задумался.

В армии он не служил, а школьные занятия по военной подготовке остались в памяти какой-то игрой. Да, разбирали и собирали автомат. Ну и что? Если признаться себе честно, то еще не известно, удастся ли из этого «калашников» хоть раз выстрелить.

Гера научит, решил Марк, и сунул оба автомата в сумку. Нашлись и запасные магазины. Все в порядке.

Спустившись вниз, Марк убедился, что вывести Володю из коматозного состояния уже не удастся. Сторож спал мертвецким сном, чудом удерживаясь в сидячем положении.

Всего на поездку ушло не более трех часов. Опасаться милицейского следствия по поводу похищения двух, Марк был уверен, незаконно хранившихся авто-

251 матов не приходилось, но он все же попросил высадить себя в двух остановках от гостиницы, а дальше добрался на трамвае.

В номере он немного попрактиковался, вставляя и вытаскивая автоматный магазин, а потом отправился к Гере.

Майора он обнаружил в буфете. Еще на подходах к заветной двери слышалось:

— ...И начинаем разбираться. Пацан ни в какую. Не мои гранаты — и все.

— Гера! — укоризненно окликнул Марк. — Мог бы сначала ко мне зайти.

Буфетчица Люба недовольно скривилась, увидев, как Марк почти силком похищает от стойки выгодного клиента. Чтобы улучшить ее настроение, пришлось купить мадеру на вынос.

Гера сопротивлялся слабо и шел за бутылкой в руке Марка, как ослик за морковкой.

— Принес? — спросил Марк сразу же, как только захлопнул дверь.

— Ты еще сомневаешься. Но сначала...

— Потом. Покажи, что добыл.

Гера извлек из-за пазухи шинели завернутый в тряпку пистолет.

— «Стечкин!» — гордо сказал он и сунул сверток Марку, другой рукой ухватившись за бутылку. — Прапор, сунс вонючий, хотел сначала «макарова» всучить. Но этот фокус у него не прошел. Сейчас все покажу.

Напевая «Где мой черный пистолет?», он развернул тряпицу.

Пистолет действительно оказался большой и черный. Гера пощелкал предохранителем, показывая, как им пользоваться, потом вытащил обойму, подбросил ее на ладони и передал «стечкин» Марку.

— Как пальнешь, все лягут.

— Хорошо, — Марк уважительно взвесил пистолет в руке. — Сегодня же и опробую на деле.

— Это еще зачем? — Гера разделся, расстегнул португую и с недовольной миной бросил ее на кровать. — Это же, так сказать, в порядке самообороны.

— Обстоятельства переменились.

Марк еще посомневался, стоит ли рассказывать Гере свою историю, но потом выложил ему все.

— Жан-Батист Камиль Коро! — только и выговорил майор, забыв о мадере. — Тогда пойдем к тебе.

Надежды на то, что Марк поразит Геру привезенным арсеналом, провалились полностью.

— Хлам! — коротко отрезал Гера, осмотрев автоматы. — Ты бы еще маузеры раздобыл времен бурской войны. И вот с этим ты собираешься атаковать укрепрайон противника?

— Что, неужели так плохо?

— Не совсем чтобы... — майор задумался. — А можно вообще обойтись без кавалерийских наскоков?

— Я же тебе уже говорил. Протяну пару дней — и на удачу рассчитывать нечего. Сейчас поможет только внезапность. Он ведь не ожидает от меня сильных ходов, думает, что сомлел.

Гера заставил Марка начертить подробный план дома и подступов к нему. Расспросил, сколько он видел там людей, и не успокоился до тех пор, пока не вывел Марка из себя.

— Чего привязался — что да как! Не знаю! Ты-то ведь тоже не десантник какой-нибудь, а связист. Твое дело телеграммы рассылат!

— Ага, обиделся! — Гера потыкал пальцем в рисунок вышки. — А пулемет здесь есть?

— Угу, зенитная установка. А в гараже — танк.

— Если бы у нас был танк, — мечтательно произнес Гера, — мы бы эту халупу вдребезги разнесли.

— Что значит «мы»? — не удержался Марк. — Ты-то здесь при чем?

— Надеюсь, у тебя хватит здравого смысла не соваться туда одному. Я все же — человек военный. Нам бы еще пару ребят.

— Вот только никого больше не впутывай. Я и тебя-то подставлять не хочу.

— А придется. — Гера вновь углубился в план. — Вот что, — сказал он наконец. — Если даже дело во внезапности, то один лишний день ничего не меняет. Я завтра еще раз наведаюсь к прапору и, даст бог, разживусь чем-нибудь получше, чем твои старые акэзмы. А пока...

— Вмажем! — привычно подсказал Марк.

55.

— Впереди холмы Синая, позади страна родная, на груди мой автомат наперевес...

Гера напевал, как будто собрался на обычную прогулку.

Заткнись, хотел сказать ему Марк, но не решился.

Рюкзачок за спиной майора и дорожная сумка Марка были набиты доверху. Вместо старых акэзмов, один из которых остался в гостинице, Гера приволок новый, с подствольным гранатометом. Кроме того приятели разжились тремя тротилловыми шашками, парой гранат и еще одним пистолетом.

«Стечкина» Гера у Марка отобрал и вручил ему армейский «макаров» — все равно стрелять не умеешь.

— Зачем нам столько? — пытался образумить майора Марк. — Наше дело — палнуть в воздух, взять всех на арапа и отобрать кольцо. Убивать никого нельзя.

— А во двор как попадешь?

— Попрошусь и пустят.

— И обыщут при этом. Потом получишь в лучшем случае по морде и окажешься опять на улице. Нет, дом будем брать по всем правилам искусства. Подрыв ворот, внезапный штурм, и на плечах противника дальнейшая атака резиденции. Там зажимаем в угол Гюндуза и требуем кольцо. Отдаст, небось.

— Небось, авось. Ты помнишь, что стрелять ни в кого нельзя, а то больше не увидим этого кольца по гроб жизни.

Все предыдущие попытки отговорить Геру от участия в операции закончились провалом.

— Старик, тут ничего криминального. В худшем случае классифицируют как злостное хулиганство.

— А оружие?

— Выбросим. Да и не будут наши друзья никому жаловаться, а милиция в тот район сроду не ездит.

Как пользоваться автоматом, Гера показал. Но это были чисто теоретические занятия. На практику времени не оставалось.

Фонари в одноэтажном частном секторе не горели. Ощущение глубокой ночи, хотя не было и десяти вечера, усиливалось полным отсутствием прохожих. Все ворота закрыты, дома отгорожены от улицы заборами, на многих окнах ставни.

— Кулацкий поселок, — бормотал Гера, иногда отступая с тропинки и увязая в рыхлом снегу.

— Недалеко уже, — Марк огляделся по сторонам.

— Еще квартал.

Бетонный забор с колючей проволокой выглядел неприступным. Но на вышке не горел прожектор. Это Гера отметил, как добрый знак.

— Фонарь здесь так, для понта, — пояснил он. — Не будут же они нести круглосуточную охрану. Не армия.

— Не армия, но врезать могут.

— И мы можем.

Во дворе залаяли собаки, и Марк предупредил, что есть еще и вольер.

— Собак не бойся. Главное — людям на глаза не попасться.

Гера полазил в сугробе около самого забора.

— Хорошо бы рвануть не ворота, а где-нибудь сбоку. Они бы тогда больше растерялись. Но и так шума будет много, а нам надо еще успеть смыться.

— Может, просто через ворота перелезем?

— Нет, не получится. Заметят сразу, и начнется.

Давай, как решили. Подрывать ворота тротилом не имеет смысла. Врежу из гранатомета, и порядок.

Марк почувствовал, как, несмотря на зимний холод, у него вспотели ладони. Автомат оттягивал руки, и он постоянно поправлял его, чтобы устроить поудобнее. Сейчас начнется!

— Готов? — спросил Гера и отошел к противоположной стороне улицы. — Тогда становись рядом.

Майор припал на одно колено и, неожиданно закричав: «Жан-Батист Камиль Коро!», нажал на спуск.

Ахнуло так, что Марк присел от неожиданности. Вспышка, грохот взрыва, почему-то полетевший в лицо колючий снег — все смешалось. Он, уже не понимая, делает ли он это на самом деле, или ему только кажется, зарол сам и вбежал во двор, влепив в стену дома длинную очередь.

Хорошо запомнились тряская отдача приклада, рваные выбоины в кирпиче от ударов пуль, упавшие на снег фигуры людей, спасающихся от выстрелов. Промелькнуло лицо Геры, искаженное знакомой ожесточенной grimасой. Марка поразило это новое для него выражение ненависти и отчаяния, страха и злости, как будто Гера уже не владел собой. И в этот момент он испугался.

Он вдруг понял, что никакая это не игра. По крайней мере для майора все происходило вполне всерьез. Тот не собирался делать вид, что это всего лишь имитация, он был готов убивать.

Назад, хотел крикнуть Марк, но не успел. Гера ворвался в дом, сбив с ног одного из охранников. Почти не задержавшись, он быстро наклонился и ударил телохранителя прикладом по голове.

Люди, вжавшиеся вначале в снег, понемногу опомнились и стали подниматься. Марк заметил это как раз вовремя.

— Лежать! — крикнул он и выпустил короткую очередь себе под ноги.

— Ты бы убил их, Марк, — неожиданно посоветовал спокойный тихий голос около самого плеча. — Хороший враг — мертвый.

— Джесертеп! — Марк растерялся. — Ты? У меня же теперь нет кольца!

— А я не служу подлецам. — Джесертеп, мелко семеня, подбежал к лежащим охранникам и, прижав одного из них ногой к снегу, крикнул — мелькнул знакомый веселый оскал: — Иди в дом, не бойся! Об этих я позабочусь.

В доме раздалась еще одна глухая очередь.

Как бы Гера там всех не перебил. Марк побежал к двери.

Майор орал что-то в стороне кухни, в самой комнате было пусто. Запинаясь о ковры, Марк пробрался к лестнице. На второй этаж он раньше не поднимал-

ся, расположение комнат было ему не знакомо.

Ступеньки высокие, неудобные. Марк прижался к стене, опасаясь, что вот сейчас сверху раздастся выстрел, но никто навстречу не попадался, не таился в засаде. Пусто?

— Гюндуз, — позвал он.

Из темной комнаты не раздалось ни звука. Марк пошарил по стене, нащупал выключатель.

Спальня. Большая кровать, шкафы, коробки с разным хламом. Оставалась еще одна дверь.

Пуля с коротким злым жужжанием воткнулась в стену около самого уха. Марку казалось, что выстрела он не слышал, но пробитая, с отколовшейся щепкой дверь явно указывала, откуда стреляли.

— Еще раз пальнешь, — предупредил Марк, обращаясь к невидимому стрелку, — брошу гранату.

Он ударил дверь ногой, и хотел уже отпрыгнуть в сторону, чтобы не оказаться на прицеле, но в двух метрах перед собой увидел Гюндуза. Тот стоял с посережним лицом и держал пистолет стволом вниз, как будто обессилел от борьбы.

— Я так и знал, что ты придешь, — Гюндуз едва шевелил губами. — Но кольцо я тебе не отдам, а отнять ты не сможешь.

— Тогда — готовься, — Марк упер автомат Гюндузу в грудь.

Он блефовал. Кому, как не ему было знать, что ожидает владельца кольца сразу после смерти, — новая жизнь.

— Разве ты веришь в сказки о бессмертии? Это простая вещь. Просто она дорого стоит, и я хочу вернуть свои деньги. Неужели ты веришь...

— Отдай ему кольцо, — Джесертеп возник на пороге, как призрак. — Так будет для тебя лучше.

— Шайтан! — вдруг заорал Гюндуз и вскинул пистолет.

Звук выстрела в пустой комнате больно ударил по ушам. Марк быстро обернулся и увидел, как на груди демона появилась аккуратная круглая дырка.

— Ну и что? — спросил Джесертеп, с сожалением разглядывая плащ. — Успокоился? Отдай кольцо.

Неожиданно Гюндуз всхлипнул. Он не плакал, но дыхание его прервалось и стало тяжелым. Пистолет упал на половицы, как простая железка.

Не глядя на Марка и демона, он дергал и свинчивал с мизинца кольцо, врезавшееся в кожу, а потом рванул его, как занозу, и протянул вперед.

Марк сжал кольцо в кулаке и вновь посмотрел на демона.

— Что теперь будем делать?

— Уходить. Этот человек тебе больше не нужен?

— Нет. Не убивай его.

— Пусть остается, — Джесертеп позволил себе улыбнуться. — У нас еще будет время для знакомства.

Только теперь Марк понял, как непростительно долго они возятся в этом доме. Взрыв, выстрелы, все соседи уже на ногах, и наверняка вызвана милиция.

— Где Гера? — закричал он, скатываясь по лестнице.

— Твой друг воюет на кухне, — демон не отставал от Марка ни на шаг.

Со стороны кухни по-прежнему слышался Герин ор.

— Духи, выходи по одному. Оружие бросить, руки за голову!

Чего это он так разошелся?

По забитому коробками с импортной техникой коридору добрались до кухни. Гера стоял один-одине-

шенок и орал в люк подвала:

— Поубиваю всех духов к чертовой матери! Вылезайте!

Да он же совсем невменяем! Марк видел перед собой другого, незнакомого Геру. Лицо майора свела судорога, глаза, казалось, состояли из одних зрачков. По всему заметно, что Гера уже не владеет собой.

— Все в порядке, опомнись, — закричал Марк, видя, как майор рванул чеку гранаты. — Кольцо у меня! Уходим!

— Там — духи! — Гера смотрел на Марка, не узнавая. — Или они выйдут, или...

Марк попытался перехватить его руку.

— Не подходи! — вновь заорал Гера. — Жан-Батист Камиль Коро! — и швырнул гранату в открытый люк.

56.

Марк и Джесертеп стояли все в том же мрачном, с убегающими вдаль колоннами зале. Ни стен, ни потолка.

Разстерянно взглянув на демона, Марк разжал ладонь. Кольцо по-прежнему было в руке — даже на палец надеть не успел.

— Как это случилось?

— Разберешься потом. Если будет желание, — добавил Джесертеп и озабоченно посмотрел в сторону огня. — Тебя ждут.

Конечно, его ждут. Марк это отлично понимал. Не впервой.

— Ты пойдешь со мной?

— Нет, нам это не положено, — Джесертеп ободряюще притронулся к его руке. — Ты должен один.

Он хотел еще что-то сказать, но не решился. Коротко кивнул и шагнул в темноту.

Летучая мышь скользнула рядом, почти задев лицо, но Марк не сделал даже попытки увернуться. Он знал, с кем придется встретиться сейчас, знал, какие зададут ему вопросы, но не хотел ни встречи, ни разговоров. А что, если он взбунтуется? Встанет здесь, и ни с места. Пусть Анубис сам ищет его, если есть на то желание. А он устал.

Он устал настолько, что даже не может осилить этот путь до трона.

— Все впустую, — неожиданно для самого себя повторил он слова Анубиса.

Повторил и пошел, как механическая кукла, переставляя ноги, меряя шагами каменные клетки пола и не глядя по сторонам, чтобы заметить что-то новое на своем пути. Да и не могло ничего измениться за несколько месяцев в Мертвом доме, для этого нужны, наверное, даже не годы — тысячелетия.

Сейчас Анубис потребует кольцо. Как мог Марк раньше оставаться безразличным, попадая сюда? Как мог он спорить с Надзирателем мертвых?

— Да, Господин, — прошептал Марк, еще не видя трона. — Разве можно изменить предначертание? Это не дано никому.

Что же случилось там, наверху? Почему он вновь очутился в Мертвом доме — месте, в котором, он надеялся, ему уже не придется бывать никогда? Он так тихо жил там. Он затаился, как мышь в норе, услышавшая кота, он взбунтовался только один раз. И это был бунт отчаянья. Зачем же опять все начинается сначала? Или он снова не прав?

Исполинские колонны поддерживали невидимый свод. Марк посмотрел вверх, не надеясь увидеть неба. Он и не увидел его. Он вообще ничего не увидел. Мертвый дом, мертвый.

Вот и ступени, и трон. Но он пуст.

Огни стали ярче, задымили языки пламени, отбрасывая вокруг коверканые пляшущие тени. И возле самого подножия лестницы Марк неожиданно увидел стол. И за столом сидели двое.

— Смотри, Отец, — Анубис едва повернул голову в сторону Марка — красными углями сверкнули глаза. — Он пришел опять.

— Это он? — зеленое лицо незнакомца можно было назвать вполне благожелательным. Так же зелены были его руки и обнаженный, как и у Анубиса, торс. Справа от него стоял прислоненный к столу посох с загнутой, словно вопросительный знак, рукояткой, справа лежала плеть. — Какой невзрачный.

— Да, Отец. Но он приходит ко мне уже в четвертый раз и всякий раз упорствует, не желая отдавать кольцо.

— Значит он еще надеется... — незнакомец не договорил и пригубил из большого металлического кубка вино.

Трапеза двух гигантов была скудной. Круглый, скорее похожий на лепешки, хлеб. Вино в большом кувшине. Головка сыра и зелень. Они разговаривали между собой так, как будто Марка не было рядом. По крайней мере, никто не обратился к нему с вопросом, не пожелал услышать ни одного слова.

— Я рад, Осирис, что ты здесь, — вновь сказал Анубис. — Может быть, хоть ты сумеешь убедить смертного в том, что он смертен. Смотри, что натворили наши игрушки: чего доброго, люди подумают, что они могут все.

— Пожалуй. — Осирис тщательно прожевал и стряхнул крошки с тонкой бороды. — Пожалуй. Надо сказать, я и сам всегда поражался их самонадеянности.

Он отодвинул кубок и повернулся к Марку. Зеленые глаза глянули, казалось, в самую душу и увидели все самое сокровенное. То, что даже сам Марк таил от себя.

— Хм, он не так уж плох, как можно подумать с первого взгляда. Ты сам подарил ему кольцо?

— Не совсем, — Анубис по-собачьи облизнул губы. — Но, в общем-то, посодействовал. Кольцо пропало. А я хотел, чтобы оно вернулось ко мне как можно скорее.

— Ну и что?

— Он не отдает кольцо. Он спорил со мной, и каждый раз уходил.

— Действительно, люди бывают упрямы и глупы. А ты не пробовал наказать его? Здесь. — Осирис протянул громадную руку к плети. — Иногда, знаешь ли, помогают очень простые способы.

— Нет, Отец, не стоит, — Анубис удержал плеть за рукоятку. — Ты знаешь, он даже забавен. Спроси его о чем-нибудь.

— Подойди ближе, — приказал Осирис. — Еще, — потребовал он, когда Марк сделал два робких шага. — Так, теперь хорошо. Хочешь вина?

— Ты забыл, что он не может пить вино и есть хлеб в Доме мертвых, — рассмелся Анубис, показывая мощные острые зубы. — Он ведь не бог.

— Но, кажется, хочет им стать. Ты хочешь стать богом? — Осирис вновь обратился к Марку.

— Нет, Господин, — тихо сказал тот, стараясь не заглядывать в пронзительно зеленые глаза, в которых была бездна. — Я хочу остаться человеком.

— Называй его — Царь жизни, — коротко приказал Анубис.

— Остаться человеком, Царь жизни, — покорно

повторил Марк.

— Так говорят многие, а на самом деле делают все, чтобы не быть людьми. Когда ты получил кольцо, ты думал о бессмертии?

— Думал, — сознался Марк, смутно припоминая первые минуты обладания кольцом. — Но потом понял, что не это главное.

— А что же может быть привлекательнее вечной жизни? Жизни до полной усталости, до полного насыщения. Вы всегда так плачете, что живете мало, и только войдете в охотку, как приходится умирать. Ты ведь можешь увидеть, как меняются царства, как становятся прахом твои враги, плодятся твои потомки.

— Я буду видеть одно и то же. Всегда одно и то же. Это движение по кругу.

— Смотри, — Осирис довольно откинулся на спинку кресла. — А ты говоришь, что он глуп. Он понял главное — все повторяется. Чтобы понять вкус пирога, не обязательно есть его целиком, а то может наступить несварение. — Осирис оглушительно расхохотался и отхлебнул из кубка. — Он не безнадобен.

— Я и не говорил, что он несообразительный, — Анубис тоже пригубил вино. — Но он думает так медленно, он так нерешителен и неуклюж, что порой мне кажется, что лучше было бы ему лишиться кольца.

— Вот сейчас и спросим его самого. Ты готов отдать кольцо и остаться в Доме мертвых?

Остаться? Иногда Марку даже там, наверху, казалось, что это единственно правильный выход.

— Может быть, — Марк колебался. Он чувствовал, что усталость его безмерна. Начать все сначала? Разве есть в этом смысл? Но одновременно что-то его останавливало. — Мне иногда кажется, — сознался он, — что если я отдам кольцо, то это будет неправильно. Ничего не останется после меня. Совсем ничего.

— Что ты имеешь в виду? — Анубис даже не попытался скрыть насмешки. — Если ты хочешь оставить потомство, замечу, вполне законное желание, то это не так уж трудно сделать. Но ты уверен, что твои дети будут лучше тебя? И что оставят после себя они? В чем-чем, а в размножении человечество преуспело. Плодитесь, как кролики. Как плесень, — добавил он после паузы. — О, эта вечная ваша надежда, что когда-нибудь количество перейдет в качество. Диалектика испортила людей, правда, Отец? — обратился он к Осирису. — Они думают — чем их будет больше, тем вернее надежда, что они станут лучше.

— На самом деле они не думают и об этом. Иногда мне кажется, что они вообще не способны думать. Да и чувствовать тоже.

— Как же так? — слабо запротестовал Марк. — Чувства движут миром. Лиши их человека, и что останется?

— Вот видишь, Осирис, он опять спорит. — Анубис рассматривал Марка с интересом, словно какой-то заводной механизм, оказавшийся неожиданно сложнее, чем представлялось вначале. — Он вечно спорит и вечно ошибается. О каких чувствах ты говоришь?

— О каких? — растерялся Марк. — О любви, о верности, о надежде.

— Ты неплохо выучился врать. — Анубис встал и потянулся, так что хрустнули кости. — Когда настает время оправдать свои пороки — глупость, жадность, зависть, злобу, вы сразу же вспоминаете о любви. А что выходит на деле?

— Но мы стараемся.

— Угу, и так преуспели в этом, что при первой же возможности рвете своим соплеменникам глотку, лишь бы уцелеть самим. Или я не прав?

— А что остается делать? — Марк с вызовом взглянул Анубису прямо в его неподвижные желтые глаза и тут же смущенно заморгал и потупился. — Что остается делать, Господин?

— Вот-вот, — услышал он слова шакала, обращенные уже к Осирису, — и так всегда. Стоит их чуть прижать, как их нутро лезет наружу. Ну что, Отец, дадим ему еще один шанс?

— Кольцо твое, тебе и решать, — Осирис встал, тяжело опираясь на посох, и направился прочь, в темноту. Когда его фигура уже почти скрылась во мраке, он неожиданно обернулся и посмотрел на Марка через плечо. Полыхнул пронзительный зеленый взгляд, как будто взорвался фейерверк, и Марк на мгновение ослеп.

57.

Солнце, оперевшись в зенит, похоже, собралось прожечь в нем дырку. Отражаясь в Оби, оно слепило глаза, и Марк жмурился, пригревшись на скамейке, с лентой потягивая из бутылки пиво. Благодушному настроению мешал только бомж, примостившийся возле кустов цветущей сирени. Как стервятник, он дожидался добычи — освободившейся стеклотары.

Марк с раздражением посмотрел в сторону бомжа. Ну чего караулит, не утащу же я эту бутылку с собой, но, заметив в отдалении еще парочку «санитаров сквера», вздохнул: все правильно, не устережешь — перехватят другие.

Шурик, как всегда, опаздывал. Ничего удивительного. Договорились встретиться в половине первого — раньше часа дня не жди. Пора бы и привыкнуть.

Едва лишь Марк допил пиво, как бомж встрепенулся, через мгновение спикировал на пустую бутылку и торжествующе унес ее в трясущихся лапах к ближайшему киоску.

Вот так и осуществляется круговорот вещей в природе. Марк посмотрел в сгорбленную спину бомжа. А ведь и сам недавно был не лучше. Когда очнулся на снегу в одном рукаве, метрах в двухстах полыхал дом Гюндуза, вернее, то, что от него осталось, а вокруг толпились заспанные зеваки и милиция. Чуть уполз. Еще бы минута — и замели, как свидетеля. А свидетелем Марк тогда быть не собирался.

Рассказывать о том, что произошло, было некому, но Марк и сам догадался, в чем дело. Скорее всего, в подвале хранились боеприпасы, и не только патроны. Когда Гера швырнул в люк гранату, сдетонировала взрывчатка, и дом попросту взлетел на воздух вместе со всеми его обитателями.

Задерживаться на месте происшествия Марк не стал. Таясь ото всех, пешком добрался до гостиницы, и, доведя чуть не до обморока едва признавшую его коридорную, забился в номер. На следующий день он уехал.

Мучили угрызения совести, что не может даже сообщить о Гериной смерти его жене, — а милиции вряд ли удалось установить личности погибших, — но ничего поделаться не мог. Адреса он не знал, а предпринимать какие-либо попытки и вести собственный розыск — не было возможности.

Новосибирск встретил весенними метелями и полной неопределенностью. Как жить, что делать? О гостинице даже вспоминалось с отвращением, и Марк снял квартиру.

Где же Шурик? Марк встал со скамейки и стал смотреть в сторону выхода из метро — Шурик должен появиться оттуда. Время от времени скверик пересекали, направляясь в театр «Новый дом», знакомые актеры, и Марк вежливо с ними раскланивался. Ну Шурик и дает! Договорились о встрече с режиссером, так можно же и поторопиться.

С Александром Койфманом Марк познакомился случайно. А что не случайно в этом мире? Забрел как-то в художественный салон «Оранжевая пирамида» и попал на открытие выставки. Похоже, публику собирали по приглашениям, но билета никто не требовал, и Марк затерялся в разношерстной толпе. Во время фуршета он заметил еще несколько таких же случайных гостей. Ни с кем они были не знакомы, держались в одиночку, но не забывали выпивать и закусывать, зыряка по сторонам блудливыми взглядами.

Шурик подошел к Марку сам. Он и представился именно Шуриком, а не Александром. Впрочем, иначе его никто и не называл.

Койфман знал всех, и все его знали. Какое-то время Марк еще гадал, кто он — поэт, художник, журналист? Все оказалось неправильным. Шурик был трепачом. Но трепачом с большой буквы.

Надо ли пристроить куда рукопись, быстро продать картину или просто отпечатать афишу — Шурик всегда оказывался под рукой. Осуществление планов шло с трудом, но это нисколько не влияло на отношение к Койфману со стороны его случайных партнеров. Скорее всего потому, что больше этим заниматься было просто некому. Шурик договаривался с издательствами, и рукописи годами лежали в них мертвым грузом. Находил покупателя на авангардистский натюрморт, и фирма разорялась в день покупки. Отпечатанные при его посредничестве афиши обязательно обладали каким-нибудь браком, но в общем-то от его услуг все равно не отказывались. Удивительно, но Койфман обладал потрясающим обаянием — на него невозможно было сердиться.

Вот и сейчас, приготовившись высказать ему все, что он думает по поводу его необязательности, Марк не смог этого сделать. Шурик бежал от метро вприпрыжку, как школьник, размахивая потрепанным портфелем, и его рыжие вихры блестели на солнце так, что, казалось, от них отскакивает солнечный зайчик.

— Давно ждешь, да? — закричал он еще издали и задел портфелем скамейку, от чего его развернуло на бегу в противоположную сторону. — Знаю, что свинство, но никак не успевал. В типографии: бу-бу-бу, бу-бу-бу. Пока все обговорил, чувствую — цейтнот. Извини, да.

— Чего уж там, — простил его Марк. — Все равно опоздали.

— Ну, как ребенок, ей-богу. — Шурик отдышался и раскрыл портфель. — Спорим, репетиция еще не закончилась. Долматинца не знаешь?

Долматинец — означало не породу собак, не кличку, а фамилию режиссера. В дополнение к имени Еремей фамилия звучала нелепо, но очень режиссеру подходила. Был он пятнист лицом, и даже уши, казалось, у него висят и хлопают по щекам, особенно когда он бывал возбужден или чем-то недоволен. А возбужден и недоволен он бывал всегда.

Сейчас Шурика очень занимал его новый проект — он решил выступить как антрепренер. Денег у него водилось мало, но еще меньше денег было у актеров.

— Такую пьесу откопал! Клевая вещь. Комедия. И

всего пять персонажей. Причем двоих можно совместить. Еремей поставит, и повезем мы наш зоопарк по городам и весям.

К Шурику Марк прибилсь скорее от скуки, чем от желания разбогатеть. Проект больших барышей не сулил. К тому же, зная фантастическую везучесть своего компаньона, он вообще не рассчитывал, что дело сдвинется с мертвой точки. Но Койфман каким-то непостижимым образом сумел заинтересовать режиссера, договорился с актерами, с которыми был знаком, и вот уже в третий раз они наведываются в театр. Сначала обговаривали предварительные условия, потом наступил черед выбора драматургического материала. На литчасть Шурик не рассчитывал и решил найти кассовую пьесу сам.

— К лету все будет готово. Декораций — минимум. Актеров — минимум...

— Доходов — шиш, — закончил за него Марк.

— Не скажи. Чем наш «Новый дом» хуже «Современника»? Один Алябьев чего стоит. Мэтр! Поставим и повезем. Публика валом пойдет. Чего они в своих районных центрах видят? Не все же «Санту-Барбару» по телику смотреть. А тут живые люди, из Новосибирска. Все так сейчас делают. Посмотри: столичные театры тоже перестали ездить на гастроли все труппой. Потому что дорого. А сколотят бригаду в два-три человека, и покатали. И к нам постоянно приезжают. Они — в Новосибирск, мы — в районный центр.

Переубедить Шурика было трудно, да Марк и не пытался. Проект — как проект. Не хуже других. Бредовая, конечно, идея, но лучше такая, чем никакой.

Полистали пьесу. Марк как посмотрел, так сразу понял — переводная дрянь. Комедия ужасов. Вурдалац влюбляется в красотку и все не решается ее поцеловать. Поцелует — сожрет. Красотка же ни черта не понимает и тащит этого упыря в постель. Обхохочешься.

— М-да, и вот с этим к Долматинцу?

— Именно. Его же от классики тошнит уже. Хоть развлечется старик.

«Старику» было под сорок. Еще в фойе слышался его голос в большом зале. Репетиция шла полным ходом.

— Я же говорил, — Шурик с видом победителя посмотрел на Марка. — Я так думаю, еще с полчаса Еремей повозится. Пойдем в буфет, перекусим.

В буфете сидел один лишь Коля Алябьев, один из немногих заслуженных артистов театра. Он задумчиво жевал пирожок и с тоской смотрел на витрину, где пирожков оставалось еще много. По комплекции Алябьев прекрасно подходил на роль одного из трех толстяков. Причем не самого шуплого.

— А-а, работодатели пришли, — приветствовал он компаньонов. — Пьесу принесли?

Выслушав сюжет, он возмутился.

— Ну, и кого я буду играть? Дракула — не мой пап!

— И прекрасно, — успокаивал его Шурик. — Будешь играть отца невесты.

— Это же не главная роль! — Алябьев так расстроился, что взял еще три пирожка.

Шурик, чтобы успокоить мэтра, набрал в буфете целую гору бутербродов и большой пакет сока, но в этот момент появилась секретарша директора и прерывающимся голосом объявила, что Долматинец ищет Марка и Шурика по всему театру.

— Рвет и мечет, — приговаривала она, ведя друзей по театральным закоулкам. — Рвет и мечет!

58.

Соглашаясь на предложение Шурика, Марк даже не подозревал, в какое ярмо он лезет. Очень скоро выяснилось, что деньги имеются у Койфмана лишь в проекте. Немногие наличные таяли с каждым днем. Предстояло оплатить работу режиссера и актеров, заказать новые костюмы или переделать старые, транспортные расходы ужасали, командировочные казались грабительскими, а дележ доходов туманным. Бухгалтер из Шурика получался аховый, и Марк все прочитал сам. После этого окончательно стало понятно, что вылететь в трубу гораздо проще, чем поиметь выгоду. Но останавливаться было уже поздно.

Долматинец дожидался в собственном маленьком кабинете и, когда компаньоны робко вошли, с грохотом припечатал телефонную трубку на рычаг. С кем он до этого разговаривал, было не понятно, но пятна на его лице горели ягодами малины, а глаза метали короткие молнии, способные оставить от груды бумаг на столе лишь пепел.

— Принесли? — рявкнул он, не вставая.

— Все в порядке, Еремей, — Шурик обворожительно улыбнулся. — Пьеса классная. Вся касса наша.

Но взглянув на название — «Смертельный поцелуй» — и увидев фамилию автора, Долматинец расвирепел еще больше.

— Знаком я с вашим Эр Джи Голдером. Его сейчас все ставят. Дрянь несусветная.

— Зато нам очень подходит. Что я, публику не знаю? — возражал Шурик.

— Эх, — Еремей свирепо уставился на Койфмана, — и послал бы я вас всех с этой халтурой. Но деньги нужны, — неожиданно вздохнул он и обмяк. — Ладно, сделаем.

Марк хотел отговориться и сразу же после достижения принципиального соглашения исчезнуть из театра, но Шурик ему это сделать не позволил. Пока собралы всех, кто проявил интерес к деревенским гастролям, а потом устроили читку, прошло еще часа два, не меньше. Марк совсем измаялся. Он мыкался по маленькой сцене, иногда взглядывая в неосвещенный зрительный зал, где тоже копошились неясные тени любопытствующих, и почти не слушал, что говорят Еремей и актеры. Алябьев все время возмущенно что-то бурчал себе под нос, и Шурик утешил его только тем, что размер роли не повлияет на размер гонора. Хорошенькая блондинка Надя Черпашова, которой выпала главная роль, иногда вопросительно взглядывала на Марка, но тот делал вид, что ничего не замечает, и продолжал бродить по сцене, пока вошедший в творческий раж Долматинец не только шуганул его оттуда, но и вовсе выгнал из зала.

— Вот и хорошо, — признался сам себе Марк, устроившись на банкетке в фойе. — Зря я ввязался в эту игру, но пусть хоть Шурик потешится.

Со всех сторон на него со стен смотрели десятки актерских фотографий. Гордые герои-любовники и милые простушки, комические типы, старающиеся тем не менее выглядеть пристойно, и прямолинейные злодеи — все они, казалось, как и Надя Черпашова, смотрели на него недоуменно, не желая признавать в Марке ни зрителя, ни полноценного члена коллектива.

— Чего это вы? — удивился Марк. — Чего уставились? Захочу, меня тоже на стенку повесят.

Но, если сознаться честно, ни на какую стенку он не строился. А тогда куда же? Зачем он здесь?

Шурик с Долматинцем из зала вышли неожиданно довольные. Еремей на ходу объяснял, что постанов-

ка может получиться, и немедленно попросил аванс. Марк уныло полез в бумажник.

— Слушай, — обратился он к Шурику, как только они, точно из склепа, выползли из темноватого театра на вольный воздух. — Ты по школьной программе что-нибудь о лишних героях помнишь?

— Что это на тебя нашло? — удивился Шурик. — Нет никаких лишних героев. Они на самом деле полезные все, потому что думающие. Цвет нации. Или совесть? — засомневался он. — Куда ты клонишь?

— А вот ты, например, лишний герой или нет?

— Я обыкновенный, — обиженно засопел носом Койфман. — Спроси любого. Поссориться хочешь, да?

— Да это так, к слову, — рассмеялся Марк. — Дальнейшее мое участие в репетициях, надеюсь, не обязательно?

— Еремей пока и без нас обойдется. А вот маршрут гастролей проработать надо. Этим пока и займемся.

— Полностью полагаюсь на тебя, — уже серьезно сказал Марк. — А пока на пароходе прокатиться не хочешь?

59.

Речной вокзал находился неподалеку. Зимой в эту сторону Марк ни разу не ездил. Что ему делать в порту? Но сейчас уже второй месяц шла навигация, и маленькие белые пароходики скользили по широкой Оби, словно приглашая к путешествию.

Домой пока идти не хотелось. Просиживать штаны в баре — тем более. Да и время для этого совсем не подходящее. Солнце грело вовсю, и сибирская природа, торопясь уснуть за короткое лето навёрстать зимнюю спячку, словно взорвалась, в два-три дня затопив зеленью улицы.

По улице Большевикской в сторону автовокзала прошла колонна временно покинувших подполье коммунистов с красными транспарантами. Опять митингуют. То ли против губернатора, то ли просто по привычке. Демонстранты пели очень актуальную песню про враждебные вихри. Замыкали колонну зачем-то примкнувшие к коммунистам кришнаиты. Этим, похоже, было все равно, с кем идти, и пели они не про вихри, а про Кришну. Шафрановые и желтые одеяния кришнаитов придавали колонне карнавальную праздничность. Коммунисты пели свою песню громче, а кришнаиты — лучше.

Недолгое путешествие по реке представлялось заманчивым. Сесть на открытой палубе, подставить лицо солнцу и ветерку, высадиться где-нибудь на острове и побродить между сосен — что может быть лучше?

Марк почувствовал, как он устал от города. Вернее, от многих городов. Вчера в сводке погоды передавали про Санкт-Петербург. Там дожди и холодно, а здесь уже совсем лето. Вот тебе и Сибирь.

До речного вокзала дошел пешком. Всего одна остановка. На набережной молодые кедры качали длинными пучками иголок, как провожающие платочками; большой теплоход медленно отваливал от причала, направляясь в первое долгое плавание до Салехарда.

«И мне бы туда, — подумал Марк. — В низовьях, говорят, Обь шириной почти в двадцать километров — представить трудно».

Но о таком путешествии можно только мечтать.

Почему же только мечтать, немедленно поправил себя Марк. Не пьеса же его здесь держит. Тогда что?

В зале речного порта всю стену занимала красивая карта Оби. Марк внимательно изучил ее. Горные

Катунь и Бия, вырвавшись из теснин Алтая, сливались где-то в районе Бийска, и дальше река мощно выплескивалась на равнину, устремляясь к Ледовитому океану.

«А вот поеду!» — решил Марк, но пока взял билет лишь до Ягодной.

Речной трамвай, забитый под завязку дачниками-пенсионерами, протарахтел мимо пристани, миновал театр «Новый дом» — в этом здании когда-то по очереди размещались школа, общежитие, баня, пока не настал черед храма искусств, — и нырнул под арку моста. Город с Оби поворачивался другим, неожиданным ракурсом. Громадные портовые краны наводили на мысль о море и дальних странствиях, песчаные отмели, поросшие соснами, заставляли вспомнить о лете и пляжах, и долгое зимнее сидение в Москве и Екатеринбурге постепенно отдалялось вместе с неподвижным причалом, уже едва различимым с большого расстояния.

60.

Однокомнатная квартира, которую Марку удачно удалось снять, размещалась на левом берегу. Далековато от престижного правобережного центра, но зато с телефоном и не так далеко от метро — минут десять ходьбы, не больше.

В город Марк вернулся уже в сумерках. Едва успел на последний пароходик, так свободно и радостно было в лесу. Он даже рискнул искупаться, несмотря на то, что до открытия пляжного сезона оставалось еще немало.

Открыв пошире окно, чтобы проветрить комнату, он вновь услышал звуки флейты. Удивительно, но никто не жаловался на постоянные поздние музыкальные упражнения; в доме напротив в освещенном окне он увидел привычный силуэт девушки с прямыми длинными волосами и сверкающую никелем тростинку флейты, поднесенную к губам. Мелодия повторялась, дробясь вариациями, и как обычно в эти минуты чувство защемило сердце, словно от предчувствия любви, еще не найденной, но уже близкой.

Приняв душ и смыв песок с тела — навалился на пляже, — Марк включил телевизор, чтобы послушать последние новости, но немедленно раздался телефонный звонок. Почти с уверенностью можно было предположить, что это Койфман, больше никто в такой поздний час звонить не решился бы.

— Встречаемся завтра у меня, — Шурик даже не поинтересовался, не разбудил ли, — и обговариваем маршрут.

— Отстань, а! — вяло огрызнулся Марк. — Все идет по плану. Долматинец обойдется без нас, а область ты знаешь лучше меня. Я вот сегодня за город ездил, такая красота. Слушай, у тебя дача есть? А то бы поехали, позагорали!

— Клещей кормить, — ехидно уточнил Шурик. — Нет, я житель сугубо городской. Мне без асфальта плохо.

Марк рассказал ему об идее дальнего путешествия в низовья Оби.

— Еще один сумасшедший, — Койфману идея не понравилась. — Комары, туман. От романтики деваться некуда. Есть у меня одни знакомые придурки, так те на Бию собираются. Хочешь — познакомлю?

— А по Бие пароходы ходят?

— Это ты, если захочешь, сам у них спросишь. Игорь компаньонов ищет.

Спал в ту ночь Марк плохо и в восемь утра уже

помчался к Шурику.

Койфман дрых, как сурок. Марк звонил и стучал в дверь до тех пор, пока не всполошил всех соседей. Его даже пригласили в квартиру с тем, чтобы он попробовал добудиться Койфмана по телефону. Этот способ неожиданно увенчался успехом.

— Все психи одинаковые, — Шурик зевал, как гипопотам во время кормежки. — Я же это тебе так, к слову сказал.

— Ну ты и трепач, — разозлился Марк.

К счастью, «трепач» подействовал. Шурик позвонил куда-то, и в одиннадцать они вместе прибыли в туристический центр, разместившийся в подвале большого дома в центральной части города.

Игорь, как и полагается настоящему морскому волку, носил тельняшку и обладал всяческими белорусскими усами и черной челкой, постоянно сваливающейся на правый глаз, как пиратская повязка. Энтузиазм Марка его насторожил.

— Раньше рафтингом занимался? — поинтересовался он для начала.

— Чем-чем?

— Ясенько-понятненько. Сплавлялся когда-нибудь, спрашиваю.

— На лодке плавал.

— А на плоту, катамаране, байдарке?

— Не приходилось.

— Мы же на Бию собираемся, — поскучнел Игорь. — Не очень сложный маршрут, но все-таки.

— А что, не возьмете? — испугался Марк.

— Да возьмем, конечно, только с тобой позаниматься надо будет. Но ищи тогда себе напарника. Байдарка двухместная, один не справишься.

— Кого же я приглашу, у меня в Новосибирске знакомых кот заплакал.

— Да вот этого и пригласи, — Игорь кивнул в сторону Койфмана, который со знанием дела размахивал в углу комнаты ледорубом, рискуя проломить стенку.

— Этот не поедет.

— А ты попроси.

Шурик отказался наотрез. Игорю надоело возиться с ними и он, отговорившись делами, занялся инвентаризацией снаряжения, а потом и вовсе попросил друзей из клуба, велевя придти, когда что-нибудь прояснится.

— Не поеду, — Койфман запустил в свою рыжую шевелюру пятерню, отчего его прическа поднялась дыбом, словно пламя костра. — Я качки боюсь и плаваю плохо.

— Да Игорь же говорил, что будут спасательные жилеты, а байдарка — не теплоход, не укачает.

— И в городе дел полно, — не сдавался Шурик. — За Долматинцем присмотр нужен.

— Всего десять дней, — ныл Марк. — Десять дней ничего не решают. А вот не буду платить никому, — пошел он на открытый шантаж.

— То есть как? — Шурик выглядел так, будто Марк врезал ему ниже пояса. — Почему не будешь?

— Ты же не хочешь пойти мне навстречу, и я не хочу.

— Это нечестно, — Шурик растерялся и присмирел. — Черт с тобой, — сказал он через минуту. — Пользуйся положением. Но учти, я нетренированный, плаваю плохо и тушенку не ем.

— Будешь питаться одним мороженым, — великодушно разрешил Марк. — Отдохнем, как боги.

61.

Этот сплав Марк воспринял, как подарок. Надо же, как сказочно повезло! Еще два дня назад ни о чем таком он даже не мечтал, а сегодня уже надо срочно собираться — покупать продукты и необходимые для путешествия вещи. Рюкзаками Игорь обещал обеспечить, о палатке, по его словам, можно тоже не беспокоиться. Все складывалось прекрасно.

Шурик, конечно, ворчал и капризничал, но его настроение волновало Марка мало: не понимает пока, какая удача ему привалила, ничего, поймет потом.

В какой-то момент Марк внезапно проникся чувством, что все происшедшее с ним за зиму ушло безвозвратно. Он ощутил себя новым человеком. Он так боялся и прятался, скрывался и бегал, что почти разучился просто радоваться жизни. Кольцо по-прежнему украшало мизинец, но неожиданно Марк почувствовал, что оно ему больше не нужно. Мало того, он ничуть не сомневался, что смог бы с ним расстаться. Оставить, например, дома. Или даже выбросить. Хотя жалко, конечно.

Он укрепился в этой мысли настолько, что написал Ветке письмо в Питер и указал при этом обратный адрес.

Сколько пробудет письмо в пути? Неделю, две? Если Ветка его получит, то обязательно ответит телеграммой. Точно ответит. Как раз получается к концу сплава. И надо заканчивать с этим хмурым существованием. Пусть Шурик продолжает свой проект сам. Вот только съездят на сплав, и на следующий же день в Питер. Самолетом! Пусть даже не придет от Ветки телеграмм.

Отправиться на вокзал решили из клуба, там хранилось все снаряжение, и придя вечером, как и было условлено, в назначенное место, Марк впервые увидел то, что им предстояло переть на собственном горбу.

Две разобранные байдарки были упакованы в чехлы и раза в два превышали объем самого большого рюкзака. Тащить такой груз на себе казалось невыполнимым, но другого выхода не было. Здесь же познакомились и с напарником Игоря Валентином — уравновешенным, чтобы на сказать меланхоличным, бородастым мужчиной. Кстати, к удивлению Марка, выяснилось, что главный в походе именно он. Игорь почтительно именовал его шкипером.

— Выполнять все, что я скажу, — предупредил Валентин, с сомнением оглядев Шурика и Марка.

Койфман явился в белых брюках, в каких английские джентльмены играли в начале века в лаун-теннис, а Марк красовался в новеньких «Ливайсах». На фоне брезентовых курток и штанов Игоря и Валентина наряд пары театральных антрепренеров выглядел вызывающе.

— Ты возьмешь байдарку, — приказал Валентин, оглядев Марка и, видимо, решив, что он покрепче.

Марк не спорил. Сказано — тащи, он потащит, лишь бы скорее вон из этого города.

— На волю, в пампасы! — приговаривал он, стиснув зубы. Каждый шаг давался с трудом, байдарка грозила вдавить его в асфальт по щиколотки.

Ночь в поезде запомнилась плохо. Пили чай, более тесно знакомились. Валентин, оказывается, работал в институте ядерной физики и был классным сплавщиком. На его счету реки Ала-Тау и Памира, Якутии и Алтая. На Бию собрался лишь потому, что на более дальнее и крутое путешествие не удалось

выкроить времени. Он только хмыкал в бороду, выслушивая благодарности Марка за то, что захватили с собой.

— Все с чего-то начинают. Главное, не испугаться с самого начала и не потерять головы. Бия — простой маршрут, как раз для новичков.

Шурик сразу же заявил, что все пороги собирается миновать по берегу, пускай спортсмены выдрючиваются, а он не спортсмен.

На роль души компании с первых минут серьезную заявку сделал Игорь. Он, словно Бармалей, вращал громадными черными глазищами и топорщил усы, рассказывая анекдоты.

Бийск приближался неотвратимо.

62.

До пристани добирались с приключениями. Аборигены на вопрос о том, как туда доехать, отвечали путано и называли разные маршруты автобуса. Наконец погрузились, и тут же были крепко обруганы кондукторшей: с таким грузом, по ее мнению, полагалось ездить лишь в такси. Была еще одна попытка пристроиться к фирменной группе сплавщиков — у тех был и свой автомобиль, и какое-то умопомрачительно красивое снаряжение, но проводник, в общем-то, не отказывая, предупредил, что они ждут двух иностранцев и отправляются на Катунь, а не на Бию. Валентин, еще раз оценивая ослепевшую свою команду, с сожалением отказался.

— Пятая категория маршрута. Мои не потянут. Нам бы пройти по двоечке.

Марк начал ощущать себя балластом.

В толпе пассажиров на площади Марк вдруг увидел Джесертепа. Он ясно различил знакомую фигуру демона в неизменном черном плаще, мелькнувшую около торговых рядов, и тут же обругал себя за мнительность. Все, кончились ненормальные приключения. Откуда здесь Джесертепу взяться? Галлюцинация, не иначе, или просто померещилось с перегрева. Надо же, какие фантазии!

Солнце сияло, как начищенное. Май выдался не то чтобы теплым — жарким. Проезжая мимо традиционного памятника Ленину возле бывшего горкома, Марк вождю посочувствовал. Чугунно-черный Ленин стоял в тяжелом пальто с барашковым воротником и в такой же шапке.

Первый «подскок», как выразился Игорь, надлежало сделать до Турочака — туда ходила рейсовая «Заря», дальше Бия становилась несудоходной.

Туристов не любили нигде. Как и в автобусе, указали на лишний груз, но Валентин был доволен уже и тем, что продали билеты. «Ничего, перебежмся. Зато потом...»

Капитан в форме и белоснежной сорочке важно прошествовал по дебаркадеру и занял место в рубке. Марк подивился такой торжественности, никак не вжужжась с провинциальным городком, но скоро убедился, что все меняется. Через полчаса капитан снял фуражку, через час китель, а потом сменил сорочку на синюю ковбойку. На подходе к Турочаку он управлял своим судном, положив босые ноги на приборную доску, и мало чем отличался от деревенского вида пассажиров.

Река пока не внушала страха. Довольно широко раскинувшись возле Бийска, дальше она становилась уже и мельче. Миновали несколько перекатов, которые плоскородная «Заря», вроде бы, и не заметила. Потом, уже на подходе к Турочаку, возник один порог.

Но и здесь, с борта судна, он выглядел вполне проходимым.

Шурик задремал почти сразу, как только устроился в кресле. Валентин и Игорь беседовали о своем, и Марку никто не мешал смотреть по сторонам. Довольно пологие горы, поросшие лесом, темнели вдаль и выглядели вполне по-домашнему. Диковатость этих мест Марк ощутил только на подходе к поселку — гладкий базальтовый язык сползал с кручи к самой пристани, круто вздымаясь к далеким соснам на вершине.

— Приехали, — Валентин первым спрыгнул на дебаркадер. — Вперед!

Игорь взвалил на себя чехол с байдаркой и, как конь, звонко цокая по базальту подкованными башмаками, начал подъем. За ним потянулись остальные.

— Больше не могу, — предупредил Койфман на середине горы. — Вы говорили, что будем сплавляться по реке, а это альпинизм какой-то.

— Не все коту творог, — добродушно отозвался Игорь, — бывает и мордой об порог.

— Ну при чем тут морда? Какой неинтеллигентный вид спорта, — продолжал ныть Шурик. — Давайте дальше сами, а я подожду вас в Турочаке. Здесь ведь гостиница есть?

— Я тебе подожду! — разозлился Марк. — Байдарка двухместная. Что я, по берегу за ребятами побегу?

Поселок намечался как отправная и конечная точка маршрута. Отсюда до Телецкого озера ходил автобус. Из Бийска трястись в машине до истока Бии было бы слишком утомительно.

Дальше все смешалось в один сплошной гвалт и неразбериху при посадке на автобус. Места заняли с боем, опять их группу пытались высадить, отстаивали свои права с трудом. Радовало только то, что это последний общественный транспорт — вернуться они сюда на байдарках.

Притиснутый рюкзаком к окну, Марк видел, как Бия, вдоль которой тянулась дорога, все больше и больше набирает силу. Пороги вспенивались жуткими барашками, валы воды скакали через камни, затеявая бешеную чехарду. Неужели здесь можно плыть? На пути не встретилось ни одной лодки или плота, река казалась вымершей и безлюдной, какой она и была на самом деле несколько сотен лет назад.

Уже в Артыбаше, выгрузившись из автобуса, он поделился своими сомнениями с Валентином.

— Никто не сплавляется. Пусто. Одни мы премя, сами не знаем куда.

— Самое то, — Валентин кивнул в сторону реки. — Нормальная высокая вода. Но лучшее время уже пропустили. Классные сплавщики отгуляли здесь еще в апреле, а для плановых туристов рановато. Они приедут сюда в июле, когда Бию можно будет пешком перейти. Так что никто не помешает.

Марк с сомнением покачал головой. Он еще надеялся на помощь Шурика, но тот просидел всю дорогу в проходе автобуса, Бию не видел и потому оставался в благодушном настроении, ожидая близкий ужин и ночевку.

Но пришлось еще потрудиться. До вертолетной площадки, где можно разбить палатку, протопали километра два, и за это время силы оставили Койфмана окончательно. Как только они выбрались на берег Телецкого озера, он рухнул на траву, и даже комары не сумели поднять его до того самого момента, пока

не развели костер.

63.

— Подъем!

Кто это так орет? Игорь?

Марк мог бы еще спать и спать. Шурик даже не пошевелился, а вот Валентина в палатке уже нет.

Погода снова не подвела. Солнце прогрело тент палатки, внутри становилось душно, но все равно подниматься не хотелось.

— Подъем!

Ну чего так разошелся? Не армия же!

Игорь не дал Марку возможности развить эту тему. Он просунул в палатку голову и, свирепо вращая глазами, велел идти за хворостом — пора готовить завтрак.

Шурика на вольный воздух из палатки вытянули за ноги. Он продолжал спать даже тогда, когда его уложили на траву. Но комары...

Вертолетная площадка, на которой, впрочем, никаких вертолетов не наблюдалось, а только редкие, далеко отстоящие друг от друга палатки, начиналась сразу от пологого берега озера и заканчивалась примерно в километре у самого подножия лесистого холма. Туда и надлежало тащиться за дровами.

Помня слова Валентина о безоговорочном послушании, Марк не роптал, зато Койфман разошелся не на шутку. Окончилось это тем, что Валентин и Игорь перенесли его к самому берегу и бросили в воду.

Из озера Шурик выскочил, как ошпаренный. Судя по его мгновенно покрасневшей коже, можно было предположить, что так оно и есть — вода в мае в Телецком озере ледяная.

— Изверги! Мазохисты и садисты! — Шурик плелся вслед за Марком к леску, не сулящему никакого сушняка, а только росы по пояс и полчища комаров. — И это отдых! Какой я дурак, — Койфман продолжал самобичевание. — Зачем вспомнил об этих психах. Съездили бы к кому-нибудь на дачу, и дело с концом.

— О чем я тебя и просил вначале. — Марк и сам чувствовал себя не в самой лучшей форме, но причитания Койфмана его забавляли. — Говорил же, хочу отдохнуть на природе, нет ли у тебя дачи? А ты меня сам с ними свел.

— В чем искренне раскаиваюсь. — Шурик догнал Марка и пошел рядом. — Давай сегодня же поедем обратно. Пусть они сами веслами машут, а мы на автобус, и домой.

— Нет уж. Приехали — надо терпеть.

— Долматинец там без нас такого наворочает, — продолжал вздыхать Шурик, но все же, чуть не оттапав себе палец топором, срубил сухую сосенку и потащил ее в лагерь.

После завтрака все утро собирали байдарки. Науча оказалась не очень сложной, и скоро Марк уяснил, как состыковывается дюралевый каркас и натягивается прорезиненная ткань. Потом надували волейбольные покрышки и закивали их в нос и корму для большей плавучести.

Лодки на глазах приобрели стремительные очертания, они возникли как бы из ничего, и Марк еще раз подивился этому фокусу.

На спокойной воде озера, мелкой в этом месте, байдарки держались устойчиво, и первая тренировка окончилась успешно.

— Я же говорил — они понятливые, — одобрил их работу веслами Игорь, обращаясь к Валентину. — Не совсем безнадежные.

64

— Может быть, их все же рассадить по разным лодкам? Хотя бы в первый день, — Валентин все еще сомневался. — Перевернутся ведь прямо у Артыбаша.

Радость первой победы над собой придала голосу Шурика воинственность.

— Не перевернемся. А если что, то ведь есть спасательные жилеты.

Спасательных жилетов не было. Марк не понял: то ли их просто забыли, то ли не оказалось в наличии, но так или иначе спасательные жилеты отсутствовали, как и прорезиненные фартуки, закрывающие до ступ волне.

— Так ведь пустяк, — оптимиз Игоря был безмерен. — Это только кажется страшно, а на самом деле вода сама вытолкнет из порога. Главное, не растеряться.

Но растеряться пришлось, причем не Марку, а Валентину, когда к их палатке подошли двое парней и, представившись сотрудниками контрольно-спасательной службы, спросили про маршрут и про заявку.

— Не подавали заявку — спасать не будем! — вынесли в конце концов они свое решение.

— Кого спасать! — расхохорился Игорь. — Надо будет, мы сами вас спасем.

Но настроение после этого визита у Марка испортилось. К тому же, он мог поклясться в этом, вдали, в группе только что прибывших на вертолетную площадку туристов, он снова увидел Джесертепа и даже пошел к нему, но тот исчез, как сквоззь землю провалился. Повторное наваждение оставило смутный осадок в душе, и Марк, как и в Бийске, ощутил тревогу, но тут же себя поправил.

Хватит мистики. Марк такой же, как все, поэтому довольно рефлексий и самокопаний. Если даже ему суждено выдержать здесь новое испытание, то от этого не уйти. Лишние сомнения могут только помешать.

Все на свои места расставил вечер. Сиреневое небо над горами, подернутая туманом вода озера, костер. На огонек подходили другие сплавщики, уже закончившие свой маршрут или только к нему готовящиеся. В основном все приезжали на озеро или на Чулышман, а не на Бию. Да и байдарочников среди них не было.

Сто граммов спирта в честь открытия сезона окончательно настроили всех на благостный лад. Перевернутые вверх днища лодок покрыла роса, и они блестя в отблесках пламени, как кожа стремительных и сильных животных, покинувших на время морскую стихию для короткого отдыха.

64.

Валентин придирчиво проверил снаряжение. К байдарке Марка и Шурика привязали еще несколько волейбольных камер, прямо к бортам, они болтались черными поплавками и почему-то придавали лодке дурашливый вид. Тщательно распределили груз и закрепили его намертво, чтобы в случае чего не пришлось потом ловить рюкзаки ниже по течению.

Шурик вздыхал и охал, как старый дед, да и Марку с утра было как-то не по себе. Одно дело — на тренировке плавно скользить по озеру, другое — войти в бешеное течение реки.

Но как ни спешили отправиться пораньше, все равно вышла заминка. В последний момент хватились, что не запаслись хлебом, и, уже свернув лагерь, пришлось бежать в магазин, а потом упаковываться заново.

— Пойдете строго за нами, — провел последний

инструктаж Валентин. — Даже если покажется, что рядом проход лучше, все равно идите следом. Стоячих волн не бойтесь и помните: там, где прошли мы, вы тоже проскочите. Сильно не отставайте, но и не сидите у нас на корме. А то...

— ...Отправитесь рыб кормить, — уныло продолжил Койфман.

— И отставить эти дурацкие настроения, — Валентин поморщился, как будто пришлось иметь дело с капризными детьми. — Сами же напросились.

— Это он напросился, а не я. — Шурик стоял с веслом, как парковая скульптура. — Мне и дома хорошо.

Выслушивая эти пререкания, Игорь неожиданно оглушительно громко чихнул.

— Будь здоров! — машинально сказал Марк.

— Сам не сдохни, — грубовато ответил Игорь, ему надоели пустые разговоры и не терпелось быстрее отвалить от оживленного в этот час берега. Он предвкушал предстоящий сплав, как аттракцион. — Поговорили, и будет.

Марк сел в байдарку вторым, на место загребного. Обзору мешала спина Шурика, и Марк постоянно отклонялся то вправо, то влево. Он видел, как лодка Валентина рванулась вперед, ребята, казалось, не прилагали ни малейших усилий, но скорость набрали приличную, успевать за ними было трудно.

— Может, у них там моторчик спрятан? — предположил Койфман.

По всему было заметно, что Шурик старается; похоже, и ему передался азарт сплава, но Марк был почти уверен: дойдет до серьезного — и напарник запаникует.

В себе он почти не сомневался. Хотел острых ощущений — вот они. Раз ребята говорят, что получится, значит так оно и есть.

Мост над тем местом, где Бия вытекала из озера и устремлялась вниз по ущелью, с берега казался совсем рядом. Но до него гребли почти полчаса. Метрах в двухстах от опор Валентин развернулся боком и крикнул, что сейчас начнется течение.

— Делайте, как мы! — еще раз приказал он.

Байдарку уже не надо было подгонять. Марк чувствовал, как лодку ощутимо тянет в сторону моста, и увидел сужающиеся берега с пенящимися между ними валами.

— И-и-их! — пронзительно крикнул Игорь, устремляясь прямо в крутящийся водоворот.

Замелькали лопасти весел, и идущая впереди лодка почти скрылась в бурлящей воде.

Марк заметил домики на берегу, женщину на тропинке с ведрами, которая не обратила на байдарки ни малейшего внимания, похоже, здесь привыкли к подобному зрелищу и не отвлекались на него, как на часть пейзажа. Он увидел все это и отчетливо запомнил, хотя внимание полностью было поглощено рекой.

«Сейчас перевернемся», — успел подумать Марк, но каким-то чудом байдарка, резко наклоняясь то на один, то на другой борт, проскочила порог. Дальше на повороте начинался крутой слив, и их выбросило, словно на треке, вбок. Вираз оказался настолько стремительным, что Марк оценил ситуацию только потом, когда началась более-менее спокойная вода и появилась возможность оглядеться.

— Ничего себе! — Шурик полуобернулся к Марку, вид у него был очумелый. — Думал, кранты.

— Прошли нормально! — крикнул в ответ Марк, хотя все внутри противно сжималось от только что пе-

режитого страха. — И дальше так будет.

Валентин ободряюще помахал рукой и улыбнулся, мол, с крещением. Игорь снова затянул свое «и-и-их!», и тут же байдарку словно кто-то потянул вперед, а Марк услышал рев нового порога.

На этот раз он постарался не потерять головы. Второй порог не выглядел сложнее предыдущего. Правда, справа торчали камни, о которые с грохотом разбивалась вода, но левое русло казалось вполне проходимым. Марк удивился, что Валентин выбрал не левый спокойный берег, а стал прижиматься к валунам, где течение яростно атаковало камни.

Шурик вместо того, чтобы слаженно направить байдарку вслед за ребятами, почему-то начал притормаживать, а потом и совсем бросил гребсти.

— Давай! — заорал Марк, чувствуя, как неустойчиво зарыскала байдарка. — Давай!левой!

Он вдруг почувствовал, как днище ухнуло вниз, а потом снизу как будто напододали тяжелым и мягким пологом. Они взлетели на гребень, откуда хорошо стало видно все, что творится за пределами порога, а затем их снова бросило в образовавшееся между волнами пространство и накрыло водой.

Все произошло мгновенно, и те, кто говорят, что в таких случаях еще о чем-то успевают думать, скорее всего, принимают желаемое за действительное.

Мелькнули берег, деревья, камни, крутящаяся волна, и Марк вдруг ощутил себя в темной и обжигающе-холодной глубине. Над головой пятном расплылся свет, и туда Марк рванулся изо всех сил. Он почувствовал, как вылетел на поверхность, и тут же с ужасом осознал, что вынырнул под днищем байдарки.

Ударило еще раз, и Марк снова ушел в глубину, и снова рванулся вверх. На этот раз он вынырнул правильно. Рядом, как поплавок, подскакивала голова Шурика с выпученными и как будто белыми глазами. Тащило и крутило так, что невозможно было понять, что происходит на самом деле, и правильно оценить обстановку.

Днище байдарки вдруг очутилось на расстоянии руки, и Марк схватился за край лодки, и в тот же момент в другой борт вцепился Шурик.

Все было поглощено одной стихией — бешеной водой. Непроизвольно Марк и подчинялся, и боролся с ней, стараясь не потерять байдарку. Взлетев на очередной гребень, он увидел, как идущая впереди лодка развернулась на стремнине и остановилась на месте, удерживаемая бешеной работой весел, а их несет прямо на нее. И тут же борта байдарок соприкоснулись. Шурик сделал попытку ухватиться за весло Валентина, но тот заорал на него. Течение постепенно становилось все более спокойным. Затопленную байдарку ребята сумели оттеснить к берегу, и наконец Марк почувствовал под ногами дно.

Он не помнил, как выбрался на берег. В этом месте подъем был крут, и, очевидно, надо было приложить немало усилий, чтобы взобраться наверх, но Марк не помнил — полз ли он по камням на животе или поднимался, цепляясь за кусты. Более-менее он пришел в себя уже тогда, когда жарко пылал костер, и Игорь совал ему в руку красный пластмассовый стаканчик с неразведенным спиртом. Шурик уже разделся, и на его очень белой коже отчетливо проступили все веснушки, как будто он в одно мгновение покрылся болезненной сыпью.

— Лихо, — только и сказал Валентин. Вид у него был испуганный. — Зачем же вы поперлись влево, ну ужели не видели, где мы прошли?

— «Зачем, зачем», — передразнил Койфман. Слева вода спокойнее, вот я и думал, что нечего нам в чехарду играть. Это вы любите острые ощущения, а я — нет.

— Вот и вляпались, — у Игоря сочувствия не нашлось и на грош. — Теперь умнее будете.

— Тебе не кажется, — обратился к нему Валентин, — что с этим сплавом надо заканчивать? Связались на свою голову. Давайте разбирать байдарки. Поднимемся сейчас на дорогу и поймаем попутку.

— Это ты замечательно придумал, — обрадовался Койфман. — Приятно общаться с умным человеком. Домой, домой!

И в этот момент Марк заупрямился. Неразведенный спирт он проглотил, как дистиллированную воду, не ощутив ни вкуса, ни запаха. По телу сразу же разлилось тепло, лицо запылало от жара.

— Никаких «домой»! Подумаешь, перевернулись. Разве у тебя всегда все было удачно? — обратился он к Валентину. — Даже в самый первый раз?

— Я опытен на малых речках нарабатывал, — Валентин сидел, откинувшись спиной к стволу сосны. — Постепенно. А вот так, сразу...

— Нечего глупостями заниматься, — Игорь негодовал даже от самой мысли, что может прерваться сплав. — Хотят, пусть выбирают отсюда сами. Собирают вещички, и на дорогу. Я не для этого на работу отпуск за свой счет клячил.

— Даже не знаю, — засомневался Валентин.

— Да что тут говорить, — Марк искоса поглядывал на молчащего Койфмана. — Мы справимся. А это — вроде посвящения. Ну, хлебнули бийской водички. Подумаешь!

— Ты как знаешь, — Шурик говорил непривычно медленно, — а я дальше плыть боюсь. Боюсь, и все. Слышишь, как ревет.

Даже здесь, на высоком берегу, грохот бьющейся о камни воды звучал раскатисто и грозно.

— Поплывем, а? — попросил еще раз Марк. — Сколько порогов надо пройти до Турочака?

— Одиннадцать или двенадцать, — заглянул в кроки Валентин. — Этот, кстати, где вы макнулись, называется Юрток.

— Юрток оставит без порток, — немедленно нашел рифму Игорь, и Марк заметил, как Шурик неуверенно улыбнулся.

65.

Все тело ныло, как будто его били палками. Валентин сказал, что им еще сильно повезло — не измолило о камни.

— Сам видел, — серьезно говорил Валентин, как одного парнишку швырнуло на валун, так даже и не нашли потом. А еще одних ребят с перевернувшегося катамарана вытащили буквально через две минуты, но все ноги у них были перемолоты, словно пропустили через мясорубку.

От подобных речей Шурик только бледнел, но пересилил себя, опять сел в байдарку.

Еще три порога в тот же день прошли на удивление гладко. Были, конечно, и волны, накрывающие с головой, и вода на дне лодки, которую сразу же после порогов приходилось одному отчерпывать, пока другой держал байдарку по течению. Но очень кстати пришла уверенность, что ничего невозможного все же не существует. Марк научился заставлять себя не бояться, входя в кипящую и ревущую воду, отбрасывать поворот, не обращая внимания на то, что заливают

лицо и руки уже почти не слушаются команды.

В некоторых местах Бия просто падала вниз, как струя из чайника. Но эти относительно ровные места проходили с криком и гиканьем; слив — это просто водяная горка, и как с горки Марк видел то, что не увидишь с берега — стремительный уклон, по которому, как по желобу, катится байдарка.

Лагерь решили разбить пораньше. Валентин хотел дать немного передохнуть Марку и Шурику.

Уже в конце дня Марк по-настоящему оценил, как быстро и умело сориентировались ребята, выловив их из Юртока. Ему бы такой подвиг не удался.

Больше от Артыбаша на пути не попалось ни одной деревни. Места выглядели диковатыми, и полянка, выбранная для лагеря, пришлась точнехонько напротив высокой скалы, полностью, как ширма, закрывающей горизонт.

— Не знаю, как тебя, — Шурик лежал, безвольно раскинув руки, пока Игорь и Валентин быстро и привычно ставили палатку, — а меня такая природа давит. Скалища-то какая! Жуть!

До них на этом месте уже кто-то останавливался. Сохранилось кострище и даже рогатины для котелка. Дров вокруг — навалом.

— Давайте за водой, и будем готовить ужин, — Игорь попытался подключить новичков к общественно полезному труду.

Уже стемнело, и костер стал притухать, напоминая о том, что пора и на боковую, когда со стороны леса послышался шум. Гостей не ждали, поэтому все разом насторожились. Кто там ходит, зверь или человек? Бояться можно и того, и другого. Впечатлений от прошедшего дня хватало, и новых приключений не желал никто.

Хруст веток раздался совсем рядом, и Игорь поднялся от костра навстречу неожиданным гостям.

Два мужичка, по виду местные, деловито выбрались из чащи. Один из них держал в руке ведро.

— Туристы? — полууверительно спросил тот, что помоложе, с недельной щетиной на физиономии. — Слышно вас. Мы за поворотом стоим, рыбачим. Мужики, выпивка кончилась, а рыбы полно. Объединимся?

Объединяться уже не хотелось — поздно, да и поужинали, но и прогнать от костра гостей не повернулся язык. Валентин вытащил из рюкзака фляжку.

Игорь воспользовался случаем и попытался уточнить предстоящий маршрут. Рыбаки предупредили о коварном прижиме километрах в десяти ниже по течению, а так, уверяли они, все нормально. На моторе, конечно, не пройдешь, ну, а на байдарке сам бог велел. Они-то, кстати, на моторе, но пороги проходят на веслах — привыкли.

— Вторую неделю сидим. — стакан пошел по кругу. — Трех тайменей взяли, а вам притащили хариусов. Сами-то не рыбачите?

— Некогда. Нам бы до Турочака скатиться, а может, чуть дальше. И домой.

— Скучная у вас жизнь, — посочувствовали рыбаки. — Все несетесь куда-то, сломя голову. На реке-то поосторожнее. Тут вашего брата каждый год немало гибнет. Швырнет на камень, и амба. Иногда неделями ищут и тела найти не могут. И на Телецком не лучше. Там в свежую погоду, если перевернет, то долго не поплаваешь — восемь градусов. А утопленников обязательно сносит к середине озера, на самое глубокое место, откуда не достанешь, и, рассказывают, что они стоят там на глубине, как живые. Все, кто когда-то в

озере утоп.

Марк живо представил себе эту страшную картину. Толпа стоящих мертвецов, едва колеблемая слабым течением, безмолвных, с открытыми глазами.

Тот же Мертвый дом, подумал он. Подводное царство Анубиса. Весь мир принадлежит шакалу.

Он суеверно потрогал кольцо. Ага, тут же поймал он себя на этом, все-таки трусишь, ищешь защиты и надежды, а ведь еще утром клялся, что теперь будешь жить, как все.

Уха из хариусов, несмотря на то, что недавно наелись лапши с тушенкой, была сказочно вкусна. Засиделись почти до двух часов ночи. Остатки спирта мужики унесли с собой и велели утром заглянуть к ним еще — дадут рыбы.

Ровный рокот реки, белые звезды в кристально-черной вышине и неожиданно ставшая уютной скала — все говорило о том, что завтра предстоит чудесный день.

66.

День выдался чудесным настолько, что Марк проснулся сам, не дожидаясь побудки. Он выбрался из палатки и зябко обхватил плечи руками. Солнце уже поднялось, в сосняке фели птицы, временами заглушая шум воды, но ледяная роса не давала ступить даже шага — от холода болезненно сводило ступни.

Марк спустился к реке. Воздух, полный запаха леса и цветущих трав, был почти осязаем. «Такой у нас воздух, — вспомнил Марк слова рыбаков, — хоть ломтями режь».

Он развел костер, поставил на огонь котелок и встретил Игоря и Валентина (Шурик, конечно, еще спал) горячим чаем.

— Исправляешься, — похвалил его Игорь. — Будешь классным сплавщиком. Вот пройдем Бию, на будущий год махнем в Якутию. Поедешь?

— А как же! — От вчерашний ломоты в теле даже следа не осталось, и Марк занялся приготовлением завтрака, давая возможность ребятам как следует осмотреть байдарки и поставить на царапины заплатки. — Поеду. Вы мне в Питер напишете, и я тут как тут.

— В Питер собираешься? — поинтересовался Валентин, выкраивая из куска резины подходящую заплатку.

— Да, возвращаюсь. Сразу же после сплава.

— И что людям в Сибири не живется? — удивился Игорь. — Чем у нас хуже?

Марк уже собрался объяснить — чем, но из палатки выполз Шурик.

В отличие от Марка выглядел он неважно. Когда, задрвав свитер, он показал ставший красно-синим кровоподтек на ребрах — все-таки приложился, видимо, где-то о камень, — Игорь только присвистнул.

— Ничего не сломал? — обеспокоенно спросил он.

— Вроде нет. Но саднит и тянет.

Из-за этой травмы на совместном совете решили сегодня не напрягаться и пройти совсем немного.

— Простокочим пару порогов и где-нибудь поищем новое место стоянки, — согласился Валентин. — Только четко следуйте за нами, без самодеятельности, пожалуйста.

Хотя к Марку пришла уверенность, что сегодня они не оплошают, все равно сердце тревожно сжалось, едва он услышал нарастающий рев воды. Хорошо, если порог открывается издали, а с поворота в него

входить значительно труднее. Еще он понял, что самое бурное место не всегда бывает самым опасным, и скоро убедился в этом, когда байдарка влетела в стоячую метровую волну и пронзила ее, как игла. Воды, конечно, в лодку попало много, и сами вымокли, будто приняли душ, но зато никуда не потащило, не швырнуло на камни.

Шурику грести было трудно, и Марк попросил его не слишком напрягаться.

— Просто держи байдарку ровнее, и все, направлять я буду сам.

Он осмелел настолько, что даже несколько раз, как Игорь, крикнул «и-и-их!»), влетая в очередной порог. Марк входил во вкус новой игры.

Из третьего по счету за сегодняшний день порога лодки вылетели на относительно спокойную воду. Бия в этом месте становилась шире. Высокий, метров под пятьдесят обрыв справа вертикально падал прямо в воду. Гребцы расслабились, и, видя, как плавно минувала отвесную скалу первая байдарка, Марк дал себе возможность расслабиться. Это оказалось ошибкой.

Через минуту он заметил, что лодка почти не движется по течению и ее увлекает в сторону скалы. Еще не поняв, в чем дело, он удвоил усилия, но не помогло и это. Байдарку прижимало к каменной стенке, грозя расплющить и утянуть под воду.

Марк посмотрел на скалу. На самой ее вершине он увидел стоящего Джесертепа в неизменном черном плаще. Это был точно Джесертеп. Силуэт демона трудно было перепутать с кем-нибудь другим, настолько четко выделялся он на фоне синего безоблачного неба.

Этого еще только не хватало. Но отвлекаться времени уже не оставалось совсем.

— Шурик, — закричал Марк. — Мне одному не справиться. Тянет под скалу. Давай вместе!

В этот момент и до Койфмана дошло, что дело неладно. Он, постанывая от боли, тоже приналег на весло. Байдарка стояла на месте. Мощный прижим водоворота не давал лодке оторваться от скалы.

Мысленно Марк уже видел, как их притискивает к стене и тянет вниз. Никто здесь не поможет. Ребятам просто не успеть.

Дальше все началось, как в кошмарном сне. Он греб сам и кричал на Шурика, буквально по сантиметру отвоевывая у реки пространство. Было такое ощущение, что байдарка привязана пружинящим крепким тросом и продвигается не в воде, а в другой, более плотной массе.

Когда они вновь очутились на стрежовом течении, Марк бессильно опустил руки и посмотрел через плечо на отвесную скалу — Джесертепа на ней не было.

67.

На второй стоянке они провели две ночевки. Игорь весь день причитал, что из спортивного сплав превратился в матрацный. Сиди и загорай, вместо того, чтобы окунуться в настоящую стихию. В свою очередь, стихия не давала забыть о себе ни на минуту — лагерь разбили недалеко от начала нового порога.

— До Турочака отсюда пройдем в два дня, — сверившись с кроками и картой, сказал Валентин. — А дальше посмотрим. Будет желание и время, махнем до Удаловки. Помните, проплывали на «Заре» порог около горы Иконостас? А оттуда опять на «Зарю», и в Бийск.

Койфману на синяк налепили лопухов, обмотали

бинтом, к вечеру ему стало полегче.

Рассказывать о встрече с Джесертепом Марку было некому. Если в Бийске он еще сомневался, что видел демона, а на вертолетной площадке около туристической базы «Золотое озеро» ругал себя за мнительность, то после того, как Джесертеп возник в критический момент на отвесной скале, сомнений у него больше не оставалось.

Что это — предупреждение, намек, угроза? Послан ли демон Анубисом или, как в Екатеринбурге, явился сам, — было загадкой.

— Джесертеп, — тихо прошептал Марк, глядя на пенистые водовороты. — Если это был ты, то почему не приходишь? Почему показываешься только издали? Или я пока не нуждаюсь в помощи, и ты только даешь знать, что будешь рядом в трудную минуту?

Ни на один из вопросов ответов не находилось. Но спал Марк плохо. Ему опять приснился Мертвый дом, необъятное пространство подземного склепа, в котором он заблудился. Он искал Анубиса и не мог найти, хотя чувствовал, что тот где-то рядом.

С утра погода разладилась. Стало холодно и начал накрапывать дождь, но все попытки Шурика уговорить ребят остаться в лагере кончились ничем.

— Дождь может зарядить и на сутки, — посмотрев на густо обложенное облаками небо, сказал Валентин. — Что же нам, здесь все это время сидеть? Нет, сплав так сплав. Пойдем под дождем.

Марку тоже не очень хотелось покидать уже обжитую палатку, но приходилось подчиняться.

Первый порог они взяли без труда. Он хоть и казался грозным, на самом деле больше пугал. Небольшой слалом только привел всех в хорошее настроение. А еще через час прекратился дождь, и сначала небо посветлело — тучи таяли на глазах, а потом выглянуло солнце.

Гребешки волн стали отсвечивать ртутным блеском. Миновали очередной слив и прямо по нему, как по горке, неожиданно ворвались в деревню.

На плохой, не подробной карте деревня не была даже обозначена, и для Марка эта череда домиков на высоком берегу так и осталась безымянной.

Деревня, скорее всего в одну улицу, вытянулась вдоль Бии. Слив с сильным течением проходил как раз по этому месту и не предвещал никаких неприятностей. Но только лишь Марк лихо собрался промчаться мимо домов на зависть абorigенам, как байдарку хлестнуло боковой волной, и они позорно притонули.

Не меньше центнера воды разом влетело в лодку, и Марк вдруг ощутил себя залитым до колен, а байдарка, сразу осев, потеряла маневренность и плыла теперь полузатопленной.

Койфман запаниковал сразу. Как и на Юртоке, он тут же перестал грести. Марк напрасно старался прикнуться к берегу — лодка не слушалась.

И вновь выручили Валентин и Игорь. Сумев притормозить на быстром течении, они буквально притиснули полузатонувшую байдарку к обрыву, и хотя их вместе еще протащило метров триста, причалили к более-менее полугому месту.

Шурик выскочил на берег, как будто за ними гнался крокодил. Губы у него тряслись, и веснушки опять, словно ему в лицо плеснули проявителем, выступили на белой коже.

— Это уже чересчур! — крикнул он с безопасного расстояния. — Я больше тонуть не согласен!

— Да ничего же не случилось, — попытался уговорить его Игорь. — Подумаешь, залило. Даже и не пе-

ревернулись.

— Еще не хватало, — Койфман никак не мог прийти в себя. — Вы как хотите, а я дальше пешком.

В этот момент по тому же самому месту, где они только что беспомощно барахтались, промчался самодельный деревенский плотик. Двое парнишек, лежа на досках, гребли руками и с удивлением, так что даже привстали и оглянулись, посмотрели в сторону байдарок.

Плотик подскакивал, как сноровистый пони, но мальчишки управлялись с ним запросто. Слив чуть ниже переходил в порог, и прямо от деревни были видны острые, торчащие из реки камни. Перед самым порогом плотик, резко вильнув, воткнулся в берег, и ребята, выбравшись на сушу, потащили его, как салазки на горку, обратно выше по течению.

— Видишь, — укоризненно обратился к Койфману Валентин, — даже сопливые мальчишки не боятся здесь плавать.

— Да они тут выросли, — заныл Шурик. — Для них эта река — мать родна. А я и на спокойной воде держусь плохо.

— Ладно, — рассудительно решил Валентин. — Посидим с часок на берегу. Обсохнем.

Отвязали и вытащили рюкзаки, перевернули байдарку вверх дном, чтобы вылить воду, и перекусили всухомятку, запивая тушенку забортной водой. В верховьях Бии в деревнях даже не копали колодцев, настолько чиста была река.

Мальчишки, бросив плот, поднялись на обрыв, так и не решившись заговорить с чужими.

Марк закурил и пошел по берегу вниз по течению, чтобы осмотреть начало порога. От деревни порог выглядел достаточно серьезным — нагромождение камней, узкие проходы. Волны бились и клокотали между берегами, как в глотке великана.

«Пройдем, — оценивающе оглядел Марк острые зубцы. — Только на самом входе надо быть поосторожнее — похоже, слева прижим».

Он уже возвращался обратно, ступая по круглым, словно обточенным на токарном станке, бийским галькам, когда увидел перед собой девочку в просторном застиранном ситцевом платице. Лет семи, не больше. Она смотрела на него, как на какое-то чудо. По всему было видно, что чужаки в деревню заглядывают редко.

— Тебе чего? — растерялся Марк от восхищенно-го синего взгляда. — Шоколадку хочешь?

Девочка отрицательно покачала головой и, так и не сказав ни слова, вдруг в неожиданном порыве протянула Марку цветок — обыкновенную желтую мать-и-мачеху, которой и в городе пруд пруди. Цветок уже немного увял и беспомощно свешивался со стебелька.

— Это мне? — спросил Марк, не решаясь принять щедрый подарок.

Девочка вновь кивнула и тут же смущенно отбежала в сторону, скорее всего так и не услышав ответного «спасибо».

Марк повертел цветок в руках, не зная, что с ним делать, а потом воткнул стебелек в нагрудный карман куртки.

Он уже подошел к байдаркам, где ребята хлопотали перед отплытием, когда, обернувшись, увидел, как девочка, стоящая до этого в отдалении, столкнула на воду легкий плотик.

Наблюдая, как дитя природы, удаляясь от берега, покачивается на своем суденышке, Марк еще раз подивился подобной беззаботности, но не придал этому

серьезного значения. Видя, как только что мальчишки чуть старше бесстрашно управлялись с сильным течением, он был уверен, что и девочка сделает это не хуже. Но через минуту заметил, что не все идет гладко.

Девочка, видимо, намеревалась прокатиться возле самого берега, но течением ее сразу вынесло на середину, где подпрыгивали крутые волны, и плот сначала закружило, а потом стремительно потащило к порогу.

— Мама! — пронзительно закричала девочка, и тут же сверху, с обрыва, послышался ответный истошный крик.

Возле дома заметалась женская фигурка, но до тропинки, спускающейся к берегу, было далеко.

Марк не раздумывал ни секунды. Он отчетливо понимал, что любое промедление губительно, и, как был в джинсах и в куртке, бросился в воду.

Его подхватило сразу, швырнуло на глубину и повлекло за плотом. Плавал Марк неплохо и почти не сомневался, что успеет догнать плот еще до порога.

Несколько раз его с головой накрывала волна, и каждый раз после этого он уходил вниз, но выныривал, отплываваясь, и все-таки успел коснуться досок раньше, чем слив, чуть изгибаясь, переходил в порог.

Плот приходилось толкать двумя руками, он слушался плохо и норовил, подпрыгивая на гребнях, ударить Марка в лицо. Но все же сдвигался к берегу. Медленно, но сдвигался. Девчонка, как будто ее поразила внезапная неподвижность, совсем не помогала Марку и уже не кричала, а только смотрела на него широко распахнутыми глазами.

— Греб! — крикнул ей Марк, сил почти не оставалось. — Помогай!

Он видел, что плот еще может зацепиться за край изгиба берега, а дальше его уже не спасет ничего.

Река цепко держала свою добычу. Камни резали течение уже совсем рядом, когда Марк последним отчаянным усилием толкнул плот к отмели.

Он еще убедился, что бегущие вслед за ним по берегу ребята сумеют подхватить плот и выволочат его из воды, но последний толчок отбросил его в сторону стремнины. Волна вновь накрыла с головой. Марк попытался отгрести в сторону от камня, казалось, мчащегося на него со скоростью локомотива, но его закрутило на месте, развернуло спиной и швырнуло прямо на острую базальтовую глыбу.

68.

Все знакомо в этом зале. Все.

Марк стоял, уставившись в плиты пола, с одежды капала вода, образуя маленькую лужицу вокруг ног.

Земная вода в Мертвом доме. Живая вода в Мертвом доме. Вдали горели чадающие огни.

Джесертеп выступил из темноты внезапно и коснулся плеча Марка.

— Ты? — почти не удивился тот.

— Я ведь предупреждал тебя, — голос демона звучал укоризненно.

— Почему же тогда ты мне не помог?

— Анубис, да будет вечен Весовщик душ, запретил мне делать это. Но я хотел тебе помочь.

— Спасибо, — Марк попытался разобраться в своих чувствах и вдруг понял, что его не волнует собственная смерть. — Девочку спасли?

— Ее здесь нет, — Джесертеп медленно отступил назад в темноту. — Но тебя опять ожидает мой Хозяин. Поторопись, он в гневе.

— В гневе? — удивился Марк. — Почему? Разве я

провинился? Мне кажется, что на самом деле я ему помог. Он хотел вернуть кольцо, теперь ничто не мешает ему сделать это. Господин должен быть доволен.

— Но он в гневе, — повторил Джесертеп. — Поторопись.

Демон исчез так же внезапно, как и появился. Марк еще хотел спросить его о ребятах, но не успел. На расстоянии вытянутой руки не различалось ничего, кроме чернильной темноты - безмолвной, пустой.

Шаг за шагом.

Шахматные плиты и он, фигурка, движущаяся сама по себе и в то же время управляемая тем, кто начал игру.

Шах? Мат? Жертва качества? Цейтнот?

Огни приближались медленно, но все-таки приближались. Марк собрался с мыслями. Что скажет Анубис на этот раз? Как ни верти, Марк опять провинился. Кольцо давало ему возможность подняться над миром, а он вновь оплошал. В который раз. Нет больше бессмертия. Его дом здесь.

Шаг за шагом.

Анубис не сидел на троне, он стоял рядом с ним и, чуть наклонив шакалью морду с длинной пастью, наблюдал, как ползет к подножию лестницы крохотная человеческая фигурка.

— Явился, — рассмеялся Анубис, лишь только Марк приблизился настолько, что ему понадобилось задрать голову, чтобы увидеть его. — Приполз. Ну и что ты теперь собираешься делать?

— Отдать кольцо, — просто сказал Марк, и стал свинчивать с пальца черный ободок. — Я знаю правила игры.

— Он знает, — издевательски повторил шакал. —

Он всегда все знает. Зачем ты полез спасать девчонку, ведь она все равно в конечном счете обречена? Ты не настолько примитивен, чтобы не понимать этого.

— Она ребенок, — Марку наконец удалось снять кольцо и теперь он держал его на ладони, не зная, следует ли самому подняться к трону или ждать, когда Анубис снизойдет до того, чтобы спуститься к нему. — Она еще не жила.

— А жил ли ты сам? — Анубис сделал шаг вниз. — Ты сам? Разве у тебя есть что вспомнить? Чем ты утешись теперь в этом доме?

— Я спас ее, — упрямо повторил Марк. — Этого достаточно.

— Достаточно, недостаточно. Кто здесь все-таки взвешивает сердца? Не ты ли?

— Нет, Господин, — Марк наклонил голову.

— Но ты уверен, что поступил правильно?

— Правильно, — Марку не хотелось спорить, но Анубис вынуждал его говорить.

— А ты ведь знал, что это последняя твоя жизнь. Почему ты не подумал об этом? Ведь не подумал, правда?

— Правда, — обреченно сознался Марк. — Я ни о чем не подумал. Тебе недостаточно моей смерти?

— И наконец-то не ошибся! — Анубис снова захотал и вдруг, одним прыжком одолев разделяющее их пространство, очутился совсем рядом. Этот нечеловеческий прыжок заставил Марка отшатнуться. — Не ошибся, и все же боишься. — Анубис протянул руку, и Марк вложил ему в ладонь кольцо. — Вот так, — сказал шакал и подбросил кольцо в воздух, и оно растаяло в темноте, не долетев до пола. — Кольца больше нет. Но, клянусь Отцом, ты заслужил за этот поступок

двадцать минут бессмертия. Не больше, — добавил он после некоторого раздумья. — Не больше. Но на самом деле это очень много.

— И как я смогу распорядиться ими? — в душе у Марка шевельнулась слабая надежда.

— Никак, — отрезал Анубис и отступил на шаг, чтобы лучше видеть лицо Марка. — Совсем никак. Но мне кажется, что ты хочешь за это платы. Что ж, торгуемся.

— Нет, — покачал головой Марк. — Нет, ты меня не понял, Господин. Я только надеялся.

— Воистину мне иногда бывают не понятны люди. Надеялся, но ничего не просишь?

— Ничего, — Марк вздохнул. — Что я должен делать теперь?

Анубис отступил еще на шаг и вдруг сел прямо на ступеньку лестницы. Руки устало свесились между колен, и он почему-то стал походить на старого и больного пса. Марк едва удержался от желания погладить его по голове.

Желтые печальные глаза уставились на Марка в упор. Он видел, как у Анубиса сморщились складки кожи вокруг черного носа.

— Все правильно, — шакал выговаривал слова медленно, словно речь давалась ему с трудом. — Я хотел этого и опять этого добился. Я — молодец.

Марк опешил. Чего угодно ожидал он, но только не этих простых человеческих слов.

— Я не понимаю тебя, Господин.

— Еще бы ты понимал меня! — Анубис стремительно встал, так что ветер шевельнул языки факелов. — Меня, — голос его загремел, как вода в пороге. — Того, кто дает вам жизнь.

— Смерть, — несмело подсказал Марк.

— Жизнь! — Анубис раскинул руки, словно собирался заключить в объятия все окружающее пространство. — Ты свободен, — сказал он, едва обернувшись через плечо и поднимаясь по лестнице. — Ты можешь идти.

— Идти? — опять не понял Марк.

— Да. — Анубис на мгновение обернулся и, увидев, как Марк недоуменно смотрит на него, расхохотался вновь. — Джесертеп, — позвал он демона. — Выведи этого человека отсюда. Он готов к смерти. У него впереди — обычная, человеческая смерть.

Владислав ГОНЧАРОВ
(Uldor the Cursed)

ТЕХНОРОМАНТИЗМ - НОВОЕ ЛИ ТЕЧЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКЕ?

Сначала все это выглядело, как игра. Создаются же в западной фантастике всякие течения и течения, почему бы и нам не начать то же самое? Так и был рожден инфоромантизм. А поскольку возможность издаваться никому из его авторов в то время абсолютно не светила, оставалось только играть дальше - то есть продолжать деление и самоклассификацию. Молодинформантизм, некроромантизм, техноромантизм... Впрочем, вот с последним-то и начались интересные вещи.

Вообще-то, давать определение и описательные характеристики литературному течению, практически не имеющему не только опубликованных, но и вообще более-менее законченных произведений, - по меньшей мере затруднительно. Поэтому попытка сделать такое с техноромантизмом привела, скорее, к формулированию желаемых ощущений и подыскиванию аналогов среди уже знакомых вещей.

Ну что, к примеру, можно найти общего между рассказом Дино Буцатти «Линкор смерти», романом Николая Ютанова «Путь Обмана» и бесконечным сериалом Питера Альбано о похождениях неустрашимого Седьмого авианос-

ца? То, что все они, так или иначе, посвящены войне и военной технике (как вариант - военной стратегии как разновидности той же технологии войны)? Или то, что ни в одном из этих произведений автор, кто бы он ни был, в сущности, не вышел за пределы известного нам мира - мира, ограниченного НАШИМ пространством и НАШИМ временем? Даже у Ютанова за инопланетными декорациями вполне отчетливо прослеживаются подробности и вариации все той же нашей, земной истории, а космический пришелец с русским именем здесь не более чем зеркало, отражающее читателя с его извечным желанием на эту историю повлиять - если не изменив целиком, то хотя бы что-нибудь сделав лучше, хоть в малости - добрее. И мудрее. Впрочем, история, даже выдуманная, зачастую получается гораздо мудрее читателя. То есть нас...

Между прочим, привязка к нашему миру, а в особенности - к нашему уровню развития техники, - момент гораздо более важный, чем это может показаться на первый взгляд. Ведь все более заметно проявляющаяся в последнее время у читателей фантастики идиосинкразия к фантастической технике и последним научным

достижениям далекого и не очень далекого будущего - отнюдь не случайна. И имеет это отношение даже не к повсеместно декларируемому кризису «твердой» научной фантастики с заменой ее абсолютно антинаучной фэнтези. Нет, дело гораздо проще. Просто на смену буйному идеализму эпохи научно-технической революции - с его верой в возможность и осуществимость техническим путем любой мечты человеческого разума - пришел умеренный (хотя и не всегда здоровый) прагматизм, призывающий предпочесть журавлям обещаний синицу реальности, которую уже сейчас можно потрогать пальцем. Вот и оказалось, что практикующий маг и экстрасенс-самоучка для среднего человека зачастую ближе и понятнее, чем конвейерная линия по производству электронной техники или сложнейшая аппаратура орбитальной космической станции. Особенно если этот маг еще и обещает тебе несложную, доступную всем методику, позволяющую стать таким же экстрасенсом самому.

То есть все малопонятное и недостижимое перестает пользоваться доверием. И остается только известное или уже достигнутое - в мире этом или достаточно

похожем на этот. Что, кстати, ничуть не мешает восприятию фэнтези, - сказки и легенды рассказываются из поколения в поколение уже многие тысячи лет, и в доброго антропоморфного дедушку Мороза или дедушку Гэндальфа для человека поверить психологически все же гораздо проще, чем в рог изобилия на холодном термояде или мыслящую зеленую плесень с Проксимы Центавра.

Словом, берется техника, которая существовала или могла существовать при современном уровне технологии, но по каким-либо причинам не появилась, - проект линкора, описанного у Буцатти, между прочим, существовал реально, - и миры, более или менее сходные с нашим либо являющиеся его вероятностными двойниками, и в результате перед нами - хорошо, вроде бы, знакомый жанр альтернативной истории, но с ярко выраженным военно-техническим аспектом, который дотоле нигде еще так сильно не прорабатывался. Конечно, можно вспомнить достаточно много фантастических романов, в большинстве своем начала нашего века, где основное внимание уделяется именно разного рода летающей, ползающей, плавающей, ныряющей и прочей стреляющей и бронированной технике. Однако все это - романы о войне будущего, и никому из фантастов доселе не приходило в голову задаться, к примеру, вопросом: а что бы произошло, как бы повернулась мировая история, если бы, например, первый дредноут был построен не в Англии в 1906 году, а в России лет на 15 раньше (проект его, опять же, существовал в реальности)?

Между тем, военно-историческая литература пользуется достаточно большой популярностью, и спрос на нее у читателей посто-

янно растет. Причем в основном это именно литература по военной технике - танкам, самолетам, а более всего - боевым кораблям, по истории военного кораблестроения и военно-морской истории вообще. Между прочим, последнее вовсе не удивительно - ведь на протяжении последних полутора сотен лет все научно-технические новации в первую очередь применялись именно на военном флоте (а с 10-х годов нашего века - также и в авиации). Здесь впервые появились гребной винт, стальная высококачественная броня, казнозарядные орудия, паровые турбины, радио- и эхолокаторы. То есть флот, (а впоследствии и авиация) постоянно держались, так сказать, у верхней планки технических возможностей своего времени. Напротив, танки на поле боя вышли только лет через двадцать после того, как появилась возможность их создания, и впервые были применены лишь как ответ на массовое использование пулеметов в позиционной войне. Событию, это и не удивительно: в сухопутной войне исход решает масса - военный и промышленный потенциал противников, и лишь в незначительной степени - стратегический талант полководцев, а роль любых технических новшеств практически нивелируется стохастическим эффектом броуновского движения всей массы громоздкой военной машины воюющих сторон. Французские танки 1940 года и советские 1941-го значительно превосходили противостоящие им германские бронемашины, и не только по качеству. Результат «блицкрига», тем не менее, известен; и немалую роль в нем сыграла авиация, где превосходство немцев было очевидным. И гениальный Мост инженера Юнгмана (Андрей Лазарчук «Мост Ватерлоо»), даже будучи построен, не в состо-

янии вывести войну из позиционного тупика, - для этого сами боевые действия требуется вывести из плоскости, где действует эффект массы, в плоскость, где начинает проявляться эффект события. Туда, где всего один снаряд, попавший в боевую рубку флагманского броненосца адмирала Витгефта (Желтое море, 28 июля 1904 года), выводит из строя все командование русской эскадры. Один снаряд плюс неудачная конструкция боевой рубки - и исход Русско-Японской войны уже решен. Точно так же, как блицкриг во Франции был выигран не на земле, а в воздухе, и там же - проиграна «Битва за Англию»: «Мессершмидт» не выдержал соревнования со «Спитфайром»...

Однако, в отличие от жанра альтернативной истории, техноромантизм мало интересуется политической подоплекой событий, - если только они не сопровождаются внешне эффектными, ТЕХНИЧНЫМИ действиями. Сам образ технической мысли, воплощенной в стройную, завораживающую конструкцию, стальную или стратегическую, для него гораздо важнее. Кстати, именно по этой причине от произведений этого жанра в будущем следует ожидать особого интереса к различным вариантам развития восточной (в основном японской) цивилизации и ее аналогов, где эстетический критерий в войне и политике являлся определяющим. Гибельное для стран Оси нападение японцев на Перл-Харбор, втянувшее во Вторую Мировую войну Соединенные Штаты, было организовано не из-за его эффективности (большинство американских линкоров, потопленных в гавани, было поднято и вновь введено в строй), а больше из-за внешней эффектности, красоты такого действия.

Итак, техноромантизм - это новое направление в фантастике (в основном российской), разрабатывающее варианты развития близких к нашему миров (или альтернативных линий этого мира), отталкиваясь от военно-технического и военно-стратегического аспектов, где основное внимание уделяется внешней эстетике конструкций и построений, а общий уровень техники и технологии не выходит за рамки возможного и привычного для нас. Техника должна быть понятна, знакома и близка, - только тогда мы сможем действительно почувствовать ее реальность. Может быть, именно поэтому принц Корвин (Р.Желязны «Хроники Эмбера») использует для штурма Эмбера вполне привычные нам автоматические винтовки, а не какие-нибудь фантастические лучеметы из более высокотехнологичных отражений. Да и паровозик от станции Мост до станции Мост оказывается куда более могущественным, чем сверхмощные суперфантастические СКДР (В.Крапивин «Голубятня на желтой поляне»).

Каким бы странным это ни казалось на первый взгляд, но по духу своему техноромантизм очень близок к фэнтези - и не только ярко выраженным эстетическим чувством и проявляющейся иногда нарочитой склонностью к архаике (вспомним крапивинские мониторы). Связь более глубинная: и для фэнтези, и для техноромантизма характерна повышенная роль личности в истории: на исход событий и там, и там влияют не непробиваемые законы природы и социума, а человеческий фактор. Деятельность одного человека не способна изменить судьбы мира - на этом, вслед за реализмом, стоит и классическая НФ. В жанрах же, ведущих свою генеалогию от романтизма, герой,

напротив, может и должен активно влиять на события и окружающую действительность. Из этих соображений техноромантизм прямо противоположен киберпанку - жанру, декларирующему зависимость человека от созданной им же самим окружающей среды и неспособность на нее влиять. В техноромантизме же человек, напротив, полностью контролирует создаваемый им искусственный мир.

Впрочем, зачатки нового жанра можно наблюдать не только в творчестве Крапивина или в уже упоминавшихся произведениях Лазарчука. Внутренняя эстетика войны даже в произведениях, внешне абсолютно антивоенных, - примета нагляднейшая, именно поэтому так красивы и завораживающи Белые Субмарины и именной бомбовоз «Горный Орел», имперские бронеходы и brave Бойцовые Коты (А. и Б. Стругацкие «Парень из преисподней»). А небольшая, но достаточно шумевшая повесть Любви и Евгения Лукиных «Миссионеры» - уже вполне классический пример техноромантизма в самом чистом виде. Впрочем, еще сотню лет назад адмирал Степан Осипович Макаров выпустил книгу, в которой описал войну броненосных флотов двух гипотетических тихоокеанских государств. Что-то похожее мелькало и в новелле А.Грина «Истребитель». И вряд ли дело на этом остановится. Мне уже известны попытки «разработать» крапивинскую Войну мониторов и десантную операцию в устье Тары из «Парня из преисподней». Московский фэнзин «Бойцовый Кот» прекратил свое существование на втором номере, но сохранились и, вроде бы, готовятся где-то к печати созданные для него каталог «Оружие в фантастике» и альтернативная история военной авиа-

ции Второй мировой войны (фрагменты из нее под видом действительных фактов были опубликованы в первоапрельском номере одной из московских газет). А популярность близких по жанру именно к такой фантастике книг Виктора Суворова или абсолютно бездарного «Седьмого авианосца» наводит на мысль о появлении в недалеком будущем аналогичных отечественных сочинений гораздо более патриотичного содержания (и, надеюсь, более высокого литературного уровня), - например, о появлении где-нибудь в Северной Атлантике тяжелого крейсера типа «Кронштадт» или «Сталинград», отмерзшего из арктических льдов вместе с бравым сталинским экипажем образца 1950 года на борту... Кого-то будет интересоваться это. Кого-то - варианты развития мировой истории, где не было подписано Вашингтонское соглашение и не отправлены на слом все недостроенные сверхдредноуты конца Первой Мировой войны, Или - возможность другого исхода Цусимского сражения, ведь недаром «почти что век все бережит умы легенда о бездарном адмирале». А другим просто будут интересны грандиозные картины Цусим, Ютландий и Мидуэев в иных, но близких мирах, - недаром ведь долгое время и в «космических операх» описания межзвездных битв тщательнейшим образом списывались с классических морских сражений. С возрождением спроса на отечественную фантастику дело за этим, похоже, не станет (не зря Александр Больных увлекся переводами с английского редких книг по военно-морской истории, самостоятельно издав уже с десяток брошюр). Так что, оправдаются или нет прогнозы, высказанные в этой статье, мы сможем проверить в самом ближайшем будущем.

С интересом ознакомился со статьей В.Гончарова «Фэн-пресса: новый виток» в «Уральском следопыте» (№2 за 1997 год). Правда, огорчил не вполне профессиональный подход автора, по небрежности или неведению проигнорировавшего многие издания.

Казалось бы, всем известно, что среди НФ-журналов, кроме упомянутых В.Гончаровым «Если» и «Сверхновой», продолжают регулярно выходить, например, и «Искатель», и «ПФ» Петухова (вне зависимости от отношения к последнему издателю нужно признать, что в «ПФ» смело печатают молодых, пока не известных авторов).

Обзор же фэнзинов и ньюслеттеров В.Гончаров вообще ограничил толкиенистскими и ролевыми

ЕЩЕ РАЗ О ФЭН-ПРЕССЕ «НОВОГО ВИТКА»

изданиями (при этом умудрившись не заметить даже нашу, екатеринбургскую «Валимарскую явь»). А ведь, несмотря на дико возросшие расценки на почтовые услуги, фэн-пресса в России жива! Правда, нынче распалась тесная информационная связь между клубами любителей фантастики; особенно трудно приходится КЛФ, возникшим в последние два-три года, они с трудом нащупывают обрывки старых межклубных связей...

Тем не менее фэнзины постоянно выходят в разных уголках страны. Более или менее регуляр-

но появляются нижегородский «Арчет» и там же выходящий ньюслеттер «Славная подруга». В Волгограде выходит фэнзин «Шалтай-Болтай». А «Информсводка КЛФ МГУ»? Несмотря на «научное» название, это один из самых остроумных и богатых информацией фэнзинов. Можно отметить и издание клуба «Лоцман» - художественно-публицистический альманах «Та сторона». Стараниями Ю.Никитина (Екатеринбург), Р.Ахметшина (Новосибирск) и Д.Ватолина (Москва) вышел в свет уже 11-й выпуск!

В общем, «новый виток» фэн-прессы, вкупе со «старым», выглядит совсем не так уныло, как видится В.Гончарову...

Т. ХАРЛАМОВ

Этим летом в петербургском Центре современной литературы и книги при Книжном доме «Текст» состоялось организационное заседание профессионального литературского дискуссионного клуба, в который преобразовался семинар Бориса Натановича Стру-

СЕМИНАР Б.СТРУГАЦКОГО ПРЕОБРАЗОВАН В КЛУБ ПИСАТЕЛЕЙ

гацкого. Впрочем, сам семинар будет продолжать работу для тех

авторов, которые пожелают обсудить свои рукописи. Решено, что совершенно необходимо сделать заседания и семинара, и клуба доступными для иногородних авторов. Клуб начинает регулярную работу с сентября.

Сергей БЕРЕЖНОЙ
(«Курьер SF» №56)

Отныне у писателя-фантаста Генри Лайона Олди (коллективный псевдоним Дмитрия Громова и Олега Ладыженского, Харьков) появились сразу две персональные странички в международной компьютерной сети Internet. Здесь помещены биографические данные авторов, постоянно пополняемая библиография на русском и английском языках, статьи и рецензии, посвященные творчеству Г.Л.Олди, статья самих Громова и Ладыженского «Рухнувшая стена», иллюстрации к различным

СТРАНИЧКИ ОЛДИ В ИНТЕРНЕТЕ

произведениям Г.Л.Олди, аннотации и фрагменты всех романов Г.Л.Олди, включая еще не изданный «Черный баламут». В открытый доступ помещены целиком повести «Витражи патриархов», «Страх», «Вложить душу» и все рассказы Г.Л.Олди и Дм.Громова. Адреса страничек Олди в Internet: <http://www.sf.amc.ru/oldie/> (Москва) и <http://www.fan->

[tasy.ru/oldie/aaaa](http://www.fantasy.ru/oldie/aaaa) (Санкт-Петербург; здесь, кроме всего вышеперечисленного, действует еще интерактивный сравнительный рейтинг произведений Г.Л.Олди). Созданы этих странички бескорыстными трудами Дмитрия Ватолина (Москва) и Дмитрия Рудакова (СПб), который, кстати, подготовил аналогичную страничку еще одним украинским фантастом - киевлян Марины и Сергея Дяченко (<http://www.fantasy.ru/dyachenko>).

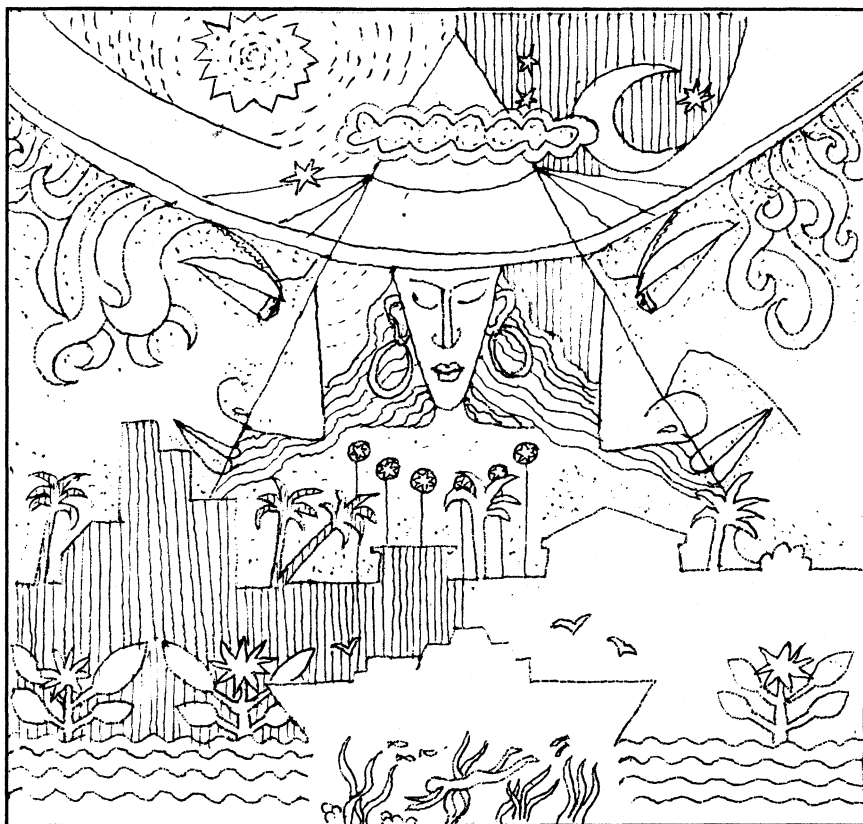
(По материалам информационного листка украинской фантастики «OldNews», ТМ «Второй блин», Харьков)

Мацей КУЧИНСКИЙ

СОКРОВИЩА МАЙЯ

Иллюстрации Валерия ЗЯБЛИКОВА

6.

После двухчасового полета Монтеллано прибыл в Тустла-Гутьерес, столицу штата Чиapas. Чтобы посетить на автобус в Комитан, откуда лежит дорога к руинам Чинкультик, Монтеллано без задержки направился в автовокзал. Торопливо отсчитал деньги, взял билет и только тогда узнал от кассира, что автобус отойдет с опозданием, так как водитель по каким-то важным семейным делам пошел домой и когда вернется, никто не знает.

Инспектор вышел на улицу, где его тотчас же окружили индианки, наперебой предлагающие засаха-

(Окончание. Начало в № 7)

ренные фрукты, вареную кукурузу, тыквенные семечки и знаменитое местное блюдо тамаалес — кусочки мяса в тесте, завернутые в листья кукурузы и тушеные на пару. Съел пару порций, запил стаканом кокосового молока и направился к центру города. Здесь в одном из книжных магазинов купил карту штата Чиapas и, усевшись на скамейку на бульваре, принялся изучать её.

Руины Чинкультик лежали на расстоянии десяти километров от границы с Гватемалой. Уже одно это создавало весьма благоприятную обстановку для деятельности бандитов — в любой момент они могли стать недостижимыми для мексиканской полиции. Вся территория этой местности покрыва густым тропичес-

ким лесом и совершенно не охраняется, за исключением небольшой пограничной заставы на шоссе. Руины распадаются между озером и крайней частью территории, которая правительственным декретом объявлена национальным заповедником Монтебелло. На территории заповедника располагается гористое плато высотой до двух тысяч метров над уровнем моря и долины, в которых находится триста пятьдесят шесть озер, славящихся своей красотой и бирюзовым цветом воды.

«Горные районы покрыты сосновыми лесами и огромными папоротниками, где можно встретить очень разнообразных животных и птиц — от броненосцев и барсуков до ягуаров, туканов и даже крохотных колибри, залетающих сюда из знойных долин. В долинах же можно найти редчайшие экземпляры орхидей и других экзотических растений...».

Перспект был рассчитан на туристов, и поэтому в нем, естественно, ничего не было написано, что этот край славится еще тропами для контрабандистов, которые, не обращая внимания на броненосцев, ягуаров и колибри, спуют взад и вперед через гватемальскую границу.

Раздумывая над этим и рассматривая карту, Монтебелло вдруг пришел к выводу, что в Комитане ему лучше всего появиться под видом путешествующего делового человека. Почему бы ему не поинтересоваться возможностями постройки в парке Монтебелло ресторана, гостиницы или мотеля? Коль скоро проспекты зовут сюда туристов, то почему бы и ему не полюбоваться туканами и бирюзой озер? Что касается колибри, то к этой информации Монтебелло отнесся с оттенком недоверия и решил, что с него хватит и туканов. Если принять этот вариант, то прилично ли деловому человеку прибыть в Комитан на запыленном и переполненном автобусе? Ответив на этот вопрос отрицательно, Монтебелло отправился в местное бюро автопроката «Лос-Галгос», где взял напрокат довольно приличную машину. Свой выбор он остановил на «Форде-мустанге», который не очень нравился ему, но который более всего подходил путешествующему дельцу. Заполнив анкету и предъявив удостоверение на право вождения автомобиля, он получил ключи от зажигания и багажника.

— Сколько времени езды до Комитана?

— Около трех часов, сеньор, — услужливо ответил агент проката. — Расстояние не так уж велико — всего сто семьдесят километров, но до самого Сан-Кристобеля непрерывный серпантин и крутые подъемы. Бак полный, сеньор.частливого пути! — он подождал у двери, пока Монтебелло застегнет предохранительный пояс и включит мотор. — Это хорошая машина, сеньор!

Без всяких приключений Монтебелло миновал Сан-Кристобель и ровно через три часа въехал на улицы Комитана.

Гостиница «Посада де дон Васка» (путеводитель объявлял её лучшим отелем Комитана) находилась рядом с рынком. Монтебелло проехал под сводом пышной арки и оказался на обширной площадке, окруженной с трех сторон крытой галереей. По всей вероятности, двери в номера вели прямо из этой галереи. Фонтан посредине площадки, много цветов, плетеные

кресла с вышитыми подушечками — все это создавало впечатление какой-то патриархальности и стародавности.

Монтебелло вышел из машины и с наслаждением вдохнул терпкий аромат тропических цветов и доносящийся откуда-то запах свежесваренного кофе. Между тем к нему уже спешил портье, который еще издали принялся извиняться и объяснять, что в отеле нет ни одного свободного места и что сеньору придется проехать в другую гостиницу. Монтебелло это несколько озадачило — во всем здании отеля стояла полная тишина и не было видно ни одного постояльца.

Откуда-то из-за кустов послышался женский голос: — Рамон, кто там? Проводи господина ко мне!

— Сеньора Хуртадо просит вас к себе, — портье показал на аллею, скрывающуюся за кустами жасмина. Там за столиком в окружении пышных цветов восседала с чашечкой кофе в руке пожилая дама лет семидесяти.

Она приветливо улыбнулась гостю и с сожалением покачала головой:

— Увы, сеньор, я должна отказать вам в гостеприимстве — весь отель арендован. Поверьте, мне очень неприятно вам отказывать, но... — она еще раз развела руками.

— Арендван до последнего места? — удивился инспектор, показывая рукой на террасы, веранды, галереи. — А мне так здесь понравилось. Хотел поблаженствовать в этой тишине после столичного гама и сутолоки.

— Ах, сеньор! — хозяйка прижала руки к груди. — Мне просто больно слушать вас, но за аренду уже уплачено... Тем более сегодня пришла телеграмма из Акапулько, что гости уже в пути и сегодня вечером придут к нам.

Монтебелло, который уже собирался уходить, чтобы поискать другой отель, этой последней фразой о гостях из Акапулько был буквально привожден к месту.

— Однако, сеньора, у вас здесь наверняка не менее пятидесяти номеров!..

— Шестидесят девять, сударь. Точно шестидесят девять! — воскликнула почтенная дама. — Мой дед, который строил эту гостиницу, верил в магическую силу этого числа.

Где-то вверху, в ясном синем небе, возник вдруг резкий гул, который заглушил собеседников в вынудил их прервать разговор.

— Снова летит! — застонала почтенная сеньора, закрывая ладонями уши, и только гримасой отвращения давая знать приезжему, что находится в состоянии шока.

Инспектор взглянул вверх и увидел летящий над самыми крышами домов гигантский вертолет. Под его корпусом свисал баллон, который имел, вероятно, длину в добрых пятнадцать метров и наверняка мог бы вместить железнодорожный вагон. Форма баллона была выполнена в виде бутылки. Монтебелло прищелкнул: да, конечно, это макет бутылки с каким-то прохладительным напитком. Белая этикетка величиной с киноэкран не имела надписей, вместо них в её центре красовался красный вопросительный знак.

Едва вертолет удалился, сеньора Хуртадо немедленно поведала приезжему, что эти кошмарные пол-

еты продолжают уже десять дней и что это просто рекламный трюк какой-то фирмы, выпускающей прохладительные напитки. Монтеллано с вежливой улыбкой выслушал её сегования на местные власти, которые разрешают подобные безобразия, и вернулся в своему делу.

— Ваши гости из Акапулько, вероятно, американцы?

— А кто еще способен на такие чудачества? И кто еще имеет столько денег? Это какое-то объединение ботаников-любителей или что-то в этом роде. Собирают коллекции орхидей... Займут они только часть номеров, но по условиям аренды, все остальные номера также резервируются за ними на месяц.

— Понимаю, сеньора, — Монтеллано галантно поклонился. — Не имею никаких претензий. — Он отступил на шаг и еще раз поклонился. — Надеюсь, что года через два, после открытия моего отеля в парке Монтебелло, никто уже не будет испытывать затруднений с местами в гостиницах. Прощайте, сеньора!

Не тут-то было! Уже через пару минут он сидел в плетеном кресле перед накрытым столиком. Горничная принесла кофейник, тарелочку со сладостями и коробку сигар, а Рамон примчался с изящным ключом, на котором был выбит номер «69».

Почтенная сеньора, не мешкая, повела атаку на столичного гостя, чтобы отбить у него всякую охоту заниматься такими сумасбродным делом, как строительство нового отеля в этих местах. Смакуя кофе и не очень-то внимательно слушая плыющую речь хозяйки «Посада де дон Васка», Монтеллано гадал, что за ботаники решили почтить своим внимание маленький Комитан. Поток красноречия сеньоры Хуртадо преврало повторное появление Рамона.

— Что тебе? — негерпеливо спросила хозяйка у отчаянно жестикулирующего портье. — Ах, да!.. — она достала сумочку и начала отсчитывать банкноты. — Эти муль... Эти гринго... Мои гости, — тут же поправились она. — Они поручили мне нанять сотню мулов! Предоставляете? Сотню!

— Столько будет этих ботаников? — поразился инспектор.

— Что вы! Их будет около сорока, но у них, наверное, большой багаж. Правду говоря, сейчас не самая лучшая пора для этой затеи — как раз середина сухого сезона — какие уж тут орхидеи! Но это ведь не мое дело, правда? Может быть, они — специалисты и лучше знают? Но скажите мне, сеньор, знают ли они, где собираются провести целый месяц? Имеют ли они понятие, что такое москиты? Или кайманы? Или наши красные муравьи?

Она рассмеялась, прикрыв рот ладонью.

— Готова поручиться, что уже через неделю они явятся обратно. Искусанные, вываленные в болоте и проклинающие все на свете!

Расставшись наконец со словоохотливой хозяйкой гостиницы, Монтеллано поднялся на второй этаж и открыл свой номер, состоящий из кабинета и спальни. Окно кабинета выходило во двор, и из него можно было видеть и арочные ворота, и главный подъезд, и журчащий фонтан посреди мощеной площадки. Воспользовавшись разрешением сеньоры Хуртадо, инспектор отправился в библиотеку, где в старинных шкафах хранились тысячи томов самых разнообраз-

ных книг. Посмотрев каталог, он нашел тоненькую брошюрку, вернулся в номер и, усевшись в удобном кресле, еще раз прочел надпись на обложке: «Орхидеи Мексики и Гватемалы».

Как явствовало из предисловия, Мексика считается раем для коллекционеров орхидей и поставляет эти экзотические растения ботаническим садам всего мира. Здесь же говорилось, что число произрастающих в Мексике орхидей достигает семи сотен!

Названия, названия, названия... У Монтеллано зареяло в глазах. Один из сортов показался ему забавен названием — «черная орхидея». Почему черная? Цветок кремово-белый, а луковица чаще всего темно-коричневая... Почему же все-таки черная?.. С этой мыслью он и забылся сном.

7.

Целестино Пандуро, получивший после тридцати двух лет безупречной службы чин капитана и должность начальника склада военной амуниции, сделал вывод, что это и есть кульминационная точка его армейской карьеры. Обычно человека, делающего подобные открытия, одолевает грусть. Не обошел этой участи и сеньор капитан. А если учесть, что под всеми широтами существует поверье о возможности развеять грусть стаканом вина, то нет ничего удивительного в том, что Целестино Пандуро в последнее время стал все чаще появляться в местном кабачке.

И именно в этом кабачке, совершенно случайно, за кружкой пива капитан познакомился с приезжим иностранцем, которого принял вначале за состоятельного коммерсанта. Иностранец оказался необычайно общительным человеком, к тому же удивительно щедрым и отзывчивым. Слово за слово, и Целестино узнал, что его новый знакомый настоящий миллионер, явившийся в этот захолустный городок из того ослепительного мира роскоши и великолепия, о котором капитан знал лишь по фильмам и иллюстрированным журналам. Как выяснилось, миллионеру опротивели и роскошь, и сверкающие лимузины, и умопомрачительные женщины, и вот он здесь — в глуши, в грязноватом кабачке пьет с сеньором Пандуро кислотоватое пиво. С открытым ртом слушал капитан доверительные рассказы иностранца о том, как сильные мира сего прожигают жизнь, делают деньги, чтобы снова и снова тратить их.

Весь следующий день капитан ходил как помешанный и с тоской думал, что завтра его новый знакомый уедет и снова наступит серые будни и просил чуда. Может быть, именно поэтому сеньор капитан не очень удивился, когда приезжий миллионер сделал ему совершенно неожиданное предложение. Ему были обещаны: свобода, паспорт на новое имя, гражданство одной из стран Южной Америки и чек на сто тысяч долларов, который откроет ему все границы, делает доступными фешенебельные курорты, лазурные берега, богатые отели и трансатлантические линии.

«Так тому и быть!» — решил Целестино Пандуро. Риск? Пускай риск, пускай, что угодно — все лучше, чем это прозябание на опостылевшем военном складе.

Утром капитан принял в канцелярии фельдъегеря с пакетом с надписью «Совершенно секретно».

— Сеньоры, — сказал капитан своим подчинен-

ным офицерам после ознакомления с содержанием секретного послания из штаба округа. — Сеньоры, то, что вы сейчас услышите, является государственной тайной! Вы меня поняли?

— Так точно!

— Наш округ переводится на военное положение, делается это в строжайшей тайне. Генерал до ла Крусада обязывает нас немедленно подготовить к отправке шестьдесят тысяч дымовых шашек типа «Ф-25». К 17.00 они должны быть погружены на грузовики. Машины с полным запасом горючего, шоферам выдать провиант на шесть дней, колонну я веду лично. Ясно?

— Так точно!

— Приступайте к выполнению, согласно боевому расписанию!

...Спустя непродолжительное время после описанных выше событий, недалеко от этого провинциального городка, далеко за полночь в комфортабельном автофургоне, стоящем на уединенной полянке под развесистыми кронами деревьев, собрались три человека. Один облокотился на откидной столик, примыкающий к обширной панели какого-то сложного радиоаппарата; два других — чуть поодаль.

Когда вошел четвертый человек, тот, что сидел у столика (это был Мак-Келлар, но здесь его никто не звал по имени, а только «Первым») молча показал вошедшему на пустующее кресло. Затем после короткой паузы от отрывисто бросил:

— Начнем с вас, «Третий». Докладывайте!

Самый пожилой из собравшихся, щуплый, сутулый, с костлявым смуглым лицом южанина, говорил негромко, как бы безучастно, ограничиваясь самыми необходимыми подробностями:

— Как я уже докладывал вам по телефону, «Первый», задание нами выполнено. Прибыл в штат Чианпас тридцать дней назад. В канцелярии губернатора в Тусла-Гутьерес оформил заявку на право производства прохладительного напитка «Ля-Белла Чианпанека». Для ускорения дела заплатил двум чиновникам по пятьсот долларов. Концессия предусматривает право рекламы напитка на территории штата. После этого арендованы помещения бывшего пивоваренного завода с прилегающей территорией. Владельцу сказано, что договор и выплату первого взноса оформим в конце месяца. Затем заключено соглашение с управлением строительства плотины на реке Грихальва по использованию принадлежащего им летающего крана типа «FS-200» с грузоподъемностью 45 тонн. Эта машина вполне отвечает нашим требованиям.

Администрация согласилась предоставлять нам вертолет вместе с пилотом ежедневно с 17.00 до 20.00 в течение двадцати пяти дней. Эта договоренность подтверждена контрактом временного арендования. До сегодняшнего дня вертолет выполнил уже семнадцать полетов по обозначенной нами трассе. Одновременно проводим испытания макета рекламной бутылки.

— Результаты?

— В первые дни полеты взбудоражили все население. Сейчас к ним уже привыкли. В городе циркулируют слухи, что вот-вот на территории пивоваренного завода начнется строительство комбината прохладительных напитков.

— Окей, — кивнул головой Мак-Келлар. — Следующий...

— Я хотел бы начать с выяснения вопроса... — начал было «Четвертый» и тут же умолк, встретившись с холодным немигающим взглядом Мак-Келлара. Втянул голову в плечи, опустил глаза и смахнул холодную испарину. Несколько секунд в небольшом помещении, стены которого были обиты звуконепропускаемым материалом, не пропускающим снаружи ни трескотни цикад, ни криков ночных птиц, царила звенящая в ушах тишина. Раздавалось лишь отрывистое и хриплое дыхание «Четвертого». Двое других бесстрастно смотрели на руки босса, поглаживающие черную крышку стола. Наконец Мак-Келлар прервал молчание:

— Послушаем «Второго».

— Выполнение задания завершено. Автомашины с грузом дымовых шашек замаскированы в пеще в районе руин. Следы съезда с шоссе уничтожены. Сопровождающие лица содержатся под охраной в пункте Д.

— Ладно, — отозвался Мак-Келлар. — Какова гарантия, что мащин и солдат не хватятся в ближайшие двое суток?

— Операция проведена как совершенно секретная. Пройдет не менее пяти дней, пока о происшедшем дознается армейское начальство и пока там уразумеют, что к чему, и начнут розыск.

Опять на время воцарилось тишина.

— «Четвертый» ничего дельного сообщить нам не может, — отчеканил ледяным тоном Мак-Келлар. — Он сделал ряд серьезных ошибок и подверг все наше предприятие серьезной опасности. «Четвертый» должен был обеспечить нам безопасную эвакуацию на яхте, направленной для этого на рейд Акапулько. Из-за беспечности «Четвертого» с яхтой произошел ряд инцидентов, в результате чего на её борт, как я подозреваю, проникли несколько посторонних лиц. Не берусь утверждать, что среди них был кто-нибудь из полиции. Но если это так и если в руки полиции попали какие-либо компрометирующие данные, наша дальнейшая деятельность будет серьезно осложнена. Дальше. В Акапулько, как мне стало известно, появился один мексиканец, которого нам следует особенно остерегаться. Это фанатик, помешавшийся на охране «национальных святынь». Вы знаете, о ком я говорю, это полицейский инспектор Монтеллано, которого нам, к сожалению, не удалось устранить. Имеет ли связь инцидент с яхтой с появлением Монтеллано в Акапулько или нет — не знаю. Но коль скоро он там оказался и был замечен, его надо было ликвидировать. Немедленно, без раздумий и колебаний! И сделать это нужно было вам, «Четвертый»! На то вам были даны инструкции.

— И я бы сделал это, черт побери! — прохрипел «Четвертый», не выдержав нервного напряжения. — Сделал бы, если мне не помешала эта девка, босс!

— В этом загадочном пожаре на яхте тоже повинна Барбара?

— Этого я не говорю...

«Четвертый» замолчал, затравленно осмотрелся и тихо проговорил:

— И все-таки это она приказала немедленно уйти из Акапулько. Уйти, не расквитавшись с Монтеллано...

— Немедленно? Спустя сутки после пожара. Сутки вам не хватило?

«Четвертый» ничего не ответил, а Мак-Келлар продолжал:

— До сих пор дорога от нас была только одна — в вечность. Но теперь... — Все-таки это наше последнее дело, после которого организация прекращает свою деятельность. Я также принимаю во внимание все прошлые заслуги «Четвертого». Думаю, что мы позволим ему уйти с миром. Нет возражений?

Ответом было молчание.

«Четвертый» медленно возвращался к жизни, не веря своим глазам, смотрел, как Мак-Келлар раскладывает на столике паспорт, авиабилет, чековую книжку. Поднялся с места, пошатнулся и оперся на кресло.

— Спасибо, босс... — просипел он.

— «Четвертый» может нас покинуть, — с усмешкой изрек Мак-Келлар. — Мы и так потратили на него слишком много времени.

Тот, которого здесь называли «Четвертым», пошел к двери.

— Бумаги! — бросил ему вслед Мак-Келлар.

Вернулся нетвердой походкой, скомкал документы и сунул в карман. Оглядел всех по очереди, молча кивнул и снова двинулся к двери. Едва она закрылась, снаружи раздались два хлопка, словно открыли бутылки с шампанским; что-то тяжелое ударилось с наружной стороны о дверь и сползло вниз. Снова стало тихо. Мак-Келлар слегка поморщился, но промолчал.

«Второй» достал пачку сигарет, вынул одну и прикурил её от огня зажигалки. Пальцы его слегка дрогнули, и он поспешно сунул зажигалку в карман.

— Как мы уже решили, — снова начал Мак-Келлар, — операция «Чинкультик» будет завершающей. Вместе с тем, это самая грандиозная акция из всех, что проводила когда-либо наша организация. Говоря о грандиозности, я имею в виду не только колоссальную стоимость добытых нами ценностей, но и весь замысел акции.

Он говорил медленно, растягивая слова и будто любуясь собой со стороны. Посмотрел на собеседников, но лица их были непроницаемы.

— Через двадцать восемь часов мы расстанемся с вами навсегда и, как я уже сказал, наша организация перестанет существовать. Я выхожу из игры бесповоротно. От вас же требую заверения, что вы не возродите это дело в ближайшие пять лет. Это условие продиктовано соображениями безопасности. Можете не сомневаться, что акция «Чинкультик» прогремит на весь мир, привлечет внимание полиции не только Мексики, но и других стран, а также Интерпола. Поэтому нам придется соблюдать строжайшую конспирацию. Иначе...

Он не дождался, криво усмехнулся и разложил на столике какие-то бумаги.

— За эту акцию каждому из вас приходится по пять миллионов долларов, как и было оговорено в самом начале. Может быть, появилось иное мнение?

— Нет, — ответ был быстр и без колебаний.

— В таком случае, — Мак-Келлар снова коснулся бумаг, каждый из вас сейчас получит чеки, обеспеченные вкладами в разных европейских банках. Сче-

та будут открыты через трое суток, после соответствующего моего уведомления. Знаю! — опередил он вопрос. — Знаю! Вы хотите иметь уверенность, что чеки будут оплачены и что вы не останетесь «на бабах». Подумайте, однако, есть ли для меня смысл поступать таким образом? Мы с вами связаны одной веревочкой до конца дней своих. Наверняка вас интересует, что станет с нашей добычей в Чинкультик. Отвечу: она станет моей собственностью. Стоимость её огромна. Но все дело в том, что реализовать эту добычу можно только по крохам и совершенно нелегально. Одному Богу известно, сколько для этого потребуется времени и терпения. Согласитесь, что это работа не для вас. Именно поэтому вы и получаете чистоганом. Это тоже ясно?

Оба молча кивнули.

— Теперь о том, каким образом вы покинете территорию Мексики. Гарантирую, что завтра и послезавтра около Чинкультика будет царить такая суматоха, появится столько людей, что вы легко затеряетесь среди них. Ваши машины должны быть запаркованы возле шоссе, и под видом туристов вы без труда проскочите в Гватемалу прежде, чем полиция поднимет тревогу. В Гватемале же вам с вашими паспортами нечего будет опасаться. Ехать вам, конечно, лучше порознь и порознь добираться до Европы. Выплаченного вам аванса хватит на все с лихвой. Такой мой совет.

— Что будет с остальными людьми? — спросил «Второй».

— Как никак — сорок парней... — Их алиби непромокаемо, — ответил Мак-Келлар. — Как прибыли сюда, так и отбудут — на автобусах, с гербариями, ростками, как компания слегка помешанных коллекционеров, эдаких чудаковатых грингос. Расчет будет дан сразу же в чеках. Сразу, как только закончим операцию. Господа, нам остается только оговорить конкретные задачи, последние задачи...

8.

Была глубокая ночь, и через открытое окно доносился лай собак. Но не они разбудили Монтеллано, он проснулся, услышав необычный гул мотора у самых ворот отеля. В один миг сорвался с постели, выбежал в кабинет и из-за занавески выглянул наружу. Двор заливал свет фар туристского автобуса, который неповоротливо разворачивался на мощеной площадке. Но вот мотор затих, фары погасли, и теперь можно было услышать голоса приехавших «ботаников». Лица их Монтеллано, конечно, рассмотреть не мог, но зато он отметил про себя то проворство, с которым они выгрузили и разобрали свой багаж. Никто не болтался без дела и не вносил беспорядок, что было бы, между прочим, понятно, учитывая ночное время и незнакомое место. Нет, эта группа вовсе не напоминала обычную туристскую ватагу, шумную и безалаберную. В течение пяти минут группа приехавших мужчин вместе с чемоданами и рюкзаками, удочками и охотничьими ружьями разошлась по галерее, занимая номера по мере того, как их открывал портье. Через полчаса в отеле погас свет и до самого утра царил полный покой.

Монтеллано заснул без труда и пробудился около

семи часов утра. Едва успел побриться и одеться, как услышал стук в дверь.

— Сеньор! — раздался женский голос. — Сеньора Хуртадо просит вас к себе на завтрак.

Через пару минут сошел вниз, никого не встретив по пути, — ночные гости еще спали. Находясь уже внизу, он неожиданно услышал голоса, доносящиеся из столовой.

— Сеньора, — говорил кто-то на ломаном испанском, — такое было условие: в отеле живем только мы. Никого другого нет. Так?

— Заверяю вас, господин... господин...

— Шнуцель! — подсказал разгневанный голе. — Шнуцель!

— Ах, именно так, господин Шнуцель! Заверяю вас, что никто другой сейчас в отеле не проживает. Я честно выполнила свои обязательства, господин Штутцель...

— Шнуцель!

— Да, да, сеньор Шнуцель.

— Тогда, может быть, я могу знать, кто занимает номер 69? Я слышал — этот постоялец приехал завтра!..

— Вчера, господин Шнуцель.

— Ага, вчера! Значит вы признаете это?!

— Это вовсе не постоялец, господин Штутцель.

— Шнуцель, черт побери!

— Да, это мой старый знакомый, господин Шнуцель. Или я уже не имею права принимать в своем доме старых друзей? — чувствовалось, что сеньора Хуртадо переходит в наступление. — Разве это было оговорено контрактом?

Монтеллано вступил в столовую.

— Куэридо! — радостно воскликнула хозяйка. — Кофе стынет, а я жду и жду! — добавила она тоном, каким говорят с провинившимся мальчишкой.

Монтеллано виновато улыбнулся, подошел к пожилой даме, взял её руку и в соответствии с канонами латино-американской галантности запечатлел поцелуй на её запястье.

— А это — господин Шнуцель, — представила хозяйка сердитого постояльца, — из Соединенных Штатов. Представь себе, мистер Шнуцель — большой знаток орхидей.

Тот, о ком шла речь, слегка поклонился и, что-то буркнув, удалился. Встреча продолжалась несколько минут, но Монтеллано хорошо запомнил взгляд этого человека: холодный, пронзительный, недоверчивый. Внешность его тоже была примечательной — высокий широкоплечий блондин, похожий больше на боксера-профессионала, чем на собирателя орхидей.

— Что вы собираетесь делать сегодня? — спросила сеньора Хуртадо, пододвигая инспектору тарелочку с поджаренными ломтиками хлеба и вазочку с джемом. По её взгляду было видно, что она уже располагает готовым планом действий и постарается привести в его исполнение.

— Полагаю, — ответил Монтеллано, — начать с осмотра Чинкультика.

— И правильно! — воскликнула сеньора Хуртадо. — Нужно знать, во что собираешься вкладывать деньги.

— Я смогу доехать на машине до самого места?

— Пускай это вас не беспокоит, друг мой! Я решила поехать с вами. Конечно! Не надо меня благодарить, — воскликнула она, видя, что Монтеллано пытается что-то сказать. — Право, это мелочь!

Инспектор хотел было открутиться от этой услуги, но потом подумал, что общество пожилой дамы не помешает ему, а наоборот — придаст некоторую правдоподобность его «коммерческим планам».

После завтрака Монтеллано возвратился на минуту в свой номер. Из плоского чемоданчика вынул пистолет и засунул его во внутренний карман пиджака. Затем закрыл окно и, заперев дверь, ключ взял с собой.

Во дворе у фонтана, упершись ногами в каменный обвод бассейна, сидел в плетеном кресле мистер Шнуцель. Монтеллано сошел с лестницы и незаметно приблизился к нему сзади. В нескольких шагах от американца он щелкнул ключом о металлическую бирку с номером. Этот звук имел поразительный результат. Мистер Шнуцель вздрогнул, молниеносно вскочил с кресла, сунув одновременно правую руку в карман брюк. В такой позе он замер, впереv хищный взгляд в Монтеллано. «Недурно, — подумал тот, — очень недурно! Пожалуй, эту реакцию ты, голубчик, отработал не при собирании орхидей! «.

— Прошу прощения, мистер Шнуцель, что прервал ваш отдых, — проговорил инспектор, как ни в чем не бывало. — Позвольте? — он указал на стоящее рядом свободное кресло и, не ожидая ответа, уселся в нем.

— Все мы сейчас такие нервные, — вздохнул Монтеллано, поглядывая по сторонам и давая таким образом Шнуцелю время полностью овладеть собой. — Я даже должен был бросить курить. Врач мне говорил, что этот сумасшедший ритм погубит всех нас. Темп, темп, темп... Крутишься, как белка в колесе. Решил немного отдохнуть в этой глуши. Здесь такие великолепные места, особенно у озер. А вы впервые здесь, мистер Шнуцель? Тоже в отпуск подальше от городской суеты?

Шнуцель ответил что-то невразумительное, после чего спросил:

— Вы собираетесь только отдыхать? Или дела тоже?

— Ох! — Монтеллано безнадежно взмахнул рукой. — Этот бизнес, мистер Шнуцель, ходит за нами как тень. Круг моих интересов — отели, кемпинги, заправочные станции. Хотел совсем о них не думать, но взглянул на эти места... Да, благодатные места для туризма и отдыха... Представляете, как можно тут развернуться? Вас, кстати, эта область не интересует?

— Нет, — отрезал американец.

— А могли бы вы подумать, мистер Шнуцель, что бы в течение года так снизился денежный курс? Год за годом девальвация обкрадывает нас. Нет, держать деньги — это безумие. Вкладывать, только вкладывать!.. — видя, что «ботаник» морщится, как будто от зубной боли, Монтеллано прервал себя на полуслове и замахал рукой. — Молчу, молчу! Какое вам дело до наших неприятностей? Кстати, вы сами откуда?

— Из Калифорнии.

— Слышал, что это чудесные места. А орхидеи все-таки у вас не водятся? Приходится приезжать к

нам? А вы знаете, хотя мне не раз доводилось бывать в этих местах, я никогда не интересовался этими цветочками. А вот вы, уважаемый, только собираете их для гербария или выращиваете?

— Выращиваю.

— Знаете, мистер Шнуцель, — оживился Монтеллано, — это просто замечательно складывается! Может быть, вы объясните мне, как специалист, один вопрос... Мне как-то приходилось слышать, что будто существуют черные орхидеи. Сорт есть такой. Это правда? Мне никогда в жизни не приходилось видеть черных цветов. Неужели эта орхидея совершенно черная?

— Совершенно, — снисходительно ответил американец, — вы видели, конечно, черный бархат? Вот так и цветок у этого сорта орхидеи. Совершенно черный. Символ смерти!

«Иди ты к черту со своим символом! — едва не рассмеялся инспектор. — Теперь я точно знаю, что ты такой же собиратель орхидей, как я тенор миланской оперы!».

— Дорогой друг! — послышался голос хозяйки. — Я жду!

В течение сорокаминутной поездки сеньора Хуртадо познакомила инспектора со всеми историческими, географическими, этнографическими и прочими сведениями о Комитане и его окрестностях, а также с родословными всех именитых граждан. У одного из поворотов шоссе они съехали на боковую грунтовую дорогу, окаймленную изгородью из колючих опунций. С левой стороны дороги простиралось вспаханное поле, с правой — лесная чащоба. Вскоре впереди показался деревянный барак, и сразу же стали видны контуры большой пирамиды. Перед входом в барак стояло несколько автомашин, принадлежавших, видимо, археологической экспедиции. Монтеллано остановил свой автомобиль несколько в отдалении. Заглушил мотор, подал руку сеньору Хуртадо и помог ей выйти из машины. После этого они направились в сторону барака. Оттуда, вероятно, услышав голоса, выглянул молодой человек.

— Прошу прощения, — сказал он, — но сегодня мы никого не принимаем.

— Ваше имя, кажется, О'Герч? — перебила его сеньора Хуртадо. — И это именно вы, молодой человек, получили в городском управлении разрешение на проведение земляных работ? Да? Мое имя Амелия Хуртадо, я являюсь членом городского муниципалитета и имею право посещать раскопки в любое время!

Монтеллано мысленно поздравил себя с приобретением столь влиятельной знакомой. Американец же несколько смешался, нервно поправив очки, и сказал, что приносит свои извинения и готов сопровождать уважаемую сеньору и её спутника. Оказалось, что именно он руководитель археологической экспедиции мормонского университета. О'Герч сообщил также, что раскопки ведутся под наблюдением представителя Института археологии Мексики, который, впрочем, сейчас отсутствует из-за болезни. Только вчера его отвезли в больницу в Комитане.

— Что с ним произошло? — спросил Монтеллано.

— Видимо, пищевое отравление.

— Как велика ваша экспедиция? — опять спросил инспектор.

— Всего шесть человек: четыре археолога, фотограф и художник.

— А кто выполняет земляные работы?

— Местные рабочие, сейчас их около ста человек.

— А где они живут? Тут же, на территории раскопок?

— Нет, конечно, — пожал плечами молодой человек. — Это ведь крестьяне из соседних сел — утром приходят, вечером уходят.

Разговаривая, они медленно шли по тропинке, ведущей к пирамиде. На площадке за баракон Монтеллано увидел небольшой двухместный вертолет того типа, что обычно используется полицией для наблюдений за дорогами.

— Пользуемся им для фотографирования строей с воздуха, — пояснил археолог, заметив, с каким любопытством Монтеллано поглядывает на воздушную машину. — Такие съемки ускоряют составление планов и разметку трасс раскопок.

Рядом с сидением для пассажира, снаружи кабины вертолета, был укреплен кронштейн для установки фотоаппаратуры.

— Съемка с воздуха помогла нам сделать несколько неожиданных открытий, — продолжал американец. — Контуры некоторых сооружений были так плотно покрыты растительностью, что были совершенно невидимы с земли. При фотографировании с помощью светофильтров они сразу же раскрылись нам.

Тропинка подошла к берегу озера. Его водная гладь по берегам была окаймлена живописными нагромождениями камней и известняковых утесов, сияющих сейчас в лучах солнца ослепительной белизной. Бирюзовая вода озера была совершенно прозрачной, и легко заметить, что основания утесов уходят на большую глубину.

— Этот архитектурный комплекс относится к X веку, времени упадка классической культуры майя, — продолжал свои объяснения О'Герч. — Думаю, что здесь находился крупный религиозный центр.

Они ступили на каменную террасу, идущую вдоль берега озера подошли к арене для ритуальной игры в мяч. Пирамида теперь была совсем рядом.

— Какая громадина! — воскликнула сеньора Хуртадо. — Я должна взглянуть на неё вблизи! — сказав это, она направилась в сторону пирамидального ступенчатого колосса.

— Сеньора! — крикнул было ей вслед О'Герч с явным раздражением, но оборвал себя, будто припомнив что-то.

«Что это он нервничает? — подумал Монтеллано. — Может быть, здесь и вправду что-нибудь утаивается? Но ведь до вчерашнего дня на раскопках неотлучно находился наблюдатель из Мехико...».

Расчистка пирамиды от колючих зарослей и пластов гниющей листвы приближалась к концу. Рабочие очищали уже самую нижнюю ступень. Всего же этих гигантских ступеней, широкими террасами вздымающихся ввысь, было десять. Чтобы можно было забраться на самую вершину, посередине одного из скатов была построена лестница с обычными ступеньками. Они поднимались от подножья до верхней площадки,

где возвышалось кубическое сооружение святилища.

На расчистке основания пирамиды работало человек тридцать крестьян; они были босы, в белых полотняных штанах и застиранных сорочках. Увидев знакомых людей, они с любопытством поглядывали на них, строя различные догадки. Монтеллано хотел было подойти к ним поближе, чтобы кое о чем спросить, но О'Герч не отступал от него ни на шаг, и инспектору пришлось отказаться от своего намерения.

— Мистер О'Герч, простите меня за любопытство, — обратился вдруг Монтеллано к археологу, — но меня интересует: вас занимают здесь раскопки или у вас есть еще какое-нибудь хобби? Какое-нибудь увлечение, которому вы посвящаете свое свободное время?

— Почему это вас вдруг заинтересовало? — не слишком любезно ответил американец. Было видно, что его очень тяготили и эти внезапные визитеры, и их любопытство, и необходимость ходить с ними по раскопкам; казалось, что есть еще какая-то причина, по которой он испытывает сильное желание как можно быстрее отделаться от приезжих и выпроводить их отсюда.

— Я не думал, что этот вопрос может показаться вам нескромным... — пожал плечами Монтеллано, — Мне просто подумалось что вы, например... — он сделал небольшую паузу, — например, имея под боком девственный тропический лес, могли заняться поиском экзотических растений, скажем, орхидей.

О'Герч раздраженно махнул рукой, но инспектор невозмутимо продолжал:

— Я слышал, что немало людей занимается их коллекционированием. Да зачем далеко ходить за примерами! Как раз прошлой ночью в Комитан приехала целая группа таких любителей. Вы не слышали?

— Кой черт мне до этих коллекционеров! — взорвался О'Герч, окончательно теряя самообладание. — Мне хватает забот и без цветочков!..

— Притомилась я! — простонала запыхавшаяся сеньора Хуртадо, с трудом поспевая за мужчинами. — Давайте отдохнем немножко. Вот на этих камушках! Так о чем у вас спор, господа? Вы хотите что-то сказать? — она повернулась к инспектору. Тот качнул головой.

— О'Герч! — воскликнула сеньора, — Садитесь и вы с нами!

— Мне нужно на несколько минут вернуться в барак, — буркнул он в ответ. — Ждите меня, пожалуйста, здесь и никуда без меня не ходите. Я быстро вернусь.

Он исподлобья и с какой-то подозрительностью взглянул на Монтеллано и пошел прочь.

«Идет, чтобы связаться с Комитаном, — подумал инспектор. — Если бы мне удалось точно установить, что он будет разговаривать со Шнуцелем, они были бы уже у меня в руках!».

О'Герч, не оглядываясь, скрылся за стеной, окружавшей арену для игры в мяч. Монтеллано проводил его взглядом и посмотрел вверх. Над ним возносились в небо наклонная стена с семьюдесятью семью ступеньками посередине. «Неплохо бы оттуда взглянуть на окрестности!» — мелькнуло у него, и он неожиданно сорвался с места: «Поднимусь!». Извинился перед сеньорой, что ненадолго оставит её в одиночестве. Та в свою очередь предостерегла его, чтобы он не очень

спешил, потому что ничто так не портит сердце, как быстрое восхождение по лестнице. Монтеллано согласился с этим мудрым замечанием, но через минуту уже находился на середине лестницы.

Святилище на вершине было невысоким строением с четырьмя порталами. В стенах чернели целеобразные окна, которые использовались жрецами для астрономических наблюдений. Когда они отмечали появление в них определенных звезд и созвездий, это должно было свидетельствовать об истечении или наступлении очередного времени года.

Монтеллано уже достиг верхней площадки, когда снизу послышался пронзительный крик. Он оглянулся. Внизу виднелись белые фигурки крестьян, дальше — зеленоватая гладь озера, берегом которого бежал и размахивал руками О'Герч.

— Немедленно спускайтесь оттуда! — кричал он. — Немедленно!

«Не в святилище ли дело?» — размышлял Монтеллано, заглядывая в окна-щели. Там ему ничего не удалось разглядеть, кроме пучков сухой травы. «Что же он так беснуется?» — недоумевал инспектор, снова посмотрев вниз.

— Спускайтесь!!! — продолжал надрываться американец. Он уже добежал до подножия пирамиды и остановился, тяжело переводя дыхание.

— Что случилось, мистер? — крикнул ему Монтеллано с деланным недоумением.

— Вниз!

— Ну что ж... — пожал плечами инспектор. — Спускаюсь... Вниз он двинулся не торопясь. Ступенька за ступенькой. Делал вид, что проявляет осторожность, ощупывая каждый камень, прежде чем ступить на него. Впрочем, осторожность действительно была нужна — спуск намного сложнее подъема, тем более по лестнице с щербатыми ступеньками и без перил. Он внимательно осматривал окрестности — что же окончательно взбесило янки? Сверху было видно, что еще не вся территория вокруг пирамиды очищена от растительности. Посреди густых зарослей виднелись контуры каких-то сооружений и гробниц. Часть из них примыкала вплотную к гряде известняковых скал, продырявленных выходами пещер. Неподалеку от барака — красный фюзеляж вертолета, а дальше — его «Форд». И вдруг Монтеллано увидел нечто, заставившее его замереть на месте: прямо в лесной чаще неподалеку от скал стояло несколько грузовиков, укрытых брезентом. Легко было заметить, что к месту их стоянки нет ни просеки, ни дороги. Машины были буквально втиснуты в заросли, утоплены в них, несомненно спрятаны от посторонних глаз.

«Вот так номер! Как это им только удалось? И чем это они могли их нагрузить?» — лихорадочно соображал Монтеллано, спускаясь ниже и ниже.

— Идем к барaku! — встретил его негодующим возгласом американец. — Это же мальчишество! Здесь все пообещало, некоторые плиты держатся только на честном слове! Я несу ответственность за безопасность всех работ на этом участке!

— О, сеньор, вы напрасно волнуетесь, — вступил в разговор стоящий неподалеку крестьянин. — Что-то, а пирамида эта простояла тысячу лет и еще предстоит немало, работа что надо!

— Занимайся своим делом, Перес! — обрезал его О'Герч. — Никто тебя ни о чем не спрашивает.

Крестьянин молча пожал плечами и снова взялся за лопату. Когда археолог отвернулся, Перес поймал взгляд Монтеллано и, кивнув на американца, выразительно покрутил пальцем у виска.

Между тем сеньоре Хуртадо все эти экскурсии и препирательства изрядно надоели, и она успокоилась только тогда, когда Монтеллано уселся за руль, и включил зажигание. Через пару минут лагерь археологов и его негостеприимный хозяин остались позади. Как только выехали на шоссе, сеньора решила посвятить Монтеллано в свои планы:

— Я пришла к выводу, дорогой друг, что вы должны стать моим компаньоном, — сияя, она уставилась на него, ожидая, какой эффект произведет ее неожиданное предложение. «Неплохо задумано!» — с трудом сдержал улыбку инспектор.

— Видите ли, уважаемая сеньора...

— Нет, нет, ни слова! — запротестовала она. — Прошу ничего мне сейчас не говорить. Такое решение на ходу не принимается. У нас будет еще время все хорошенько обдумать и обсудить.

...В местной больнице инспектору понадобилось потратить немало усилий прежде, чем он добился свидания с археологом из Мехико доктором Раулем Эспиноза. Врач все же потребовал, чтобы беседа продолжалась как можно короче — больной только-только приходил в себя.

— А что, собственно, с ним произошло?

— Острое пищевое отравление. Состояние было очень тяжелое. Правда, сейчас ему уже лучше, но он очень слаб.

— Когда же его привезли к вам?

— Позавчера. Поздно вечером.

— Чем он отравился?

— Пациент считает, что виноваты консервы.

Когда Монтеллано вошел в палату, Эспиноза дремал. Он не сразу понял, что от него хочет нежданный визитер. Когда же инспектор сказал, кто он и зачем прибыл в Комитан, археолог не на шутку обеспокоился, решив, что на раскопках произошло какое-то происшествие. Монтеллано терпеливо объяснил ему, что происшествий пока не было, и что их задача предотвратить их.

— Что вы можете сказать об этой экспедиции, доктор?

— Для меня они вне всяких подозрений. Работаю с ними не впервые и знаю их уже давно. Правда, за исключением О'Герча. Это еще очень молодой ученый, но знающий и энергичный. На мой взгляд, также заслуживает полного доверия. К тому же, если бы что-нибудь... э-э... такое произошло, я непременно бы заметил...

Доктор утверждал так же, что без его ведома ничто не может исчезнуть из района раскопок. Каждый обнаруженный предмет, вплоть до последнего черепка, обязательно немедленно фотографируют, срисовывают, наносят на план и описывают в журнале экспедиции.

— Не могло ли все же случиться, — продолжал попытываться инспектор, — что во время одной из ваших отлучек по каким-либо делам, было обнару-

жено какое-то подземелье, либо гробница или иное строение, о котором вас не поставили в известность?

— Это исключено! Я неотлучно нахожусь в Чинкультике, живу в бараке и даже по воскресеньям не покидаю лагерь. В течение дня все работают группами, и утаить что-либо из находок просто невозможно. Наконец, гробницу или какое-нибудь строение нельзя открыть одним взмахом лопаты. Конечно... — доктор Эспиноза на секунду умолк, — конечно, если речь идет о небольшой золотой вещице, каком-либо украшении...

— Нет, — покачал головой Монтеллано, — я имею в виду что-то такое, для транспортировки чего понадобилось бы, скажем, несколько грузовиков.

Ученый состроил гримасу недоверия и решительно отверг предположение инспектора.

— Кстати, доктор, сколько грузовиков имеется в распоряжении экспедиции?

— Ни одного, — без запинки ответил Эспиноза, — Да и зачем они? Имеется легковой транспорт, микроавтобус, трактор, бульдозер, подъемный кран... Этого вполне достаточно — ведь грузы никто перевозить не собирается.

— А можете ли вы, доктор, положить руку на сердце, сказать, что были во всех закоулках Чинкультика и видели все, что видели и другие работники?

— Да, — не колеблясь, ответил археолог. Однако тут же поправился: — За исключением, пожалуй, одного места, которое, впрочем, нельзя принимать во внимание.

— Что это за место? — Озеро. Полагаю, что жрецы бросали в него дары своим богам. Экспедиция планирует провести поиски на дне, после того, как будет драга, которая извлечет на поверхность донные осадки вместе с предметами, если они там, конечно, окажутся. О'Герч сам несколько раз спускался под воду в аквалангом, но ничего не нашел, кроме черепков керамики. Открыл он также в прибрежных скалах ниже уровня озера вход в подводную пещеру. Побывал в ней и рассказал, что она естественного происхождения и имеет длину всего несколько метров. Следовательно, для нас никакого интереса не представляет. Вот это и есть то единственное место, в котором я лично сам не побывал.

— А не мог ли О'Герч как-нибудь побывать в той пещере еще раз? Без вашего ведома.

— Может быть, и мог. Но только зачем? Акваланг находится в бараке, и им мог бы при случае воспользоваться каждый. Но с какой целью? А потом, если не я, то это заметил бы кто-нибудь еще!

Врач, который уже несколько раз заглядывал в палату и делал знаки Монтеллано, на этот раз вошел и сказал, что свидание закончено.

— Хорошо, хорошо! — согласился инспектор, поднимаясь. — Еще только один вопрос: что это за консервы, что так подвели вас?

— Консервированный тунец... И съел-то всего кусочек.

— Вы сами открывали банку?

— Нет... Кто-то еще, сейчас не припомню...

9.

«Надо побывать на раскопках ночью», — вот к ка-

кому решению пришел Монтеллано после визита в больницу, сопоставив рассказ доктора Эспинозы с увиденным в Чинкультике. «Прежде всего посмотрю, что это за грузовики, о которых Эспиноза понятия не имеет».

Подготовку к ночной вылазке Монтеллано начал с визита в магазин мужской одежды. Он зашел туда перед самым закрытием, и ему никто не помешал подобрать подходящую экипировку. Купил темно-красную сорочку спортивного покроя и темно-синие брюки из легкого эластика; этот наряд, по его мнению, должен был сделать его совершенно невидимым в ночной темноте. В соседней лавке приобрел спортивные ботинки на массивной подошве. Сделав покупки, отправился в отель, чтобы переодеться. В задний карман сунул фонарь, во второй — запасной магазин, а пистолет — за пояс. Уже в сумерки он сел в машину и доехал по шоссе до того места, где был поворот к парку Монтебелло. Остаток пути проехал рейсовым автобусом. Сошел у изгородей из опунций и осмотрелся — на извилистой дороге к Чинкультик не было ни души. Но Монтеллано предпочел идти опушкой леса, беря направление к тому месту, где днем заметил укрытые грузовики.

... Было уже совсем темно, когда он впереди себя услышал какой-то шум. Еле слышно ступая по мягкой пружинистой почве, осторожно раздвигая ветви деревьев и сплетения лиан, Монтеллано наконец добрался до цели.

Большая группа людей при свете фонарей открывала полотнища чехлов над кузовами грузовиков и снимала оттуда тяжелые ящики. Монтеллано, укрывшись в зарослях, прислушивался к отрывкам разговоров. Речь велась только на английском языке.

— Знаешь, Рой, я едва двигаюсь, — пожаловался кто-то громким шепотом. — После езды на этих чертовых мулах ноги у меня ходят в разные стороны...

— У меня тоже...

— Прекратите болтовню и таскайте ящики! — вмешался чей-то грубый голос. Монтеллано показалось, что это был голос Шнуцеля.

Какое-то время инспектор наблюдал, как «собиратели орхидей» взваливают себе на спинку ящики и несут их куда-то в сторону. Улучив момент, он вступил на едва различимую в темноте тропку и в шеренге бредущих людей, нагнув голову, подошел к одному из грузовиков. Подставил спину и тут же почувствовал прикосновение жесткого ребра ящика. Он ждал, что ящик будет пуст внутри, но вопреки ожиданиям едва не присел от свалившейся на него тяжести. Двинулся в сторону, чтобы освободить место следующему за ним человеку. Поспешил и быстро нагнал вереницу тащивших ящики носильщиков, стараясь теперь не отставать от них ни на шаг. Так дошли до поляны, где Монтеллано увидел, как идущий впереди него свалил ношу на землю. Кто-то невидимый подхватил ящик и ловко взгромоздил на штабель других ящиков. Монтеллано со своей ношей хотел было пройти чуть дальше, чтобы украдкой рассмотреть, что за ящик тащил он сюда. Но не тут-то было!

— Эй, там! — послышался окрик сзади, и луч фонаря метнулся к нему. — Куда это тебя понесло?!

Пришлось вернуться в шеренгу тяжело дышащих

мужчин. Освободившись от ноши, Монтеллано выпрямился, заслоняя рукой лицо. Делал вид, что вытирает пот. Подталкиваемый другими, был вынужден повернуть и идти обратно к грузовикам. Но в этот момент возникло замешательство — кто-то споткнулся и уронил ящик. Пока неслись брань и проклятия, инспектор сделал шаг в сторону, и никто не обратил внимание на него, когда он скрылся в зарослях рядом с тропой. Протянул руку, чтобы сориентироваться в тьме, и вдруг сделал неожиданное открытие: за зарослями была каменная стена скалы, видимо, одной из тех, что полукружием выходили к озеру. Сделав еще несколько шагов, он оказался с обратной стороны штабеля ящиков и только теперь заметил, что груз складывают у входа в большую пещеру и что в самой пещере уже возвышается несколько рядов этих ящиков.

«Что за чертовщина!» — удивился Монтеллано, переставая понимать что-либо. Если бы эти работы велись в обратном направлении, все было бы совершенно ясно. Но что они складывают в этой пещере и рядом с ней?! Чтобы ответить на этот вопрос, надо было вскрыть один из ящиков — другого выхода не было. Касаясь влажной известняковой стены, Монтеллано пробрался в пещеру. Нащупал крайний ящик. Углы его были окаймлены металлической лентой. Обнаружил запломбированный откидной замок. Сорвав пломбу, отвел щеколду и взялся за крышку — она легко поддалась. Сунул руку в щель и нащупал какие-то цилиндрически предметы, похожие на консервные банки с ручьями по бокам. Изловчившись, Монтеллано сумел вытянуть одну из банок. Нет, и теперь он не мог понять, что это такое! Лег на влажный грунт и стал вертеть банку, соображая, как её можно вскрыть. Для этого пришлось снять резиновую ленту и проволочное кольцо. Банка оказалась наполненной каким-то веществом, а сверху лежала небольшая шершавая пластинка. И только теперь он догадался, что это за штука — у него в руках была дымовая маскировочная шашка! Прямоугольная пластинка служила для зажигания спички. Это открытие ошеломило его — он ожидал все что угодно, но только не это! Зачем Мак-Келлару и его людям понадобилась эта армейская амуниция?

Однако засиживаться в пещере было нельзя, и Монтеллано осторожно двинулся к выходу. И тут он увидел, что путь к отступлению отрезан — в слегка сереющем проеме стояли несколько человек. Один из них проговорил:

— Небольшая передышка, и приступайте к следующей операции: вскрыть все ящики и снять у банок крышки. После этого протянем сюда кабель и заложим запальники.

Монтеллано узнал голос говорившего — вне сомнений это был мистер Шнуцель! Опять все перепуталось... Он ничего не мог понять. Бандиты хотят зажечь здесь сотни, нет, тысячи дымовых шашек. Зачем?! Не рассчитывают же они, что дымовая завеса прикроет какую-либо воровскую акцию! Ведь достаточно легкого ветерка, и весь дым из пещеры узкой лентой пойдет в одном направлении. Другое дело, если бы они рассредоточили ящики по всей территории раскопок... Да и зачем привлекать этим дымом внимание к раскопкам?

Но пока суть да дело, надо поскорее убираться из пещеры. Монтеллано медленно пополз вдоль стены, чтобы таким образом добраться до выхода и смешаться с толпой, когда она ввалится в пещеру выполнять распоряжение Шнуцеля. Замысел удалось осуществить, и он уже был почти у самого выхода, когда руки его нащупали у стены свежую рыхлую землю. «Зарывали что-то?..». За грудой земли оказался провал — глубокая ниша в стене, уходящая куда-то вниз. Опираясь на её край, Монтеллано опустил ноги в нишу и только сейчас почувствовал, что оттуда несет легким сквозняком. Спустившись, он наконец нашел точку опоры и смог встать во весь рост так, что его лицо находилось на уровне свежeverытой глины. Опустившись на корточки, Монтеллано обнаружил боковой лаз внизу пещеры, оттуда-то и тянуло прохладным воздухом. «Устроили что-то вроде поддувала?» — подумал инспектор, ощупывая лаз. Его стены были каменными, из чего можно было заключить, что это естественный ход, выточенный водой в податливом известняке.

«Ну что ж... — вздохнул Монтеллано, — я и так, кажется, уже зашел слишком далеко, чтобы останавливаться на полпути...»

Он продвигался шаг за шагом, ощупывая стены хода вытянутыми вперед руками и пробуя ногой крепость грунта. Пол коридора внезапно стал повышаться. Гул голосов и треск вскрываемых ящиков остались позади. В наступившей тиши слышался лишь мерный стук капель сочившейся из трещин воды. Прошел еще немного, сделал поворот и остановился, прислушиваясь: рискнуть и зажечь фонарь? Поколебавшись, он нажал кнопку, и луч света скользнул по арочным сводам, с которого свисали небольшие висюльки белоснежных сталактитов. Повел лучом вниз. Яркий круг света вырвал из тьмы небольшую грудку сверкающих предметов. Монтеллано с трудом удержался от возгласа удивления и преклонил колени, чувствуя, как от волнения забилось сердце.

Перед ним небрежной грудой были свалены золотые бляшки. Сложенные одна на другую лежали бесформенные части украшений, нагрудников, статуэток, обломки обручей, сплюснутая посуда. Все это помятое, искореженное, но несомненно из золота! Понял это по блеску и весу металла. Здесь было не меньше полусотни килограммов золотого лома...

Сделал еще шаг, другой — перед ним лежали останки плетенки, истлевшие прутья, осыпавшаяся глина. Вперемешку с комками глины в плетенке лежали такие же украшения, но уцелевшие, не изуродованные. Монтеллано взял в руки тяжелую массивную спираль, изображающую змею о двух головах, каждая из которых держала в пасти концы раздвоенного хвоста. Глаза змеи были сделаны из искрящихся камней, а туловище покрыто тонкой чешуей — изумительно искусная работа! Положил браслет на кучу ему подобных вещей. Золотые змеи, ящерицы, гирлянды цветов, обручи с гравированными рисунками или выпуклыми орнаментами.

Еще шаг, и из темноты показался каменный блок точно очерченной формы. Выдолбленный в нем желоб до краев наполнен драгоценностями и изумительными украшениями. Монтеллано зачерпнул горсть и

поднес к фонарю. Среди цепочек, колец, брошей бросились в глаза две огромные жемчужины, изящно соединенные с лепестком из перламутра, рядом лежал розовый коралл, на котором безвестный мастер вырезал тончайший силуэт. А вот эта золотая лапа ягуара, сжимающая зеленый камень чудесной огранки, или это ожерелье из нефрита и-бирюзы... Ссыпал украшения в желоб, чувствуя себя так, будто все это грезится ему во сне.

Ничто не нарушало покой пещеры, и даже не верилось, что совсем рядом снуют в мраке бандиты, посягнувшие на эти бесценные сокровища. Теперь-то он понимал, что задумал Мак-Келлар и что за добычу хочет заграбастать этот матерый волк. Не ясно было только, зачем ему понадобились дымовые пашки...

Монтеллано прошел уже несколько десятков метров от раскопанного коридора, которым он сюда добрался. И вот оказалось, что лишь теперь он находится в центральной части подземной сокровищницы; как в самом начале, здесь в каменных ложах возвышались груды золота и драгоценных камней, изящных украшений и всевозможной утвари. Чаши, блюда, тиары, колокольчики, диски с изображениями богов, людей, животных, фигурки, цепи и цепочки...

А коридор вел дальше, из одной подземной залы в другую. Сноп света теперь с трудом достигал дальних стен, облитых известковыми подтеками, напоминающими Фантастические водопады и гирлянды. И опять несметные богатства древнего мира.

Поимка Мак-Келлара становилась теперь делом второстепенным — задачей номер один было обезопасить это национальное достояние огромной стоимости от его посягательств. Что же следует предпринять прежде всего? Идти назад и до конца разгадать замысел гангстеров? Или выбраться отсюда и мчаться на телеграф, чтобы затребовать немедленную помощь? Та поспешность, с которой люди Мак-Келлара возились в пещере наверху, не оставляла сомнений, что их грабительская акция подходит к кульминационной точке.

Инспектор повернул назад, но не смог осилить искушения заглянуть еще в одну пещеру, ответвление коридора в которую вначале заметил. Он нагнулся и протиснулся в узкий проход. Его шаги отдались шелестящим эхом — видно, подземное пространство, куда он попал, было здесь особенно обширным. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что он находится в святая святых подземного храма и видит сейчас то, что даже не грезилось ни одному археологу мира.

Посередине на постаменте из обработанных глыб известняка восседал Хунаб-Ку, бог-творец, бог богов майя. Его фигура была отлита из золота, Хунаб-Ку держал в руках скипетр — росток кукурузы в форме стебля с двумя листьями, увенчанного початком с созревшими зернами, символом жизни, неизменного ритма природы и возрождения. Изваяние главного божества окружала несчетная свита богов и божеств.

В центре соседней группы статуй виднелся Итцами, сын Хунаб-Ку. Сгорбленный создатель письменности, Владыка Дня, Ночи и Неба. А женская фигура олицетворяла, должно быть, богиню луны Иксцель.

Но вот луч фонаря упал на третью группу, и зачарованный Монтеллано увидел посередине её изобра-

жение могущественного бога Хао, управляющего четырьмя сторонами света, бога дождей и плодородия земли. За ним в толпе свиты стоял и бог кукурузы Смукл, мальчик с головой, украшенной кукурузными початками...

Отступив к самой стене, в полукруглой нише притаился Ах-Пух, ужасный владыка царства мертвых, символ смерти...

10.

В коридоре, где-то за спиной Монтеллано, послышался шум шагов и позвякивание металла. Чей-то начальствующий голос давал указания, куда ставить пустые ящики. «Грабеж начинается!» — мелькнуло в голове Монтеллано.

Промелькнула полоса света. Инспектор мгновенно погасил свой фонарь и застыл неподвижно за фигурой Иксцель. Но было, видимо, уже поздно.

— Вы видели огонь? — отчетливо донесся голос Шнуцеля. — Там кто-то есть!

— Может быть, кто-нибудь из наших парней? — послышалось в ответ.

— Интересно, что ему там понадобилось? Может быть, решил прихватить несколько сувениров? Забыл предупреждение? — эти вопросы остались без ответа. И только после длинной паузы опять кто-то сказал вполголоса:

— Возможно, крысы...

Шнуцель, видимо, это объяснение проигнорировал, потому что тут же в подземелье раздался резкий голос:

— Кто там? Выходи!

Снова наступила тишина, и только где-то прошуршала осыпь, да постукивали капли воды. Три фонаря, три сверкающих глаза смотрели в ту сторону подземного храма, где укрылся Монтеллано. Он услышал, как с сухим лязгом вогнали в ствол патрон. Шнуцель говорил теперь медленно, выговаривая слова твердо и отчетливо:

— Выходи, мистер Крыса, в твоём распоряжении только тридцать секунд. Позже выход для тебя будет закрыт навсегда. Понял? Двадцать пять секунд, мистер Крыса. Двадцать...

Монтеллано осторожно вынул пистолет. Конечно, им так легко его не взять — но как долго он сможет обороняться? Неужели нет пути к отходу?

— Пятнадцать...

— Десять...

Враз погасли фонари. Слышался только сдавленный шепот Шнуцеля, отдающего какие-то распоряжения. Монтеллано спрятал свой фонарь в нагрудный карман, пистолет убрал за пояс, согнул колени и оперся ладонями о неровный пол пещеры. Он начал продвигаться к стене, приближаясь к своим преследователям. Слышал шорохи у узкого хода в «пещеру богов». Дюйм за дюймом ощущивал пространство впереди себя, стараясь не потерять ориентир — место, где последний раз вспыхнули и погасли фонари бандитов.

Где-то сбоку послышалось сопение — один из тех троих полз к центру зала. Монтеллано провел ладонью по полу и нашел обломок камня. Замахнулся им и бросил в противоположную сторону от входа. Камень ударился о стенку и вызвал небольшую лавину мел-

кой известковой крошки, которой были покрыты неровности стен.

— Что там? — раздался голос Шнуцеля.

— Слышу его, шеф! — ответил бандит с центра зала. — Он где-то в глубине пещеры, как раз напротив нас. Споткнулся, наверное...

— Зажигай! — рявкнул Шнуцель.

Сноп белого света ударил в дальнюю стену, но Монтеллано уже находился за спиной бандитов, у самого выхода.

Яркие пятна метались по стенам, натывались на статуи и фигуры, вспыхивающие золотым блеском. В мерцании света, теней трудно было разобрать что-либо.

— Видишь его? — грохотал голос Шнуцеля. — Где он прячется, мерзавец?

С последним словом прогремел выстрел, еще один, отдаваясь гулким эхом под сводами пещеры. А Монтеллано, прижимаясь к влажным камням, уже выползал в коридор. Через секунду оглянулся и увидел в мельтешившем свете фонарей Шнуцеля и еще одного, они прыжками перебежали от одной статуи к другой, удаляясь в дальний конец зала. Монтеллано встал на четвереньки, потом в полный рост и почти бегом бросился по коридору, на ходу ощупывая влажную стену. Скрывшись за поворотом, зажег фонарь. Пробежал по галерее с каменными лжеками, наполненными золотыми дарами, втиснулся в лаз, ведущий в наружную пещеру, почувствовал под руками холодную влажную глину и... лицом к лицу столкнулся с О'Герчем, который, видно, только сейчас спустился в нишу, светя фонарем прямо в глаза Монтеллано.

Археолог тотчас же узнал Монтеллано и, казалось, онемел от неожиданности. Он смотрел на ствол направленного на него пистолета и безвольно шел вперед за рукой, которая тянула его брючной ремнем. Они взобрались по склону раскопанной траншеи, ведущей в сторону выхода из пещеры в заросли.

— Ложись! — услышал археолог внезапно. Руки его тряслись и он безмолвно подвигал губами. — Лицом вниз! — почувствовал прикосновение металла между лопатками и покорно выполнил приказ. — Так лежать, и ни звука о нашей встрече. Это еще вам пригодится, О'Герч! До скорого свидания.

Притаился: от входа к траншее шли два или три бандита, освещивая себе фонариком. За ними еще двое тащили пустой ящик. В этот миг инспектор услышал доносящийся из подземного коридора топот бегущих людей и вопль Шнуцеля:

— Внимание! Закрывайте выходы из пещеры! Никого не выпускать!..

Неужели это конец?! Считанные секунды, и преследователи будут здесь. Заметались тени и в самой пещере. Монтеллано начал искать закуток, который смог послужить ему хотя бы маломальским укрытием. Двинулся вдоль разрытой траншеи. Стенка, внизу небольшой провал, расселина в скале, влажный податливый песок, нагнулся и принялся рыть песок, расширяя расселину. Другой ход? Работая локтями, втиснулся в щель и тут же очутился в боковом коридоре, пол которого круто уходил вниз. Миновав крутой изгиб нового хода, Монтеллано зажег фонарь и осмот-

релся: куда же теперь приведет его подземная дорога? На свободу или в новую западню? Стены узкого коридора постепенно раздвинулись, и инспектор побежал. Бежал до тех пор, пока не почувствовал, что у него под ногами плещет вода. Сделал еще несколько шагов — вода дошла до колен. Несколько секунд постоял с закрытыми глазами, стараясь успокоить дыхание. Потом зачерпнул горсть прозрачной воды и поднес ко рту...

Что же дальше? Прислушался. Ничего, кроме звука падающих капель. Обратного пути нет, значит можно двигаться только вперед. Начал пробираться, осторожно ступая по уходящему вниз полу коридора, и вскоре добрался до того места, где вода подходила к самому потолку: ход пропал под водой. Повел вкруг лучом фонаря — ни щелей, ни трещин, только сплошные известняковые своды. Оставалось, как будто, только одно: тушить фонарь и ждать появления бандитов.

Монтеллано нащупал ногой плоский камень и стал на него так, что вода доходила только до бедер. Через несколько минут издали донесся нарастающий шум. Конечно, было смешно надеяться, что они не заметят боковой расселины рядом с траншеей... Инспектор осмотрелся еще раз. Пожалуй, выбранная им позиция была лучшей в этом каменном пузыре, наполненном водой. Массивная глыба известняка скрывала его от прямого участка коридора, давая в то же время возможность держать этот участок под обстрелом. Погасил фонарь и снял пистолет с предохранителя.

Когда глаза привыкли к темноте, Монтеллано заметил, что она не такая уж крошечная, как показалось ему вначале. К своему удивлению он заметил, что вода в том месте, где она достигает верхнего свода коридора, слегка светится. Что бы это могло значить? Это было едва уловимое мерцание, но оно было! Внезапная догадка озарила его: это выход в озеро! Выход в подводную пещеру! Не о ней ли упоминал старый археолог, ссылаясь на информацию, полученную от О'Герча? Как длинен этот подводный путь? Судя по тому, что через слой воды сюда проникает свет ночного звездного неба, отрезок коридора под водой должен быть совсем коротким.

— Эй, ты, крыса! — совсем неподалеку послышался голос Шнуцеля. — Сдавайся! Ты в ловушке и отсюда уже не убежишь!

Судя по появившимся в коридоре бликам света, янки были уже совсем рядом. Вот луч света пробежал по верхушке глыбы, за которой он нашел свое пристанище. Монтеллано выглянул, увидел сноп света, направленного прямо на него, и выстрелил. Фонарь потух, послышался звук разбитого стекла и чьи-то проклятия.

«Что ж, была не была...».

Не теряя больше времени, инспектор рывком бросился в воду и, набрав воздух, нырнул как можно дальше. Перебирая руками шершавые стены, он стал торопливо преодолевать сопротивление воды. Каменная труба расширилась по бокам, но стала ниже. Монтеллано поплыл, держась самого дна. Внезапно дно пропало, а над головой по-прежнему нависали острые шипы — неужели и вправду ловушка. Начало не хватать воздуха. Лихорадочно работая руками и но-

гами, он рвался вперед. Вытянул руку вверх, камни как будто пропали. Попытаться? Резким движением направил тело вверх... А что если там еще свод?..

11.

Всколыхнулась гладь озера, он свободен! Лежал на ровной, будто сонной поверхности озера, жадно хватая ртом теплый воздух, пахнущий ароматом ночных цветов. Смотрел на небо, усеянное крупными яркими звездами; серебристый полумесяц уже клонился к горизонту. Приметил поблизости белеющий силуэт скал. Поплыл к ним и вскоре вскарабкался на прибрежные камни. Кратчайший путь к дороге лежал теперь по берегу озеру, той самой тропкой, по которой прогуливался днем вместе с сеньорой Хуртадо. Однако надо спешить!

Побежал по берегу и без помех добрался до террасы. Только теперь до него донеслись крики не на шутку всполошившихся бандитов. Светляки фонарей мелькали и в зарослях, где были укрыты грузовики, и у входа в пещеру.

Пробрался вдоль террасы мимо жертвенного храма и торопливо прошел по затененной стороне. Преследователи были уже на берегу озера, отовсюду слышался их топот.

Монтеллано несколько минут простоял в тени храма. Убедившись, что близлежащий берег пуст, он начал пробираться дальше — теперь ему надо было преодолеть полсотни метров, отделяющих его от игровой арены. Он был почти уже у самой цели, когда из-за угла амфитеатра выбежали ему наперерез трое. С разбега сбил среднего, нагнулся к земле, увернувшись от взметнувшихся рук, затем прыгнул в сторону и что было сил помчался вдоль стены ограды. Бежал, жвав голову в плечи и петляя; бежал, чувствуя, как щемящая судорога сводит спину — каждый миг ожидал выстрела... Но пока слышал за собой только грохот каблук по каменным плитам. Ночь наполнилась возгласами, указывающими направление погони.

Миновав арену, Монтеллано оказался на тропке, ведущей прямо к бараку. Мельком услышал, что оттуда доносится шум запускаемого двигателя. «Вертолет!» — промелькнуло в голове. «Кто и куда?..». Увидел блеснувшие в лунном свете лопасти винта. Здесь же рядом с вертолетом днем стояло несколько машин, успеет ли до них? Судя по крикам, преследователи были уже совсем рядом. Пробегая рядом с готовящимися стартовать вертолетом, Монтеллано неожиданно бросился в его сторону и обеими руками ухватился за шасси. Это не был заранее обдуман шаг — еще секунду назад он не знал, что поступит так. К вертолету его толкнуло отчаяние, возникшее при виде площадки, на которой не было ни одного автомобиля.

Вертолет уже подымался, и инспектор, повиснув на руках, увидел под собой крышу барака, затем по ногам хлестнули ветви стоящего рядом дерева. Двигатель работал на полных оборотах, но его шум не заглушил поднимающуюся внизу стрельбу. Красные вспышки мелькали отовсюду. Но Монтеллано смотрел на них с каким-то безразличием — немислимые передраги последних часов и сумасшедшая погоня вконец измотали его. Сейчас им владело только одно

желание — удержаться. Вцепившись в металлическую раму, он приник к ней и медленно, сантиметр за сантиметром, подтягивал ногу до тех пор, пока не удалось перекинуть её через перекладину. Теперь он сидел на раме шасси верхом — не очень-то удобно, но намного надежнее.

Машина, между тем, рвалась вверх на предельной скорости. Передохнув и отдышавшись, Монтеллано с немалыми усилиями сумел встать на ноги и прижаться к решетчатому фюзеляжу. Теперь у него появился шанс добраться до кабины.

Высота насчитывала уже несколько сот метров. Пронзительный ветер бил с такой силой, что дышать можно было лишь повернувшись к нему спиной. Он посмотрел вниз. Далеко в стороне серебрилось лунным отражением озеро Монтебелло, и на его фоне можно было рассмотреть силуэт большой пирамиды. Сумятица в мыслях прошла, и инспектор стал обдумывать план действий. Вероятнее всего, пилот, сидящий в кабине, не знает, что везет «зайца». Иначе бы... «Хм, а что было бы иначе?» — спросил у себя Монтеллано. Почему это гангстеры открыли такую стрельбу по вертолету, который пилотировал их человек? Может быть, голова Монтеллано им была дороже? Должно быть, О'Герч все же выдал его... Стоит ли удивляться, коль он такой же человек Мак-Келлара, как и все остальные.

Внезапно инспектор заметил, что с машиной происходит что-то непонятное. Прикрывающий двигатель кожух стал вибрировать с такой силой, что, того и гляди, выскочит из своих гнезд. Рев лопастей превратился в нестерпимый свист, отчего вертолет затрясло как в лихорадке. Похоже было, что пилот потерял власть над машиной, и двигатель пошел вразнос. Но вот в его реве послышались перебои; подъем прекратился, и вертолет, на несколько секунд повиснув в воздухе, начал медленно опускаться. Двигатель замолчал, а винт теперь крутился лишь под напором воздуха, заметно снижая скорость падения. Монтеллано опять посмотрел вниз — там темнел сплошной лес. Скорее всего посадка произойдет на кроны деревьев. Несмотря на торможение винта, приземление будет, пожалуй, жестковатым...

Но что же все-таки с пилотом? Монтеллано пробрался к кронштейну для монтажа фотоаппаратуры. Подтянулся и заглянул в кабину. Неяркая лампочка под прозрачным козырьком тускло освещала переднее сидение, на котором полулежал человек со склоненной набок головой. Руки его безвольно повисли вдоль туловища. В следующую секунду Монтеллано рассмотрел на светлой рубашке пилота темное пятно. Всмотрелся в лицо — ба, да это же О'Герч! Заниматься размышлениями по поводу этого неожиданно открытия было некогда. Отодвинув козырек, Монтеллано забрался внутрь кабины и торопливо привязал себя к свободному креслу предохранительным ремнем. Это оказалось весьма своевременным — снизу донесся треск ломаемых сучьев. Удар о шасси, удар о фюзеляж, еще один, очень сильный... Машину бросало из стороны в сторону, и вдруг после резкого скачка она замерла, и сразу же наступила тишина.

Монтеллано достал свой многострадальный фонарь, погнутый, с выбитым стеклом, но все еще продолжав-

ший исправно светить, и повернул его в сторону О'Герча. Археолог висел на ремнях и стонал. В кабине было тесно и инспектор положил раненого вдоль кресла, после чего разрезал рубашку и осмотрелся: есть ли здесь аптечка? Осветил приборную панель, рядом с которой покачивались наушники и микрофон небольшой ради. Тронул лимб настройки, но лампочка шкалы не зажглась — значит, с радио дело дохлое. А вот часы на панели продолжали ходить: второй час ночи. А ему казалось, что с той минуты, как он выехал из Комитана, прошла уже целая вечность. Второй час ночи... Он, пожалуй, успеет добраться до шоссе, ведущего к гватемальской границе и перехватить первую же встречную машину. Потом только бы первый телефон!.. Он должен успеть! Не может быть, чтобы вертолет отнес их далеко от раскопок и дороги на Комитан. Летели, кажется, считанные минуты.

Так, а пока надо постараться сохранить жизнь этому американцу. Коробку с красным крестом на крышке Монтеллано нашел под сидением пилота. Бинт, йод, спирт, вата — все что нужно. Протер руки и взялся за перевязку. Пуля пробила грудь у правой ключицы навывлет. Несмертельно! — заключил инспектор. От йода О'Герч застонал громче и приоткрыл глаза:

— Кто вы?

— Лежите спокойно, О'Герч. Сейчас наложу бинт, рана уже не кровоточит.

— Вы из полиции?

— Думаю, что больше нет смысла скрывать это.

— Это хорошо, — через силу произнес археолог. — Оставьте меня здесь и возвращайтесь, иначе они успеют погрузиться... Поспешите!

— Я так и собираюсь сделать, — ответил инспектор, заканчивая бинтовать своего пациента. — Но вот вопрос, который меня очень интересует: какова ваша роль в этой истории?

— Вы видели сокровища? Надо спасти их, они бесценны!

— Иными словами, вы хотите убедить меня, что не имеете ничего общего с бандой Мак-Келлара?

— Сейчас уже не имею! Знаю, что трудно будет поверить мне... — О'Герч застонал, постарался приподняться, но не смог. — Я виноват, отпираться не стану, и готов ответить за свою вину. Но сейчас главное не это — спешите уведомить полицию и помешать Мак-Келлару...

— Спешить? — инспектор выглянул из кабины — в чаще стояла абсолютная тьма, сюда но пробивался звездный свет и плотный черный мрак окутывал все вокруг. — Нет, надо подождать близости рассвета... А пока, О'Герч, если вам не очень трудно, расскажите мне вкратце суть операции, которую собирается довести до конца ваш босс. Каким путем он собирается вывезти сокровища с территории Мексики? Это, во-первых. Во-вторых, где он находится в данную минуту? В-третьих, зачем понадобились дымовые шашки?

— Не имею ни малейшего понятия, поверьте мне, — простоанал американец. — У них в организации такое правило, что каждый знает только то, что должен делать сам. — После паузы добавил: — Видел, что в окрестности раскопок пригнали с сотню мулов. Наверное, пойдут какой-то тропой в сторону Гватемалы... Вот и все. Да и то, это — мои догадки.

— В таком случае, скажите мне, зачем вам понадобился вертолет?

— Как зачем? — удивился О'Герч. — Бежать! Если бы не рана, я давно бы уже был в Комитане, в полиции.

— А не проще ли было пойти пешком по шоссе, схватить попутку.

— Не мог. Что-то, а слезка у них налажена великолепно. Причем никто не знает, кто за кем следит.

Инспектор не знал, что и думать о переменах в О'Герче. Искренен ли он сейчас или это уловка? Способны ли раскаиваться те, кто служит Мак-Келлару? Он ведь не ошивается с подбором «кадров»...

— Признаюсь вам, О'Герч, — сказал после некоторого раздумья Монтеллано, — что мне трудно понять, почему археолог, влюбленный в свою профессию, — такую характеристику я, по крайней мере, слышал о вас, — смог вступить в сговор с предводителем гнусной банды. То, что вы знали всю огромную стоимость и историческую ценность открытых сокровищ, будет для вас только отягчающим обстоятельством.

— Я знаю это... — угрюмо ответил О'Герч. Они замолчали, и в кабине воцарилась тишина, нарушаемая лишь ночными шорохами лесной пущи. Но вот американец тяжело вздохнул и начал говорить без всяких предисловий.

— Десять лет назад в Нью-Джерси, в тот день, когда узнал, кем должен стать, то есть, когда получил поручение заняться археологией, я очень смутно представлял себе, что это за штука. Зато хорошо знал это Мак-Келлар. Десять лет я считал этого человека вполне добропорядочным. Десять лет, буквально до самых последних дней...

Часто умолкая, с длинными паузами, О'Герч рассказал свою историю.

... В судейской палате в Хаскале, средней величины американском городке, проходило уголовное разбирательство: семнадцатилетнего Элисона О'Герча обвиняли в краже автомобиля.

Судья вынес приговор: шесть месяцев тюрьмы. Но поскольку судья в этот день по случаю семейного торжества был в прекрасном настроении, он изволил щутить. И шутя добавил, что тюремный срок может быть заменен штрафом в десять тысяч долларов. Как и ожидал он, это добавление вызвало веселое оживление в зале, а подсудимый лишь пожал плечами и его мрачная физиономия показывала, что он начисто лишен чувства юмора. Совершенно неожиданно для всех, из публики, присутствующей на процессе, вышел никому не известный господин, который в наступившей тишине заявил, что готов уплатить названную сумму штрафа. С этими словами он положил чек на судейский стол. Поскольку все это не противоречило судебным канонам, судье не оставалось ничего иного, как внести в протокол заседания соответствующую запись. А что же О'Герч?

Ликовал? нет, он не ждал от такого поворота ничего хорошего, так как был достаточно взрослым, чтобы знать: деньги с неба не падают и чудес на свете не бывает. И все же рассчитывал, что выкуп, какой с него обязательно будет потребован, будет полгечче, чем отбывание в тюрьме. «Иначе, — сказал он сам себе, — вернусь к судье, пускай отправляет за решетку!». Когда же услышал поставленное ему условие, то оно

показалось ему очень странным. Тем не менее успокоил себя и на этот раз? «Никогда не будет поздно избавиться от этого доброго «дядюшки»...».

Через некоторое время он был принят в университет на отделение археологии, выразив намерение в дальнейшем специализироваться в направлении исследований южноамериканских культур доиспанского периода. Вначале все это — лекции, поездки на раскопки, посещение музеев, необходимость просиживать в библиотеке — было не только безразлично ему, но и вызывало тоску. Он даже подумывал не подал ли все это ко всем чертям и смотаться куда-нибудь, исчезнуть с глаз «дядюшки». Останавливали его сравнительно приличные условия жизни и постоянные карманные деньги, которые получал ежемесячно. А со временем постепенно пришли заинтересованность, увлеченность, а когда начал работать самостоятельно, когда появились первые удачи, первые открытия, понял, что археология покорила его навсегда и что нет у него других желаний и стремлений в жизни, чем эта работа.

После окончания университета О'Герч шесть лет работал в Мексике, принимая участие в различных раскопках и исследованиях, финансируемых американскими музеями и университетами, и приобрел отличную репутацию. Когда мармонская культуртрегерская организация получила разрешение на проведение работ в Чинкультике, ему предложили возглавить экспедицию. Он согласился, смутно подозревая, что к этому назначению приложил руку его благодетель, который вообще-то до сих пор особенно ему не докучал. О'Герч и в годы студенчества и после окончания университета неизменно поддерживал постоянный контакт с этим человеком. Сообщал ему о всех своих делах, а в ответ получал небольшие субсидии. О'Герч был искренно и беспрдельно благодарен этому человеку, сыгравшему столь важную роль в его сиротской доле. Поэтому, когда однажды тот попросил его, чтобы о каждом новом открытии О'Герч ставил в известность в первую очередь своего благодетеля, его просьба не показалась археологу ни странной, ни невозможной для выполнения. Тем более, что Мак-Келлар мотивировал её страстным желанием стать когда-нибудь первым свидетелем крупнейшего открытия, прежде чем оно будет достоянием всех и вызовет общую сенсацию. Это желание можно было посчитать чудачеством, но вполне объяснимым для О'Герча и, главное, исполнимым. В конце концов, если так должна выглядеть плата долга благодарности, то цена совсем была не высокой.

Это было делом случая, что, ныряя в озеро, он открыл потаенный ход в лабиринт пещер. Ему понадобилось несколько дней, чтобы составить хотя бы беглый перечень найденных там сокровищ. Делать это было нелегко, так как уважаемый доктор Эспиноза имел дурную привычку ходить по пятам и заглядывать в каждую щелку. Верный данному слову, О'Герч никому не сказал ни слова, а на имя Мак-Келлара пошла условленная телеграмма...

12.

Около пяти часов утра рассеянный свет утренней зари проник и под густую поросль пышных крон тро-

пических деревьев. Монтеллано был уже на ногах. Кряхтя и позевывая, прошелся несколько раз взад и вперед у застрявших меж двух стволов вертолета. Чащоба была мокрой как губка; в зарослях еще таилась ночная мгла, но где-то вверху уже вовсю щебетали птицы, радуясь наступающему утру. Монтеллано посмотрел на спящего археолога, по розовому свету зари определил примерное направление пути и нырнул в листву, которая тут же окатила его потоками воды. Фыркая и дрожа от сырости и прохлады, он упрямо шел по выбранному направлению, все убыстряя и убыстряя шаг. Когда наткнулся на речное русло, ему уже было жарко. Вода в реке текла лениво, неся белые цветы и по-осеннему красные листья. Инспектор взгляделся в противоположный берег, до которого было метров двадцать. Там стеной стояли такие же заросли. Вниз к самой воде свисали лианы и петли вьющихся растений. «Ну что ж...» — проговорил он, пожегся и вступил в реку. Течение было несильным и плыть было легко. Добравшись до берега, ухватился за конец толстой лианы и снова полез напролом через кустарники и густой подлесок.

...Сколько часов он уже идет? Монтеллано двигался в полном отупении и, когда в очередной раз взглянул на часы и увидел, что уже давно миновал полдень, это не произвело на него особого впечатления. В глазах мельтешили вспышки фонарей, застывшие маски богов, золотой блеск сокровищ; напряжение последних недель и особенно прошедших суток, этот кошмарный путь по непроходимой сельве, без троп, напролом, были выше человеческих возможностей. И все-таки он шел вперед, шел как машина, подчиняясь только одной мысли: «Вперед!».

Одежда висела ключьями, ноги, руки, лицо изодраны в кровь. В минуты отчаяния, когда не мог преодолеть очередной преграды из хаоса поваленных деревьев, сплетений ветвей и лиан, впадал в бешенство, рвал тугие прутья и побеги, затем бросался на землю и, лежа лицом, прижатым к листве или мху, старался отдышаться и собраться с силами. Под одним из скалистых порогов, разделяющих две болотистые низины, упал, убежденный, что не сможет уже подняться. Когда немного утих стук крови в висках, он вдруг услышал, что где-то рядом в лесу движутся люди. Похоже, это был вьючный транспорт, обычный способ доставки грузов в отдаленные селения в этих местах. Глухие окрики погонщиков и характерный стук копыт подтвердил его догадку. Караван приближался... Монтеллано приподнял голову и увидел в нескольких шагах от себя вымазанного в грязи мула.

Инспектор взглянул на безразличную морду животного с невыразимым облегчением — наконец-то закончились его мучения, этот зеленый кошмар, он на тропе! Монтеллано был готов обещать любую сумму погонщику, чтобы тот посадил его в седло и доставил в ближайшее селение. Животное сдвинулось с каменистого выступа и остановилось перед человеком, который силился подняться с влажной земли.

— Му-у-ло!.. — раздался охрипший голос погонщика. Животное продолжало топтаться на месте и даже отступило назад. Из-за мула показался высокий мужчина. Они сразу узнали друг друга. Мак-Келлар, округлив глаза и иронически ухмыльнувшись,

положил руку на заляпанную грязью кобуру и не спеша расстегнул её. Не вынимая оружия, он опустил руку. Выражение неудержимого веселья появилось на его лице:

— Какая встреча! — закачал он головой. — Подумать только, сам инспектор Монтеллано! Никак, сеньор, вы устроили мне здесь засаду? Или просто принимаете грязевые ванны?

Монтеллано, поставленный на ноги двумя людьми из свиты Мак-Келлара, почувствовал, как чьи-то руки оцепывают его. Забрали пистолет, связали и оттолкнули в сторону.

13.

Тринадцать часами раньше, во втором часу ночи, когда Монтеллано только еще приходил в себя в свалившемся в сельву вертолете, дежурный редактор крупной столичной газеты услышал телефонный звонок и, подняв трубку, узнал, что с ним говорит начальник сейсмической станции в штате Чиapas, который желает передать ему сенсационное известие. «Минуточку, — попросил редактор, нажав красную клавишу магнитофона, и когда кассета начала вращаться, сказал: — Прошу, говорите!».

При первых же словах он отодвинул кресло от стола и уже стоя ожидал окончания сообщения. Бросив трубку и не выключая магнитофон, бросился по коридорам в типографский зал. Там он немедленно остановил печать утреннего номера и распорядился зарезервировать место на первой полосе. Затем бегом вернулся в кабинет и еще раз прослушал запись разговора. Спокойный энергичный голос сообщил, что минувшим вечером сейсмическая станция зарегистрировала несколько подземных толчков с эпицентром в районе национального парка Монтебелло. Видимо, в результате этих толчков произошел сдвиг почвы где-то у раскопок Чинкультик, что в свою очередь привело к образованию микрократера, через который в настоящее время происходит выброс пепла и клубов дыма. Есть опасения, что в этом районе может образоваться вулкан.

Запустив сенсационное известие в печать, редактор соединился с аэропортом и попросил зарезервировать для редакции место на первый же самолет, отлетающий в штат Чиapas. В пятом часу утра ранний выпуск газеты поступил на радиовещательную станцию, и несколькими минутами позже слушатели, встающие в такую рань, услышали из уст диктора сообщение о рождении нового вулкана на юге страны. Это сообщение передавалось потом каждый тридцать минут.

В шесть часов утра в резиденции губернатора в Тустла — Гутьерросе зазвонил телефон.

— Экселенцо! — сказал решительный голос, тот самый, что ночью разговаривал с дежурным редактором столичной газеты, — Звонят из бюро шефа полиции округа Инденпенденсия, чтобы доложить вам, что в национальном парке Монтебелло произошло извержение вулкана. Поскольку эта территория является пограничной, вы, наверное, пожелаете отдать специальный приказ об эвакуации населения и мерах безопасности.

На этом связь внезапно прервалась. Губернатор

еще минуту или две продолжал ждать дальнейших сообщений, но телефон молчал. Когда он мысленно повторил услышанное и, наконец, уразумел, о чем идет речь, то немедленно развил кипучую деятельность и во все концы полетели телефонные запросы и распоряжения.

— Пускай готовят машину! — распорядился он, закончив серию разговоров. — Я лично еду в Монтебелло. Вы меня поняли?

«Да, это очень правильно, я лично возглавлю спасательные работы!» — такое было принято им решение, на что, конечно, повлияло то обстоятельство, что в недалеком будущем предстояли очередные выборы.

В это самое время во всю начал трезвонить телефон на полицейском посту, расположенному неподалеку от границы. Схватив трубку, заспанный полицейский услышал, что с ним говорит сеньор майор из Комитана.

— Что происходит в Монтебелло? — гремел начальствующий голос, — Почему вы ни о чем не докладываете, черт бы вас побрал!

— Господин майор, докладываю, что там действительно что-то произошло. Это видно даже в наше окно.

— Что именно?

— Вижу дым, господин майор.

— Пожар?

— Наверное, пожар, что бы там еще могло так дымить?

— Постовой, вы, видимо, еще не очухались от сна? — не на шутку разошелся майор. — Отвечайте ясно: горит лес?

— Нет, господин майор, — пробормотал полицейский, — лес так гореть не может... Столб дыма идет из одного места, тянет, как из печки. Вообще даже солнца не видно. Туча большая...

— Слушайте, постовой, — майор начал давать энергичные указания: — Бегите туда и займите доступ к источнику дыма. Не разрешайте никому приближаться. Сейчас высылаю подкрепление.

На этом телефонный диалог был закончен. Постовой был раздосадован распоряжением майора, а майор терялся в догадках, что могло заставить ехать губернатора чуть свет смотреть на какой-то пожар. (Ни тот, ни другой еще не слышали о сногшибательной сенсации).

Первыми, кто добрался в это утро до Чинкультика, были рабочие с раскопок. Они обычно приходили сюда с первыми лучами солнца, так было и в этот день. Вскоре приехали из Комитана археологи, которые только что услышали об извержении вулкана по радио. Однако все они были задержаны на расстоянии в полкилометра от раскопок какими-то людьми с повязками гражданской полиции, прибывшими будто бы сюда из Комитана. Археологи, обеспокоенные состоянием раскопок и желая спасти хотя бы часть пригодных для транспортировки памятников старины, пытались пройти на территорию руин, но вооруженные милиционеры были непреклонны. К досаде археологов они не могли разыскать и О'Герча, неведомо куда подевавшегося.

Около семи часов утра из Комитана прибыли два десятка полицейских, которым было поручено оценить район «действующего вулкана».

Между тем, дымный гриб продолжал разрастаться. От дороги было видно, как откуда-то из-за пирамид вверх бьет настоящий гейзер черного дыма.

В начале десятого к месту событий явился и сам губернатор со свитой. Их автомобили остановились на шоссе, а начальство направилось по полю к наиболее крупной толпе рабочих и местных жителей. Им навстречу вынырнул мужчина, одетый в нечто похожее на короткий лекарский фартук, сшитый из асбестовой ткани, такие же штаны и громоздкие сапоги. За поясом у него тончали рукавицы, а на шее болталась снятая с лица маска. В руках он вертел блокнот, на ходу переворачивая страницы.

Когда он подошел поближе, оказалось, что его защитный костюм сильно закопчен и выпачкан сажей и пеплом.

— Я — доктор Ройс, — представился он губернатору, — вулканолог сейсмической станции.

— Превосходно, доктор! — обрадовался губернатор. — Наконец мы получим квалифицированную информацию.

— Я был у скважины, господин губернатор, — скромно доложил мужчина, назвавшийся доктором Ройсом, — осмотрел её и взял пробы газов. Есть первые результаты анализа...

— Как вы оцениваете ситуацию? Как угрожающую?

— Весьма! Как весьма угрожающую, господин губернатор! В течение ближайших часов можно ждать взрыва, прострела новой скважины или значительно расширения уже имеющейся. В конце концов произойдет извержение лавы, в этом можно не сомневаться.

— Что вы посоветуете, доктор? — допытывался губернатор. (Сам он не имел ни малейшего представления о том, что надо делать в подобных ситуациях).

Неизвестный, казалось, только и ждал этого вопроса:

— Во-первых, необходимо отвести всех людей на расстояние не менее трех километров отсюда и ни под каким предлогом не подпускать ближе. Исключений не должно быть ни для кого! Во-вторых, следует подготовить к эвакуации жителей всех окрестных селений в радиусе десяти километров. Эвакуацию начнете по нашей команде.

Губернатор внимательно слушал и согласно кивал головой.

— Вы все слышали, господин майор? — повернулся он к шефу полиции. — Прошу немедленно принять к исполнению!

Те, кто стоял в первых рядах, долго смотрели на желтый «джип» с надписью «Сейсмостанция, Чиapas», в котором в одиночестве восседал мужчина в защитном костюме. Подскакивая на кочках и пробираясь сквозь изгороди из опунций с колючками, способными продырявить самую толстую крышу, «джип» благополучно добрался до руин и скрылся в облаках черного дыма. Чуть раньше, сразу же после прибытия полицейского наряда из Комитана, с поля незаметно исчезли люди с повязками гражданской полиции, но на это никто не обратил внимания.

Миновав пирамиду и ввехав в густой кустарник у подножия скал, «джип» остановился, и из него вы-

скачил тот, кто отрекомендовался доктором Рейсом. Он направился ко входу в пещеры. Продираясь сквозь заросли, мимоходом взглянул на двух мужчин, которые связанные и с кляпами во рту лежали под деревом на ворохе веток. Рядом с ними валялись голубые шапочки с надписью над козырьком «Сейсмостанция, Чиапас».

14.

Монтеллано из этой мучительной дороги запомнил только, что караван все время пробирался болотистой тропой и, казалось, конца ей никогда не будет. О побеге нечего было и думать. Мало того, что ему скрутили руки за спиной, связали и ноги — под брюхом мула, на котором он ехал.

Был пятый час дня, когда по цепочке передали приказ: задержаться и ждать. Монтеллано не имел понятия, где он находится. Не знал и причины остановки.

С высоты, сквозь свод ветвей донесся гул мотора. Инспектор безошибочно определил — вертолет. Сердце учащенно забилось: может быть, патрульная служба? Но никто из бандитов не проявил и тени беспокойства. Наоборот, многие улыбались и даже жали друг другу руки. Судя по производимому шуму, вертолет должен был быть гигантом. Вспокоившиеся мулы начали метаться из стороны в сторону, сталкиваясь и увязая в кустах. Между тем машина не улетала, зависла в воздухе где-то совсем рядом и, видимо, начала опускаться.

Когда наступила тишина, караван тронулся дальше. И вдруг началась спешка. Люди подгоняли животных, тянули их за узды, торопили. Монтеллано увидел впереди свежую вырубку. Посередине, подобно исполинскому насекомому, стоял на четырех массивных опорах летающий кран. Под ним виднелся макет огромной бутылки. Той самой, которая приводила в шоковое состояние сеньору Хуртадо. Рядом с вертолетом стоял Мак-Келлар и смотрел, как из макета вывинчивают «пробку». Открывшееся в «горлышке» отверстие было в рост человека. Несколько бандитов образовали цепочку, по которой стали поспешно передавать ящики с украденными сокровищами. Развьюченных животных тут же отводили в сторону. Перегрузка происходила молниеносно. Когда все было закончено, «пробка» была ввинчена на свое место. Вертолет начал готовиться к отлету.

Люди Шнуцеля свели мулов в одну сторону вырубку и начали седлать их. На глазах Монтеллано они снова превращались в «ботаников», любителей орхидей и экзотических растений. Появились клетчатые пледы, сачки для ловли бабочек, папки с гербариями...

Монтеллано отдавал себе отчет, что пришла минута, когда должна решиться его судьба. Несмотря на зной, окутывающий вырубку, он почувствовал острый озноб. Значит, конец...

Мак-Келлар и Шнуцель, разговаривающие у лестницы, ведущей в кабину вертолета, вдруг повернулись и посмотрели в его сторону. Обменялись рукопожатием, и Мак-Келлар начал подниматься по ступенькам вверх. Шнуцель же с кривой усмешкой неторопливо шел к инспектору, на ходу тергивая охот-

ничий нож. Резким движением распластал веревку, которой был связан пленник. Ноги Монтеллано настолько занемели, что, едва вступив на землю, он свалился как колода. Шнуцель и его подручные поволокли инспектора к вертолету и подтолкнули к лестнице:

— Лезь!

Но без посторонней помощи он не смог сделать и шага. Два бандита, чертыхаясь, кое-как втащили его в лок вертолета.

Когда поднялись в кабину, Монтеллано краем глаза увидел, как исчезает в сельве караван мулов с «ботаниками». Его посадили в одно из свободных кресел и снова связали, вдобавок сунули в рот кляп.

— Нас ожидает двухчасовой полет, — с изысканной вежливостью обратился к нему Мак-Келлар, — и я подумал, что мне будет интересно побеседовать с вами, сеньор инспектор. Так сказать, под занавес. Как никак мы старые знакомые! Кстати, не хотите ли вы поздравить меня с успехом?

Монтеллано скосил глаза на торчащую во рту тряпку и что-то промывчал.

— А-а... — рассмеялся Мак-Келлар и слегка освободил кляп.

— Охотно бы обнял вас, — услышал он шепелявый голос.

— Верю, — кивнул Мак-Келлар, — но рук не развяжу.

Внезапно внимание Монтеллано привлек шум в другой части кабины, где было кресло пилота. Вообще там было два водительских кресла. На левом сидел пилот. Он был бледен, а по щеке стекала струйка крови. На поручне второго кресла полусидел один из людей Мак-Келлара и, повернувшись к пилоту, постукивал пистолетом по колену.

— Стартуем! — крикнул им Мак-Келлар.

— Нет! — ответил пилот.

— Запускай! — гаркнул бандит и пистолетом подтолкнул летчика к приборам. — Ну!

— Минутку! — окликнул его Мак-Келлар, поднимаясь. — Мы никого не принуждаем силой. Придется пилотировать мне самому, кое-что я понимаю в этом деле...

Мак-Келлар вплотную подошел к рычагам управления:

— С вами же, к сожалению, нам придется расстаться.

По его кивку двое из сидящих в задней части кабины подбежали к вертолетчику.

— Бандитское отродье! — прохрипел тот, после чего повернулся к пульту и запустил двигатель.

Мощный гул заполнил кабину. Вверху замелькали лопасти гигантского винта. Машина вздрогнула, дернула подвешенный груз, на миг приостановилась и пошла вверх.

«Господи, какую же я сморозил глупость! — мысленно клял себя Монтеллано. — Почему вчера вечером не послал шефу шифрограмму? Почему не попросил пополнения? Почему, почему... Самонадеянный глупец!». Тяжело вздохнув, он глянул в иллюминатор. В кабину заглядывало клонящееся к горизонту солнце. На высоте ста метров машина прекратила подъем и взяла курс на запад.

В этот самый час на территории Чинкультика за-

канчивался последний акт разыгранной авантюристами трагикомедии с «извержением вулкана».

После полудня к месту событий из Мехико прибыла группа столичных сейсмологов, оснащенная всевозможными приборами. И только тогда стало известно об исчезновении двух сотрудников сейсмической станции штата Чиapas. С недобрим предчувствием шеф полиции дал согласие провести исследования кратера. Понадобились считанные минуты для того, чтобы специалисты убедились, что «извержение вулкана в Монтебелло» не более, чем грандиозная мистификация, не известно кем и с какой целью разыгранная. Ни освобожденные сейсмологи, ни археологи не могли рассказать что-либо существенное, что могло бы пролить свет на это загадочное происшествие.

В 17.30 рапорт шефа полиции из Комитана, пройдя соответствующие инстанции, поступил в размноженном виде во все отделы полицейского управления с грозной резолюцией: «Разобраться!!!». Попал рапорт и в кабинет, где шеф Монтеллано раздумывал о причинах отсутствия донесений от этого, в общем-то неплохого, но недостаточно дисциплинированного инспектора Монтеллано...

...А в это время инспектор Монтеллано, прижав лоб к иллюминатору, пытался понять, куда же именно летит вертолет.

— Так как же, Монтеллано, оценил ли ты по достоинству грандиозность проведенной мною операции? — снова заговорил Мак-Келлар, усаживаясь рядом.

— Не очень-то это меня сейчас занимает, — безразличным тоном ответил инспектор.

— Что за минорный тон? Он тебе не к лицу, Монтеллано, — ухмыльнулся Мак-Келлар. — В конце концов, каждый из нас знал ставку в этой игре. Не так ли? Проиграл, умей платить!

Монтеллано ничего не ответил и отвернулся: вести переговоры с этим мерзавцем бессмысленно. На что и на кого он может рассчитывать? Помощь с земли? Поняли ли там, что произошло в Чинкультике? Окончательно ли сломлен пилот? Сквозь водоворот мыслей пробился голос Мак-Келлара:

—...Если говорить честно, то я хотел разделаться с тобой еще в сельве. Зачем таскать лишнюю обувь? А потом подумал, что надо тебе все-таки увидеть финал операции. Кто-кто, а ты должен оценить, как она была спланирована и как осуществлена!

Он самодовольно взглянул на хмурого инспектора и со смешком добавил:

— Ну, а если уж быть откровенным до конца, то на всякий случай неплохо иметь в руках такого заложника. Мало ли что... А?

Но Монтеллано так ничего и не сказал в ответ. За окнами кабины вспыхнули первые звезды. На востоке по темно-голубому небу плыл полумесец. Вскоре лунный свет засиял в полную силу. Гангстер, следивший за пилотом, подошел к Мак-Келлару и тихо доложил:

— Через пять минут будем над побережьем. Выходим точно на залив Лагартос.

— Пилот знает, что должен делать?

— Да, босс. Однако повторю ему еще раз.

Он вернулся к своему месту и заговорил громко, чтобы осилить гул двигателя:

— Повторяю: над прибрежной кромкой уменьшить скорость до минимальной и опуститься в центре залива. Место обозначено четырьмя сигнальными поплавками с мигающими огнями. Ясно?

Пилот пожал плечами и ничего не ответил. Вскоре машина пошла на снижение. Монтеллано увидел лунную дорожку на водной глади. Вот и всё!..

— Не тормозите! Разбейте вертолет! — неожиданно закричал он, обращаясь к пилоту. — Все равно они пристрелят нас! Затопите машину, спасем хоть сокровища!..

Летчик стремительно обернулся к нему:

— Вы из полиции?

Монтеллано не успел ответить, так как в этот миг почувствовал удар по голове и потерял сознание. Когда он пришел в себя, двигатель не работал, а летающий кран стоял своими высокими опорами на мелководье. Через открытый люк был слышен шелест волн.

В кабину впрыгнул какой-то человек и, повернувшись, подал руку еще кому-то. Появилась голова женщины с распущенными волосами. Низкий голос Барбары Бреннер сообщил Мак-Келлару, что яхта ждет на расстоянии мили у входа в залив. Мужчины стали спускаться вниз, где их, видимо, ждала моторная лодка, Бреннер осталась стеречь пленников.

— Ты не можешь себе представить, кого я привез! — бросил ей Мак-Келлар со смехом, направляясь к люку.

— Я не любопытна, — ответила Бреннер и даже не взглянула на связанных. Только когда моторка отплыла, она встала и зажгла карманный фонарик, направив его свет на кресла. Пилота она видела впервые, а вот второго...

— Это вы? — воскликнула она с изумлением. — Какими судьбами?

— Не могли бы вы повернуть фонарь в другую сторону? — вместо ответа сказал инспектор.

Молча погасила фонарик, отошла к люку и присела на кресло рядом с ним. Вертолет еле заметно вздрагивал от мерных ударов волн.

— Вы довольны? — после длительной паузы спросил Монтеллано.

— Чем?

— Всем. Грабительская акция удалась и приближается к завершению. Ваш личный враг обезврежен, связан и осужден..

Снаружи пришел новый звук — мерный стук дизелей яхты. В овальном люке замаячило белое пятно её корпуса.

— Прибыл ваш разлюбезный Мак-Келлар, — усмехнулся Монтеллано.

— Он не мой и не разлюбезный! — отрывисто бросила Бреннер. — Кстати, мой контракт с ним истекает..

— Может быть, Барбара, хоть теперь вы мне скажете, что свело вас с этой бандой?

— Мало ли какие ошибки мы делаем, особенно в молодости... Но теперь все! — воскликнула она оживленно. — Уеду в Европу и начну новую жизнь. Там... — она оборвала себя на полуслове, вспомнив, что собирается сказать о своих планах и надеждах человеку, которому остается жить меньше получаса. Да, она знала — этих обоих ожидает смерть. Смерть, неизбежная, потому что босс жесток и безжалос-

тен. И мстителен!.. Он никогда и ничего не прощает..

Теперь были слышны голоса, топот ног, звяканье металла, отрывистые команды и окрики.

— Что там происходит? — спросил Монтеллано.

— Переносят сокровища на корабль?

— Цепляют буксирный трос.

— Перегрузка будет в открытом море? — удивился инспектор.

— Не будет никакой перегрузки, — безучастно ответила Бреннер. — Макет сделан из высокопрочного пластика и герметически закупорен. Системой балласта он будет погружен на небольшую глубину и в таком виде его будет буксировать яхта. Это, конечно, замедлит ход, но зато гарантирует безопасность.

— А если все же досмотр с пристрастием в территориальных водах?

— В случае опасности будет открыт клапан и макет затонет. Когда все уляжется, его снова подымут.

Монтеллано после периода депрессии почувствовал прилив новых сил. Сознание, что развязка неумолимо приближается, пробудило в нем жажду борьбы. В первую очередь борьбы за жизнь.

— Кончаем! — крикнул кто-то высувшейся из люка Барбаре Бреннер. Заскрипели ступеньки лестницы — в кабину поднимался один из бандитов.

И тут произошло нечто, совершенно неожиданное для инспектора. Бреннер рывком повернулась к нему и прошептала:

— В машине осталось бензина на пять минут полета. Вы освободитесь и выскочите при падении вертолета в воду. Поняли?

Что это было? Раскаяние? Или мостик к «новой жизни»? Или непредсказуемый порыв, свойственный некоторым женщинам? Монтеллано было сейчас не до размышлений. Нагнувшись, Барбара перерезала веревки перочинным ножом. Бросив нож ему на колени, она метнулась к люку и встретила там гангстера, который до этого сторожил в полете летчика.

— Спускайся в моторку, — сказал он ей, — и жди меня. Мотор не выключай.

Монтеллано сидел неподвижно. После того, что сделала Бреннер, он был уже как взведенная пружина, готовая сработать в любое мгновение.

Человек Мак-Келлара наклонился над щитком управления.

Вот какую «изысканную» смерть уготовили им бандиты! Вертолет сейчас стартует и, никем не управляемый, через несколько минут рухнет в океан. Даже если когда-нибудь останки машины поднимут со дна, кому придет в голову связать эту катастрофу с грабежом в Чинкультике? Океан укроет злодеяние надежней сельвы..

Гангстер включил двигатель, а к штурвалу привязал длинный шнур.

— У меня готово. Будем запускать?

— Да.. Яхта уже вышла из залива.

Пока бандит спускался по лестнице, Монтеллано сорвал с себя путы и подскочил к пилоту. Несколькими взмахами ножа освободил его от веревок и подтолкнул к рычагам. А включенный гангстером двигатель уже ревел на полную мощь, стремительно направляя ввысь. Два-три заученных движениями гул винта стал ровнее. Оба прижались к иллюминатору.

— Раздавлю их посудину как скорлупку! — крик-

нул пилот. — На дно пойдем вместе!

Сделать это было не трудно, но Монтеллано теперь вовсе не собирался кончать счеты с жизнью так просто. Схватит пилота за плечи, он встряхнул его изо всех сил.

— Опомнись, приятель!

Пилот попытался было вырваться, но быстро пришел в себя.

— Надо сесть за кормой яхты, чтобы перебить буксирный трос, — кричал ему на ухо Монтеллано. — Прежде, чем они опомнятся, утопим макет и постараемся вплавь добраться до берега. Понял?

В глазах пилота появился лихорадочный блеск — он понял замысел Монтеллано. Кивнул головой и повел вертолет к цели. Контуры яхты стремительно приближались. Машина уже находилась за полукругом кормы, когда на палубе замелькали желтые вспышки пулеметной очереди. Там, видно, поняли, что огромный вертолет собирается идти на таран. Одна из очередей хлестнула по иллюминаторам, и в кабину ворвались рев винта и вихрь ветра.

Оглушенные, они метнулись к люку. Первым прыгнул пилот. Сделал он это в тот миг, когда одна из четырех ног крана столкнулась с настилом кормы. Инспектор прыгнул не совсем удачно, ударился о воду и, вынырнув, лег на спину, чтобы придти в себя.

Поднял голову — неподалеку медленно погружался в воду вертолет. Двигатель его уже не работал, а в выбитые иллюминаторы и в открытый люк стремительно вливалась вода. Яхты поблизости видно не было.

Если Бреннер говорила правду, макет имеет какой-то клапан, служивший для его затопления. Вспомнив об этом, Монтеллано стал колебаться: плыть к берегу или ради страховки все же попытаться затопить макет, который они так удачно срезали с буксира? Хватит ли у него сил для этой операции? «Попробую!» — решил он, набрал в легкие воздух и нырнул. Как всегда в лунные ночи, показалось, что под водой светлее. Пришлось нырнуть несколько раз прежде, чем удалось увидеть огромный макет, который морским течением относило назад в залив. Наконец удалось нащупать выпуклость, а на ней головку с каким-то приспособлением. Так и есть — клапан! Теперь осталось повернуть кольцо и открыть отверстие. Сразу сделать это не смог, пришлось подниматься на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Когда снова стал ощупывать кольцо, понял, что его держит предохранительная чека. В конце концов отверстие было открыто. Когда выплыл, увидел в нескольких десятках метров от себя надвигающуюся машину — в залив возвращался «Конкистадор».

15.

Патрульный корабль «МЕРС-77» прибыл в назначенный сектор с наступлением сумерек и курсировал параллельно берегу на расстоянии трех миль от него.

Дело в том, что еще днем командор Акаведо получил шифровку с описанием яхты «Конкистадор», которую следовало во что бы то ни стало задержать и произвести тщательный досмотр и проверку документов у всех находящихся на её борту людей. Нахождение яхты точно установлено не было, но высказывалось предположение, что она находится где-то у южного побережья. Надо сказать, что это приказ явился

плодом чрезвычайной настойчивости начальника сектора столичной полиции, в котором имел честь служить инспектор Монтеллано.

Командор находился в своей каюте, когда вахтенный офицер доложил с мостика, что локаатор показывает неизвестное судно, выходящее из залива Лагортас. Было похоже, что это и есть разыскиваемый «Конкистадор».

«МЕКС-77» подошел ближе к берегу и на расстоянии одной мили застопорил машину, оставив лишь кормовые сигнальные огни. Вахта внимательно наблюдала за побережьем и вскоре стала свидетельницей разыгравшейся в заливе схватки. Быстро взлетевший вертолет вдруг снизил обороты и резко пошел на снижение. Его маневр еще не был разгадан, когда послышался треск пулеметных очередей. Затем вертолет с ходу таранил корму яхты. Командор решил, что едва ли стоит ждать дальнейших событий, и распорядился зажечь опознавательные огни патрульной службы, а также семафором и по радио дать команду яхте стоять на месте для досмотра. Между тем, «Конкистадор» развернулся и пошел в залив, что опять же вызвало недоумение у вахты «МЕКС-77».

— Что они там потеряли? — шутливо спросил один из офицеров, не предполагая, как близка его шутка к истине. Командир Акаведо распорядился вторично отдать приказ яхте. Ответа опять не последовало, после чего «МЕКС-77» произвел предупредительный выстрел. На этот раз с яхты последовал ответ о немедленном выполнении команды стоять на месте для досмотра. И действительно, «Конкистадор», успевший сделать круг по заливу, остановился у узкого пролива, отделяющего его от океана.

«МЕКС-77» подошел к яхте и осветил её своими прожекторами. Спущенным на воду моторным лодкам было дано распоряжение поставить буи на месте затопления вертолета. Именно там моряки обнаружили человека, который из последних сил пытался держаться на воде. Его доставили на корабль и передали врачу. А в это время вахтенные заметили шлюпку, которая отплыла с теневой стороны яхты и начала быстро удаляться в сторону берега. На переданное мегафоном предупреждение ответа не последовало, и в догонку за беглецами пошла одна из лодок патруля. Погоня длилась всего несколько минут, но женщину и двух мужчин, находящихся в шлюпке, удалось утихомирить не без труда.

Тем временем вторая патрульная лодка подошла к борту яхты, и находящийся там лейтенант крикнул, чтобы был спущен трап. Выполнено это было не сразу, а лишь после длительной возни на палубе. Но вот два матроса яхты начали неспешно крутить лебедку и трап медленно пополз вниз. Опустившись до середины, он вдруг замер. И в этот самый миг работающие на холостом ходу дизели яхты взревели, и из-под кормы ударили гейзеры пены. Никто не мог подождать, что такая громадина, как «Конкистадор», может буквально сорваться с места, как скаковая лошадь. Нос яхты задрался кверху, корма осела, и «Конкистадор» понесся прочь из залива, сразу же вырвавшись из плена прожекторов.

Пока командор отдавал новые приказы, и «МЕКС-77» бросился в погоню, яхта ушла на добрые четверть мили и продолжала нестись с нарастающей скоростью.

Акаведо понимал, что яхта спешит как можно скорее покинуть территориальные воды Мексики, за пределы которых они почувствуют себя увереннее. «Конкистадору» было передано по радио настойчивое требование остановиться, после чего последовала серия красных сигнальных ракет. Эти действия не произвели никакого эффекта, и тогда командор Авакадо отдал команду произвести несколько предупредительных выстрелов. Возможно по чистой случайности один из снарядов угодил в ходовую трубку яхты, над которой тут же вспыхнули языки пламени.

— Идти на сближение, приготовить средства тушения! Но в следующее мгновение сильный взрыв расколол остов яхты, и на глазах моряков патрульного корабля она начала быстро тонуть.

— Спустить шлюпки!

Прожектора осветили барахтающихся в воде людей с яхты, к ним и поспешили шлюпки. Среди немногих подобранных матросов с «Конкистадора» не было ни Мак-Келлара, ни его ближайших подручных. Не было их и на пыгавшейся скрыться шлюпке.

... Ранним утром следующего дня гидролокаатор «МЕКС-77» нашел в заливе затопленный макет огромной бутылки с сокровищами майя — он лежала на глубине тридцати метров. Командор отдал приказ стать на якорь и отправил на грунт водолазов. После того, как ёмкость макета продуют сжатым воздухом и снова закроют клапан, его можно будет отбуксировать в порт. Место же это подлежало строгой охране.

Монтеллано еще ночью кратко изложил командору историю с сокровищами и попросил отправить радиogramму в Мехико. В ней, среди прочего, содержалась просьба выслать вертолет на поиски О'Герча. А в эти минуты раннего утра Монтеллано находился на капитанском мостике. Ноги держали его еще не крепко, и он с биноклем в руках предпочитал сидеть в кресле, которое специально принесли сюда из капитанской каюты. Под полотняным тентом не так допекала жара, уже навалившаяся на залив.

Инспектор приложил к глазам бинокль и в какой-то раз медленно повел им в сторону, словно кого-то искал. На истрепанных шторами глиняных обрывах и утесах виднелись кучи агав и колочих зарослей. Вдруг среди этого однообразного пейзажа он заметил движущееся пятнышко. Сомнений не было: у самой воды стоял человек и размахивал чем-то белым.

— Командор! — вскричал Монтеллано и заковылял к рубке. — Командор, он нашелся, высылайте скорее шлюпку!.. Как кто? Пилот летающего крана!

Когда шлюпка двинулась к берегу, Акаведо подошел к сидящему под тентом инспектору.

— Кстати, инспектор, ту даму, что мы задержали в лодке с яхты, зовут Барбара Бреннер. Она настойчиво пытается выяснить, как вы себя чувствуете.

Монтеллано сделал вид, что не заметил иронии в словах командора Акаведо.

— А двое других? — спросил он.

— Насколько я понимаю, пешки из свиты Мак-Келлара.

«Где-то сейчас мистер Шнуцель, со своими собираемыми орхидеями?» — усмехнулся про себя Монтеллано и подумал, что на берегу у него еще очень много дел.

*Сокращенный перевод с польского
В. РОЦАХОВСКОГО*

Ведущий рубрики Максим ШИШКИН

Валерий ЯКИМОВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ МИР «М-СКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА»

С Валерием Якимовым я встретился недавно. Значоно мы были знакомы уже давно: в течение нескольких лет пересекались наши с ним исследовательские тропы в Пермской аномальной зоне. И вот — встреча. Мы находимся у него дома, смотрим великолепный видеоматериал о загадочной «Зоне», пьем чай...

Рассказ руководителя Независимого исследовательского объединения «URAL-UFO» В.Якимова о его первой попытке заглянуть за грань Непознанного и предлагаю вашему вниманию.

С конца 60-х годов я много времени проводил в селе Молебка, так как там жила моя бабушка. С детства я помню несколько мест, куда взрослые старались не ходить и запрещали нам, объясняя присутствием «нечистой силы». Позднее, исследуя эти места, я ощутил присутствие там неизвестного мира и наблюдал НЛО различных форм. Первая встреча с неизвестным миром была у меня летом 1970 года. Собирая ягоды, я увлекся и не заметил, как ушел от других ребят и набрел на кустарник с очень крупной малиной. Я быстро набрал банку и стал есть сладкие ягоды. Вдруг я почувствовал, что что-то не то. Ощущение было такое, будто надо мной купол, и все вокруг замерло: нет ветра, тишина, никакого движения, и очень явное присутствие кого-то невидимого. Первые несколько минут мне было интересно — ягоды вокруг были такие большие! — но потом эта тишина и какая-то неживая обстановка вокруг вызвали внутри меня ужас, и я побежал, не разбирая дороги. Пережитые ощущения были так сильны, что я бежал, не останавливаясь, до самого дома, потеряв при этом банку. Бабушка успокоила меня и сказала, что это медведь меня напугал. Прошло много лет, но я очень отчетливо помню это ощущение купола надо мной.

В 1991 году моя мама отдыхала в деревне и рассказала, что, собирая ягоды, попала в «зону тишины», где чувствовала, что за ней наблюдают, испытывая при этом страх. Когда я выяснил, где находится это место, оказалось, что оно там же, где я попал под купол в детстве.

Первая моя исследовательская экспедиция в Пермскую аномальную зону, или «М-ский треугольник» состоялась осенью 1989 года. Скажу сразу, что я достаточно трезво мыслящий человек и считаю, что ощущения, пусть даже очень сильные и необычные, всегда должны подтверждаться материальными проявлениями. Расскажу о своих первых впечатлениях. Так как я с детства бывал в этих местах, то мне были знакомы ощущения окружающей природы. В же явно чувствовался другой мир; было ощущение, что я приехал домой и хожу по своему, очень знакомому саду. Такое восприятие места было практически у всех. В душе было ощущение покоя и любви; я как будто приподнялся над нашей жизнью, полной суеты, и взглянул на нее со стороны. Я видел ответы на мучившие меня вопросы и, самое главное, понимал, что это состояние есть нормальное состояние души.

Что удивительного было в первый раз?

Во-первых, необычный куполообразный небосвод. Было ощущение, что все звезды сконцентрированы над нами, причем в 5-6 километрах небо было обычным.

Во-вторых, хаотичное движение звезд: 25-30 звезд с немыслимыми траекториями «носились» над нами внутри образуемого ими над нами круга. Это наблюдали все, кто был в это время в Зоне (около 60 человек), каждый вечер, с полуночи до часу ночи, в течение четырех дней.

В-третьих, необычные геометрические фигуры — квадрат и треугольник, — появляющиеся на расстоянии 2-3 километров на фоне леса в одном и том же месте. Стороны фигур очень четко просматривались в бинокль. Цвета их были разные: серебристый, белый, ярко-синий, зеленый. Фигуры появлялись всегда по одной, при приближении к ним они таяли, при отдалении — снова появлялись. Их видели много людей, однако на фотографиях фигуры не получились.

В-четвертых, шары белого и оранжевого цветов, диаметром от 1 до 3-х метров, на высоте от 3-х до 20-ти метров, на расстоянии от 500 метров до 2-х километров. Несколько раз наблюдались группы из 3-5 белых шаров.

Белые шары. Создалось впечатление, что белые

шары ведут себя разумно. При пролете над нами (со мной было еще 3 человека) они, один за другим, вполнину уменьшали яркость свечения, останавливаясь на 3-5 секунд, а затем продолжали свое движение. Впоследствии я наблюдал белый луч, выходящий из шаров. Были случаи, когда вначале появлялся луч, а за ним шар. Объекты могли появляться неожиданно и так же неожиданно исчезать. Скорость их была от нуля до 100 километров в час.

Оранжевые шары. Размером с теннисный мяч, они всегда в движении. Скорость каждого не менее 40 километров в час. Появляются и исчезают мгновенно. Наблюдаются на расстоянии не менее 10 метров. Время проявления — 2-3 секунды.

На фотографиях те и другие шары или вовсе не видны, или проявляются в виде черных точек и расплывчатых округлых образований.

В первый раз я наблюдал белые шары — 4 раза, оранжевые — 10-12 раз. Со мной вместе их видели и другие люди.

И, в-пятых, самое сильное впечатление от первого посещения Зоны — это встреча с «Черным человеком».

На третьи сутки, ночью, мы с товарищем пошли показывать Зону вновь приехавшим людям. Я повел их в место, где наиболее сильно чувствовалось присутствие другого мира, и предложил всем разделиться и пройти участок пути — примерно 1 километр — поодиночке. Мой товарищ ушел, через 10 минут вышел я, остальные тоже должны были пойти через 10 минут. Была лунная ночь, лесную дорожку, усыпанную листьями, было прекрасно видно. Я незаметно спустился в небольшой

овраг, и вдруг что-то заставило меня поднять голову, и я увидел, что в двух шагах передо мной стоит человек трехметрового роста, черного цвета, непрозрачный, пропорциональный. Я не могу сказать, сколько времени провел в оцепенении, смотря на него, но очнулся я бегущим с фонариком в 10 метрах от этого оврага. Через несколько минут я догнал своего товарища, который ждал меня на поляне. На мой рассказ он ответил полным безразличием. Он ничего не видел, как и лю-

ди, подошедшие позже, хотя у меня было ощущение, что мы здесь не одни. К их безразличию я отнесся очень спокойно и как бы забыл, что что-то видел. Когда мы прибыли в лагерь, мне даже в голову не пришло рассказать другим о моей встрече. Часа через 2 ко мне подошла незнакомая девушка и рассказала, что на одной поляне она видела «зеленого человечка» ростом 1-1,2 метра, который какое-то время шел рядом с ней, а потом даже коснулся ее. Во время этого прикосновения она ощутила ожог. Когда она рассказала мне, где находится эта поляна, оказалось, что это одно и то же место, где я видел «Черного человека». «Зеленого человечка» она видела, когда было еще светло. Она так же шла в группе людей и боковым зрением увидела, что рядом, на расстоянии 3-5 метров кто-то идет. Потом она отстала от группы и в момент, когда боковым зрением опять увидела нечто, резко повернулась. Она

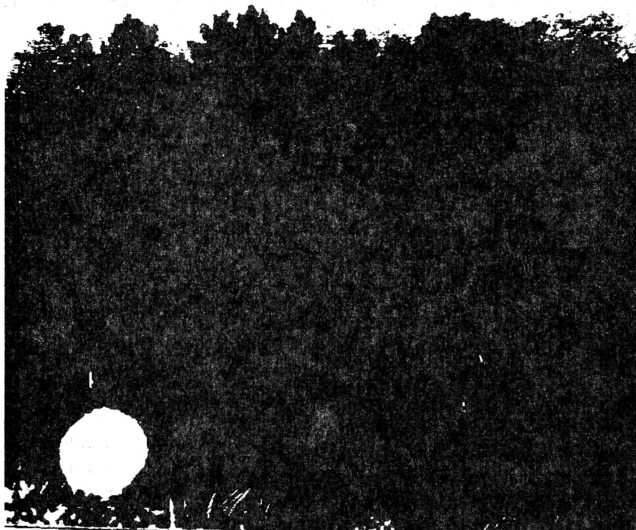
увидела маленького «человечка», похожего на ребенка. Некоторое время девушка смотрела на него, потом вдруг он оказался ближе и коснулся ее руки. Девушка почувствовала, как ее кожу обожгло, ей стало страшно, и она, не оглядываясь, побежала вперед. Я спросил у нее, рассказала ли она еще кому-нибудь от этой встречи, и она ответила, что у нее не было желания это делать. На вопрос, почему она подошла ко мне, сказала, что не знает, ей стало страшно, и ее будто подвели ко мне. К рассказу о моей встрече с «Черным человеком» она отнеслась очень спокойно. Рассказать другим о наших приключениях нам даже не пришлось в голову.

Позже, мы еще раз сходили на эту поляну; страха не было, было ощущение мира и спокойствия, ощущение родного дома, чего-то близкого и добро-

го, ощущаемого всеми частичками души, но не видимого глазами.

Только на следующий день меня засыпали вопросами об увиденном.

Вот так я и открыл для себя Зону, которая настолько меня поразила, что каждая последующая поездка — это новое открытие для меня и новые загадки, незабываемые встречи с неизвестным миром, который там проявляется.

Эти шары, летающие по «Полю чудес» ночью в июне 1992 года и невидимые для человеческого глаза, экстрасенсы пытались трогать руками. Пока еще никого не покалечило. Снимок сделан Александром Моором, г. Красногуйринск (из архива М.Шипкина).

Александр МОИСЕЕВ

АРКАИМ — ГОРОД АРИЕВ?

Давно замечено удивительное сходство древностей нашей Страны Городов с обычаями и верованиями, запечатленными в священных арийских гимнах — «Ведах». Предполагается, что они слагались за многие века до их записи на прародине индоариев. В самой древней из «вед» — «Ригведе» много раз употребляется понятие в(т)риджана — триединство, очень емкое по смыслу: закон и порядок, селение и жилье, народ и войско. И наш Аркаим — тоже материальное воплощение триединства, слитности начал бытия его обитателей: защита от внешнего мира (крепость и жилье); духовность (площадь — храм огня, город — в плане символ солнца-колеса); труд во благо себя и общины (мастерские). Так что же, Аркаим — город ариев? Немало ученых склоняются к этому.

В древних сказаниях индоарийских «Вед» — иранской «Авесты» запечатлена память о нескольких этапах передвижения ариев с прародины на юг — Индостан и Иран, с останками на несколько столетий. Одна из таковых, последняя перед броском на юг (до того они шли на восход солнца), приходилась на Южноуралье. Предположительно, это Аркаим Ваэджо — земля обетованная арийских сказаний. Об этом свидетельствует описание ее, арийский словарный запас.

Координаты земли обетованной — примерно 55°. Это широта Южноуралья. В арийском языке до полусотни финно-угорских слов. Священный напиток сому давили из «бангхи», у манси мухомор — «пангх». Именно мухомор у ариев почитался за священное растение, дающее сому. Его пили жрецы перед богослужением, мухомор ели и мансийские шаманы перед камланием, чтобы отправиться на совет с богами. Так же «летали» и арийские жрецы. Священная птица арийцев — Гаруда обликом своим напоминает угорскую крылатую святыню — Карс. В «Ригведе» фигурирует таинственный рогатый зверь Шарабха, у манси и хантов «шарп, сарг» — лось. Нигде, кроме Южноуралья, арии не могли долго соседствовать с уграми.

В мире Ригвед арийцев окружали обычные животные нашего края: олени, косули, лисы, зайцы, кроты, лягушки, змеи, кабаны. Все они упоминаются не раз, как и самый злейший враг — волк. Напрямую указывает на наши места одежда богини Анахиты — она рядилась в бобровую шкуру. Бобры

южнее наших мест никогда не водились. Бобр был священным животным, тотемом древних уральцев и манси. Из крылатых приметны орлы, коршуны, утки, гуси, совы и перепелки. Из домашних чаще всего — лошади и коровы. Коню, как самой достойной богам жертве, победителю состязаний и сопровождающему богов, посвящены целые гимны — из всех животных только ему. Совсем не упоминаются свиньи, очень редки козы и овцы. Собаки не были в почете. Из насекомых выделялась божья мушка — пчела, потому что мед ее был исключительно жертвенным. Медва — жертва по-арийски. Ну разве это не животный мир Южноуралья?

Из злаковых индоарии знали только ячмень. Их пища была, в основном, молочной: молочная каша, болтушка с мукой, смесь кислого молока с маслом, лепешки. На мясо били лишь яловых коров и лошадей. Мясо только варили, чего касался огонь, полгалось жертвовать ему. Пища была очень здоровой, этим ученые объясняют почему индоарии так множились и, непрерывно делясь, занимали все новые и новые просторы.

Встречается и утверждение, будто христианство тоже родом из наших мест. Уже потом оно засветилось на весь мир из Иудеи, благодаря Иисусу Христу и его апостолам. В наших местах, якобы, проповедовал Иоанн Златоуст, потому и город носит его имя. Доказательства? Сколько угодно. В смолинском кургане лежала женщина с бронзовым крестиком, и таких крестиков найдены десятки. А на посуде кресты встречаются даже чаще, чем свастика. И это в захоронениях за тысячу и более лет до христианства. Так что же, были прачелябинцы христианами?

Были, но только «крести-анами» — огне- и солнцепоклонниками. Крест — символ огня с каменного века. Трением палочек крест-накрест возжигали его, и процесс этот считался священным. Крест в древних могилах — оберег от злой силы символом огня. Кстати, обычай сохранился и до наших дней: мелком чиркают крестики на дверях и окнах в Святки.

Слово «крест» в древности означало «огонь». Еще в нашем веке, пока спички не стали повсеместными, огонь добывали кресалом, так называли камни, которыми высекали искру. Кстати, «искра» — слово перевертыш, встречающееся в нашем языке. Правильно — «креса». Огненным является и слово «вос-

кресенье». Оно родилось в пору огнепоклонства наших предков, когда усопших сжигали на погребальном костре. Считалось, что почивший с дымом костра улетает в вечный мир небес. Как знать, может и имя бога-сына — Христос — означает Огненный, — переименованное через древнегреческий язык индийское слово «кршта», где корень «кр» — огонь. Кришна до сих пор в Индии один из самых почитаемых богов. Имя же древнего бога огня у нас на языке — Агни.

Зимний праздник Святки правильнее назвать Светки. Издревле посвящались они Свету. На языческой Руси, как и у предков всех индоевропейцев, было четыре праздника, посвященных Свету. Белый Свет воплощал все светлое, сияющее, огненное. Огонь — лишь его земное проявление. Есть еще огонь небесный — разящие молнии, мерцающие звезды, голубая луна и главное — Солнце — лучезарное, дающее и свет и тепло. Издревле животворное, светило боготворилось. Имело оно и свой особый символ в отличие от земного священного огня — свастикку. Другим его символом было колесо, означающее движущийся огонь.

«Свастика», как и «свет», произошла из языка наших индоевропейских предков, «свас» — белый, светлый. Солнцу, как и земному священному огню Агни, почести воздавались ежедневно и посвящал-

ся особый день недели. Несложно догадаться какой — воскресенье. С введением на Руси христианства этот день стал посвящаться воскресенью-вознесению Иисуса Христа на небо и называться воскресением. До того он именовался «неделей», потому что делать что-либо считалось непочтительным к Солнцу. У немцев же день, посвященный солнцу, так и именуется Солнечным днем — зоннетаг.

Богу-Солнцу наши предки посвящали четыре праздника в году — Светки — по положению священного светила на небосклоне. Отголоски этого праздника в зимних Святках. Летние, «зеленые святки» приходились на Ивана Купалу. Весенние — на дни равноденствия. Сегодня — это гуляющие по календарю с христианским постом, разделенные им, Масленица и Пасха. В Средней Азии, Иране — это Навруз. Новый год, кстати, и на Руси в языческую пору начинался в день весеннего равноденствия. А вот от осенних Святков не осталось никаких следов. Святки отмечаются до сих пор у многих индоевропейских народов. Иранцы посвящают их богу солнца Митре, индийцы — «Перуну Моголу и Угаде», норвежцы — грозному Тору, датчане — Одину, у шведов — это Мольский праздник, у англичан — день Фрейера-Солнца. В описаниях всех этих праздников много общего. Костры, пляски, ряженые, пение-хвала огню и солнцу.

УРАЛЬСКИЙ Снеговик ПРЕСТАВЛЯЕТ ДРУЗЕЙ

Любимый журнал теперь ежемесячно!

Детский сказочный альманах

* Это увлекательные сказки, рассказы и стихи с чудесными рисунками!

* Это кроссворды, викторины, ребусы, игры, головоломки!

* Это журнал-вкладка для ребят, занимающихся по системе Занкова!

* Это двадцать страниц цветной печати на превосходной бумаге ежемесячно!

Наш подписной индекс 95895

Подписка в любом отделении связи

Журнал-учебник Витаминка

для детей от 0 до 7 лет

- Это — специальные развивающие картонные игры.
- Это — компетентные рекомендации для родителей.
- Это — полезные стихи и сказки для малышей.
- Это — замечательные рисунки, конкурсы и сюрпризы.

Помогите малышу стать талантливым и умным человеком!

Подписаться на журнал можно по адресам в

Екатеринбурге:

- ✓ пр. Космонавтов, 18, офис 17, редакция (тел. 39-59-20);
- ✓ ул. Малышева, 101, к. 355, "АВИА-ПРЕСС". (тел. 65-80-33);
- ✓ ул. Тургенева, 13, к. 179, "ЛИГА-ПРЕСС", (тел. 56-91-22);
- ✓ в почтовых отделениях области.

С нами малыш растет!

Сергей ГРЖЕБИНСКИЙ

ЧЕЛОВЕК, «ОСТАНОВИВШИЙ» ВСЕЛЕННУЮ

ДИАЛОГ НА ПОЧТИ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

ЗАКОН КЕПЛЕРА-ПОЛУЭКТОВА

Сейчас, когда мы все поглощены самыми насущными проблемами, нас почти невозможно удивить чем-то невероятным из того, что никакого отношения к нашему благосостоянию не имеет. Думаю, если вдруг среди бела дня где-то на городской площади приземлилась бы «летающая тарелка» с инопланетянами, а через квартал, в магазине стали бы в это же самое время продавать вожделенную колбасу по старой «доперестроечной» цене, то еще вопрос, где бы собралась большая толпа: на площади или возле магазина.

Так уж устроено большинство из нас: сначала дела земные, потом — все-ленские. И все же, когда я, корреспондент районной газеты, познакомился с Александром Александровичем Полуэктовым и его космологической теорией, то не мог избавиться даже не от удивления, а от какого-то глубокого душевного смятения. Ведь рушились вроде бы неопровержимые представления о вселенной!

Признаюсь, в проблемах научных, а тем более связанных с математикой, я, мягко говоря, дилетант.

Александр Александрович Полуэктов

ручка, бухгалтерский микрокалькулятор, астрономические справочники — вот и все, чем он распола-

Поэтому о правильности выводов Александра Александровича судить не мне. Только в одном позволю себе выразить уверенность: выводы эти вполне достойны объективной научной экспертизы. Пока, несмотря на все старания Полуэктова, ее не было. Возможно, кого-то смущает, что по роду своей деятельности он весьма далек от звездного неба. Возглавляет лабораторию измерительной техники и дефектоскопии треста «Уралцветметразведка» в маленьком уральском городе Верхняя Пышма. Никаких ученых званий не имеет. Более того, не довелось ему ни разу в жизни побывать в обсерватории и увидеть в телескоп то самое звездное небо. Днем на работе проверяет геофизические приборы, а дома, по вечерам, порой до глубокой ночи, заполняет бесчисленные общие тетради колонками цифр, формулами, графиками и прочими математическими премудростями. И так вот уже почти десять лет.

Бумага, шариковая

гает в своих изысканиях. Ну и, конечно же, — его явно не стандартное мышление. Оно помогает Александру Александровичу по-новому взглянуть на иные общеизвестные астрофизические истины и усомниться в них.

Еще в школе математика давалась ему легко. Даже слишком. Поэтому в детстве серьезно к ней не относился. Считал игрой, забавой. Как семечки, щелкал самые заковыристые задачки, а с вариантами контрольных справлялся в считанные минуты. После чего учитель сразу же выдворял его из класса. Знал уже, что все остальное время урока Саша употребит на производство и распространение шпаргалок.

Не была математика для него «предметом волнений» и когда учился в Свердловском электромеханическом техникуме, и потом — в горном институте, который, кстати сказать, не окончил. Это, конечно, уязвимое место в его биографии. И возникает законный вопрос: можно ли всерьез относиться к научным разработкам человека, не имеющего даже законченного высшего образования? Отвечу вопросом: а можно ли доверять человеку сложнейшую лабораторию, от которой во многом зависит работа целого треста? Руководители «Уралцветметразведки» доверили, и, насколько мне известно, об этом не жалеют. Впрочем, лабораторию Полуэктов создавал сам. Приходилось решать чисто научные проблемы. Вот вам и недоучившийся студент. А если захочешь отмахнуться от человека, причины всегда найдутся. Александр Александрович совсем не похож на ученого мужа — слишком прост, общителен, доступен и даже несколько ребячлив для своих 48 лет. Но походил ли на ученого чудоковатый калужский учитель Константин Эдуардович Циолковский или скромный служащий патентного бюро Альберт Эйнштейн?

Размышляя об этом, я шел домой к Полуэктову, где произошла наша беседа.

— В романе американского писателя Курта Воннегута его герой, гениальный физик профессор Хоннекер говорит: «Если ученый не может объяснить, чем он занимается, восьмилетнему ребенку так, чтобы этот ребенок его понял, то он занимается чепухой». Так что давайте без всяких формул, специаль-

ных терминов, расчетов и прочего. Приберегите их для ученого совета.

— В моих формулах ничего сложного нет. Сегодня их мог бы вывести любой десятиклассник...

— Итак, первый вопрос: что это вас, геолога, вдруг потянуло в космос?

— Лет десять назад я свалился с велосипеда и сломал ногу. Перелом оказался сложным. Полгода сидел дома в гипсе. От безделья просто с ума сходил. Сначала читал все подряд до головной боли. Потом захотелось проветрить мозги математикой. Это у меня испытанное средство. Решил что-нибудь посчитать. Все равно что. И тут попался мне на глаза астрономический справочник. В нем были сведения о солнечной системе. Ну и заметил такую особенность: чем дальше планета от Солнца, тем медленнее движется она по орбите. Стал искать, нет ли здесь какой-нибудь закономерности. Извел кучу бумаги. И вдруг совершенно неожиданно вывел закон: радиус орбиты небесного тела, умноженный на квадрат его трансверсальной скорости, дают постоянное число. У математиков оно называется «константа». Брал в справочнике данные о скоростях и радиусах орбит всех планет солнечной системы. Константа выходила неизменной. Тогда я ни бельмеса не смыслил в астрономии и думал, что это давно уже известно астрономам. Но все-таки был горд: как-никак, сам вывел. А закон-то, позднее выяснилось, оказался не совсем открытым...

— То есть, как это — «не совсем»?

— Фактически, это третий закон Кеплера. Я только придал ему иную форму выражения. Говоря языком математики, обобщил. И таким образом, заставил звучать по-новому. И одновременно доказал, что первый и второй его законы не состоятельны.

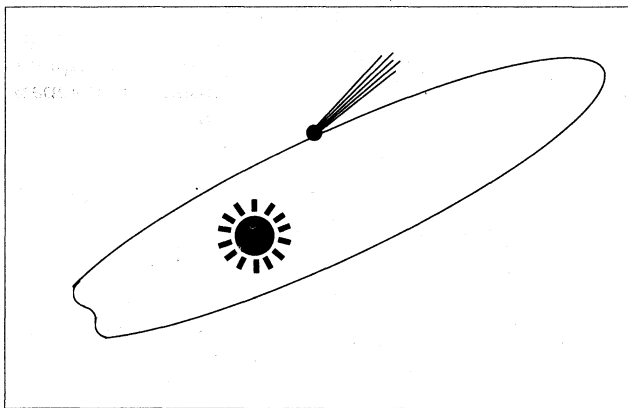
— И что же вас привело к столь рискованному выводу?

— Не что, а кто. Сам Иоганн Кеплер. Второго и третьего его законы, как мне удалось установить, не совместимы. Они попросту исключают друг друга... Значит, один из них неверен. Оставалось выяснить: какой. Ну, устроил я на бумаге этакую «дуэль законов»: Кеплер против Кеплера. В ней победил его третий закон, а второй пал смертью храбрых. Но дело в том, что с помощью этого «мертвеца» до сих пор рассчитывают скорость небесных тел на орбитах...

— Следовательно, сообщение о смерти вами несколько преувеличено?

— Нет, не преувеличено. Я использовал второй закон Кеплера для расчета орбитальных скоростей. Оказалось, что расчеты очень неточны. Дают огромные погрешности. Прошу убедиться: Юпитер, например, делает один оборот вокруг Солнца менее чем за 12 земных лет. Это точные сведения. Они подтверждены визуально, то есть путем наблюдения за этой планетой в телескоп. А если считать юпитерианский год по второму закону Кеплера, то получается, что он длится более 27 лет. Значительная разница...

— А вы можете предложить что-то более совершенное?

— Да, я вывел такой закон. Погрешность и у него имеется, но очень и очень незначительная. Буквально микроскопическая по масштабам расчетов...

— А что вас не устраивает в первом законе Кеплера, где утверждается: все планеты движутся вокруг Солнца не по круговым орбитам, а по эллиптическим?

— А вы взгляните, как выглядят орбиты этих планет, если рассчитывать их по моему закону. Вот орбита Плутона и ее графическое изображение. Разве это эллипс?

— Нет, скорее яйцо...

— Вот именно. Или вот рассчитанная и вычерченная мною по тому же закону орбита кометы Галлея.

— Ну это же вовсе морковка какая-то! «Острие» в самом большом удалении от Солнца. А «попка», причем с выемкой, — в самом ближнем. Кстати, что за выемка такая?

— Расчеты показали, что орбиты небесных тел на ближайшем расстоянии от Солнца почему-то прогибаются во внутрь тем сильнее, чем более вытянута их орбита. Но почему это происходит, я не знаю...

— Давайте, Александр Александрович, вернемся к третьему, обобщенному вами, закону Кеплера-Полуэктова. Он подкупает своей простотой: радиус орбиты на квадрат трансверсальной скорости и в результате — константа — постоянное число... Вот и все.

— Знаете, в науке простота очень обманчива. Чуть позднее вы в этом убедитесь. Причем, на примере того же, вроде бы очень простенького, третьего обобщенного закона.

— А каково его практическое применение, допустим, в космонавтике?

— Третий обобщенный закон привел меня к выводу, что все наши искусственные спутники летают неправильно. То есть, им придают на орбитах чересчур большие скорости. В результате каждый фактически движется не по неизменной орбите, а по все сужающейся спирали, неуклонно приближаясь к Земле. И, в конце концов, падает и сгорает в атмосфере.

— А разве этого можно избежать?

— Конечно. Если точно установить зависимость массы спутника от его удаленности от Земли и скорости на орбите. Все это как раз и помогает сделать третий обобщенный закон.

— Вы упомянули массу, но ей даже не нашлось места в этом законе...

— И тем не менее, масса — главное. Это видно из моего другого закона, как бы вытекающего из третьего обобщенного: отношение констант двух небесных тел равно отношению их масс. Если это учесть, тогда искусственные спутники могут существовать практически вечно. На орбитах можно было бы строить гигантские космические города, населенные тысячами людей, не боясь, что в один прекрасный день они свалятся нам на головы...

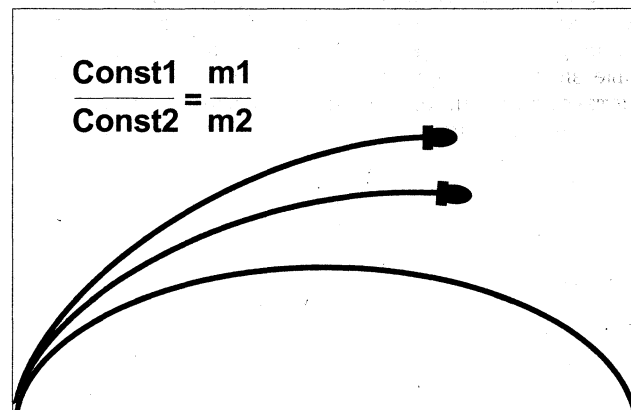
— Но ведь третий обобщающий закон существу-

ет пока только на бумаге. Практикой-то он, как я понимаю, еще не подтвержден. А вы уже говорите о космических городах...

— Почему не подтвержден? Я, например, благодаря ему, смог предсказать неудачу одного космического эксперимента. Помните, в 1987 году предстояла стыковка станции «Мир» с модулем «Квант»? Ее предполагали осуществить не так, как ранее стыковали космические аппараты. До этого их пускали по разным орбитам. Один шел по верхней, так называемой орбите ожидания, другой — по нижней. Потом, при сближении, с помощью корректировки и происходила стыковка. А вот «Кванту» и «Миру» предстояло лететь друг за другом по одной и той же орбите. Задумывалось так: «Квант» чуть увеличит скорость, догонит станцию и состыкуется с ней. Об этом заранее сообщили и в прессе, и по телевидению. В частности, говорили, что новый способ позволит сэкономить какое-то количество дорогостоящего горючего. А я тогда написал в Академии наук и в газету «Известия», что стыковки не получится, поскольку «Квант», увеличив скорость, окажется ниже станции. Мне, конечно, ничего не ответили, но стыковки действительно не получилось. Когда «Квант» догнал станцию, то, согласно моим расчетам, оказался ниже ее...

— Но могла быть какая-нибудь техническая неисправность?..

— Никакой неисправности. Просто действовал третий обобщенный закон Кеплера. Это же так элементарно. Смотрите, два множителя: один — квадрат трансверсальной скорости, другой — расстояние от Земли. А произведение их должно быть всегда одним и тем же. Поэтому, если мы увеличиваем скорость, то сокращается радиус орбиты, если же увеличиваем радиус, то падает скорость. Весы! «Квант» увеличил скорость всего на несколько метров и потерял высоту. Потому и прошел под станцией. С этим явлением уже не раз сталкивались космонавты при стыковках. Например, в одной из телепередач «Человек, Земля, Вселенная» ее ведущий космонавт Валерий Севастьянов удивлялся: вот, мол, странное дело: увеличиваешь скорость на орбите, и корабль опускается ниже к Земле, а пригормозишь — под-

нимается вверх. А ничего удивительного здесь нет..

— Но ведь чтобы вернуться с орбиты на Землю, корабль должен тормозить. Почему же его тогда уносит в космос?

— Корабль сначала поворачивают носом к Земле, потом включают двигатели и ими буквально толкают его к ней. Он «закручивается» вокруг планеты по еще более крутой спирали и, в конце концов, падает. Тут только и начинается настоящее торможение. Так что ваш аргумент для обобщенного закона не опасен.

— Значит, если, например, Луну притормозить на ее орбите, она не упадет на землю?

— Нет, она поднимется еще выше.

— А если ее вообще остановить.

— В таком случае она сойдет с земной орбиты и станет спутником Солнца.

— А если ее и на солнечной орбите остановить?

— Тогда она покинет Солнечную систему и станет уже спутником центрального тела галактики.

— Потрясающе...

— Но это закон, которому подчиняются и искусственные спутники, и планеты, и звезды, и галактики тоже.

— И галактики тоже? Но вы, конечно, знаете принятую во всем научном мире теорию так называемого Большого Взрыва. По этой теории вся материя сначала представляла из себя как бы единый гигантский комок, который потом, примерно 10 миллиардов лет назад, взорвался, и его осколки — звездные миры — с околосветовыми скоростями теперь разлетаются в разные стороны. Так вот: как сочетается с третьим обобщенным законом Кеплера-Полуэктова то, что галактики, удаленные от нас на сотни и тысячи световых лет, тем не менее движутся с сумасшедшими скоростями?

— Эта теория ошибочна. Никакого общевселенского Большого Взрыва не было. И вселенная никогда не разбегается. Она стационарна.

— Но преобладание красного цвета в спектре далеких галактик неопровержимо доказывает, что они уходят от нас с колоссальными скоростями!

— Этот вывод тоже не верен. Наша Земля так расположена во вселенной, что мы не можем наблюдать те звезды и галактики, которые находятся ближе нас к центру мета-галактики. Мы видим только ее окраины. А поскольку видимые нами периферийные звездные миры находятся дальше нас от центра мета-галактики, то они, по тому же третьему обобщенному закону, движутся по своим орбитам вокруг

нее медленнее, чем наша галактика. Мы их обгоняем. Вот и создается эффект разбегания. Отсюда и преобладание красного цвета в спектре. Происходит то же самое, что видят пассажиры двух поездов, мчавшихся в одну сторону с разными скоростями. Тот, кто идет медленнее, вроде бы убегает назад.

— Однако ученые утверждают, что звезд старше 10 миллиардов лет во вселенной не обнаружено. Значит, в том виде, который наша вселенная представляет из себя сейчас, она существует только 10 миллиардов лет. А что было раньше, можно только предполагать. Потому не слишком ли уверенно вы говорите о стационарности вселенной?

— Определить возраст всей вселенной по возрасту отдельных, пусть даже самых старых звезд, все равно, что найти сейчас самого старого человека, допустим, какого-то 150-летнего деда, и заявить, что до него никаких людей на земле не существовало. Поймите, 10 миллиардов лет — это, видимо, предельный возраст только поколений звезд, а не всей вселенной. Она постоянно разрушается и создается. Но, так сказать, ее конструкция — стационарна...

— Я читал, что сам Альберт Эйнштейн восемь лет искал подтверждение этому, но не нашел.

— Да, он безуспешно искал так называемую космологическую отталкивающую. И в конце концов согласился с тем, что ее не существует, и вселенная разбегается. Но вот она, эта отталкивающая! Третий обобщенный закон Кеплера.

— Эйнштейн не нашел, а вы нашли?

— Да я и не искал вовсе! А если бы искал, то, скорее всего, полез бы в «дебри» и ничего не нашел. А тут просто случайность, почти игра... Если же вас смущает несообразность моего имени с именем великого Эйнштейна, то ведь он сам объяснял, как порой делаются научные открытия: например, все ученые знают, что решить данную проблему невозможно. Но появляется невежда, который этого не знает. И... находит решение.

— Так это же шутка.

— Но в каждой шутке есть доля правды.

— Выходит, вы случайно опровергли не только Кеплера, но и самого Эйнштейна?

— За 10 лет моей «космической» работы у меня появились весьма серьезные возражения на некоторые выводы Ньютона, Циолковского и академика Отто Юльевича Шмидта...

— Очень интересно. Давайте начнем по старшинству. Итак, какие у вас несогласия с Ньютоном?

(Продолжение следует)

Александр СЕМЕНИН

В ОГОРОДЕ БУЗИНА...

...а в Киеве, разумеется, дядька. Кому не знакома эта ироническая поговорка — образное выражение несообразности, в том числе и горе-огородников. У таких на грядках пырей, осот и бузина разрастаются в непролазную чащу.

Есть у этого растения особенность — выделяет оно биологически активные летучие вещества (фитонциды). Для человека они безвредны, а некоторые вредители огорода и сада их не переносят. И исчезают. Стоит посадить бузину среди грядок. Поэтому опытные огородники высаживают на своих делянках несколько кустарников с толстыми ветвями и пестрыми листьями. Защищает бузина крыжовник от докучливой бабочки-огневки, а яблоневые и сливовые деревья — от ненасытной плодовой гни. Конечно, рачительный хозяин не позволяет бузине сильно разрастаться. А у ленивого она пиршествует и изгоняет из огорода не только вредных насекомых, но и сами культурные растения, подавляя их своим сильным ростом.

В былые времена высаживали бузину также около сараев и зерновых амбаров. «Не велика буза, а хлеба сберегает воза», — говаривали в народе, приметив, что резкий ее запах отпугивает мышей и крыс.

С появлением первоцветов и мать-и-мачехи, с цветением душистой черемухи связываем мы приход уральской весны. Затем чаруют цветочной кипенью белые яблони, наполняет воздух сладостным ароматом сирень. Бузина в этом «параде» проходит для многих незамеченной. А между тем, именно ее надо благодарить за тот волнующий живительный аромат, который разливается в пору, когда деревья покрываются нежными листками. Тогда же появляются метельчатые соцветия бузины — цветочки ее желтоватые, невзрачные, имеют характерный резкий запах, но исходит от бузины и какой-то весенний пронзительный дух. Он сливается с другими ароматами и наполняет воздух чем-то бодрящим, горьковато-сладким. Источает его... древесина кустарника.

В роду бузины 40 видов. На Урале в разряженных лесах, по оврагам и берегам рек встречается бузина красная. Когда-то завезенная в Россию из Западной Европы, она прижилась на огородах и в парках, но вскоре одичала и стала как бы своим, местным растением. У кустарника множество народных названий — бузук, кусторосло, базовник, бозняк, буз, бязь-дерево, пищальник, черви-ха дикая... Научное название рода — самбукус — объясняется тем, что в Иране, где произрастает несколько его видов, из древесины бузины изготавливают трехструнный музыкальный инструмент, именуемый самбукой. Как ни у одного нашего дерева или кустарника, у ветвей бузины мощно развита сердцевина, вот почему они столь хрупки и часто ломаются.

Бузину красную порой обнаружишь в местах, казалось бы, совершенно непригодных для роста растений — на крышах домов, среди камней, на стенах старых построек. Это вызвано тем, что ягоды бузины охотно поедают птицы, а потом «высевают» семена в самых неожиданных местах.

Несмотря на то, что бузина является на Урале гостьей, ее хорошо знают и ценят. Мелкие красноватые плоды пищальника несъедобны. Однако растение применяют в народной медицине. Настои цветков используют в качестве противовоспалительного и потогонного средства. Для этого 1 столовую ложку высушенных венчиков заливают стаканом кипятка, настаивают 20 минут, процеживают и пьют по 1/3 стакана 3 раза в день за 15 минут до еды. Настой плодов служит как легкое слабительное. Вместе с девясилом и японской софорой, бузина красная входит в состав смеси, используемой тибетской медициной при лечении подагры, болезней легких и снятия жара. Восточные врачеватели высоко ценят древесину бузины. По их мнению, она выделяет целебные фитонциды, а препараты из нее обладают сильным противовоспалительным и бактерицидным действием.

Артур ШАЙХАНОВ

ОДИН ИЗ ГАЛЕРЕИ ГЕРОЕВ

В 1819 году в Россию был приглашен английский портретист Д. Доу — для создания национального памятника Отечественной войны — Военной галереи.

За десять лет Доу и два его русских помощника — А.В.Поляков и В.А.Голике — написали 332 портрета русских генералов — участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. Сам художник написал около 150 портретов, остальные, по общепринятому мнению, «принадлежат мастерской Доу», то есть выполнены его помощниками и, возможно, только подправлены англичанином. Многие приезжали в Петербург специально, чтобы позировать художнику, другие присылали ранее написанные портреты, которые Доу копировал в крупном формате. С чужих оригиналов написаны также портреты военачальников, погибших во время войны или умерших к этому времени. Для портрета Павла Александровича Строганова (его копия находится в экспозиции Екатеринбургского музея изобразительных искусств) была использована работа французского живописца Жана Лорана Монье.

Осенью 1920 года волна всероссийской национализации коснулась и произведений искусства. Были образованы специальные комиссии, которые занимались сбором художественных произведений из дворцов, родовых поместий, загородных резиденций. В результате в 1922 году образовался всероссийский музейный фонд при Русском музее, Эрмитаже, Третьяковской галерее. А в середине 20-х годов портрет П.А.Строганова был передан из фондов Эрмитажа в Свердловский краеведческий музей. В 1959 году в связи с перераспределением музейных фондов работа попала в Свердловский музей изобразительных искусств. Вместе с портретом Строганова здесь оказались еще несколько портретов работы Доу: князя Иллариона Васильевича Васильчикова — генерал-лейтенанта Ахтырского гусарского полка; Александра Николаевича Бахметьева — пехотного генерал-лейтенанта; князя Александра Дмитриевича Ланского — генерал-майора Белорусского гусарского полка. В той же экспозиции находится портрет Александра I — в мундире лейб-гвардии гусарского полка (копия Дж.Доу работы А.И.Травина).

Глядя на портрет П.А. Строганова, поражаешься

тому, как удивительно схвачено выражение его «энергичного и решительного» лица. Оно подчеркивается цветовым эффектом генеральского мундира и ленты ордена св.Георгия 3-й степени.

Павел Александрович Строганов (1774-1817) — единственный сын графа Александра Сергеевича Строганова, президента Академии художеств.

Граф был женат дважды, но оба брака оказались неудачными: первый — с Анной Михайловной, урожденной графиней Воронцовой расстроила политика; вторая жена его — Екатерина Петровна, урожденная княжна Трубецкая сама разорвала брачные узы. Вернувшись в 1779 году из Парижа, куда супруги отправились вскоре после свадьбы и где у них родился сын Павел, она увлеклась И.Н.Корсаковым и оставила мужа. Воспитание маленького сына граф поручил французскому Ж.Ромму. Он в педагогических целях совершил со своим воспитанником ряд путешествий по России. По возвращении из последнего молодого графа — он с рождения состоял в конной гвардии — перевели поручиком в Преображенский полк с зачислением адъютантом к Потемкину. Это позволило завершить образование за границей, куда он и отправился вместе с Роммом в 1787 году — сначала в Швейцарию, потом — в Париж. Революционная буря, охватившая Париж, вовлекла в водоворот политической жизни не только французского воспитателя, но и его русского воспитанника. Ромм и граф Строганов старались не пропускать заседаний в Версале и даже участвовали в прениях. Строганов, кроме того, вступил в члены основанного Роммом клуба Друзей закона, а также — якобинского клуба.

По настоянию императрицы Екатерины II старик Строганов потребовал от сына оставить Париж. Молодой граф в сопровождении Н.Н.Новосильцева покинул Францию, а по приезде в Россию был сослан императрицей в подмосковное село Братцово, где женился на княжне Софии Владимировне Голицыной и где у него родился сын Александр. В конце царствования Екатерины II он получил возможность переселиться в Петербург. Еще ранее, при Павле, он был пожалован в действительные камергеры.

На великого князя Александра Павловича Строганов произвел сильное впечатление. Скоро между

ними произошло сближение, а в момент воцарения Александра I графу Строганову суждено было «быть первым из друзей Александра, который удостоился слышать мысли о предстоящих преобразованиях». Известно, что графу принадлежит идея знаменитого негласного комитета; известна и его роль в нем как «самого пылкого», деятеля, его решительные высказывания за освобождение крестьян, широкие взгляды на просвещение, работа в «комиссии училищ» и т.д. С учреждением министерств Строганов назначили товарищем министра. Времена, однако, менялись, менялись интересы и взгляды императора, а вместе с ним и лица, пользовавшиеся его особым доверием. В 1803 году в Петербурге вновь появился А.А.Аракчаев, а в декабре того же года негласный комитет прекратил свое существование. Граф Строганов нашел случай оставить пост товарища министра. Правда, он еще не лишился благоволения государя, когда сопровождал его величество в компанию 1805 года и в 1806-м ездил с дипломатическим поручением в Лондон, а через год снова сопровождал императора в походе. Но вскоре доверие государя было обращено на других лиц. И Строганов, бывший товарищ министра, сенатор в чине тайного советника поступил в армию волонтером.

Боевое крещение он получил 24 мая 1807 года, когда атаковал при р.Аллие обозы корпуса маршала Даву.

В 1812 году Строганов — генерал-майор, начальник 1-й гвардейской дивизии в 3-м пехотном корпусе. В день Бородино он героически сражался на Утицком кургане. Произведен в генерал-лейтенанты. Вся его военная служба была рядом выдающихся героических подвигов и блестящим доказательством его способностей: участвовал в русско-шведской войне, затем в звании генерал-адъютанта и командующего дивизией и корпусом — в войнах 1811-1813 годов, был несколько раз ранен, получил ряд крупных наград, до ордена св.Георгия 2-ой степени включительно. Но тяжелая потеря омрачила последние годы его жизни: в битве под Краоном ядром был убит его единственный сын. Назначенный в 1814 году членом Комитета для вспомоществования неимущим увечным воинам, он уже недолго прослужил отечеству: 10 июня 1817 года умер от чахотки в дороге, недалеко от Копенгагена. Тело Строганова было привезено в Петербург и похоронено в Александро-Невской лавре. На его погребении присутствовал император Александр I.

А теперь приглядимся к портрету П.А.Строганова из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств.

Детали портрета говорят о том, что молодой генерал позировал художнику Монье (а именно его работу взял за основу англичанин Доу) примерно в

1808 году: его эполеты несколько необычной формы, встречающиеся у русских генералов сразу после введения этой детали мундира в 1807 году; генеральское шитье — на высоком скошенном воротнике, установленное 18 января 1808 года. Но самое главное — волосы графа слегка напудрены, тогда как уже к 1808 году их пудрили крайне редко. Наконец, обратившись к биографии графа П.А.Строганова, узнаем, что орден св.Георгия III степени, изображенный на портрете (других орденов, кроме Мальтийского креста, нет), он получил, как и чин генерал-майора, 24 мая 1807 года, а в августе и сентябре 1809-го был уже пожалован шпагой «За храбрость» и орденом св.Анны I степени.

Репродукцию этого портрета-первоисточника можно найти в собрании русских исторических портретов, изданном великим князем Николаем Михайловичем. Оригинал хранится в фондах Государственного Русского музея. Автор — Жан Лоран Монье, известный французский художник, работавший с 1802 года в Петербурге и умерший в 1808-м.

Обратимся к портрету П.А.Строганова, что находится в Галерее героев 1812 года. Дж.Доу и его помощники, как мы уже знаем, писали портрет, используя работу М-Л.Монье, причем размеры полотен, принятые для галереи, оказались близки размерам портрета Монье: оригинал работы Монье — 69 x 56,5 см, екатеринбургская копия — 71 x 59 см, полотно в галерее 1812 г. — 70 x 62,5.

Художнику пришлось «состарить» портретируемого, добавить орденов и медалей, «дать» новые генерал-адъютантские эполеты и новый воротник, «обрядить» в однобортный мундир образца 1817 года, который П.А.Строганов, вероятно, не успел даже заказать. Возможно, что помощники Дж.Доу, тщательно скопировали портрет работы Монье по разрешению наследников графа и копию позднее использовали для создания «официального» изображения генерал-адъютанта, героя 1812 года. Копия же позднее попала в фонды Свердловского музея изобразительных искусств.

До нас дошел еще целый ряд портретов Павла Александровича, представляющих его в самые разные моменты жизни:

1) Ж-Б.Грез. Портрет П.А.Строганова в детстве. 1778 г., холст, масло. 50 x 40 Г.Э.;

2) Э.Виже-Лебрен. Портрет П.А.Строганова. Холст, масло (1789 г.?) Местонахождение неизвестно;

3) Ж-Б.Грез. Портрет П.А.Строганова. 1970 г., холст, масло. 56 x 46. Г.Э.;

4) Есть и еще один отличный прижизненный портрет П.А.Строганова — это гравюра Ф.Вендрамини по рисунку Л.Сент-Обена. 1813 г.

Слайд на 4-й странице обложки

Геннадий Тимофеев. Древний театр вогулов.

Геннадий Тимофеев. Медвежий праздник.

Слайды Александра Валова.

Очерк Геннадия ТИМОФЕЕВА «Медвежий праздник» читайте на стр. 21

**Дж. Доу (предположительно).
Портрет П.А. Строганова.
Екатеринбургский музей изобразительных искусств.**

Статью Артура ШАЙХАНОВА читайте на стр. 159.

Слайд Николая ПЕРЕВЫШИНА.